

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Российская ИСТОРИЯ

В номере:

МНЕНИЕ ИСТОРИКА:
ИЗ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ГРАЖДАНСКУЮ

*Англичане и китайцы
на окраинах России:
между белыми и красными*

Церковные земли на Русском Севере

Церковь и советская власть

*Московский патриархат и поместные церкви
в послевоенные годы*

Мещера в XIV—XVII вв.

*60 лет Симпозиуму
по аграрной истории Восточной Европы*

Памяти И.Д. Ковальченко

Основан
в марте
1957 года

Выходит
6 раз
в год

МОСКВА
ГАУН-ПРЕСС

1

январь
февраль
2019

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Р.Г. Пихоя

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

**А.Н. Артизов, В.Ю. Афиани, Б.В. Базаров, Т.М. Горяева,
Д. Дальманн, М. Дэвид-Фокс, А.Е. Иванов, С.П. Карпов, С.М. Каштанов,
В.В. Кондрашин, Д. Ливен, А.К. Левыкин, С.В. Мироненко,
К.В. Никифоров, Ю.С. Пивоваров, Д. Свак, А.К. Сорокин, В.А. Тишков,
Е.А. Тюрина, С.В. Тютюкин, У. Эньюань, В.С. Христофоров**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**О.Г. Агеева, А. Блюм, О.В. Будницкий, В.П. Булдаков, М.Г. Вандалковская,
П.Г. Гайдуков, А.В. Голубев, И. Граля, В. Дённингхаус, Е.В. Добычина,
С.В. Журавлёв, В.Н. Захаров, В.В. Зверев, Е.Ю. Зубкова, В. Зубок, Б.И. Колоницкий,
М. Крамер, В.А. Кучкин, Д.В. Лисейцев (*зам. главного редактора*), Е.А. Мельникова,
Л.В. Мельникова, А.В. Мамонов (*зам. главного редактора*), Д.Б. Петров, Ю.А. Петров,
Е.И. Пивовар, Д.А. Редин, Н.М. Рогожин, В.В. Трепавлов, В.В. Шелохаев,
П.Ю. Уваров, О.В. Хлевнюк, И.А. Христофоров, А.В. Юрасов**

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

М.А. Новикова

Адрес редакции

117036, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. Тел.: 8-499 723-69-10; 8-499 723-69-41
Электронная почта: otech_ist@mail.ru; otech_ist1@mail.ru

На обложке: К.С. Петров-Водкин. После боя (1923)

© Российская академия наук, 2019

© ООО «Интеграция: Образование и Наука», 2019

© Редколлегия журнала «Российская история» (составитель), 2019

От мировой войны к гражданским войнам (1917? — 1922?)

Борис Колоницкий

From the First World War to Civil Wars (1917? — 1922?)

*Boris Kolonitskii (European University at Saint Petersburg;
Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences)*

DOI: 10.31857/S086956870004216-8

Столетия различных событий российской Гражданской войны заставляют вновь вспоминать трагедии той поры. Юбилей становится важным информационным поводом, а это предоставляет историкам особую возможность поделиться результатами своих изысканий с широкой аудиторией.

История гражданских войн в начале XXI в.

После завершения холодной войны многие исследователи, представляющие разные дисциплины, обратились к изучению гражданских войн. В результате были созданы специализированные научные центры¹. Интерес современных учёных к этой теме оправдан: если с 1648 по 1945 г. войны велись преимущественно между государствами, то затем стали количественно преобладать гражданские войны. Эта тенденция усилилась после 1989 г.: лишь 5% войн последних десятилетий были вооружёнными конфликтами первого типа. Гражданские же войны и в начале XXI в. с трудом поддаются учёту. Достаточно упомянуть Афганистан, Ирак, Йемен, Ливию, Сирию, Сомали, Южный Судан. Такой список нельзя назвать полным или точным: множество конфликтов одни исследователи считают гражданскими войнами, другие это отрицают. В целом, в настоящее время нет единого определения гражданской войны. Это проявилось и в описаниях вооружённых конфликтов: одни авторы полагали, что династические, религиозные, антиколониальные войны и крупные этнические конфликты можно считать гражданскими войнами, а другие с этим суждением не соглашались. Да и участники конфликтов в разных ситуациях с различной степенью готовности применяли и применяют данный термин, ибо это влечёт политические, юридические и экономические последствия, которые могут не быть выгодны какой-либо из противоборствующих сторон. По оценке исследователей, в 2015 г. одновременно шло более 40 гражданских войн² (иногда называются другие цифры). Сами же дискуссии об определениях и принципах классификации вооружённых конфликтов свидетельствуют о востребованности их изучения.

© 2019 г. Б.И. Колоницкий

¹ Например, центр по изучению гражданских войн при Институте исследования проблем мира в Осло (URL: <https://www.prio.org/Programmes/Extensions/Centre-for-the-Study-of-Civil-War/About/>).

² *Armitage D. Civil Wars: A History in Ideas. N.Y., 2017. P. 9, 11, 12.*

Гражданские войны воспринимаются ныне как глобальный вызов, являясь источником политической, социальной и экономической дестабилизации в различных регионах³. Подобные конфликты создают условия для международного терроризма, способствуют распространению наркотиков и эпидемий, порождают гуманитарные катастрофы и потоки беженцев. Между тем попытки одних государств влиять на ход гражданских войн в других странах — приводят лишь к их эскалации.

История российской Гражданской войны, изобилующей многочисленными сложными конфликтами, представляет в такой ситуации интерес не только для отечественных учёных. Глобальные вызовы начала XXI в. ставят и перед исследователями гражданских войн прошлого новые вопросы. В 1920—1930-х гг. некоторые профессиональные военные, выступавшие в роли историков, считали Гражданскую войну исключением из правил, не представлявшей интерес для военного искусства. Такой подход — при всей разнице политических оценок авторов — мог объединять и военных специалистов, служивших в Красной армии, и историков, работавших в эмиграции⁴. Для исследователей же современных «гибридных войн», весьма отличающихся от войн «обычных», Гражданская война приобретает особый интерес, а её изучение имеет очевидное практическое значение.

К тому же мы становимся свидетелями того, что память о гражданских войнах порой оформляет современные политические конфликты, а иногда и провоцирует их. Так, уничтожение памятников конфедератам в различных американских городах в 2017 г. стало проявлением политических противоречий в США⁵. В 2018 г. испанское правительство приняло решение о выносе останков генерала Ф. Франко из мемориального комплекса, созданного ещё во времена его диктатуры для увековечивания памяти о гражданской войне в Испании. Оппозиционные же партии решительно отвергают этот план⁶. Финляндия казалась образцом преодоления прошлого путём тщательной проработки памяти о гражданской войне 1918 г. Исследователи полагали, что в этой стране был достигнут общенациональный консенсус в понимании прошлого⁷. Однако 100-летний юбилей финляндской гражданской войны продемонстрировал, что эта память до сих пор может провоцировать общественные конфликты⁸.

Сложность отношения к гражданским войнам проявляется в научных исследованиях и образовательных программах. Порой даже термин «гражданская

³ Неудивительно, что в прошлом году специальный выпуск известного академического журнала был посвящён современным гражданским войнам: *Dædalus: Journal of the American Academy of Arts and Sciences*. 2017 (Fall). Vol. 146. № 4.

⁴ *Поликарнов В.Д.* Начальный этап гражданской войны (История изучения). М., 1980. С. 274—275.

⁵ Для людей, знакомых с политикой памяти в США, такое развитие событий не стало большой неожиданностью. Существует обширная литература о войне Севера и Юга. Особенно следует выделить исследование Д. Блайта: *Blight D.* *Race and Reunion: the Civil War in American memory*. Cambridge (Mass.), 2001. См. также журналистское расследование темы: *Horwitz T.* *Confederates in the Attic*. N.Y., 1999.

⁶ О гражданской войне в Испании см.: *Augilar P.* *Memory and Amnesia: The Role of the Spanish Civil War in the Transition to Democracy*. N.Y.; Oxford, 2002 (испанское издание — 1996 г.).

⁷ *Peltonen U.-M.* *Muistin Paikat: Vuoden 1918 sisällissodan muistamisesta ja unohtamisesta*. Helsinki, 2003 (книга содержит краткий её реферат на английском языке).

⁸ В 2017 г. острую дискуссию вызвал проект выпуска юбилейной монеты, на которой предполагалось изобразить сцену расстрела белыми участниками финской гражданской войны их противников — красных. В итоге заказ на выпуск монет был отменён (URL: <https://ria.ru/world/20170426/1493179566.html>).

война», отвергавшийся некоторыми участниками конфликта, оспаривался и оспаривается современными учёными, преподавателями, политиками. Например, в некоторых штатах США в школьных учебниках можно встретить термин «война между штатами» при описании гражданской войны между Севером и Югом. В Финляндии же до Второй мировой войны гражданская война официально именовалась войной «освободительной», войной за достижение полной независимости от России: красные, потерпевшие поражение в этом конфликте, считались пророссийской силой. Такая интерпретация рассматриваемого понятия в настоящее время не является единственной и доминирующей (ныне войну официально называют «междоусобной», «внутренней»), но она существует.

В современной России употребление термина «гражданская война» не вызывает острых споров, хотя некоторые исследователи предпочитают говорить о «смуте», «второй смуте» или «красной смуте»⁹. В то же время тема остаётся «горячей», что проявляется не только в общественных дискуссиях по поводу установления и сохранения памятников и памятных исторических знаков деятелям Гражданской войны. С какими-то её военно-политическими силами и по сей день отождествляют себя многие профессиональные исследователи, т.е. история того времени по-прежнему остаётся «партийной». В ещё большей степени это относится к энтузиастам, изучающим проблему в свободное от основной работы время. Они порой немало способствуют выявлению интересных фактов, касающихся биографий видных деятелей, истории отдельных войсковых частей, различных территорий. Часть этих авторов связана с военно-историческими клубами, увлечена героикой Гражданской войны¹⁰. Наличие большого числа таких знатоков прошлого, готовых тратить свободное время на изучение «своих» героев, свидетельствует о том, что тема не является «холодной», чисто академической. Нельзя исключать и возможность её политической актуализации. Профессиональные историки должны со своей стороны быть готовы к этой ситуации, чтобы ограничить манипулирование социальными представлениями о прошлом.

«Простые» вопросы

Когда началась российская Гражданская война, в каком году закончилась? Эти вопросы кажутся простыми, школьными, что на самом деле обманчиво — вряд ли по ним, тесно связанным с другими проблемами, в ближайшее время среди профессиональных историков будет достигнут консенсус. Так, вопрос о дате начала войны связан с определением её причин и/или выявлению сил, ответственных за неё. Дискуссии же о времени окончания Гражданской войны переплетаются со спорами о причинах побед и поражений противоборствовавших сторон. Споры о её хронологических рамках отражают разные подходы к выявлению сущности данного явления или/и выражают отношение авторов к разным участникам этого конфликта.

Никакой ответ на подобный «простой» вопрос не будет окончательным, ведь даже в отношении временных рамок «обычных» войн ведутся бесконеч-

⁹ Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 1997; изд. 2. М., 2010; Карпенко С.В. Белые генералы и красная смута. М., 2009; Красная смута: Сборник исторических литературных произведений / Сост. и науч. ред. Р.Г. Гагкуев. М., 2011.

¹⁰ Цветков В.Ж. Новые источники и историографические подходы в изучении Белого движения в России // Гражданская война на Востоке России: Новые подходы, открытия, находки: Материалы научной конференции в Челябинске, 19—20 апреля 2002 г. М., 2003. С. 13.

ные споры. Дни официального объявления войны и подписания перемирия, даже время капитуляции не всегда точно обозначают конечные даты конфликта. Например, Первая мировая война завершилась официально в ноябре 1918 г., но, как полагали многие современники (в том числе участники российской Гражданской войны), она не прекратилась, а лишь изменила свой характер¹¹. Ещё сложнее говорить о начале и особенно, как справедливо заметил В.П. Булдаков, о завершении Гражданской войны: «Революции и гражданские войны не кончаются тем моментом, когда один из противников оказывается повержен. Последнюю точку в описании революции стоит поставить лишь тогда, когда произойдёт подобие реставрации, под покровом которой стабилизируются взаимоотношения социумов и власти между собой»¹².

Современная историография продолжает испытывать на себе воздействие трудов участников Гражданской войны, в которых исследования переплетались с воспоминаниями (А.И. Деникина и Л.Д. Троцкого, например, сейчас цитируют, пожалуй, чаще, чем работы современных историков). Велико и влияние советской историографической традиции, в некоторых случаях это откровенно признаётся, иногда же такое влияние является имплицитным, не отрефлексированным; меняется знак оценки, но структура повествования нередко остаётся той же. Неудивительно, что некоторые авторы и в настоящее время связывают начало Гражданской войны в первую очередь с иностранной интервенцией, считая позицию большинства советских историков более обоснованной, чем суждения исследователей, пытающихся её опровергнуть¹³.

Историография советского периода опиралась — достаточно селективно — на большевистские программные, аналитические и пропагандистские тексты эпохи Гражданской войны. При всём различии взглядов (к тому же менявшихся со временем) внутри самой большевистской партии относительно войны всё же несколько идей оставались постоянными. Большевики, а вслед за ними и советские историки, опирались на марксистскую теорию, которая рассматривала Гражданскую войну в качестве высшей формы классовой борьбы. К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Мы прослеживаем более или менее прикрытую гражданскую войну внутри существующего общества вплоть до того пункта, когда она превращается в открытую революцию, и пролетариат основывает своё господство посредством насильственного ниспровержения буржуазии»¹⁴. В такой марксистской интерпретации Гражданская война «нормализовалась», став повседневным явлением общества неравенства.

В.И. Ленин тоже подчёркивал: «Гражданская война есть наиболее острая форма классовой борьбы, когда ряд столкновений и битв экономических и политических, повторяясь, накапливаясь, расширяясь, заостряясь, доходит до превращения этих столкновений в борьбу с оружием в руках одного класса против другого класса»¹⁵. Осенью 1917 г. Ленин с презрением писал о своих политических противниках, боившихся такой войны. По мнению лидера боль-

¹¹ П.Б. Струве, например, осенью 1919 г. писал о продолжении мировой войны, её трансформации (*Kotkin S. Stalin. Vol. 1. N.Y., 2014. P. 289*).

¹² Булдаков В.П. Красная смута... С. 257.

¹³ См.: Калашников В.В. Иностранная интервенция как фактор гражданской войны в России // Межвузовская научная конференция «Гражданская война в России: Проблемы истории и историографии», 29 ноября 2013 г. Сборник докладов. СПб., 2014. С. 43—56.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т. 4. М., 1955. С. 435.

¹⁵ Ленин В.И. ПСС. Т. 34. М., 1969. С. 215.

шевиков, «революция есть самая острая, бешеная, отчаянная классовая борьба и гражданская война. Ни одна великая революция в истории не обходилась без гражданской войны»¹⁶. Такой взгляд, разделяемый многими сторонниками Ленина, позволял им культурно, психологически, интеллектуально, политически готовиться к Гражданской войне: они ощущали себя её участниками уже после свержения монархии. Вместе с тем сознание такого рода становилось и важным фактором, подталкивавшим страну к гражданскому противостоянию¹⁷.

Впрочем, П.Б. Струве в 1918 г. также признавал, что «внешняя война объединяет людей, принадлежащих к одному и тому же народу; гражданская война, являющаяся лишь обострённым выражением классовой борьбы, их разъединяет. Внешняя война ограничена во времени, она должна так или иначе иметь окончание; гражданская война в той или иной форме мыслится как нечто постоянное или, по крайней мере, длительное»¹⁸.

Как классовый конфликт оценивали Гражданскую войну и многие умеренные социалисты. Автор главной газеты партии социалистов-революционеров, самой крупной политической партии того времени, писал в начале сентября 1917 г.: «Временное правительство, как и всякое другое правительство, есть равнодействующая общественных сил государства, есть результат борьбы классов. Но эта борьба происходит на революционной арене, т.е. между классами, переживающими каждый огромные, почти вулканические перевороты в своём социально-политическом мирозерцании, слагающимися в самом процессе борьбы и разрешающими, точнее, склонными разрешить свои конфликты гражданской войною, с оружием в руках»¹⁹.

Такое понимание Гражданской войны объединяло и большевиков, и некоторых их противников, что накладывало серьёзный отпечаток на ход конфликтов той поры. «Язык класса» в то время использовался для описания национальных проектов, этнических и даже религиозных конфликтов (показательно использование ярлыков «церковная буржуазия» и «церковный пролетариат»), борьбы за власть между представителями разных поколений и сословий. Далеко не всегда классовый подход способствовал выработке успешных — с точки зрения самих большевиков — политических решений. Но в условиях широкого распространения «антибуржуйских» настроений (чему способствовали не только большевики) и культурной гегемонии социалистов описание и классификация общественных групп с помощью «языка класса» способствовали конструированию новой социальной реальности²⁰.

Гражданская война также мыслилась большевиками не только как социальное противостояние на территории одного государства, но и как глобальный классовый конфликт. Мировую революцию Ленин рассматривал в качестве средства преодоления мировой войны, которую следовало превратить в гражданскую, в комплекс войн такого рода, охватывавших все воевавшие государства. Соответственно, провоцирование революций и гражданских войн в

¹⁶ Там же. С. 321.

¹⁷ В этой связи стоит отметить, что граница между революцией и гражданской войной нередко действительно является зыбкой. Например, современники и некоторые историки описывали Английскую революцию XVII в. и Американскую революцию XVIII в. как гражданские войны.

¹⁸ Струве П.Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1990. С. 247.

¹⁹ Дело народа (Петроград). 1917. 6 сентября.

²⁰ См.: Колоницкий Б. Культурная гегемония социалистов в Российской революции 1917 года // Неприкосновенный запас. 2017. № 6(116). С. 72–87.

других странах, в том числе и с помощью «революционных войн», рассматривалась как важнейшая задача большевистского руководства.

Другим проявлением глобального характера гражданского противостояния в России была интервенция, осуществлённая различными государствами. Вопрос о времени её начала тоже является дискуссионным. Следует отметить, что редкие революции и гражданские войны обходятся без интервенций разного рода. Вопрос об их взаимосвязи, о праве государств на интервенцию рассматривался политическими философами, юристами и историками по крайней мере с XVIII в.²¹ Но не только теоретические работы по истории революций и гражданских войн прошлого, но и очевидные реалии Первой мировой позволяли политикам с уверенностью предвидеть, что в ходе революции иностранная интервенция в той или иной форме будет неизбежна (великие державы немало сделали для «революционизирования» своих противников).

И враги большевиков с самого начала Гражданской войны говорили об иностранной интервенции, имея в виду Германию и её союзников, нередко называя их «германо-большевистскими силами». Разумеется, такая формулировка несла и пропагандистскую нагрузку, однако, похоже, некоторые белые политики и военные искренне верили, что поражение Германии в Первой мировой войне автоматически приведёт к краху большевиков, и очень удивились, когда этого не произошло.

И для большевиков политически выгодным было подчёркивать значение иностранной интервенции в развязывании Гражданской войны — это позволяло им порой использовать в своих целях и ресурс патриотической мобилизации. Именно такие темы, содержащиеся в разнообразных большевистских текстах 1918—1922 гг., особенно активно использовались впоследствии советской историографией, в то время как экспорту революции как фактору Гражданской войны со временем стали уделять меньше внимания. По этому поводу учёные и пропагандисты охотно цитировали Ленина: «Всемирный империализм... вызвал у нас, в сущности говоря, гражданскую войну и виновен в её затягивании»²². При таком подходе уже не заострялось внимание на приводившихся выше высказываниях лидера большевиков о взаимосвязи классовой борьбы, революции, Гражданской войны и мировой революции.

В «Кратком курсе» ВКП(б), влияние которого испытывали и испытывают сейчас многие авторы, утверждалось, что Гражданская война началась в результате объединённых действий «иностраных империалистов Антанты» и «контрреволюции внутри России»: «Империалисты Англии, Франции, Японии, Америки начали военную интервенцию без объявления войны, хотя интервенция была войной против России, причём войной худшего типа. Тайно, воровским образом, подкрались эти “цивилизованные” разбойники и высадили свои войска на территории России»²³. Гражданское противостояние в такой интерпретации стало прежде всего следствием интервенции, в этой версии истории оно являлось народной патриотической войной против внешнего врага, «против иностранной интервенции и её белогвардейских прислужников»²⁴. Подобный

²¹ Особое значение имел труд Эмера де Ваттеля (1758), повлиявший, например, на лидеров Американской революции. См.: *Ваттель Э. де. Право народов или Принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов.* М., 1960.

²² Ленин В.И. ПСС. Т. 39. М., 1970. С. 343.

²³ История Всесоюзной Коммунистической партии (большевики). Краткий курс. М., 1946. С. 217, 218.

²⁴ Там же. С. 224.

подход влиял и на определение хронологических рамок конфликта: «Провалом польских великодержавных планов и разгромом Врангеля заканчивается период интервенции»²⁵.

В последующие десятилетия существования СССР советские исследователи смягчили жёсткие и прямолинейные оценки «Краткого курса...», но многие важные конструкции исторического повествования сохранились. Показателен заголовок соответствующей статьи в «Советской исторической энциклопедии»: «Иностранная военная интервенция и гражданская война в СССР, 1918—1920». Именно интервенции и во время «оттепели» уделялось первенствующее значение²⁶.

И не только советские историки считали, что Гражданская война закончилась в 1920 г. «Простой» вопрос о её хронологических рамках был связан с общей концепцией этого конфликта. Его важнейшим элементом являлась «империалистическая интервенция», поэтому Советско-польская война, другие конфликты Советской России с различными государствами, пользовавшимися поддержкой Антанты, стали описываться как часть единой Гражданской войны.

Гражданская война или гражданские войны?

Повод вновь задать «простые» вопросы по теме даёт книга британского исследователя Дж.Д. Смилла: «“Российские” гражданские войны, 1916—1926: Десять лет, которые потрясли мир»²⁷. Почему автор избрал такие даты и пишет не об одной войне, а о войнах? Отчего слово «российские» заключено в кавычки?

Провокационное название вызывает сильное желание немедленно возразить автору, начать спорить с ним, даже не ознакомившись с содержанием книги. Между тем профессор Смилл вовсе не имеет репутацию историка, который намеренно дразнит коллег, чтобы насладиться самим эффектом своей интеллектуальной провокации. Смилл известен как автор обстоятельного исследования по истории Сибири в годы Гражданской войны²⁸. Немалую ценность представляют также подготовленные им по названной теме библио- и биографические издания²⁹. В последней его книге мало общих рассуждений (о чём можно сожалеть), а много фактов, причём автор опирается и на собственные изыскания, основанные на работе с источниками, и на множество исследований своих коллег.

В книге Смилла есть отдельные неточности, несогласия вызывают и некоторые его промежуточные выводы, не все умозаключения автора в равной степени убедительны, а отказ от определения ряда важных для повествования понятий является серьёзным недостатком издания. Однако дать подробный

²⁵ Там же. С. 232. В некоторых более ранних советских работах война с Польшей рассматривалась как особый конфликт, который не включали в Гражданскую войну.

²⁶ См.: Советская историческая энциклопедия. Т. 6. М., 1965. Стб. 45—95. О корректировке описания Гражданской войны в советской историографии свидетельствуют заголовки других справочников: Гражданская война и военная интервенция в России, 1918—1920 // Советская военная энциклопедия. Т. 3. М., 1977. Стб. 7—22; Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1983.

²⁷ *Smele J.D. The «Russian» Civil Wars, 1916—1926: Ten Years that Shook the World.* L.; N.Y., 2016.

²⁸ *Smele J.D. Civil War in Siberia: The Anti-Bolshevik Government of Admiral Kolchak, 1918—1920.* Cambridge; N.Y., 1997.

²⁹ *The Russian Revolution and Civil War, 1917—1921: An Annotated Bibliography / Comp., ed. and annot. J.D. Smele. L., N.Y., 2003; Historical Dictionary of the «Russian» Civil Wars, 1916—1926 / Comp. J.D. Smele. Vol. 1—2. Lanham (Maryland), 2015.*

разбор книги Смилы³⁰, уделив внимание частным критическим замечаниям, не позволяет объём данной статьи, поэтому в ней будут рассмотрены лишь некоторые идеи автора.

Название труда Смилы перекликается с наименованием известной книги Дж. Рида, и в этом проявляется позиция автора: по его мнению, именно длительная Гражданская война в большей степени, чем собственно события Октября 1917 г., повлияла на ход мировой истории.

Смил предпочёл рассуждать не о «начале», а о «началах» гражданских войн, не о её одновременном «окончании», а об «окончаниях», которые не всегда были следствием побед красных. Речь идёт о переплетении войн разного типа, с разнообразным набором участников, имевших разную логику развития, различную периодизацию. Это переводит дискуссию о хронологических рамках и сущности Гражданской войны в иную плоскость.

Смил указал, что термин «гражданские войны» использовали применительно к России и другие англоязычные авторы³¹. Для российской историографии идея нескольких гражданских войн, происходивших одновременно, также не нова. Т.В. Осипова, например, писала о «двух фронтах» Гражданской войны: «Крестьянство вместе с рабочим классом боролось против реставрации власти помещиков и буржуазии. В то же время шла борьба Советского государства с крестьянством, его колебаниями, непониманием им социалистических задач. Одновременно это была и борьба с государством крестьянства, ни на одном этапе не принявшем навязываемую ему коммунистическую доктрину и насильственные методы её осуществления»³². И другие авторы писали об особой гражданской войне, которую вело крестьянство³³. В некоторых отношениях такой подход продолжает и традицию описания российской Гражданской войны как классового, социального конфликта.

О происходивших одновременно разных гражданских войнах напоминали и другие исследователи, хотя они уделяли больше внимания не борьбе социальных сил, а конфликтам политических проектов, сопровождавшихся вооружённой борьбой. Л.Г. Прайсман, к примеру, утверждал, что переворот Колчака в ноябре 1918 г. спровоцировал гражданскую войну в антибольшевистском лагере, что способствовало в конце концов победе большевиков³⁴. Взгляды этого автора на возможности «третьей силы» играть самостоятельную роль в граж-

³⁰ См. рецензии на книгу Дж.Д. Смилы: *Голдин В.И.* Новейшие зарубежные исследования о войне начала XX века в России // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 5. С. 128–133 (URL: [https://cyberleninka.ru/article/v/noveyshie-zarubezhnye-issledovaniya-o-grazhdanskoj-voyne-nachala-hh-veka-v-rossii](https://cyberleninka.ru/article/v/noveyshie-zarubezhnye-issledovaniya-o-grazhdanskoj-vojne-nachala-hh-veka-v-rossii)); *Голдин В.И.* Дж.Д. Смил. «Российские» гражданские войны, 1916–1926 // Вопросы истории. 2016. № 12. С. 165–169, а также рецензии И. Саблина, Э. Кронера, Н. Ковалёва, А. Шмелёва, Э. Лора, А. Ретиша, Ф. Кинга, Ф. Шнелля (*Ab Imperio*. 2017. № 1. P. 402–406; *Revolutionary Russia*. 2017. Vol. 30. № 1. P. 142–145; *Europe-Asia Studies*. 2017. Vol. 69. Issue 3. P. 533–535; *Russian Review*. 2016. Vol. 75. № 4. P. 713–714; *Journal of Military History*; *Slavic review*. 2017. Vol. 76. № 4. P. 1123–1124); *American Historical Review*. 2017. Vol. 122. Issue 3. P. 955; *European History Quarterly*. 2017. Vol. 47. Issue 1. P. 184–185.

³¹ См.: *The Bolsheviks in Russian Society: The Revolution and the Civil Wars* / Ed. V.N. Brovkin. New Haven, 1997.

³² *Осипова Т.В.* Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001. С. 343.

³³ См., например: *Кондрашин В.В.* Крестьянское движение в Поволжье в 1918–1922 гг. М., 2001.

³⁴ *Прайсман Л.Г.* Третий путь в Гражданской войне: Демократическая революция 1918 года на Волге. СПб., 2015. С. 471.

данском противостоянии в России были подвергнуты критике³⁵. Однако вряд ли можно спорить о том, что действия сторонников «третьего пути» влияли на ход многочисленных конфликтов Гражданской войны.

В.И. Голдин указал, что на пространстве бывшей Российской империи в 1918 г. «вызрел, а затем получил развитие комплекс войн и противоборств, которые в дальнейшем разрастались, создавая во многом уникальный феномен российской Гражданской войны». Исследователь выделил противостояние большевиков и антибольшевистских режимов (красных и белых), войны государственных образований и «общества», противоборство центробежных и центростремительных сил, серию национальных войн, вооружённую интервенцию, военные действия, способствовавшие распространению мировой революции, повстанческое, главным образом крестьянское движение. Автор определил несколько типов «противоборств», отметив, что «подход к осмыслению происходившего как серии региональных войн представляется плодотворным»³⁶. Такой взгляд близок к идеям Смита, акцентировавшего внимание на особенностях Гражданской войны в разных российских регионах.

«Круглый стол», организованный в 2018 г. редакцией «Петербургского исторического журнала», также был посвящён Гражданской войне и гражданским войнам в различных краях бывшей империи. На замысел этого проекта, естественно, повлияла книга Смита³⁷.

Одним из важных «начал» гражданских войн британский исследователь считал восстание в Средней Азии и Казахстане в 1916 г., вызванное мобилизацией местного мусульманского населения на тыловые работы. Он не настаивал на такой датировке начала «большой» гражданской войны, хотя и показывал, опираясь на исследования историков, что трагедия того года в дальнейшем во многом определила расстановку сил в регионе. Восстание сопровождалось этническими конфликтами, в ходе которых погибли тысячи русских крестьян и казаков, женщин и детей. При подавлении же восстания (в нём наряду с регулярными войсками участвовали дружины русских поселенцев) погибли тысячи киргизов и казахов, сотни тысяч вынуждены были бежать в Китай, а точное число жертв вряд ли можно установить. После падения монархии в 1917 г. новые конфликты в Средней Азии оказались неизбежны, хотя линии противоборства и их идеологическое оформление могли бы быть иными, но масштабное силовое противостояние в регионе наверняка произошло бы, даже если бы «большой» гражданской войны в центре империи удалось избежать. Амнистия Временного правительства позволила беглецам вернуться на свои земли, между тем их имущество уже имело других владельцев, которые не желали выпускать его из рук. Русские крестьяне и казаки были вооружены и имели опыт боевого взаимодействия с солдатами местных гарнизонов. Демократические же выборы в местные органы власти, проведённые в результате Февральской революции на основе всеобщего избирательного права, давали большинство представителям местного мусульманского населения, а некоторые бывшие повстанцы стали руководителями милиции. Всё это беспокоило меньшинство — европей-

³⁵ Ганин А.В. Семь «почему» российской Гражданской войны. М., 2018. С. 219—250.

³⁶ Голдин В.И. 1917 год и Гражданская война в России: Осмысление спустя столетие // Личность, общество и власть в истории России. Сборник научных статей, посвящённый 70-летию доктора исторических наук профессора В.И. Шишкина. Новосибирск, 2018. С. 255—257.

³⁷ Тарасов К.А. Гражданские войны на постимперском пространстве. Круглый стол «Петербургского исторического журнала» // Петербургский исторический журнал: Исследования по российской и всеобщей истории. 2018. № 3(19). С. 167—170.

ских жителей края. Гражданская война здесь, по мнению Смилла, стала самой затяжной из российских гражданских войн и отличалась от противостояния в других регионах страны.

Первая серьёзная попытка бросить вызов власти Временного правительства в Ташкенте была ещё в сентябре. Недостаток продовольствия существенно обострил политические, социальные и этнические противоречия, власть захватил комитет, который представлял активистов местного гарнизона и русских рабочих. Войска, посланные в край, смогли восстановить власть правительства, однако у них не было достаточно сил, чтобы разоружить солдат гарнизона — опору местных радикализовавшихся Советов и комитетов. Впоследствии установление власти Советов в Туркестане осуществлялось без «твёрдого большевистского руководства»: большевистская организация в Ташкенте была создана лишь в 1918 г., и в её состав вошли радикально настроенные активисты разного толка, ранее выступавшие против Временного правительства. На первом этапе власть принадлежала русским социалистам. Лозунг «Вся власть Советам» в Туркестане фактически означал полновластие русских Советов, а лозунг «Земля крестьянам» воспринимался как требование именно русских крестьян. Неудивительно, что хорошо информированный участник событий видный большевик Г.И. Сафаров именовал Гражданскую войну в Туркестане «колониальной революцией»³⁸. Данную работу ныне нередко вспоминают современные исследователи. Однако это определение нельзя принять целиком: друг с другом боролись и разные группы «колонизаторов» и «туземцев». После того как белые овладели Оренбургом, красный Туркестан оказался отрезан от территории, контролирувавшейся большевистской Москвой. Однако местные радикальные социалисты смогли сохранить власть, сочетая необычайно жестокое подавление противника с политическим лавированием. Вчерашние враги нередко становились новыми союзниками (часто временными), а бывшие друзья превращались в опасных врагов. Противниками красного Ташкента в этой ситуации были не только белые, но и местные повстанцы из числа мусульман (в особенности после жестокого подавления Кокандской автономии), и казаки, а с какого-то времени и русские крестьяне, выступавшие против реквизиций продовольствия большевиками³⁹.

Последнюю главу книги Смилл посвятил «окончаниям» гражданских войн. Она охватывает период 1921—1926 гг. В этом отношении автор расходится с большинством историков, хотя и у других исследователей нет единства в определении времени завершения Гражданской войны: одни называют ноябрь 1920 г., другие — март 1921 г., третьи — октябрь 1922 г., когда белые и интервенты покинули Владивосток. Такие же события, как бои в Якутии в 1923 г. и восстание в Грузии в 1924 г., чаще всего связывают уже с «мирным» периодом в истории СССР.

Смилл полагал, что противопоставление Гражданской войны и «мирного» нэпа не вполне корректно: после 1921 г. Ленин и другие члены большевистского руководства продолжали ощущать себя вовлечёнными в различные войны. Во всяком случае, считал автор, эта война продолжалась и после решений

³⁸ Сафаров Г.И. Колониальная революция: (Опыт Туркестана). М., 1921.

³⁹ О гражданской войне в Средней Азии см., например: Буттино М. «Революция наоборот»: Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР. М., 2007. См. также: Буттино М. Central Asia (1916—20) // The Empire and Nationalism at War / Ed. E. Lohr, V. Tolz, A. Semyonov, M. von Hagen. Bloomington (Indiana), 2014. P. 109—135.

Х партийного съезда большевиков⁴⁰. К тому же для коммунистов концепция Гражданской войны (гражданских войн) тесно переплеталась с идеей мировой революции. Вплоть до 1924 г. возможность революций в европейских странах представлялась реальной не только коммунистам. Смил предложил 1926 г. в качестве важной даты окончания одной из гражданских войн на территории бывшей империи: Туркестанский фронт, последний фронт Гражданской войны, тогда был преобразован в Среднеазиатский военный округ. Это не означало, что боевые действия в этом регионе завершились, они переходили в иное качество⁴¹. Таким образом, война здесь, с точки зрения британского историка, являлась самой продолжительной из гражданских войн на пространстве бывшей Российской империи.

Смил уделил гораздо больше внимания фактам, чем общим рассуждениям, но структура его книги и выбор сюжетов позволяют описать концепцию автора. Большую гражданскую войну он видит как комплекс различных войн: гражданские войны, этнические и социальные конфликты, войны за независимость и др. Гражданские войны историк не сводит к противостоянию красных и белых, или красных, белых и «зелёных», или красных, белых и сторонников «третьего пути». По его мнению, войны представляют собой множество конфликтов, протекавших не только на территории бывшей империи, но и за её пределами — в Чехословакии, Румынии, Турции, Персии, Китае (Синьцзян), Монголии, Маньчжурии. Гражданскую войну в Финляндии, разнообразные конфликты, в которых участвовала получившая независимость Польша (бои с украинцами, литовцами, немцами, чехами) также, считает автор, нельзя представить без воздействия российских гражданских войн. Кроме того, Смил назвал армяно-азербайджанскую, грузино-армянскую войны, грузино-осетинский конфликт и др.⁴² По словам исследователя, нередко этнические, религиозные, сословные, региональные конфликты вписывались в противостояние белых, красных и социалистов, пытавшихся играть роль «третьей силы». Последняя в разных случаях приобретала различный характер: противоборствовавшие стороны в регионах искали сильных союзников, описывая свои цели с помощью их риторики и символики. Идеология основных сил, претендовавших на контроль над большей частью бывшей империи, с большей или меньшей степенью искренности и умения часто использовалась провинциальными политиками и местными полевыми командирами, которые, впрочем, могли менять свои позиции.

Это указывает ещё на одну особенность подхода Смила: ему было важно имперское измерение конфликта. Он описал переплетавшиеся войны на всём постимперском пространстве, точнее, даже на пространствах нескольких империй, и, как видим, рассматривая процессы Гражданской войны, преодолел рубеж 1917 г.

Не все исследователи согласятся с тем, что перечисленные британским историком вооружённые конфликты можно назвать гражданскими войнами. Но, во-первых, общепризнанное определение гражданской войны отсутствует. Во-вторых, некоторые конфликты такого рода могут быть названы гражданскими войнами, даже если будут использованы весьма узкие определения этого термина, другие — содержать иные характеристики. Например, В.Ф. Солдатенко отметил, что «гражданская война в Украине являлась неотъемлемой частью

⁴⁰ *Smele J.D.* The «Russian» Civil Wars... P. 8, 212.

⁴¹ *Ibid.* P. 234.

⁴² *Ibid.* P. 36.

общероссийских процессов»⁴³. Исследователь написал об особой гражданской войне (которую нельзя описать лишь как комплекс «украинско-большевистских» войн) и связал её с другими конфликтами на постимперском пространстве. Так же можно описать и ситуацию в некоторых других регионах, где борьба шла не только между белыми и красными. И, в-третьих, этнические, религиозные, сословные конфликты в рассматриваемый период переплетались с собственно гражданскими войнами, оказывая на них воздействие и испытывая их влияние.

Историографический контекст

Смил написал книгу в особой историографической ситуации и под влиянием некоторых известных исследований. Многие рецензенты его труда с полным основанием вспоминали работу П. Холквиста, посвящённую Области Войска Донского. Её автор также расширил традиционные хронологические рамки описания Гражданской войны⁴⁴. Он поместил случай Дона в общероссийский контекст, описание ситуации в регионе позволило историку с этой перспективы посмотреть на процессы, развивавшиеся в масштабах всей страны. Вместе с тем в книге Холквиста присутствует и ещё один уровень контекстуализации: события, происходившие в России во время Первой мировой войны, революции и Гражданской войны, исследователь сравнил с аналогичными явлениями в других воевавших странах, уделив особое внимание империям. Холквист писал о «континиуме кризиса». По его мнению, практики эпохи Первой мировой войны (вмешательство государства в экономику, контроль над населением, депортации, широкое использование насилия в борьбе с «внутренним врагом») применялись в разных странах; некоторые из них были отработаны во время колониальных войн. В воевавших государствах наблюдалось появление особых механизмов власти, в которых переплетались государственные структуры и бравшее на себя выполнение общегосударственных задач гражданское общество. Они применялись и различными силами, участвовавшими в российской Гражданской войне, отличаясь, впрочем, масштабами, уровнем организации. Если в других странах после окончания Первой мировой войны правительства отказались от «чрезвычайных» мобилизационных мер, то новое государство (созданное красными во время Гражданской войны и ради победы в ней) их сохраняло и в мирное время.

Другие историки склонны всё же отличать «модерные» и «рациональные» практики Первой мировой войны от революции, которой были присущи архаизация общества и возникавшие в нём конфликты. Этой точки зрения придерживается В.П. Булдаков. Впрочем, он также уделил большое внимание имперскому измерению революции, Гражданской войны и этническим конфликтам той поры⁴⁵.

На подход Смилла оказала воздействие и монография М.А. Рейнольдса⁴⁶, посвящённая исследованию различных аспектов отношений Российской и Османской империй в 1908—1918 гг. Многие историки считали национальные движения, основанные на разных формах национализма, главной причиной

⁴³ *Солдатенко В.Ф.* Гражданская война в Украине, 1917—1920 гг. М., 2012. С. 574.

⁴⁴ *Holquist P.* Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914—1921. Cambridge (Mass.), 2002.

⁴⁵ *Булдаков В.П.* Красная смута...

⁴⁶ *Reynolds M.A.* Shattering Empires: The Clash and Collapse of the Ottoman and Russian Empires, 1908—1918. Cambridge, 2011.

кризиса и распада империй. Рейнольдс же рассмотрел проблему иначе: геополитическое противостояние империй способствовало развитию национализма, они же самоуничтожились, ожесточённо ведя войну друг с другом до полной победы.

По-своему он говорил о континиуме кризиса, считая его поворотной точкой младотурецкую революцию 1908 г. Если российские историки часто писали о том, что война породила революцию⁴⁷, то согласно избранной Рейнольдсом исследовательской перспективе, имперская революция породила комплекс войн. Так, следствием революции в Турции стали Итало-турецкая, а затем и Балканские войны. Эти конфликты создали новую, весьма нестабильную геополитическую ситуацию, в которой началась Первая мировая война. Её некоторые современники первоначально ошибочно называли Третьей Балканской войной. Рейнольдс показал, как Российская и Османская империи, руководствуясь, казалось бы, интересами собственной безопасности, дестабилизировали друг друга и способствовали распространению анархии в регионе с полиэтническим населением, который уже испытывал воздействие Персидской революции. И Россия, и Турция пытались использовать в своих интересах противоречия между армянами и курдами, поддерживая то одну, то другую сторону. Представителей монархий не останавливало то, что они среди прочих извлекали пользу из революционных организаций в приграничных странах (включая и Персию). Стремление «революционизировать» противника, спровоцировать внутренние конфликты на его территории, приняло гораздо больший масштаб в 1914—1918 гг. И конфликты, и рассчитывавшие на их использование политические проекты проявились во время Первой мировой войны, революции и Гражданской войны в России.

В книге Смита отражены и иные тенденции развития современной историографии. Так, многие историки предлагали смотреть на большие проблемы Гражданской войны, тщательно изучая особую расстановку политических сил и динамику развития военно-политических конфликтов в отдельных регионах. Благодаря усилиям многих исследователей мы сейчас представляем, насколько разнообразной была ситуация на постимперском пространстве, поэтому составители известного сборника статей⁴⁸ имели бы все основания говорить о своеобразном «калейдоскопе» революций.

Обсуждение намеренно дискуссионной книги Смита уместно ещё и потому, что разные специалисты по истории российской Гражданской войны ощущают себя на «перепутье». Логика их исследований и сложившаяся историографическая ситуация требуют некоторого методологическо-тематического разворота. «Вполне очевидно, — отмечает Р.Г. Гагкуев, — что степень изучения проблематики Белого движения (и шире — всех антибольшевистских сил) усилиями многих историков и энтузиастов изучения Белого дела в существенной мере подтянулись к уровню, достигнутому советской историографией в изучении Красной армии и становления Советского государства в годы Гражданской

⁴⁷ Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию: Россия, 1914—1917 гг. М., 2015.

⁴⁸ См.: Russia's Home Front in War and Revolution, 1914—1922. В. 1 / Ed. S. Badcock, L.G. Novikova, A.V. Retish. Bloomington (Indiana), 2015. Некоторые рецензенты упрекали Смита за недостаток внимания к «новой имперской истории». См.: Sablin I. The «Russian» Civil Wars, 1916—1926: Ten Years That Shook the World by Jonathan D. Smele (review) // Ab Imperio. Vol. 2017. № 1. P. 402—406. Однако интерес исследователей, работающих в рамках такого подхода, к книге Смита показателен, в некоторых отношениях их позиции близки.

войны». Далее автор поддержал мнение исследователя С.В. Карпенко, который считал необходимым перейти к сравнительному изучению красных и белых в ходе «второй русской смуты» на конкретной, ограниченной территории, соблюдая «единство места и времени действия»⁴⁹.

Можно согласиться с тем, что серьёзные локальные исследования, затрагивающие более широкие проблемы и рассматривающие всех участников конфликта, могут способствовать изучению общей истории Гражданской войны. Однако вряд ли удастся ограничиться в такой ситуации лишь оппозицией красных и белых. Да и сам Карпенко, проанализировав различные аспекты политики белых на Юге (прежде всего экономическую и финансовую политику), указал и на других участников конфликта, не ограничиваясь описанием борьбы белых с красными⁵⁰.

Специалисты по другим сюжетам также считали нужным описывать участников многих конфликтов. Например, исследователь истории российского офицерского корпуса А.В. Ганин проанализировал командный состав различных армий (Польши, Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Азербайджана, Армении, Грузии) и формирований (белых, красных, украинцев)⁵¹.

Однако для успешного ведения войны нужны были не только офицеры. Организация аппарата новых государств и экономики, адекватной задачам конфликтов такого масштаба, требовала привлечения квалифицированных специалистов. В своё время М.П. Ирошников убедительно показал, основываясь на материалах переписи советских служащих 1918 г., что в центральном государственном аппарате РСФСР служило немало бывших чиновников, причём больше всего их было среди руководителей среднего звена⁵².

В этой связи следует отметить, что наличие критического минимума специалистов разного рода становилось необычайно важным для реализации некоторых государственных проектов. Национальные активисты — преподаватели и земские деятели, кооператоры и музыканты — могли мобилизовать массы политически, действуя порой довольно успешно, но для создания национальных государств требовались опытные дипломаты, чиновники, управленцы. Сравнительное изучение политических кадров, работавших в бывших губернских центрах Российской империи, приобретавших статус новых столиц, временных или постоянных, представляет для историков немалый интерес⁵³.

Во время Гражданской войны нужны были и специалисты, способные поднимать восстания и организовывать партизанское движение, комбинируя военные и политические действия. В этом отношении большое значение имеют работы исследователей, изучающих «народных вожakov» российской «смуты». Достаточно упомянуть интересные сборники статей, вышедшие под редакцией А.В. Посадского. Их авторы охарактеризовали разнообразных «полевых командиров» Гражданской войны, которые иногда пытались действовать самостоятельно либо вступали в союзы с её основными участниками, нередко меняя ту или иную сторону. В свою очередь, считал Посадский, способность военного

⁴⁹ Гагжуев Р.Г. Современная историография Белого движения // Межвузовская научная конференция «Гражданская война в России: Проблемы истории...». С. 41—42.

⁵⁰ См.: Карпенко С.В. Белые генералы и красная смута.

⁵¹ Ганин А.В. Семь «почему»... С. 9—152.

⁵² См.: Ирошников М.П. Председатель Совета народных комиссаров Вл. Ульянов (Ленин): Очерки государственной деятельности в 1917—1918 гг. Л., 1974.

⁵³ О некоторых новых и временных столицах на территории империи см.: Города империи в годы Великой войны и революции. СПб., 2017.

и политического руководства вступать в союз с «народными вожаками», противопоставлять их друг другу или даже интегрировать их в собственные вооружённые формирования существенно влияла на исход важнейших кампаний гражданской войны⁵⁴.

Полевые командиры были живыми носителями духа «партизанщины» и «атаманщины», явлений, осуждавшихся руководителями противостоявших друг другу крупных регулярных армий Гражданской войны. Эти нередко воспроизводившиеся историками негативные оценки справедливы, но они не всегда передают её специфику. Начало гражданского противостояния невозможно представить без партизанских отрядов — впоследствии часто на их основе создавались весьма боеспособные регулярные соединения. К тому же тактику партизанской борьбы противоборствовавшие стороны использовали на всём протяжении войны, что неизбежно способствовало сохранению элементов «партизанщины» и «атаманщины». И именно командиров, имевших собственный опыт такой борьбы, в основном привлекали для борьбы с партизанской деятельностью противников.

Сопоставление судеб многих «народных вожakov» позволило исследователям указать на схожесть их жизненных траекторий. Нельзя не заметить, что в большинстве своём полевые командиры имели опыт участия в Первой мировой войне в качестве унтер-офицеров и младших офицеров (среди последних преобладали прежде всего прапорщики). Эти военные специалисты волостного и уездного масштабов, опираясь на свой авторитет участников боевых действий, становились руководителями формирований, контролировавших определённые территории.

Немало полевых командиров создавали свои отряды в тех районах страны, где конфликты политические и социальные переплетались с этническими и сословными, которые порой этнизировались (например, противостояние казаков и иногородних крестьян). Многих «народных вожakov» объединяло и то, что они являлись активистами всевозможных Советов и общественных организаций, в обилии появившихся в стране после падения монархии. Так, немало будущих полевых командиров в 1917 г. были членами войсковых комитетов действующей армии, порой возглавляли их, становясь представителями «комитетского класса»⁵⁵. Опыт военный, революционно-политический и пребывания во власти становился важным источником их авторитета в тех местах, где они формировали свои отряды. Без этого «комитетского класса», противостоявшего старой элите, нельзя представить Гражданскую войну, которая в этом отношении, бесспорно, была классовым конфликтом.

⁵⁴ От «германской» к Гражданской: Становление корпуса народных вожakov русской смуты. Сборник статей и материалов / Под ред. А.В. Посадского. М., 2014. См. также: Крестьянский фронт, 1918—1922 гг. Сборник статей и материалов / Сост. и науч. ред. А.В. Посадский. М., 2013; «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: Идеология, военное участие, кадры (Сборник статей и материалов) / Сост. и науч. ред. А.В. Посадский. М., 2015. Общие выводы на основе этих публикаций см.: *Посадский А.В.* Народные элиты Гражданской войны: Источники и пути формирования // Эпоха войн и революций, 1914—1922 (Материалы международного коллоквиума, 9—11 июня 2016 года). СПб., 2017. С. 175—184.

⁵⁵ В своё время А. Уайльдман использовал термин «комитетский класс» для характеристики сообщества членов военных комитетов, прежде всего комитетчиков действующей армии (см.: *Wildman A.K.* The End of the Russian Imperial Army. Vol. 2. Princeton, 1987). Роль представителей «комитетского класса» в формировании Красной армии и советского аппарата необычайно велика. Но немало бывших комитетчиков активно участвовали в борьбе с большевиками. Некоторые историки Гражданской войны также были в 1917 г. членами войсковых комитетов, а порой и возглавляли их.

Множественность гражданских войн? Возможности исследовательского подхода

Ошибочно полагать, что столь сложное явление, как российская Гражданская война, можно понять с помощью какого-либо одного подхода. Ни один исследовательский ключ не может быть универсальной методологической отмычкой. Предшествующая историография продемонстрировала, что историки разнообразных школ и различных взглядов, порой решительно противостоявшие друг другу, внесли особый вклад в исследование Гражданской войны, используя множество приёмов и методов, выбирая разные объекты описания. Большинство давно используемых подходов сохраняют своё значение при изучении одних тем, но совершенно не применимы при решении иных исследовательских задач. Можно предположить, что в ближайшее время будут существовать разные подходы к изучению Гражданской войны, и наивно было бы полагать, что какой-то из них станет единственно верным. В этой ситуации неизбежного методологического «многоголосия» полезно было бы выработать некоторые правила академического диалога. И эта потребность подталкивает исследователей к тому, чтобы вновь задуматься о своеобразии описания Гражданской войны — о языке источника и языке исследования.

Применение использовавшихся ещё участниками событий политических понятий в качестве современных исследовательских инструментов создаёт для учёных немало проблем. Употребление одних и тех же терминов («гражданская война», «революция», «интервенция») создавало и создаёт лишь иллюзию взаимного понимания, поскольку разные авторы толковали и толкуют их по-своему. На данном этапе развития историографии было бы полезно, чтобы каждый автор описал собственный исследовательский инструментарий, давая своё рабочее определение этих понятий, или указывая, какое имеющееся определение он использует. Это позволило бы и точнее судить о ценности выводов автора, которые он делает в рамках им же очерченного подхода, и плодотворнее вести дискуссию о терминах и их соответствии эмпирическому материалу.

Впрочем, некоторые исследователи полагают, что грандиозную «смуту» вообще невозможно понять, используя рациональные категории анализа для описания «хаоса». Например, по мнению Булдакова, для осмысления эскалации насилия следует изучать патологические проявления общественного сознания⁵⁶. Вряд ли и этот подход может стать универсальным методологическим приёмом, пригодным для понимания всех конфликтов того времени. Тем не менее он указывает на важное направление исследования: изучение политического языка эпохи Гражданской войны, культурных форм насилия, его проговаривания, легитимации и даже сакрализации. К тому же исследование языка позволит понять происхождение терминов, используемых историками и сейчас в качестве своих аналитических инструментов. В частности, какие понятия употребляли участники событий для описания военно-политических конфликтов той поры; как и когда применялся термин «гражданская война»; какие другие понятия («смута», «братоубийственная война», «революционная война», «война за освобождение», «национальная война», «священная война» и др.) использовались для описания конфликтов; какие смыслы в эти слова вкладывали современники; когда эти понятия вошли в употребление и когда их перестали применять? Последний вопрос немаловажен для определения хронологических

⁵⁶ См.: Булдаков В.П. Красная смута...; Булдаков В.П. Хаос и этнос: Этнические конфликты в России, 1917—1918 гг. (Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ). М., 2010.

рамки конфликта, хотя его активными участниками были и те, кто отвергал применение термина «гражданская война»⁵⁷.

Подобную постановку вопроса нельзя назвать новой. Ещё советский историк В.Д. Поликарпов, взяв за основу разнобразные высказывания В.И. Ленина, обосновал тезис о том, что Гражданская война фактически началась осенью 1917 г., а её «прологом» стали события октября 1917 — февраля 1918 г. (очень смелый для того времени вывод)⁵⁸.

Подходящая цитата Ленина в советское время была важным, даже решающим аргументом в дискуссиях историков, однако лидер партии большевиков в различные годы по-разному описывал Гражданскую войну. Поэтому и историки различных взглядов легко могли найти в Полном собрании сочинений В.И. Ленина подтверждавшие их позицию разнобразные цитаты вождя.

Важно реконструировать политическое сознание многочисленных участников событий — типичные, повторяющиеся суждения «рядовых» современников порой не менее интересны, чем политические выступления лидеров. Необходимо не только найти соответствующие цитаты, но и понять контекст надлежащего политического суждения. И для выработки языка исследования, и для понимания языка источников интерес представляют подходы, выработанные изучавшими историю понятий авторами применительно к другим революциям и гражданским войнам.

В исследовании Р. Козеллека и его коллег отмечалось, что в XVIII в. слово «революция» стало легитимировать изменения, которые прежде либо были табуированы, либо ещё не входили в сферу человеческого опыта. Вскоре появились слова «революционный», а затем «революционер», «контрреволюция», «профессиональный революционер», «государственная революция». Термин «гражданская война» возник гораздо раньше, во времена Римской республики, под влиянием республиканской концепции гражданства (войны с рабами и союзниками не считались римлянами гражданскими), и, как и многие другие, складывался под воздействием политических конфликтов тех эпох, в которых они появлялись и получали новые значения. Понятие «революция» вбирало в себя традиционные теории гражданской войны. Использование и отрицание этого понятия приводили к появлению новых легитимирующих терминов, таких, например, как «освободительная война»⁵⁹. Разные авторы также указывали, что революции порождали гражданские войны, а те, в свою очередь, провоцировали революционные преобразования. Высказывалось мнение, что любая «великая» революция уже является гражданской войной. С последним утверждением можно спорить, но в истории многие революции сопровождались гражданскими войнами разного масштаба, а любая революция таит в себе риск гражданской войны.

При выработке рабочих понятий «революция» и «гражданская война» полезно использовать подход М. Вебера. В работе, написанной в 1918 г. под

⁵⁷ Попытку изучения разных значений терминов, описывающих конфликты той эпохи, предпринял М.Е. Разиньков: *Разиньков М.Е.* Война интерпретаций: «концепция гражданской войны» в российском политическом сознании 1917—1922 гг. // *Вопросы истории.* 2017. № 10. С. 3—15.

⁵⁸ *Поликарпов В.Д.* Пролог гражданской войны в России (октябрь 1917 — февраль 1918). М., 1976.

⁵⁹ См.: *Бульст Н., Козеллек Р., Майер К., Фиш Й.* Революция (Revolution), бунт, смута, гражданская война (Rebellion, Aufuhr, Burgerkrieg) // *Словарь основных исторических понятий. Избранные статьи.* В 2 т. / Пер. К. Левинсон; сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле; научн. ред. пер. Ю. Арнаутова. Т. 1. М., 2014. С. 520—728.

воздействием революционных потрясений того времени, учёный цитировал Л.Д. Троцкого: «Всякое государство основано на насилии». Вебер описывал государство как сообщество, успешно претендовавшее «на монополию легитимного физического насилия»: «Единственным источником “права” на насилие считается государство»⁶⁰. Многие историки соглашались с тем, что вопрос о государственной власти является центральным при исследовании революций и гражданских войн.

Если использовать формулировки Вебера, то революцию можно определить как особую политическую ситуацию, в которой государственная «монополия легитимного физического насилия» постоянно подвергается агрессивным вызовам. Процессы де- и ремонополизации права на насилие сопровождаются и соответствующими процессами де- и легитимации этого права. Применительно к революции и гражданской войне важнейшим является вопрос о легитимации насилия. Соответственно, историки должны изучать политические тактики и культурные формы легитимации, что становится дополнительным аргументом в пользу изучения языка кризисных эпох.

Вебер выделил три базовых основания легитимности (в реальности ни одно из них не существует в чистом виде): традиции («вечно вчерашнего»), незаурядный личный дар вождя (харизма); легальное установление (рационально обоснованная законность)⁶¹. Различные революции по-разному определяли отношение к традиции. Вожди «великого мятежа» в Англии XVII в. оформляли свои политические идеи с помощью языка религии и говорили о возвращении к «прерванной», «извращённой» традиции, которую следовало возродить, устранив позднейшие нарушения. Это проявилось и в раннем значении слова «революция», взятого из языка астрономии и астрологии: возвращение к «изначальному» состоянию⁶². Другим революциям была присуща установка на абсолютную новизну: декларировалось создание совершенно «нового мира», отличного от «старого порядка». В Российской революции доминировала тенденция, требовавшая радикального разрыва с эпохой «старого режима», решительное преодоление прошлого стало ресурсом легитимации для революционеров, в том числе для большевиков.

В условиях революций авторитет рационально обоснованной законности подвергается вызовам: под вопрос ставится монополия государства на правотворчество и применение права, могут возникнуть несколько конкурирующих правовых систем. Это было присуще и Российской революции: Временное правительство, Петроградский Совет, украинская Центральная рада и другие властные структуры создавали собственные правовые пространства, а различные общественные организации поддерживали и инициировали «народное правотворчество» снизу и таким образом обосновывали свою легитимность⁶³. В ходе Гражданской войны число центров правотворчества значительно возросло.

Если использовать приведённое выше определение революции, то понимание гражданской войны довольно близко. Последняя также связана с тем,

⁶⁰ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 645—646.

⁶¹ Там же. С. 646.

⁶² Бульст Н., Козеллек Р., Майер К., Фиш Й. Революция (Revolution), бунт, смута, гражданская война... С. 520—728.

⁶³ См.: Токарев Ю.С. Народное правотворчество накануне Великой Октябрьской социалистической революции. М.; Л., 1965.

что центральная государственная власть либо прекращает своё существование, либо теряет монополию на законодательную деятельность и правоприменение на собственной территории или её части, теряет государство и монополию на насилие. Противоборствующие стороны с переменным успехом пытаются установить эту монополию вооружённым путём на «своей» территории. Это может быть либо вся земля, которую контролировало ранее государство, либо её часть. В последнем случае гражданская война является войной на отделение.

При таком подходе и принятии данного определения как рабочего российской Гражданскую войну можно считать комплексом войн, в которых каждая из множества сторон пыталась вооружённым путём реализовать свой план реорганизации постимперского пространства, меняя характер государства и/или его границы. И до прихода к власти большевиков выдвигались различные, противостоявшие друг другу проекты автономизации и федерализации, что, однако, не означало неизбежности «большой» гражданской войны, хотя и готовило для неё условия. Прежде всего это происходило в тех случаях, когда национальные проекты вырабатывались в условиях этнических конфликтов и милитаризации национальных движений (создание национальных комитетов в армии и национализация войсковых частей и даже соединений внесли свой вклад в подготовку Гражданской войны — вряд ли «национализированные» войска могли способствовать воссозданию армии, необходимой для мировой войны, но они играли большую роль во внутренних конфликтах). Некоторые участники подобных войн, преследовавших задачи реализации национальных проектов, именовали все эти конфликты «национальными революциями», «освободительными войнами». Но в рамках предложенного рабочего определения они были частью того комплекса конфликтов, который можно назвать «большой гражданской войной», что близко к подходу Смита.

Для исследования же региональных историй Гражданской войны важны и военно-политические движения, которые не смогли создать своих государственных структур, не были значимыми акторами на всём постимперском пространстве. В очень многих случаях участники конфликта имели несколько противников, находившихся друг с другом в сложных отношениях. Этнические, религиозные, сословные, региональные и поколенческие конфликты — некоторые из них были заметны уже летом 1917 г. — существенно влияли на расстановку сил в разных регионах. На эти переплетавшиеся конфликты накладывались и малые войны, обеспечивавшие ведение крупных: реквизиции продовольствия, мобилизации людей и лошадей сопровождались порой вооружённой борьбой⁶⁴.

Способность же основных участников Гражданской войны вести одновременно несколько войн разного типа, вступая в непродолжительные союзы с некоторыми бывшими противниками, порой интегрируя их в свои силы, изолируя других врагов, используя противоречия между ними, становилась важным условием успешной борьбы на уровне страны, крупных регионов и на местах.

Начало Гражданской войны? Начала гражданских войн?

Осмысление языка Гражданской войны требует специального исследования, но ясно, что немало современников ещё до прихода к власти большевиков полагали, что уже жили в условиях такой войны (так считали и люди, которые

⁶⁴ См.: Посадский А.В. Зелёное движение в Гражданской войне в России: Крестьянский фронт между красными и белыми, 1918—1922 гг. М., 2018.

не были сторонниками Ленина). Это проявлялось на разных уровнях, о чём свидетельствует периодическая печать, дневники и частная переписка тех лет.

Не только большевики полагали, и что вопрос о войне мировой и войне гражданской связаны, и что последняя — некий классовый конфликт. Так, в июне 1917 г. генерал А.Е. Снесарев говорил: «Класс встанет на класс, и если кончится мировая война, начнётся гражданская»⁶⁵. В этом суждении отражена особенность конфликтов той поры. Одни их участники ради окончания мировой войны были готовы пойти на гражданскую войну (или даже на несколько таких войн в воевавших странах), а другие — на риск локальной гражданской войны во имя продолжения мировой.

Ощущение начавшейся Гражданской войны летом 1917 г. иллюстрируют воспоминания современников. Например, один из военных врачей при отъезде в тыл, понимая, что и вдали от фронта его ждёт новая война, писал: «Еду теперь уже на третью кампанию — на гражданскую войну, чтобы умирать вместе со своей семьёй»⁶⁶.

Тревога усилилась в связи с «делом Корнилова». Штабс-капитан М.М. Филоненко, неудачно пытавшийся быть посредником между генералом и главой Временного правительства, 30 августа направил воинам Туземной дивизии телеграмму: «Никакие мои уговоры, никакие убеждения мои не подействовали на генерала Корнилова, решившегося начать гражданскую войну и пролить Вашу кровь для восстановления старого строя»⁶⁷. Можно спорить о том, было ли «дело Корнилова» «малой» Гражданской войной, однако многие очевидцы событий считали, что она уже началась, и именно генерал являлся её виновником. Схожие слова нашла и газета партии социалистов-революционеров: «Вспыхнувшая гражданская война имеет не только внутреннее, но и громадное международное значение»⁶⁸.

Проговаривание Гражданской войны являлось важной, но, разумеется, не самой главной её предпосылкой. После «дела Корнилова» различные посёлки, города, регионы империи всё больше дистанцировались от Временного правительства. По сути, в различных частях страны складывались разные политические режимы, которые с трудом сосуществовали в рамках одного государства. Вызов правительству А.Ф. Керенского бросали не только Советы и войсковые комитеты под руководством большевиков и их союзников, но также киевская Центральная рада и власти Великого княжества Финляндского. При этом и в лагере оппонентов, и в лагере противников Временного правительства отношения были порой весьма сложными. Так, описывая ситуацию в Финляндии, Е.Ю. Дубровская использовала термины «двойная радикализация» и «многомерная радикализация». «Наряду с... нарастающей напряжённостью российских военных и гражданского населения в Финляндии, — указала исследовательница, — происходило и их взаимное радикализирующее воздействие, которое усиливало напряжение внутри клубка политических и нравственных проблем»⁶⁹.

⁶⁵ Снесарев А.Е. Дневник: 1916—1917. М., 2014. С. 481.

⁶⁶ Кравков В.П. Великая война без ретуши: записки корпусного врача. М., 2014. С. 352.

⁶⁷ Дело генерала Л.Г. Корнилова: Материалы Чрезвычайной следственной комиссии по расследованию дела о бывшем Верховном главнокомандующем генерале Л.Г. Корнилове и его соучастниках (Август 1917 г. — июль 1918 г.). В 2 т. Т. 1. М., 2003. С. 172; В.С. Контрреволюция и союзническая пресса // Дело народа. 1917. 30 августа.

⁶⁸ Цит. по: Дело народа. 1917. 30 августа.

⁶⁹ Дубровская Е.Ю. Многомерная радикализация: Российские военнослужащие, национальные и социальные движения финляндцев в 1917 г. Петрозаводск, 2016. С. 6—7. См. также: Рупасов А.И. 22

Эта «многомерная радикализация» разными способами выводила Великое княжество из-под власти Временного правительства, кроме того, она, усиливая стремление финнов к независимости, создавала условия для гражданской войны в Финляндии. И в других случаях сложное переплетение социальных и национальных конфликтов, усиливавшихся недостатком продовольствия, приводило к обострению политического положения, делало затруднительным мирный исход кризиса⁷⁰. Затормозить эти процессы было очень сложно.

Как отметил британский исследователь С. Смит, Временное правительство потеряло власть ещё до того момента, как его свергли. Он полагал, что Гражданская война неизбежно нарастала со времени «мятежа Корнилова», и этот процесс значительно усилился после того, что многие авторы именуют «незаконным захватом власти большевиками»⁷¹.

Смит тоже придавал большое значение «делу Корнилова» в подготовке гражданского сопротивления, именуя период с августа 1917 г. по январь 1918 г. временем «необъявленной» Гражданской войны, а само «дело» — «прелюдией к гражданским войнам»⁷². Пожалуй, с того момента война действительно стала необратимой, хотя расстановка сил в этом конфликте могла оказаться иной.

В своё время Булдаков отрицательно охарактеризовал стремление некоторых исследователей уделять особое внимание проявлениям Гражданской войны в сентябре—октябре 1917 г.: «Отголоском стремления снять “вину” с большевиков являются дискуссии, в ходе которых отдельные авторы вкрадчиво пытались передвинуть начало гражданской войны уже в дооктябрьский период»⁷³.

Вряд ли какой-либо историк может успешно выступать в качестве «адвоката» большевиков: и Ленин, и многие члены партии, и её беспартийные сторонники только Гражданскую войну считали выходом в сложившейся ситуации и порой говорили об этом совершенно откровенно и публично. Но одного только желания большевистской партии начать эту войну было недостаточно, даже при том, что она умело использовала энергию разнообразных социальных конфликтов. У различных переплетавшихся гражданских войн и иных вооружённых конфликтов существовали свои причины. Исследования Булдакова, внёсшего вклад в изучение этих процессов, показали разнообразные источники политического насилия в эпоху революции. Исследователь также продемонстрировал роль этнических конфликтов и тактик реализации национальных проектов в создании условий для начала Гражданской войны⁷⁴. Опора на национализировавшихся солдат и национальных активистов в армии, курс на создание национальных вооружённых формирований на фоне углублявшихся конфликтов, в том числе этнических, существенно обострили ситуацию осенью 1917 г. Разные гражданские войны и иные вооружённые конфликты возникали в различное время, истоки некоторых из них прослеживались летом и особенно осенью того же года. Нельзя не вспомнить столкновения в Туркестане и на Северном Кавказе, во время которых противостоявшие стороны порой применяли артиллерию.

Гражданская война в Финляндии // Петербургский исторический журнал: Исследования по российской и всеобщей истории. 2018. № 3(19). С. 171—186.

⁷⁰ О переплетении конфликтов в Баку см.: *Suny R.G.* The Baku Commune, 1917—1918: Class and Nationality in the Russian Revolution. Princeton, 1972.

⁷¹ *Smith S.A.* Russia in Revolution: An Empire in Crisis, 1890 to 1928. Oxford, 2017. P. 151, 154.

⁷² *Smele J.D.* The «Russian» Civil Wars... P. 25—27, 34—35.

⁷³ *Булдаков В.П.* Красная смута... С. 252.

⁷⁴ См.: *Булдаков В.П.* Хаос и этнос...

Образ «красной смуты», использовавшийся Булдаковым и некоторыми другими историками, не очень точно отражает суть противоборств на постимперском пространстве. У этой смуты было много цветов и оттенков, достаточно вспомнить те случаи, когда одни красные воевали с другими красными (крестьянские, красноармейские восстания). Описание же Гражданской войны как единого процесса неизбежно упрощает этот конфликт, приобретающий именно в связи с его сложностью и многослойностью новое значение в XXI в.

Сергей Леонов

Гражданская война в России: сущность, периодизация, особенности

Sergey Leonov (Moscow Pedagogical State University, Russia)

Civil war in Russia: essence, periodization, features

DOI: 10.31857/S086956870004217-9

При всём многообразии концепций российской Гражданской войны одним из немногих общих положений, объединяющим всех отечественных и зарубежных исследователей, является признание её связи с революцией 1917 г. Эта связь была прямой или же, по мнению главным образом советских историков, опосредованной (выступлениями белых или иностранной интервенцией). Однако она составляла важнейшую характеристику российской Гражданской войны, отличавшую её от гражданских войн в США и в ряде стран Латинской Америки, Азии и Африки.

Анализ самой революции не помещается в тесные рамки данной статьи. Тем не менее важно иметь в виду, что хотя Октябрь, а отчасти и Февраль 1917 г. обладали некоторыми чертами переворотов, они явились этапами Великой российской революции, — возможно, крупнейшей из всех, что когда-либо происходили¹. Эти этапы имели качественные отличия и относительную самостоятельность, что, с учётом мощной научной традиции и относительной неразработанности концепции единой революции, нового категориального аппарата, позволяет в известном смысле использовать привычные термины: Февральская и Октябрьская революции или Октябрьский переворот². (В новейшей французской историографии и вовсе возобладала тенденция делить «их» Великую революцию конца XVIII в. на ряд самостоятельных либо «автономных» революций³.) В этом контексте Гражданская война в России также имеет свои особенности, логику развития и, несомненно, заслуживает специального анализа.

В современной историографии она получила, пожалуй, большее отражение, чем собственно Октябрьский переворот. В итоге её картина качественно изменилась, усложнилась и потеряла незыблемую — в рамках «классовой»,

¹ Такой взгляд в нашей стране сейчас непопулярен, зато имеет приверженцев за рубежом. М. Малиа — исследователь с широким кругозором и отнюдь не левый по своим взглядам, чуждый некогда модному среди американских историков «ревизионизму», — назвал её «величайшей из современных» (т.е. происходивших с XVIII в.) революций. «Как XIX в. жил, словно под гипнотическим влиянием Французской революции, так и ленинский Октябрь околдовал весь XX в.» (*Малиа М. Локомотивы истории: Революции и становление современного мира. М., 2015. С. 256, 296, 297.*)

² Подробнее см.: *Леонов С.В. Российская революция на весах столетия // Революция и бунт в российской истории. М., 2017. С. 157—166.*

³ См.: *Ревуненков В.Г. История Французской революции. СПб., 2003. С. 8.*

«партийной» парадигмы — определённости, в каком-то смысле даже рассыпалась. Многие прежние постулаты оказались явно неприемлемыми. Другой немаловажной особенностью историографической разработки Гражданской войны в России явилась существенно меньшая роль западной историографии. В последней до 1990-х гг. наблюдалась явная недооценка этой темы, даже игнорирование её многими исследователями⁴, что сказывается до сих пор. Таким образом, многочисленные проблемы, обнаружившиеся в этой сфере, приходится решать, если и не полностью «своим умом», то с большей, чем мы привыкли за последнее время, «опорой на собственные силы». Одним из таких нерешённых вопросов в современных условиях оказалось само понятие «гражданская война». Что можно считать таковой?

В 1992 г. Ю.А. Поляков, пересмотрев свои прежние взгляды⁵, дал следующее её определение: это «вооружённая борьба между различными группами населения, имевшая в своей основе глубокие социальные, национальные и политические противоречия, проходившая при активном вмешательстве иностранных сил в различные этапы и стадии, принимавшая различные формы, включая восстания, мятежи, разрозненные столкновения, крупномасштабные военные операции с участием регулярных армий, действия вооружённых отрядов в тылу правительств и государственных образований, диверсионно-террористические акции»⁶. Данная дефиниция являла собой принципиальный шаг вперёд по сравнению с советскими, трактовавшими гражданскую войну в идеологизированном ключе как «наиболее острую форму классовой борьбы», «борьбу с оружием в руках одного класса против другого класса»⁷. До настоящего времени в отечественной историографии определение Полякова широко распространено и даже считается классическим⁸.

Вместе с тем практически с самого начала оно подвергалось критике отдельными исследователями, в частности за расширительное толкование гражданской войны⁹. Действительно, помимо многословия и иных стилистических издержек, эта дефиниция страдает описательностью и неопределённостью. Под неё попадают и отдельные, «разовые» вспышки вооружённого противоборства (вроде Февральской революции или июльского восстания 1917 г. в Петрограде), и некоторые локальные межэтнические или «межобщинные» конфликты. К тому же Гражданская война, несмотря на верно подмеченное автором многообразие её форм и участие населения, являлась борьбой главным образом между политическими или, по меньшей мере, организованными силами, с ис-

⁴ Повлияли идеологические стереотипы, выведившие последующую советскую историю непосредственно из Октябрьского переворота, а отчасти и объективные трудности, порождённые масштабностью и «трудоемкостью» объекта исследования, многочисленностью источников и недоступностью советских архивов. См.: *Кенез П.* Красная атака, белое сопротивление. 1917—1918. М., 2007. С. 8; *Новикова Л.Г.* Гражданская война в России в современной западной историографии // Отечественная история. 2005. № 6. С. 142, 143.

⁵ В частности, на классовую — в основе — сущность Гражданской войны и её хронологические рамки (*Поляков Ю.А.* Гражданская война в России (поиски нового видения) // История СССР. 1990. № 2. С. 101—104).

⁶ *Поляков Ю.А.* Гражданская война в России: возникновение и эскалация // Отечественная история. 1992. № 6. С. 32, 33.

⁷ *Ленин В.И.* ПСС. Т. 34. М., 1969. С. 215.

⁸ Россия в годы Гражданской войны, 1917—1922 гг.: очерки истории и историографии / Отв. ред. Д.Б. Павлов. М.; СПб., 2018. С. 17.

⁹ См.: «Круглый стол». Гражданская война в России // Отечественная история. 1993. № 3. С. 102, 107.

пользованием государства и не столько «вооружённых отрядов», частей, сколько военных соединений, причём не всегда «регулярных». На сегодняшний день данное определение отнюдь не облегчает разрешение дискуссионных проблем Гражданской войны и особенно её периодизации. Кроме того, оно относится только к России и не может служить основой для компаративистских сопоставлений. Между тем без них, в рамках лишь одной страны, как подметил ещё А. де Токвиль, невозможно адекватно оценить суть крупных исторических событий¹⁰. Конкретно-исторические сравнения являются главным и почти незадействованным в отечественной историографии резервом дальнейшего осмысления Великой российской революции и Гражданской войны.

Б.И. Колоницкий предложил считать российскую Гражданскую войну «комплексом войн, в которых различные стороны пытались вооружённым путём реализовать свой план реорганизации постимперского пространства — меняя характер государства и/или его границы». Попытка определять «войну» через «комплекс войн» не корректна, да и не нова (вслед за Х. Вадой, заявившем о комплексе революций 1917 г., Р. Сервис, Д. Свейн и другие западные историки в конце прошлого столетия писали о нескольких и даже о десятках гражданских войн¹¹). По большей части эти «войны» были тесно взаимосвязаны, попытка их «расщепления» может служить лишь исследовательским приёмом, а по сути является средством ухода от решения вопроса. Из данного определения неясно, чем Гражданская война отличается от революций (которые нередко сопровождались многочисленными сражениями), и кого можно считать её «стороной». Далеко не у всех участников Гражданской войны были какие-то далеко идущие планы, а тем более — по «реорганизации постимперского пространства». Имевшиеся же планы отнюдь не сводились к этой проблеме. Десятки народов хотели выйти из этого пространства, и восемь крупных этносов смогли это сделать (три из них — на время). Большевики стремились к мировой революции и победе коммунизма в глобальном масштабе. Подавляющая же часть населения была озабочена выживанием, повседневными нуждами, сведением счётов и т.д.

Зарубежные исследователи по большей части избегают дефиниций гражданской войны или отделяются импровизированными определениями. Порой они дают их в описательном и расширительном плане, включая в них династические войны (Д. Голдстоун)¹². Другие историки, напротив, сужают их до «вооружённой борьбы между частями Красной армии и различными антибольшевистскими... воинскими соединениями, которая продолжалась с декабря 1917 до ноября 1920 г.» (Р. Пайпс)¹³. Гражданскую войну определяют как «вооружённое противостояние двух групп граждан внутри одного государства» (Э. Нольте) или вооружённый конфликт между группами и партиями внутри государства с целью замены одной партии другой (Т. Эбберт)¹⁴. Из перечня этих незамысловатых дефиниций выделяются те, что даны в справочных изданиях. «Британская энциклопедия» называет гражданской войной «насильственный конфликт между государством и одним или несколькими организованными не-

¹⁰ «Человек, изучающий только Францию, никогда ничего не поймёт во французской революции», — писал он (*Токвиль А. де. Старый порядок и революция. М., 1997. С. 22*).

¹¹ См.: *Голдин В.И. Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х — 90-е гг.). Архангельск, 2000. С. 63—66.*

¹² *Голдстоун Дж.А. Революции. Очень краткое введение. М., 2015. С. 19, 20.*

¹³ *Пайпс Р. Россия при большевиках. М., 1997. С. 10.*

¹⁴ *Нольте Э. Европейская гражданская война (1917—1945). Национал-социализм и большевизм. М., 2003. С. 7; Наумов В.П., Косаковский А.А. История гражданской войны и интервенции в СССР (Современная буржуазная историография). М., 1976. С. 9.*

государственными субъектами на территории государства»¹⁵. Данное лаконичное и ёмкое определение затрагивает некоторые существенные стороны рассматриваемого понятия, но под него вполне попадают революции и не подходит, к примеру, американская гражданская война 1861—1865 гг. Ближе к истине, на мой взгляд, «Энциклопедия общественных наук США», трактующая гражданскую войну в качестве конфликта внутри общества, вызванного попыткой незаконными средствами захватить или сохранить власть и символы легитимности¹⁶. Однако и эта дефиниция не проводит разделения между гражданской войной и революцией (и даже переворотом).

Разумеется, разделить вышеуказанные понятия сложно, и нередко сделать это можно лишь условно. Более того, каждая из гражданских войн уникальна, а в традиционном обществе они имели особую специфику. Тем не менее возьму на себя смелость сформулировать, что гражданская война — это продолжительная вооружённая борьба за власть внутри страны различных политических сил, социальных и этноконфессиональных групп с использованием государства, государственных образований и военных соединений («армий»), чаще всего сопровождаемая вмешательством иностранных держав или организаций.

Данное определение акцентирует относительную длительность, масштабность и многообразие рассматриваемого феномена, его отличия от отдельных и кратковременных, исчисляемых днями или несколькими неделями столкновений (которые можно считать вспышками гражданской войны, но не самой войной), а также от малозначительных или сугубо региональных («межобщинных») проявлений насилия. Из дефиниции следует, что в таких войнах участвуют не только политики, военные и политизированные представители общественности (как при переворотах), но и часть населения, причём, представленная не одной (или преимущественно одной), а несколькими социальными группами. Даже если для каких-то сил на первом плане стоят экономические, социальные, религиозные, национальные или иные мотивы, непосредственно или в конечном счёте борьба в ходе гражданских войн ведётся за власть, пусть и не всегда за центральную. Например, крестьяне в ходе многочисленных восстаний 1918—1922 гг., по сути, претендовали на экономическую и политическую автономию от государства, т.е., по меньшей мере, на отдельные государственные, а также на региональные и местные властные полномочия. Выделяя системообразующие черты гражданских войн, данная дефиниция создаёт возможности для их сравнительно-исторического анализа в различных странах и в разные эпохи.

Принципиальное значение в изучении гражданских войн, как правило, имеет их датировка и периодизация. В советскую эпоху под воздействием политико-идеологических факторов хронологические рамки рассматриваемой войны трактовались противоречиво, но в целом — максимально узко. Поскольку В.И. Ленин до лета 1918 г. неоднократно говорил, что она шла с 1917 г. (а затем отметил её завершение в 1922 г.)¹⁷, нехотя признавалось, что как явление Гражданская война продолжалась с октября 1917 г. по октябрь 1922 г. Однако

¹⁵ URL: <https://www.britannica.com/topic/civil-war>.

¹⁶ «Круглый стол». Гражданская война в России. С. 107.

¹⁷ Большевицкое правительство уже 28 ноября 1917 г. также квалифицировало контрреволюционное движение на Дону и Урале как «открытую гражданскую войну». См.: *Ленин В.И.* ПСС. Т. 35. М., 1974. С. 53, 126, 135—137, 151, 164, 186, 187, 192, 211, 212, 243, 268, 369; Т. 36. М., 1974. С. 4, 79, 94; Т. 45. М., 1975. С. 302, 303; Протоколы заседаний Совета Народных комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 — март 1918 г. М., 2006. С. 62.

общепринятая хронология была иной. Стремясь переложить вину за невиданное братоубийство с большевиков на «интервентов и белогвардейцев» и используя более поздние ленинские оценки, официальная историография жёстко разграничивала Октябрьскую революцию и «период» Гражданской войны, когда военный вопрос выступал как главный вопрос революции¹⁸. Начало этого этапа датировалось концом мая — июнем 1918 г. и связывалось с восстанием Чехословацкого корпуса. При этом игнорировалась противоречивость ленинских оценок. Между тем в марте 1918 г. вождь писал, что «боевая или военная задача стояла на первом плане» с конца октября 1917 г. и приблизительно до февраля 1918 г., что естественно «для всякой политической партии, достигающей господства в обстановке острой и наиболее ожесточённой борьбы»¹⁹. Более того, вопреки своим обычным заявлениям о том, что развязали Гражданскую войну белогвардейцы, калединыцы, кадеты, буржуазия, интервенты и т.п., на III Всероссийском съезде Советов и на VII съезде РКП(б) опьянённый триумфом и выступавший «перед своими» Ленин публично проговорился, что начали Гражданскую войну большевики в октябре 1917 г.²⁰ Чтобы не привлекать внимания к невиданной волне крестьянских восстаний 1921—1922 гг. и отсутствию (кроме японцев на Дальнем Востоке) интервентов, которым стали приписывать решающую роль в разжигании Гражданской войны, её завершением официально считали разгром армии П.Н. Врангеля в Крыму в ноябре 1920 г.

Советскую официальную датировку рассматриваемой войны разделяли в целом и большинство иностранных авторов²¹. Правда, многие из них её окончание «продляли» до весны 1921 г., а в последнее время — до 1922 г. и далее²². Среди современных отечественных историков традиционные рамки 1918—1920 гг. несколько подрастеряли популярность, но ещё сохраняют сторонников. В целом же в трактовке хронологии Гражданской войны в настоящее время наблюдается полнейший разнобой²³. Некоторые авторы (В.И. Голдин, А.В. Посадский и др.) отказываются называть дату начала войны и говорят о стадиях «вползания» в неё или о постепенности нарастания насилия²⁴. Между тем эта проблема давно и по праву считается «одной из важнейших для понимания сущности и особенности Гражданской войны»²⁵. Понемногу растёт число тех, кто считает Октябрь 1917 г. началом Гражданской войны (А.В. Ганин, Г.З. Иоффе, С.Н. Полтораки, Д. Рэйли, В.Ж. Цветков и др.). В мень-

¹⁸ См.: Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. М., 1983. С. 7; Гражданская война в СССР. В 2 т. / Под общ. ред. Н.Н. Азовцева. Т. 1. М., 1980. С. 9.

¹⁹ Ленин В.И. ПСС. Т. 36. С. 127, 128.

²⁰ См.: Ленин В.И. ПСС. Т. 35. С. 268; Т. 36. С. 4.

²¹ Бровкин В.Н. Россия в гражданской войне: власть и общественные силы // Вопросы истории. 1994. № 5. С. 25.

²² См.: Figes O.A. People's Tragedy: The Russian Revolution, 1891—1924. N.Y., 1998; Holquist P. Making War, Forging Revolution: Russia's continuum of crisis, 1914—1921. Cambridge (Mass.), 2002; Raleigh D. Experiencing Russia's Civil War: Politics, Society and Revolutionary Culture in Saratov, 1917—1922. Princeton, 2002; Smele J.D. The Russian Revolution and Civil War: 1918—1921. L.; N.Y., 2003; Raleigh D. The Russian civil war, 1917—1922 // The Cambridge History of Russia. Vol. III. The Twentieth Century / Ed. by R.G. Suny. Cambridge, 2006; Smele J.D. The Russian Civil Wars, 1916—1926: Ten Years that Shook the World. L.; N.Y., 2016.

²³ См.: Голдин В.И. Россия в гражданской войне... С. 67—70; Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии / Отв. ред. В.В. Калашников. СПб., 2018. С. 187.

²⁴ См.: Гражданская война в России: взгляд через 100 лет... С. 26, 86, 149.

²⁵ Поляков Ю.А. Гражданская война в России... С. 33.

шей степени это относится к Февралю 1917 г. (Ю.А. Поляков, В.В. Шелохаев, В.И. Шишкин и др.).

Сроки завершения Гражданской войны в последнее время вызывают меньше споров. Хотя здесь ещё фигурирует 1920 г., всё чаще появляется 1922 г., а в последнее время проскальзывает и 1923 г. В целом в отечественной, а отчасти и в зарубежной историографии постепенно укрепляются позиции датировки 1917—1922 гг. Однако продолжающаяся разногласия, немислимо количество концепций, точек зрения и их оттенков, всевозможных определений Гражданской войны (фронтальная, широкомасштабная, в широком смысле, эшелонная, локальная, очаговая и т.п.), а главное, острый дефицит верифицируемых критериев и аргументов, запутывают проблему периодизации, и, следовательно, — интерпретацию сути и особенностей рассматриваемой войны. Поскольку ещё больше усложнить ситуацию трудно, рискну высказать свои соображения.

После того как жаркие идеологизированные баталии вокруг революции 1917 г. и Гражданской войны сами стали достоянием истории, непосредственная связь между этими событиями представляется совершенно очевидной. (Обвинять в начале войны «белогвардейцев», пытавшихся как-то сопротивляться вооружённым узурпаторам власти и творцам массового насилия, — всё равно что осуждать за рукоприкладство человека, пытающегося отбиться от вломившегося в его дом бандита.) «Интервенция» — на окраинах страны и в ограниченном виде — началась спустя четыре месяца после Октябрьского переворота, а в масштабном — через год с лишним. В какой-то мере Гражданская война была связана с Первой мировой войной, а также с некоторыми отечественными традициями (деспотическими, общинными, бунтарскими и т.д.) и незавершённой модернизацией царской России. Все эти факторы, наряду с большевистской партией и «марксистско-ленинской» идеологией, призывавшей к кардинальной и насильственной переделке всего человеческого сообщества, определили основное содержание и специфику рассматриваемого феномена.

Гражданская война явилась завершающим и решающим этапом Великой российской революции, начавшейся в феврале 1917 г. и продолжавшейся до октября 1922 г. Непосредственно войну открыл большевистский переворот в Петрограде 24 октября 1917 г.

Ещё в феврале и июле 1917 г. в столице наблюдались отдельные вспышки вооружённой борьбы, но не более того. После Февральской революции по всей стране резко ускорилось накопление «горючего материала» для Гражданской войны. Последняя становилась всё более вероятной (на март 1917 г. можно оценить такую вероятность приблизительно в 60%), но вряд ли неизбежной. Для власти существовала масса в той или иной мере допустимых шагов: отказ от наступления на фронте в июне того же года; запрет и действительные преследования после июльского восстания большевистской партии, недопущение освобождения Л.Д. Троцкого и других арестованных вождей; арест Ленина; предотвращение выступления Л.Г. Корнилова; создание однородного демократического правительства (на Демократическом совещании для этого не хватило нескольких голосов²⁶); отказ от переноса и более ранний созыв

²⁶ См.: *Пенароков А.* Упущенная возможность единения демократических сил при решении вопроса о власти. Август — первая декада октября // *Меньшевики в 1917 г.* В 3 т. / Под общ. ред. З. Галили, А. Пенарокова, Л. Хеймсона. Т. 3. М., 1996.

II съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, Учредительного собрания и т.д. Одна-две меры из этого, далеко не полного списка (которые требовали главным образом здравого смысла и политической воли), в условиях крайнего истощения Германии и приближавшегося завершения Первой мировой войны, могли бы предотвратить, а по меньшей мере, отсрочить Гражданскую войну, причём, существенно изменив при этом её характер и масштабы. «Перехват» Временным правительством или другим властным органом до Октябрьского переворота любого из двух ключевых решений большевиков — о земле и демобилизации армии — превратил бы их переворот в локальный и лишил бы его шансов на победу. Таким образом, называть Февральскую революцию началом Гражданской войны можно лишь с явной натяжкой, сугубо в метафизическом смысле, в каком, например, причину смерти человека следует усматривать в его рождении.

С 24 октября 1917 г., вопреки стереотипам о «триумфальном шествии советской власти», военные действия в разных городах, регионах страны шли практически непрерывно: в Петрограде и его окрестностях, в Москве, Смоленске, Воронеже, на Дону, Южном Урале, Кубани и Тереке, в Казани, Саратове, Бугульме, Соликамске, под Белгородом и Обоянью, в Крыму, Виннице, Киеве, Ровно, Чугуеве, Одессе, в Екатеринославской, Минской, Витебской и Могилёвской губерниях, в Иркутске, Омске, Забайкалье, Благовещенске, Дагестане, Ташкенте, Коканде, Самарканде и т.д. Несмотря на относительную малочисленность непосредственных участников сражений, совокупное их количество, даже по консервативным ориентировочным оценкам, существенно превышало 200 тыс. человек. В феврале—марте 1917 г. общее число погибших насчитывало около 400, а в июле — 60 человек. В ходе Октябрьского переворота, по приблизительным оценкам, были убиты в боях и в результате террора: в Петрограде (вместе с восстанием юнкеров) — более 200, Москве — более 1 тыс., Иркутске — 1 тыс., Киеве — более 2 тыс., Крыму — не менее 1,2 тыс., Астрахани — более 300 человек и т.д. В итоге число жертв уже в первые месяцы советской власти на два порядка превысило весь послефевральский период. Поскольку подавляющая часть населения устала от войны, не хотела «воевать за Керенского» и приветствовала экспроприацию «буржуев», помещиков и демобилизацию армии, «контрреволюция» не имела массовой базы. По численности большевистские силы многократно превосходили силы своих противников. По имеющимся, возможно, завышенным данным, в октябре 1917 г. в Красной гвардии уже состояли примерно 180 тыс., а к маю 1918 г. — 460 тыс. человек. До января 1918 г. лишь из Петрограда в составе матросских отрядов были посланы до 40 тыс. человек (половина Балтфлота), а солдат, сражавшихся за большевиков, было существенно больше²⁷.

До мая 1918 г. Гражданская война в России была преимущественно очаговой, локальной. Однако ещё до восстания Чехословацкого корпуса она начала приобретать массовый характер. Под влиянием репрессивной политики и резкого ухудшения экономического положения население стало подниматься против большевиков. В Советской России всё чаще вспыхивали массовые волнения и восстания. В апреле 1918 г. в результате восстания казаков в районе Новочеркасска начала формироваться Донская армия, в середине мая она достигла 17 тыс. человек. Добровольческая армия, несмотря на непрерывные

²⁷ См.: *Конов А.М.* Красная Гвардия на защите Октября. Изд. 2, доп. М., 1989. С. 264, 271; *Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия.* М., 1987. С. 288.

бои и огромные потери, к концу апреля увеличилась до 5 тыс. С конца мая 1918 г. Гражданская война приобрела глобальный характер и крайнюю ожесточённость. Большевики смогли компенсировать сужение своей социальной поддержки за счёт колоссального госаппарата. Белые так и не сформулировали привлекательных для масс лозунгов (за исключением разве что П.Н. Врангеля), не обрели устойчивой массовой базы и не создали эффективного госаппарата. Перевес сил красных в относительном плане сократился, но оставался кратным. Вопреки прежним стереотипам, немецко-австрийское вторжение было связано главным образом с продолжавшейся мировой войной. Оно несло потенциальную угрозу большевикам, сократило советскую территорию, но в итоге способствовало стабилизации оставшейся. Интервенция Антанты оказалась запоздалой, нерешительной, нескоординированной и кратковременной (кроме Дальнего Востока). Количество «интернационалистов» в Красной армии превосходило численность интервентов (250—300 тыс. против 202 тыс.)²⁸. Поддержка странами Согласия белых была ограниченной, но в какой-то мере способствовала дискредитации последних в глазах населения. В то же время в Европе развернулось движение солидарности с Советской Россией.

В ноябре 1920 г. широкомасштабная Гражданская война ещё не завершилась. Продолжались военные действия в Закавказье. В феврале 1921 г. они резко активизировались, Красная армия воевала против 50-тысячной армии грузинских меньшевиков и 12-тысячных соединений армянских дашнаков. Советскую Россию во второй половине 1920 — начале 1921 г. накрыла волна беспрецедентных по массовости восстаний. Только в каждом из трёх крупнейших повстанческих очагов (тамбовском, западносибирском и южноукраинском) крестьянские армии превосходили или были сопоставимы с армией Врангеля по численности (41 тыс. на начало ноября), хотя и уступали ей по вооружению. В Перекопско-Чонгарской операции у красных, по некоторым данным, было убито и ранено 10 тыс. человек; за всё время существования Южного фронта (август—декабрь 1920 г.) его безвозвратные потери составили 16,2 тыс. человек. В 1921—1922 гг. в боевых действиях в Закавказье безвозвратные потери Красной армии достигли 11,7 тыс., а в борьбе с многочисленными восстаниями в Европейской России, Сибири, Туркестане и на Украине — превысили 46,7 тыс. человек²⁹. Огромную долю этих потерь составляли дезертиры, многие из которых переходили на сторону повстанцев. В те же годы шли военные действия и на Дальнем Востоке. В ходе них армии РСФСР и ДВР потеряли 237,9 тыс. человек, — это 1/5 часть всех безвозвратных потерь РККА с 1918 по 1922 г. (1 212,8 тыс., а по новым, но, как представляется, заниженным подсчётам, — 980,8 тыс. человек³⁰). Не включать 1921—1922 гг. в период Гражданской войны невозможно.

Разумеется, разгром последней регулярной белой армии на европейской территории России имел существенное военно-политическое значение. Однако более важным рубежом стал март 1921 г. После него Гражданская война вновь стала превращаться в преимущественно локальную, очаговую, хотя и гораздо более широкую по числу участников, чем в октябре 1917 г. — апреле 1918 г.

²⁸ Численность интервентов указана к февралю 1919 г. См.: Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. С. 235; *Поляков Ю.А.* Антисоветская интервенция и её крах. 1917—1922. М., 1987. С. 53, 54.

²⁹ Подсчитано по: Россия и СССР в войнах и конфликтах XX в. Статистическое исследование. М., 2001. С. 122, 124, 143.

³⁰ Там же. С. 113, 114, 147, 149.

Это было связано с рядом факторов. Во-первых, с решениями X съезда РКП(б) о продналоге, создавшими политические возможности для борьбы с практически повсеместными, небывалыми крестьянскими восстаниями, грозившими опрокинуть большевистский режим. Во-вторых, с подавлением Кронштадтского восстания. В нём участвовали до 27 тыс. матросов и солдат, оно непосредственно угрожало северной столице и могло вызвать «цепную реакцию» в стране. Кроме того, в марте—апреле 1921 г. удалось достичь перелома в борьбе с рядом крупнейших восстаний в Сибири, на Украине, в Армении, Средней Азии и др. Наконец, в марте завершились военные действия в Грузии (в Армении они закончились в июле 1921 г.).

В целом Гражданская война продолжалась до октября 1922 г. В отдельных регионах Сибири, Кавказа она затянулась до второй половины 1920-х гг., в Средней Азии — до начала 1930-х гг. (Считать завершающим рубежом этой войны разгром 0,8-тысячного отряда А.Н. Пепеляева в 1923 г. можно только из стремления к оригинальности; в том году ещё воевали 15 тыс. басмачей³¹, Туркестанский фронт существовал до июня 1926 г.) Вопреки декларациям большевиков, Гражданская война в России, в отличие, например, от США, не завершилась «гражданским миром», и отдельные её элементы, своего рода конвульсии, проявлялись по стране в годы коллективизации и Второй мировой войны.

Масштабы и продолжительность фазы вооружённого противоборства составляли немаловажную особенность Великой российской революции, в сравнении с большинством революций на Западе. Более длительной эта фаза оказалась разве что в революциях в Нидерландах (1566—1609) и США (1776—1789)³², где доминировали национально-освободительные мотивы, и военные действия велись против других стран. Даже в Великой французской революции не было классической, чётко обозначенной гражданской войны, охватывавшей всю страну.

Главным образом лишь в революциях в Латинской Америке (прежде всего 1808—1826 гг.³³), некоторых азиатских и африканских странах роль военного фактора была ещё выше, а гражданские войны — зачастую в форме масштабной партизанской борьбы — длились десятилетиями. Это объяснялось особой логикой развития «восточных» революций. Как подметил С. Хантингтон, «западные» революции сначала побеждали в столице, а затем подчиняли себе сельские районы. Захват власти в них осуществлялся сравнительно легко, и после этого начиналась гражданская война. В революциях на Востоке, напротив, главные сражения гражданской войны происходили перед захватом столицы. Такие революции, как правило, начинались с периферии, с установления контроля над удалёнными районами и приводили к длительному периоду «двоевластия». Постепенно с помощью пропаганды и террора революционеры за-

³¹ Зевелев А.И., Поляков Ю.А., Чугунов А.И. Басмачество: возникновение, сущность, крах. М., 1981. С. 127.

³² В отечественной и зарубежной историографии эти события датируются по-разному и не всегда признаются революциями.

³³ В советской историографии она именовалась «Освободительная война» или «Война за независимость» 1810—1826 г. Хотя некоторые авторы признавали её «своеобразной буржуазно-демократической революцией», как правило, отмечалось, что она «обладала чертами буржуазной революции», но не сумела «подняться до решения главных социальных проблем». См.: Коваль Б.И. Латинская Америка: революция и современность. М., 1981. С. 10; История Латинской Америки. Доколумбова эпоха — 70-е гг. XIX в. М., 1991. С. 201. «Войной за независимость» или «Освободительной войной» называют данный период и большинство современных отечественных историков.

воёвывали поддержку крестьян, расширяли подвластную территорию, переходили от террористических вылазок к партизанской войне, затем к регулярным военным действиям и в итоге захватывали столицу³⁴. Китайской компартии потребовалось для этого 23 года гражданской войны (1927—1950 гг.; нередко её делят на две войны: 1927—1937 и 1945—1950 гг.), причём массовое истребление населения продолжилось и после неё. В ходе кампании «борьбы с внутренней контрреволюцией», развёрнутой с октября 1950 г., уже к концу 1951 г. и только по официальным данным, были уничтожены 2 млн человек³⁵.

Самой короткой стала гражданская война в Германии (с января по май, в отдельных регионах — по июль 1919 г.; в ходе неё погибли тысячи человек³⁶), а также в Парагвае в 1947 г. (за полгода она унесла 2,5 тыс. жизней). Самой продолжительной явилась гражданская война в Бирме — с некоторыми перерывами она тянулась 64 (!) года (1948—2012)³⁷. Гражданская война в Колумбии с перерывами длится, по меньшей мере, с 1964 г. и, несмотря на успехи миротворческого процесса, ещё не вполне завершилась³⁸.

В этой парадигме Великая российская революция, а отсюда и Гражданская война в базовых параметрах скорее относились к «западному» типу. У нас война началась с захвата Петрограда, затем пошла в регионы, деревню, а в итоге послужила завершающим революцию этапом. Это походило на Запад, но частично: в Англии (1640—1653) и во Франции (1789—1799) гражданские войны были «внутри» революций. В российской Гражданской войне проявилась огромная (ещё более значительная, чем во Французской революции и отчасти напоминая Восток) роль крестьянства. Однако при этом исход войны в России, как и в гражданских войнах на Западе, решали города, а точнее, крупнейшие торгово-промышленные центры и особенно столицы³⁹. Российская Гражданская война, в отличие от большинства «восточных» гражданских войн и от Великой французской революции, почти не была связана с национально-освободительной борьбой «государствообразующей» нации и не характеризовалась всплеском «великодержавного» национализма, а отсюда — патриотизма (разве что кроме Советско-польской войны в 1920 г.). В отличие от гражданских войн в Англии и во Франции, в российской не стоял непосредственно вопрос реставрации монархии. В противоположность английскому и подобно французскому королю, русский царь не возглавил контрреволюцию. Более того, он не последовал примеру обоих королей и всерьёз даже не пытался бежать из-под ареста.

³⁴ Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004. С. 270—278.

³⁵ Порою завершение гражданской войны в Китае датируют 1949 г. (История Китая / Под ред. А.В. Мелекситова. Изд. 2. М., 2002. С. 620).

³⁶ По мнению некоторых авторов, в ходе этой войны были заложены основы Веймарской республики. См., например: Хафнер С. Революция в Германии 1918/19 гг. Как это было в действительности? М., 1983. С. 164.

³⁷ См., например: Васильев В.Ф. История Мьянмы/Бирмы. XX век. М., 2009. С. 263—266, 352.

³⁸ Помимо партизанского характера данных войн их аномальная, даже для «Востока», продолжительность объяснялась остротой политических, социальных, национальных (особенно для Бирмы) противоречий и тем, что здесь они переплетались с интересами мощных, интернационализированных наркокартелей. Эти и прилегавшие к ним страны являлись крупнейшими производителями опиумного мака и коки. Сказывался и горно-лесистый рельеф, преобладавший в этих странах, и давние (с 1920—1930-х гг. в Колумбии и со Второй мировой войны — в Бирме) традиции партизанской борьбы.

³⁹ Ленин В.И. ПСС. Т. 40. М., 1974. С. 6, 7.

В российских событиях 1917—1922 гг. во множестве присутствовали и «восточные» элементы: восьмимесячный период двоевластия (правда, предвещавший Гражданскую войну); повышенная роль крестьянства и — что важно отметить — офицерства (в организации и руководстве контрреволюцией). В какой-то мере это компенсировало слабость и политическую апатию буржуазии (также характерную для латиноамериканских, азиатских и африканских стран). Последнее, в свою очередь, предопределило слабость либералов и недостаток «политического обеспечения» Белого движения, его тотальную «военизацию», затруднившую обретение массовой базы.

Роль иностранной интервенции оказалась в России далеко не такой, как изображала советская историография, но всё же существенной. Она, как и во многих странах Востока, способствовала глобализации Гражданской войны и радикализации самой революции. В отличие от большинства из таких стран, интервенция в России была «многонациональной». В целом, она оказала меньшее влияние на нашу Гражданскую войну, чем на Великую французскую революцию, гражданскую войну в Китае, а тем более в Югославии, Корее и Вьетнаме. В известном смысле по влиянию интервенции российскую революцию можно сопоставить с революцией и гражданской войной в Мексике (1910—1917). Более того, там вышеуказанным событиям предшествовала революция 1854—1860 гг. (включавшая трёхлетнюю гражданскую войну)⁴⁰, а в нашей стране до Великой революции и Гражданской войны была революция 1905—1907 гг., где наблюдались многочисленные вспышки гражданского противостояния.

Важнейшими особенностями Гражданской войны в России стали: небывалая роль партий, госаппарата, включая спецслужбы нового типа, широкое распространение социалистических и особенно коммунистической идеологий. Всё это способствовало радикальным социальным экспериментам, направленным на создание принципиально нового строя и уничтожение целых классов и социальных групп, а отсюда — небывалому кровопролитию. При этом, в отличие от европейских революций, «наша» не завершилась «термидором». Победившие в Гражданской войне радикалы-большевики остались у власти. Во второй половине XX в. эти черты в той или иной мере повторились в революционном движении в целом ряде стран Азии и Латинской Америки.

Российская Гражданская война была тесно связана с Первой мировой войной, которая затруднила иностранное вмешательство в русские дела, придавала вооружённому противостоянию небывалый масштаб и ожесточённость. Возвращавшиеся с фронта солдаты стали одной из важнейших опор большевистской власти. Милитаризация общества; огромные запасы вооружений на руках у населения, а также на складах и в портах (в основном доставшихся большевикам); военный опыт миллионов людей и крайнее ожесточение нравов; изменение состава офицерского корпуса, — эти и другие обстоятельства, порождённые Первой мировой, во многом определили специфику отечественной Гражданской войны. Лишь отчасти схожие факторы проявились в гражданских войнах в Китае, Югославии, Польше (1944—1948) и других странах в ходе и после Второй мировой войны.

Решающую роль в рассматриваемой войне играли регулярные армии и масштабные сражения, в противоположность преимущественно партизанской, террористической тактике гражданских войн ряда латиноамериканских и ази-

⁴⁰ История Латинской Америки. Доколумбова эпоха... С. 229, 230.

атских стран. Это роднило российскую Гражданскую войну с северо-американской (1861—1865). Сходство заключалось и в явной диспропорциональности населения, экономического потенциала у воевавших сторон (в основном сосредоточенных у Севера и у красных), в важной роли индустрии и железных дорог и в огромных потерях. Вместе с тем в российской войне присутствовала иностранная интервенция, большее значение имела конница; реже практиковались характерные для американской войны окапывания, позиционные бои и осады; меньшую роль играл морской театр военных действий, менее распространены были и выборы командиров в регулярных частях.

Пятилетняя Гражданская война в России оказалась одной из самых кровопролитных. Лишь в ходе восстания тайпинов 1850—1864 гг. (фактически гражданской войны) погибло больше людей, — по приблизительным оценкам, до 15—20 млн⁴¹. В России в 1917—1922 гг., по подсчётам Ю.А. Полякова, население уменьшилось на 13 млн человек, из которых до 2 млн эмигрировали, а 11 млн погибли. От 140,6-миллионного населения страны (с учётом Бухары и Хивы, на начало 1920 г.) — это 9,2%. Стоит напомнить, что безвозвратные потери всех 38 стран, официально участвовавших в Первой мировой войне, которая считалась невиданной в истории «мясорубкой», были меньше — 10 млн человек. В ходе двух гражданских войн в Китае в 1927—1950 гг., по сугубо приблизительным, ненадёжным оценкам, погибли 10—13 млн человек. Это сопоставимо с Россией, но население в Китае в 1927 г. (484 млн человек) было в 3,4 раза больше, и доля погибших составляла 2,7%. В ходе гражданской войны в США 1861—1865 гг. погибли до 650 тыс. человек из 36,6-миллионного населения (не считая индейцев), т.е. 1,8% (таких потерь у страны не было за всю её историю, включая две мировые войны). Эта доля близка к потерям населения в гражданской войне в Испании 1936—1939 гг. Там погибло от 270 до 450 тыс. человек⁴² или 1,1—1,8% от 24,6-миллионного испанского населения (на 1935 г.). В ходе непродолжительной, далеко не повсеместной, но крайне свирепой гражданской войны 1793—1794 гг. Франция потеряла до 250 тыс. человек или 0,9% 28-миллионного населения. Почти такие же относительные потери оказались и в забытой теперь гражданской войне в Испании 1820—1823 гг. — примерно 100 тыс. человек из 12,2 млн жителей или 0,8%.

Вышеприведённые сопоставления показывают не только несомненную самобытность российской Гражданской войны, но и её общие черты, связь с некоторыми тенденциями революционного движения на Западе, в Латинской Америке и на Востоке. Это подразумевает, что революция и Гражданская война в России были вызваны не только спецификой предшествовавшего развития страны и Первой мировой войной, но в какой-то мере и определённой логикой модернизации, развития политического процесса в мире, преломившейся сквозь призму отечественных условий. «Случай России, при всей его уникальности... является логичным (хотя и крайним) следствием долгой революционной традиции всей европейской цивилизации», — писал М. Малиа⁴³. Можно лишь добавить, что не только европейской.

Разумеется, нельзя отрывать гражданскую войну от традиций страны. С этих позиций небезынтересно сопоставить её с крестьянскими войнами, которые ещё с советских времён некоторые историки считают разновидностью

⁴¹ История Китая. С. 322.

⁴² Волкова Г.И., Деметров А.В. Политическая история Испании XX в. М., 2005. С. 65; Данилов С.Ю. Гражданская война в Испании (1936—1939). М., 2004. С. 295.

⁴³ Малиа М. Локомотивы истории... С. 5.

гражданских⁴⁴. Представляется, что наряду с религиозными войнами их можно назвать специфическим, присущим традиционному обществу вариантом гражданских войн. Крестьянские войны также характеризовались вооружённой борьбой за власть; участием разнообразных социальных и национальных групп (при доминировании крестьянства); формированием противостоявших друг другу лагерей, созданием своих властных структур и повстанческих армий; стремлением последних идти от окраин к центру, к столице. Вопрос об идеологии и политической программе крестьян остался дискуссионным. Так же, как и в ходе гражданских войн, религиозные мотивы в отечественных крестьянских войнах не являлись основными; главным противникам в них (в отличие от ряда таких же войн на Западе) не были в целом свойственны компромиссы, переговоры с властями и феодалами по поводу каких-то уступок. Вместе с тем, в отличие от крестьянских войн, начинавшихся на периферии, Гражданскую войну в России открыла вооружённая борьба в столице; она охватила всю страну, а не отдельные регионы; она продолжалась дольше и принесла значительно большие потери. Гражданская война была лишена феномена самозванства, монархический фактор уже не являлся главенствующим; казаки играли в ней повышенную, но не лидирующую роль. Гораздо большее значение имели новые социальные группы, появились новые факторы: иностранной интервенции; массовой пропаганды, индустрии и современных коммуникаций — железных дорог, пароходов и т.д. Итогом войны стали создание нового политического режима, существенное изменение социальной структуры и отношений собственности в стране.

Для России революция 1917 г. — самое важное событие («по модулю», по прямому и косвенному влиянию на историю страны), по меньшей мере, за последние 160 лет. Её характер и итоги во многом определила и «конкретизировала» Гражданская война 1917—1922 гг. Она наложила неизгладимый отпечаток на большевизм и всё общество. Ценой невиданных жертв, разорения страны и её архаизации война произвела на свет и легитимизировала новую систему власти, а в целом — фундамент общественной модели, представлявшейся тогда альтернативной капитализму формой развития.

⁴⁴ См., например: Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв.: проблемы, поиски, решения. М., 1974. С. 10, 31—33, 36, 40.

Руслан Гагкуев

Гражданская война. Конфликт без хронологии?

Ruslan Gagkuev

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Civil war. Conflict without chronology?

DOI: 10.31857/S086956870004218-0

Более 100 лет прошло с начала российской Гражданской войны. Следуя традиционной отечественной историографии, многие историки и публицисты, а также СМИ связали эту дату с весной 1918 г. Отсутствие на этот счёт официальной позиции государства в 2018 г. (в отличие от празднования юбилея Великой российской революции 1917 г.)¹ привело к «разбросу» многочисленных юбилейных конференций², выставок и разного рода событий.

В таком восприятии Гражданской войны, как в зеркале, отразилась ситуация, сложившаяся в российском историческом сообществе. По справедливому замечанию А.В. Ганина, поток «разного рода произведений, ориентированных на коммерческий успех, неизбежно возрастает к юбилейным датам», а разного рода «теории заговоров и поиск скрытых смыслов по-прежнему весьма популярны» в обществе, в то время как «академическая наука в строгом смысле слова не пытается ответить на масштабный общественный запрос»³.

С другой стороны, среди исследователей не существует какой-либо единой трактовки событий Гражданской войны; во многих случаях учёные занимают противоположные политические платформы, проецируя события столетней давности на современную ситуацию⁴ и явно обнаруживая неспособность даже выслушать не принимаемые ими концепции. Поэтому вполне понятна попытка

¹ См., например: Президент России о предстоящем 100-летию Революции 1917 года. 1 декабря 2016 г. // Российское историческое общество (URL: <https://historyrussia.org/proekty/100-letie-revolutsii-1917-goda/prezident-rossii-o-predstoyashchem-100-letii-revolutsii-1917-goda.html>); Приветствие Президента России участникам международных мероприятий, приуроченных к 100-летию Российской революции 1917 года. 3 ноября 2017 г. // Президент России (URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/letters/55993>); Распоряжение Президента Российской Федерации «О подготовке и проведении мероприятий, посвящённых 100-летию революции 1917 года в России» // Российское историческое общество (URL: <https://historyrussia.org/images/documents/0001201612200017.pdf>); План основных мероприятий, связанных со 100-летием революции 1917 года в России, Региональный план мероприятий, связанных со 100-летием революции 1917 года в России // Российское историческое общество (URL: <https://historyrussia.org/proekty/100-letie-revolutsii-1917-goda.html>). Не менее насыщенно юбилей революции отмечался и на местах. См., например: План просветительских и памятных мероприятий к 100-летию революционных трансформаций в 2017 г. // Администрация г. Орска (URL: <http://orsk-adm.ru/?q=content/35631>); и др.

² Так, в Санкт-Петербурге 25 мая 2018 г. состоялась международная конференция «Гражданская война в России: взгляд через 100 лет»; в Волгограде 11–14 октября — конференция «Смутные времена в России начала XVII и начала XX столетий: природа и уроки»; в Новосибирске 8–9 ноября — всероссийская научно-практическая конференция «Гражданская война. Многовекторный поиск гражданского мира» и т.д.

³ Ганин А.В. Семь «почему»... С. 5. См. также рецензию на эту книгу: Лученков А.С. От Сибири до Крыма... Обречённость белых? // Российская история. 2018. № 4. С. 204–207.

⁴ См., например, полярные по своим оценкам событий Гражданской войны материалы сайта Мемориально-просветительского и историко-культурного центра «Белое дело» (URL: <http://beloedelo.com>) и страницы Общероссийской общественной организации «Российские учёные социалистической ориентации» (URL: <https://kprf.ru/puso>).

Б.И. Колоницкого начать диалог о посвящённых Гражданской войне «важных вопросах» и крайне осторожно высказать по некоторым из них своё мнение⁵.

Вряд ли кто-то всерьёз сегодня возьмётся поспорить с актуальностью названной проблематики для современного мира. Сведения о количестве в нём «гражданских войн» только за 2015 г., приведённые Колоницким, свидетельствуют о глобальном значении таких конфликтов, но вовсе не об уникальности подобного опыта в России (пусть и огромного масштаба). В этой связи изучение всех аспектов Гражданской войны для отечественной и зарубежной историографии действительно «приобретает новую актуальность».

Но и для России, и для других стран мира, имеющих в своём прошлом «большие» гражданские войны, эта актуальность определяется не только «глобальными вызовами», а также изучением опыта боевых действий, как оказалось, значимых и для современных «гибридных войн». Вопросы сохранения памяти участников давно минувших вооружённых конфликтов (и Гражданская война — не самая «древняя») и отождествления разными общественными группами себя с когда-то существовавшими партиями, армиями и проч. способны вызвать нездоровую дискуссию или даже раскол в обществах, казалось бы, уже «примирившихся» со своим прошлым. В этом отношении опыт России последних лет (ситуация с обсуждением проблемы переименования в Москве улицы и станции метро «Войковская»⁶, установление, а затем снятие памятной доски адмиралу А.В. Колчаку в Санкт-Петербурге⁷, попытки демонтажа памятника тому же Колчаку в Иркутске⁸ и др.) почти сравним с тем, что происходит сегодня с сохранением памяти «проигравших» и «победителей» гражданских войн в США и Испании.

В связи с этим, как справедливо отметил Колоницкий, историки должны «ограничить манипулирование социальными представлениями о прошлом». Поставив знаки вопроса в заголовке своей статьи после 1917 и 1922 гг., автор, по сути, сразу же определил как спорность любой из выбранных дат для точного обозначения временных рамок Гражданской войны (или даже — войн), так и возможность дискуссии по данной проблеме. Действительно, даже такой простой вопрос, как дата начала этой войны, сразу порождает спор среди историков. И это не случайно. Любая попытка определения точной даты неизбежно сталкивается, как минимум, с попыткой выявить ответственного за развязывание Гражданской войны, как максимум — представить свою, оригинальную трактовку связанных с ней событий. Во многом именно поэтому вопрос «начальной даты» неизменно остаётся (вероятно, так будет всегда) предметом для острой полемики среди исследователей. По замечанию Колоницкого, «“простой” вопрос о хронологических рамках Гражданской войны оказывается связан с общей концепцией этого конфликта».

⁵ Данная статья стала своеобразным продолжением материала, также написанного к «юбилейной дате»: *Колоницкий Б.И.* Красные против красных. К 90-летию окончания Гражданской войны в России // Нева. 2010. № 11. С. 144–164.

⁶ См., например: Переименовать нельзя оставить // Литературная газета. 2015. 28 октября (URL: <http://lgz.ru/article/-42-43-6530-28-10-2015/pereimenovat-nelzya-ostavit/>); *Осс Н.* Дверь в 17-й год. Почему переименование Войковской стало общенациональной проблемой // Lenta.ru. 2015. 12 ноября (URL: <https://lenta.ru/columns/2015/11/12/mavzol/>); и др.

⁷ См.: Мемориальная доска Колчаку демонтирована в Санкт-Петербурге // ТАСС. 2017. 5 июля (URL: <https://tass.ru/obschestvo/4388757>); и др.

⁸ См.: Суд встал на сторону адмирала. В иске о сносе памятника Александру Колчаку в Иркутске отказано // Коммерсант. 2018. 16 июня (URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3657895>).

В советской исторической литературе его начало традиционно относилось к периоду лета — осени 1918 г. (тогда на разных фронтах развернулось полномасштабное военное противостояние между двумя главными противниками — красными и белыми⁹) и увязывалось с выступлением Чехословацкого корпуса и иностранным военным вмешательством. Для советской историографии определение хронологических рамок войны было привязано к высказываниям основателя Советского государства В.И. Ленина. Но его же характеристики, сделанные в разное время и при различных обстоятельствах, создавали для историков и возможность определять эти рамки по-иному. По одним оценкам Ленина, Гражданская война как форма классовой борьбы продолжалась пять лет — с октября 1917 г. по октябрь 1922 г.¹⁰, по другим — отдельно выделялся период с весны—лета 1918 г. до конца 1920 г., когда проблема «военных событий» выступала «как главный, коренной вопрос революции»¹¹. И если в «Кратком курсе ВКП(б)» жёстко прописывалась каноническая для советской историографии начальная дата (весна—лето 1918 г.), связанная именно с «иностранный военной интервенцией»¹², то позднее, по мере смягчения прописанных в 1930-х гг. канонов, стали возможны и другие взгляды. Например, в 1968 г. Л.М. Спириин определил первый период Гражданской войны октябрём 1917 г. — началом 1918 г. (при активизации боевых действий к весне — лету 1918 г.)¹³.

В современной отечественной историографии выделяются две основные (нередко даже не озвучиваемые самими исследователями) точки зрения: война началась весной — летом 1918 г. либо в октябре 1917 г.¹⁴ В первом случае историки исходят или из иностранного военного вмешательства в дела Советской России, и/или начала широкомасштабных боевых действий, а во втором — связывают рассматриваемые события с захватом власти большевиками и последовавшим расколом страны на их сторонников и противников (одной из точек «невозврата» обозначаются также разгон большевиками в Петрограде Учредительного собрания и/или заключение Брестского мира).

Среди историков существуют и различные взгляды по поводу даты окончания войны: конец 1920 г. — время разгрома в Крыму армии генерал-лейтенанта П.Н. Врангеля и окончание Советско-польской войны¹⁵ (но «на окраинах стра-

⁹ Исходную точку Гражданской войны (весна—лето 1918 г.) связывали с началом интервенции (История Гражданской войны в СССР. Т. 3. М., 1958). В дальнейшем такая хронология многократно воспроизводилась, например: Гражданская война в СССР. Т. 1. С. 9; Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия / Гл. ред. С.С. Хромов. Изд. 2. М., 1987. С. 7; и др.

¹⁰ Ленин В.И. ПСС. Т. 45. М., 1970. С. 277. Отдельное внимание вождь уделил поражению и эвакуации из Владивостока частей Приамурской земской рати осенью 1922 г.: «Вы знаете прекрасно, сколько жертв принесено при достижении того, что сделано, вы знаете, как долго тянулась гражданская война и сколько сил она взяла. И вот, взятие Владивостока показало... нам всем всеобщее стремление к нам, к нашим завоеваниям... Это стремление избавило нас и от врагов гражданских, и от врагов внешних, которые наступали на нас» (Там же. С. 302—303).

¹¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 37. М., 1969. С. 13—14. Фактически об окончании Гражданской войны Ленин говорил на VIII съезде Советов 22 декабря 1920 г.: «Мы переживаем как раз переломный, переходный период... когда от войны мы переходим к строительству хозяйственному» (Там же. Т. 42. М., 1970. С. 138).

¹² История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 2004. С. 216.

¹³ Спириин Л.М. Классы и партии в Гражданской войне в России (1917—1920). М., 1968. С. 28—29.

¹⁴ См., например: Цветков В.Ж. В гражданских войнах победителей не бывает. Интервью // Русская народная линия. 2018. 2 февраля (URL: http://ruskline.ru/opp/2018/fevral/8/v_grazhdanskih_vojnah_pobeditelej_ne_byvaet/).

¹⁵ История Гражданской войны в СССР. Т. 5. М., 1960. С. 369.

ны» «малая» война продолжалась до октября 1922 г.)¹⁶; в ряде случаев — 1921 г., связанный с введением в Советской России нэпа, подавлением антисоветского Кронштадтского восстания (мятежа) и «ликвидацией последних очагов Гражданской войны и интервенции»¹⁷.

В утверждённой в 2013 г. Концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории¹⁸, рассматриваемая война представлена в тематическом разделе «Россия в годы “Великих потрясений”. 1914—1921 гг.» и в одном блоке с революционными событиями («Великая российская революция 1917 г.»). Здесь начало Гражданской войны связывается с осенью 1917 г. («установление советской власти в центре и на местах»), а окончание — с 1921 г. (завершение Тамбовского крестьянского восстания и начало нэпа). Хотя данный документ определяет содержание только школьных учебников, его подготовку вело в том числе научное сообщество, представлявшее профильные институты РАН. Широкое же общественное обсуждение проекта стало, по сути, первой за всю отечественную историю попыткой государства, науки и общества договориться о некоем едином взгляде на прошлое нашей страны, в том числе и на историю Гражданской войны.

Конечно, существуют и другие её периодизации, не разделяемые большинством историков, и в зависимости от концепций их авторов, продлевающих срок окончания войны дальше обозначенного Д. Смилом 1926 г.¹⁹, либо вовсе указывающих на наличие «второй» (1920—1930-е гг.) и «третьей» (1940-е гг.) гражданских войн²⁰ или «непрерывающегося сопротивления большевизму».

Спектр взглядов современных историков на ключевые проблемы Гражданской войны продемонстрировали материалы международной конференции «Гражданская война в России: взгляд через 100 лет»²¹. Здесь ведущие исследователи темы (25 представителей российских и зарубежных научных школ) в формате «вопрос/ответ» подробно изложили свои взгляды относительно историографии данного конфликта. В опросе участвовали А.В. Ганин, В.И. Голдин, Г.З. Иоффе, В.В. Калашников, Б.И. Колоницкий, А.В. Посадский, А.С. Пученков, А.Е. Рабинович, Д. Дж. Рейли, Дж. Санборн, Дж. Суэйн, Р.А. Уэйд, В.Ж. Цветков, В.В. Шелохаев, В.И. Шишкин и др.

¹⁶ Гражданская война в СССР. Т. 2. М., 1986. С. 9—10.

¹⁷ См.: Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. Изд. 2. С. 14. А.В. Шубин относит к 1921 г. «последний всплеск Гражданской войны и революции», говоря о крестьянских восстаниях и переходе к новой экономической политике (*Шубин А.В.* Великая российская революция. 10 вопросов / Под ред. А.В. Торкунова, А.О. Чубарьяна. М., 2017. С. 43—44).

¹⁸ Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории // Российское историческое общество (URL: <http://rushistory.org/images/documents/konsepsiyafinal.pdf>). Историко-культурный стандарт разработан в соответствии с поручением Президента РФ В.В. Путина от 21 мая 2012 г. Приказ № 1334. 30 октября 2013 г. данная концепция была утверждена на расширенном заседании совета Российского исторического общества.

¹⁹ К.М. Александров придерживается точки зрения, что начало Великой Отечественной войны — «прямое следствие событий, происшедших 25 октября 1917 г. ... Многие человеческие поступки и поведение в годы войны были следствием не прекращавшейся с 1917 г. гражданской войны» (Интервью К.М. Александрова // Исторический дискуссионный клуб. 12 марта 2010 г. (URL: <https://historicaldis.ru/blog/43302183596/Bolshoe-intervyu-Kirilla-Aleksandrova>).

²⁰ См., например: *Пушкарёв Б.С., Александров К.М., Балмасов С.С., Долинин В.Э., Цветков В.Ж., Дурганов Ю.С., Штамм А.Ю.* Две России XX века. Обзор истории 1917—1993 гг. Изд. 2, испр. М., 2011. С. 176, 275.

²¹ Основные проблемы историографии Гражданской войны в России в вопросах и ответах // Гражданская война в России: взгляд через 100 лет... С. 8—252.

В числе вопросов, заданных участникам заочной дискуссии, прозвучал следующий: каким временем (событием) вы датируете начало/окончание Гражданской войны? В результате её обозначили в «широком» смысле («эпоха, когда вооружённая борьба была одной из форм борьбы за власть, начавшейся в эпоху Русской революции 1917 г.») и «узком» («период крупномасштабной “фронтной” войны с участием регулярных армий»). При оценке «широких» рамок войны почти все историки датировали её начало февралём или октябрём 1917 г., а окончание — концом 1922 г., существенно разойдясь относительно «узких» хронологических рамок²².

Подобная «разноголосица» объяснима, поскольку ответы на поставленные вопросы, по определению Колоницкого, должны были «существенно отличаться» «в зависимости от того определения Гражданской войны, которое использует тот или иной автор»²³. Замечу, что её периодизация наглядно отражает существующие концепции этой войны и, как отметил Колоницкий, наличие у каждого автора своего «исследовательского инструментария». При этом следует выделить ещё одну важную тенденцию (как на примере проведённого Калашниковым «социологического опроса» историков, так и других публикаций специалистов²⁴), прямо противоположную концепции «множественных войн» Д. Смита, которой Колоницкий уделил так много внимания.

Расширение хронологических рамок Гражданской войны неизбежно ведёт к её фактическому «слиянию» с революцией 1917 г., рассмотрению относящихся к ней и Гражданской войне событий как единого процесса. Это, конечно, не является чем-то принципиально новым. Ещё в 1992 г. академик Ю.А. Поляков связал начало войны с её «прологом» — февральско-мартовскими событиями 1917 г. (при этом он считал, что «в полном смысле этого слова» она началась летом 1918 г.)²⁵.

Однако исследование Великой российской революции 1917 г.²⁶ и Гражданской войны в качестве единого революционного процесса (1917—1922) стало набирать силу только в последние годы. Влияние 1917 г. на события Гражданской войны настолько велико, что их невозможно отделить друг от друга. Такой подход к осмыслению событий, начиная с февраля 1917 г. и заканчивая образованием СССР в конце 1922 г., представляется вполне заслуживающим права на существование. Показательно, что ряд историков в проведённом

²² Там же. С. 187.

²³ Там же. С. 79.

²⁴ В.С. Измозик и С.Н. Рудник распространяют хронологию «второй русской революции» на период 1917—1921 гг., рассматривая как один процесс революционные события и Гражданскую войну. Последняя, по их словам, «в основном, завершилась победой большевиков к началу 1921 г. Это и стало окончанием второй русской революции» (*Измозик В.С., Рудник С.Н.* Февраль и октябрь 1917 г. — этапы второй русской революции // В.И. Ленин в современном мире. Материалы Третьей ежегодной международной научно-практической конференции. Разлив, 22 апреля 2009 г. / Под ред. М.В. Попова. СПб., 2009. С. 40—43). По мнению Шубина, во время Великой российской революции 1917—1922 гг. было «несколько гражданских войн» (*Шубин А.В.* Великая российская революция... С. 32, 44).

²⁵ Подробнее см.: *Поляков Ю.А.* Гражданская война в России... С. 32—40.

²⁶ См.: *Российская революция 1917 года: власть, общество, культура.* В 2 т. / Отв. ред. Ю.А. Петров. Т. 1—2. М., 2017; *Феномен революции в России: истоки и уроки.* Страницы документальной истории / Науч. рук. проекта Н.А. Нарочницкая, А.К. Сорокин; сост. А.А. Репников, Б.С. Котов, П.Ю. Савельев. М., 2017; *Гакуев Р.Г., Репников А.В.* Великая революция 1917 года: иллюстрированная летопись. М., 2017; и др.

В.В. Калашниковым опросе рассматривают революцию и Гражданскую войну именно как единый процесс (см., например, ответы В.В. Шелохаева²⁷).

Подобный взгляд в дальнейшем может привести к появлению и даже закреплению в историографии некоего нового названия исторического процесса этого этапа (вполне возможно, и упомянутой Колоницким «большой гражданской войны»). Хотя ещё А.И. Деникин для периода 1917—1920 гг. использовал определение «русская смута» (до выхода его фундаментального труда современники уже использовали понятие «смута» по аналогии со Смутой XVII в. для характеристики событий начиная с 1917 г.). После же публикации двух изданий книги В.П. Булдакова²⁸ расхожим стало и название «Красная смута».

Конечно, в ситуации «неизбежного методологического “многоголосия”» действительно будет не лишним, по крайней мере, попытаться «выработать некоторые правила академического диалога» и «задуматься о языке описания Гражданской войны». Но будут ли такие попытки по-настоящему действенными — большой вопрос. Начавшийся в 1917 г. в России революционный процесс, который закончился затем победой советской власти в Гражданской войне, неизбежно включает в себя множество разного рода войн и конфликтов. Безусловно, все они связаны с Великой российской революцией 1917 г., вне зависимости от желаний и стремлений исследователей обозначить их сугубо национальный (как это нередко делают историки постсоветского пространства)²⁹ или иной статус. Сложно отрицать, что именно главные события — Великая российская революция 1917 г. и начавшаяся «большая гражданская война» (или «русская смута» XX в.) спровоцировали все остальные многочисленные войны и конфликты, включая интервенцию, противостояния крестьянства власти и проч. Но именно в силу многомерности происходивших на просторах бывшей Российской империи событий имеет смысл рассматривать революцию 1917 г. и Гражданскую войну как единый исторический процесс.

Сегодня, спустя 100 лет с момента своего начала, Гражданская война в России остаётся одним из наиболее важных и актуальных исторических периодов, неизменно привлекающих внимание всего общества. Зачастую появляющиеся в нём полярные взгляды на то далёкое время требуют от историков и публицистов крайней взвешенности в оценке событий и тщательного осмысления связанных с войной материалов.

²⁷ Основные проблемы историографии Гражданской войны в России в вопросах и ответах... С. 161.

²⁸ Булдаков В.П. Красная смута...

²⁹ Так, украинские историки в Гражданской войне на Украине (1917—1921) прежде всего видят «ряд особенностей», позволяющих характеризовать её «как отдельное историческое явление, в основе которого лежала борьба за украинское национальное самоопределение и государственный суверенитет» (*Верстюк В.Ф.* Громадянська війна в Україні 1917—1921 // *Енциклопедія історії України* у 10 т. / Редкол.: В.А. Смолій (голова) та ін. Т. 2. Київ, 2004. С. 213).

Гражданская война и интервенция на окраинах России

Британия и начало интервенции в России в первой половине 1918 г.

Евгений Сергеев

Britain and the Opening of Intervention in Russia in the First Half of 1918

Evgeny Sergeev

(Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870004219-1

Реконструкция начального периода иностранного вооружённого вмешательства в России, главную роль в организации которого играла Великобритания, остаётся важной исследовательской задачей. Её актуальность только возрастает в связи с текущим международным положением и теми вызовами, с которыми сталкивается наша страна в настоящее время.

Во второй половине 1920-х гг. по рассматриваемой теме было опубликовано несколько сравнительно объективных работ, авторы которых приводили факты двойственной политики Антанты в отношении РСФСР¹. Однако вскоре советские историки сконструировали искажённую, крайне тенденциозную концепцию интервенции как «ответа империалистического Запада на Великую Октябрьскую социалистическую революцию» с целью «реставрации буржуазно-помещичьего строя»².

Концепция британского вооружённого вмешательства приобрела завершённый вид к концу 1950-х — началу 1960-х гг. Авторы трудов, посвящённых сначала 40-летию, а затем и 50-летию «Великого Октября», сознательно исключили из них остаток научной объективности³. И только в наше время формируется беспристрастный, основанный на широкой источниковой базе взгляд на предпосылки, основные этапы и последствия вооружённого вмешательства союзников вообще и британцев в частности⁴.

© 2019 г. Е.Ю. Сергеев

¹ *Левидов М.Ю.* К истории союзной интервенции в Россию. Т. 1. Л., 1925.; *Йоффе Я.* Организация интервенции и блокады Советской республики, 1918—1920. Очерк. М.; Л., 1930.

² См., например: *Миц И.И.* Английская интервенция и северная контрреволюция. М.; Л., 1931; *Штейн Б.Е.* Внешняя политика СССР 1917—1923 гг. М., 1945; *Волков Ф.Д.* Крах английской политики интервенции и дипломатической изоляции Советского государства (1917—1924). М., 1954; и др.

³ *Советская Россия и капиталистический мир 1917—1923 гг.* М., 1957. С. 284—356; *Ивашин И.Ф.* Очерки истории внешней политики СССР. М., 1958. С. 49—82; *Васюков В.С.* Предыстория интервенции: февраль 1917 — март 1918. М., 1968. С. 283—294; и др. К сожалению, эта традиция всё ещё имеет продолжение (см., например: *Малов Ю.А.* Великобритания — Россия: исторический мезальянс. М., 2016. С. 149—159).

⁴ См., например: *Фомин А.М.* Военно-политические цели Великобритании на завершающем этапе Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2012. № 3. С. 86—87.

Между тем и зарубежная историография интервенции, во всяком случае та её англоязычная часть, которая увидела свет до начала 1990-х гг., вряд ли может быть признана эталоном по ряду причин: ограниченности круга доступных архивных материалов, незнания национальных языков России и, конечно, доминирования в общественном сознании зарубежных исследователей мифологем холодной войны⁵. Справедливости ради отмечу, что за последние годы положение изменилось к лучшему, поскольку большинство серьёзных западных историков искренне стремились к более объективной интерпретации вооружённого вмешательства Антанты в российские дела. Авторы опирались на ставшие доступными материалы отечественных и иностранных архивов — неопубликованные мемуары участников событий, их личную переписку, досье таких специальных служб, как военная контрразведка МИ-5 и др.⁶

Дистанцируясь от продолжающихся споров о происхождении, сущности и основных этапах иностранной интервенции в целом, рассмотрим следующие ключевые вопросы: почему официальный Лондон оказался вовлечённым в агрессивные действия по отношению к Советской России, в чём конкретно выразилось это вмешательство, и какие последствия оно имело для будущих двусторонних отношений?

Здесь необходимо обратить внимание на мнение члена коалиционного Военного кабинета лорда А. Милнера, высказанное им в период пребывания на должности военного министра. Он назвал главные причины интервенции союзников весной 1918 г.: предательство большевиков; контроль Центральных держав на территории Румынии; вероятность передачи Германии российского Черноморского флота; угроза перехода в руки немцев закупленного Россией у Антанты военного снаряжения; опасения стран Согласия по поводу того, что Север бывшей империи Романовых станет удобной базой для действий германских субмарин против союзных конвоев⁷. В рейтинге же мотивов вооружённого вмешательства Антанты в российские дела, добавляет один из биографов Милнера, выше всего стояла «необходимость остановить переброску германских войск с востока на запад»⁸.

Близкое к этим суждениям мнение содержится в мемуарах британского генерал-майора Ч. Мейнарда, который на протяжении нескольких месяцев командовал союзными силами на российском Севере. Он также указывал на необходимость внести в сознание граждан бывшей империи решимость не складывать оружия до полной победы Антанты над Четверным союзом⁹.

Как показывает анализ трудов зарубежных историков (за исключением тех, кто придерживался крайне левых взглядов и поэтому традиционно обвинял «международный империализм» во всех смертных грехах¹⁰), указанные мотивы интервенции обычно дополнялись тезисом о необходимости «остановить

⁵ *Kenan G. Soviet-American Relations. 1917—1920. Vol. 2. L., 1958. P. 245—276; Kenan G. Russia and the West under Lenin and Stalin. Boston; Toronto, 1961. P. 64—79; Ullman R. Anglo-Soviet Relations 1917—1921. Vol. 1. Princeton (N.J.), 1961. P. 191—229; etc.*

⁶ *Hudson M. Intervention in Russia, 1918—1920. A Cautionary Tale. Barnsley, 2004. P. 43—79, 81—99, 139—156.*

⁷ *Городецкий С.И. Образование Северной области // Белый Север. 1918—1920 гг.: мемуары и документы / Сост. В.И. Голдин. Вып. 1. Архангельск, 1993. С. 32.*

⁸ *O'Brien T. Milner. Viscount Milner of St. James's and Cape Town. 1854—1925. L., 1979. P. 319.*

⁹ *Maynard C. The Murmansk Venture. L., 1928. P. 8—9.*

¹⁰ *Price M. The Truth about the Allied Intervention in Russia. M., 1918. P. 3; Goode W. Bolshevism at Work. L., 1920. P. 141—142; Coates W., Coates Z. A History of Anglo-Soviet Relations. Vol. 1. L., 1943. P. 81—97; Page A.R. The Impact of the Russian Revolution in Britain. L., 1967. P. 146; etc.*

большевизацию Европы»¹¹. Кроме того, некоторые из западных исследователей стремились уточнить версию событий 1918—1922 гг., используя оригинальные (но и спорные) трактовки. Например, одни писали о вмешательстве с целью «предотвратить поражение большевиков от белых под германским покровительством»¹²; другие обращали внимание на намерения Антанты начать её не столько для восстановления Восточного фронта, сколько для того, чтобы не дать американцам занять доминирующее положение в России¹³; третьи указывали на то обстоятельство, что «никакой скоординированной интервенции вообще не было», а каждый из членов Антанты, особенно после окончания Первой мировой войны, действовал по собственной инициативе¹⁴; четвёртые рассматривали пребывание иностранных войск на российской территории как вполне оправданный шаг «с моральной точки зрения», считая большевистский режим «предвосхищением» всех видов тоталитаризма XX в.¹⁵; пятые были склонны оценивать Гражданскую войну (или войны) и сопровождавшую её (их) интервенцию в качестве «продолжения глобального вооружённого конфликта»¹⁶.

Начальный этап вмешательства войск Антанты в Гражданскую войну, развернувшуюся на территории России сразу же после захвата власти большевиками, получил сначала у зарубежных, а потом и отечественных историков наименование «интервенция по приглашению»¹⁷. Первым данное выражение использовал журналист либеральной газеты «Манчестер Гардиан» («*Manchester Guardian*») М. Прайс. Помимо прочего, он на протяжении четырёх лет выполнял в Советской России и разведывательные функции для военной разведки МИ-1(с) (с 1927 г. МИ-6), но при этом с большой симпатией относился к «коммунистическому эксперименту». В мемуарах о российской революции Прайс высказал мнение, что «большевики смотрели сквозь пальцы на действия Мурманского и Архангельского Советов, пригласивших войска Антанты в качестве противовеса прогерманскому правительству» бывшего генерал-лейтенанта царской армии, а затем гетмана Украинской державы П.П. Скоропадского¹⁸.

¹¹ См., например: *Chamberlin W.* The Russian Revolution. Vol. 2. N.Y., 1935. P. 150—172; *Schuman F.* Russia since 1917. Four Decades of Soviet Politics. N.Y., 1957. P. 105; *Kennan G.* Russia and the West under Lenin and Stalin. P. 79; *Fleming D.* The Cold War and Its Origins, 1917—1960. L., 1961. P. 31; *Ullman R.* Anglo-Soviet Relations... Vol. 1. P. 185; *Kettle M.* Russia and the Allies. 1917—1921. Vol. 2. L.; N.Y., 1988. P. 25—48; *Carley M.* Silent Conflict: A Hidden History of Early Soviet-Western Relations. Langham (Md.), 2014. P. 1—28; etc. Детальный анализ причин интервенции см.: *Somin I.* Stillborn Crusade. The Tragic Failure of Western Intervention in the Russian Civil War, 1918—1920. L., 1996. P. 1—21. Отдельного упоминания заслуживает исследование об активном участии британской военной разведки в действиях интервенционистских сил на территории бывшей Российской империи: *Plotke A.* Imperial Spies Invade Russia. The British Intelligence Interventions, 1918. Westport (Ct.); L., 1993. P. 83—105, 107—124.

¹² *Reynolds P.* Shattering Empires: The Clash and Collapse of the Ottoman and Russian Empires, 1908—1918. Cambridge, 2011. P. 61.

¹³ *Gardner L.* Safe for Democracy: The Anglo-American Response to Revolution, 1913—1923. N.Y.; Oxford, 1987. P. 149—150.

¹⁴ *Pipes R.* Russia under the Bolshevik Regime 1919—1924. L., 1994. P. 63.

¹⁵ *Somin I.* Stillborn Crusade... P. 20.

¹⁶ *Smele J.* The «Russian» Civil Wars, 1916—1926: Ten Years that Shook the World. L., 2015. P. 1—16.

¹⁷ *Kettle M.* Russia and the Allies... Vol. 2. P. 25—48; *Dobson C., Miller J.* The Day We Almost Bombed Moscow 1918—1920. L., 1986. P. 39—51; *Потитейн Э.* Когда Англия вторглась в Советскую Россию. М., 1982. С. 93—116; *Думова Н.Г., Трухановский В.Г.* Черчилль и Миллюков против Советской России. М., 1989. С. 49.

¹⁸ *Price M.* My Reminiscences of the Russian Revolution. L., 1921. P. 277.

Однако представляется, что точнее обозначить начальный этап иностранного и, естественно, британского вооружённого вмешательства в России смогло бы понятие «интервенция по соглашению». Для обоснования этого тезиса обратим внимание на Мурманский край, Олонецкую и Архангельскую губернии бывшей империи. К началу 1918 г. всю полноту власти в Мурманске осуществлял Краевой совет, а в Архангельске — генерал-губернатор, полномочия которого были подтверждены ещё Временным правительством. По мнению специалистов, это время характеризовалось активными контактами управляющего делами Мурманской народной коллегии и Краевого совета капитана 2-го ранга Г.М. Веселаго с дипломатическими и военными представителями Антанты (прежде всего с британскими)¹⁹.

С другой стороны, учитывая тяжёлое положение на фронтах, ряд экспертов внешнеполитического и военного ведомств Великобритании по аналогии с возникшими ещё осенью 1917 г. планами создания Юго-Восточного союза на территории казачьих областей Дона и Кубани, куда были направлены специальные эмиссары Антанты²⁰, предлагали организовать между Онежским озером и Белым морем так называемую Северную федерацию или Беломоро-Онежскую республику под английским протекторатом. Рубежи нового государственного образования простирались бы от Карелии до Архангельска на востоке и Вологды на юге²¹.

Тем временем при поддержке английского консула Д. Янга в Архангельске собрались представители восьми северо-восточных губерний России, чтобы конституировать Северо-Восточную (или Северную) федерацию (*North-Eastern or Northern Federation*). Примечательно, что буквально накануне своего отъезда из Петрограда британский посол Дж. Бьюкенен успел сообщить в Форин офис о том, что «формируется новое Северное государство с Архангельском в качестве столицы»²², а газета «Таймс» 10 января опубликовала статью под красноречивым заголовком: «Стерлинговая валюта для Северной России»²³.

Сепаратные переговоры в Брест-Литовске, разгон Учредительного собрания и аннулирование иностранных займов — все эти шаги правительства Ленина, с точки зрения современников, положили конец всякой легитимности в России²⁴. В то же время они укрепили мнение большевистского руководства в необходимости продолжить тактическое лавирование между воюющими коалициями. Кроме того, двусмысленность внешней политики Советской России вытекала из заявления Ленина по поводу Брест-Литовского соглашения: «Партия не подписывает договора, а за партию правительство не отвечает!»²⁵.

Вместо возможного признания Антантой режима народных комиссаров союзники запретили вывоз в глубь России импортного военного имущества, сосредоточенного на складах северных морских портов. Об этом свидетельствовала нота, отправленная 4 марта 1918 г. наркомом по иностранным делам

¹⁹ *Голдин В.И.* Предисловие // Белый Север... Вып. 1. С. 8.

²⁰ Там же. С. 6.

²¹ *Чичерин Г.В.* Внешняя политика Советской России за два года. М., 1920. С. 16; *Graham M.* The League of Nations and the Recognition of States. Vol. 3. № 2. Pt. I. Berkeley, 1941. P. 122.

²² *Ullman R.* Anglo-Soviet Relations... Vol. 1. P. 112, 114.

²³ ГА РФ, ф. 6302, оп. 1, д. 3.

²⁴ *Раскольников Ф.* Рассказы мичмана Ильина. М., 1936. С. 3—18; *Kemman G.* Soviet-American Relations... Vol. 1. N.Y., 1967. P. 361—362.

²⁵ Цит. по: *Wheeler-Bennett J.* Brest-Litovsk: The Forgotten Peace. March 1918. L., 1939. P. XII.

Л.Д. Троцкому от имени держав Согласия консулом Янгом²⁶. Однако большевики, которые ещё в январе того же года создали Чрезвычайную комиссию по разгрузке Архангельского порта, а 10 февраля установили контроль над городом, только ускорили эвакуацию указанных запасов в направлении Вологды и Котласа — по 3 тыс. т еженедельно без какого-либо согласования с бывшими союзниками²⁷.

Одновременно успокоительные заверения в адрес лидеров Антанты со стороны генерала К.-Э.-Г. Маннергейма, главнокомандующего национальной армией Финляндии (провозгласившей независимость ещё в декабре 1917 г.), о сохранении нейтралитета и приглашении немецких войск на её территорию лишь с целью борьбы против большевизации бывшего Великого княжества, вступали в противоречия с декларацией о необходимости «очистить Карелию от красных», сделанной генералом 23 февраля 1918 г.²⁸ Десант германских экспедиционных сил на Аландских островах в Балтийском море 5 марта и заключение мирного договора между Берлином и Хельсинки спустя двое суток лишь усилили опасения не только британского, но и советского правительств, поскольку для обоих возникала угроза наступления объединённых германо-финских войск на Кольском полуострове²⁹.

Особенно напряжённая ситуация, сложившаяся вокруг Мурманска весной 1918 г., побудила местные органы власти запросить у СНК РСФСР разрешение на получение помощи Антанты. 1 марта в телеграмме А.М. Юрьеву — председателю Мурманского краевого совета — Троцкий санкционировал «всякое содействие союзных миссий» в борьбе с «немцами и белофиннами», однако эта «комбинация», по мнению большевистского правительства, должна была носить «абсолютно неофициальный характер»³⁰. На следующий день местная администрация заключила «словесное соглашение» с англо-французским командованием о координации усилий по обороне края. Данный акт, положивший начало «интервенции по соглашению», привёл к власти в регионе так называемый Военный совет, который включил по одному представителю краевых властей, а также британского и французского командований³¹.

Заручившись одобрением местного Совета (по телеграфу получил санкцию Ленина и Троцкого), контр-адмирал Т. Кемп — командир британской Северной эскадры, курсировавшей в Белом море с марта 1917 г. в составе броненосца, двух крейсеров и более 30 вспомогательных кораблей, — 6 марта 1918 г. отдал приказ о высадке на берег 130 морских пехотинцев с линкора «Глори»,

²⁶ *Кедров М.С.* За Советский Север. Личные воспоминания и материалы о первых этапах гражданской войны 1918 г. Л., 1927. С. 7–8; *Rothstein A.* When Britain Invaded Soviet Russia. The Consul Who Rebelled. L., 1979. P. 93–116.

²⁷ *Ullman R.* Anglo-Soviet Relations... Vol. 1. P. 113.

²⁸ См. подробнее: *Маннергейм К.-Э.-Г.* Мемуары. М., 2003. С. 84–135; *Long J.* Civil War and Intervention in North Russia, 1918–1920. Ph.D. Thesis. Columbia, 1972; *Голдин В.И., Журавлёв П.С., Соколова Ф.Х.* Русский Север в историческом пространстве российской гражданской войны. Архангельск, 2005. С. 69.

²⁹ Там же. С. 233.

³⁰ *Голдин В.И.* Предисловие. С. 8; *Голдин В.И., Журавлёв П.С., Соколова Ф.Х.* Русский Север... С. 68. Эти факты опровергают мнение некоторых советских историков об изначально отрицательном отношении СНК к действиям Мурманского краевого Совета (см., например: *Васюков В.С.* Предыстория интервенции... С. 289).

³¹ Документы внешней политики СССР. Т. 1. М., 1957. С. 221; *Ullman R.* Anglo-Russian Relations... Vol. 1. P. 117.

вставшего на якорь в акватории Мурманского порта³². Это была операция, хорошо подготовленная группой английских военных разведчиков (официально находившихся на Севере России) под руководством подполковника К. Торнхилла и при активном участии сотрудника МИ-1(с) капитана Дж. Хилла³³. 11 марта высадка завершилась, не вызвав протеста со стороны большевистского руководства³⁴. Спустился три дня там же десантировались ещё 500 человек с другого английского крейсера — «Кокрен», а 18 марта к ним присоединились французские войска, осуществившие десант не только в районе Мурманска, но и в местечке Кола, расположенном на расстоянии 12 км от порта³⁵. Примечательно, что доклад управления делами наркомвоенмора, в котором подробно изложены обстоятельства десанта, тоже опровергал какую-либо агрессию со стороны членов Антанты³⁶.

23 марта 1918 г. генерал-майор Ф. Пуль представил Кабинету Д. Ллойд Джорджа подробный план размещения союзных войск в Северном крае и их совместных действий с вооружёнными формированиями местного Совета против германо-финского наступления на Кемь по линии Мурманской железной дороги. Во время заседаний межведомственного Комитета по России (под председательством министра блокады лорда Р. Сесила) 4 и 10 апреля его члены одобрили план Пуля. Они рекомендовали правительству дать согласие на отправку в этот регион генерал-майора как руководителя особой военной миссии для координации «интервенции по соглашению»³⁷.

О своевременности этого шага свидетельствовала успешная оборона Мурманска от наступления германо-финских войск численностью 2,5—3 тыс. человек с помощью объединённых англо-французских и советских сил в конце марта — начале апреля того же года³⁸. По словам исполнявшего обязанности наркома по иностранным делам Г.В. Чичерина (прозвучали на его встрече с эмиссаром Олонецкого губисполкома в Москве), «мы, не располагая в данный момент достаточными силами, можем согласиться на помощь самого чёрта и его бабушки, раз нам это будет выгодно»³⁹.

К началу апреля в Мурманске дислоцировалось уже несколько сот англичан, 3 апреля на территории Финляндии высадились германские войска под командованием генерала Р. фон дер Гольца⁴⁰. Однако этого оказалось недостаточно, и 4 апреля последовал дополнительный десант союзных войск, санкци-

³² *Coates W., Coates Z. A History of Anglo-Soviet Relations. Vol. 1. L., 1943. P. 82; Игнатьев А.В. Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции. М., 1966. С. 327; Городецкий С.И. Образование Северной области // Белый Север... Вып. 1. С. 35.*

³³ *Hill G. Go Spy the Land. L., 2014. P. 213; Plotke A. Imperial Spies Invade Russia... P. 94, 103.* Также см.: *Иванов А.А. Организация советской контрразведки на Севере России (1918—1920 гг.) // Новый исторический вестник. 2009. № 3(21). С. 66.*

³⁴ *Dennis A. The Foreign Policies of Soviet Russia. N.Y., 1924. P. 59.*

³⁵ *Левидов М.Ю. К истории союзной интервенции в Россию. Т. 1. С. 99—100; Голдин В.И., Журавлёв П.С., Соколова Ф.Х. Русский Север... С. 67.*

³⁶ РГВА, ф. 1, оп. 1, д. 141, л. 1—96.

³⁷ The National Archives of the United Kingdom (далее — TNA). Foreign Office (далее — FO) 95/802; *Голдин В.И., Журавлёв П.С., Соколова Ф.Х. Русский Север... С. 233.*

³⁸ *Голдин В.И., Журавлёв П.С., Соколова Ф.Х. Русский Север... С. 69; Барон Н. Король Карелии. Полковник Ф. Дж. Вудс и британская интервенция на Севере России в 1918—1919 гг.: история и мемуары. СПб., 2013. С. 263.*

³⁹ Цит. по: *Голдин В.И. Предисловие. С. 9; Чичерин Г.В. Внешняя политика Советской России... С. 12.*

⁴⁰ *Fleming D. The Cold War and Its Origins... P. 26; Baron N. The King of Karelia. Col. P.J. Woods and the British Intervention in North Russia, 1918—1919. A History and Memoir. L., 2007. P. 143.*

онированный британским и французским командованием⁴¹. На протяжении апреля и мая продолжалось усиление союзных контингентов в районе самого северного российского порта. Общее количество их войск к середине 1918 г. возросло до 600 британских морских пехотинцев, 400 французских солдат и 1 200 сербских военнослужащих. В начале августа с учётом прибытия дополнительных сил общая численность интервентов достигла 8 тыс. человек⁴². Что же касается собственно российских частей на Мурманском фронте, то по свидетельству очевидцев, к началу лета их количество не превышало двух полков, один из которых — добровольческий — также состоял под командованием английских офицеров⁴³.

Как же можно оценить начало «интервенции по соглашению» на Севере России? Участие в ней Британии, с моей точки зрения, явилось первым опытом успешного взаимодействия местных советских органов власти и войск Антанты, включая англичан, в борьбе с общим противником. Объединёнными отрядами красногвардейцев и экспедиционных сил удалось предотвратить захват немцами и небольшевистскими финскими отрядами не только Мурманска, но также Карелии и Петрограда. Кроме того, отпор, который противник неожиданно для себя получил в Северном регионе России, существенно снизил переброску германских контингентов на Западный фронт⁴⁴. Наконец, несмотря на Брестский мир, возникла реальная перспектива нормализации отношений Советской России и западных держав. Свидетельством тому стало оказание британской стороной практической помощи советскому правительству на начальном этапе формирования РККА⁴⁵.

Главную роль в этом процессе сыграли специальный эмиссар британского правительства Р.Б. Локкарт и члены его миссии, тесно сотрудничавшие с Троцким⁴⁶. Дело в том, что в условиях завершения демобилизации старой армии большевистский режим мог опереться лишь на четыре реальных силы. Это были «пёстрые» группы плохо обученной рабочей Красной гвардии⁴⁷; добровольческие части, сформированные из бывших германо-австрийских военнопленных, которые под влиянием пропаганды выразили намерение сражаться за победу «мировой революции»; отряды китайских кули, переброшенные с Севера России в центральные губернии после окончания сооружения Мурманской железной дороги; наиболее боеспособные восемь латышских стрелковых полков (с осени 1915 г. воевали на Восточном фронте, затем перешли на сторону большевиков, а 13 апреля 1918 г. были объединены в Латышскую стрелковую советскую дивизию под командованием бывшего полковника И.И. Вацетиса)⁴⁸.

⁴¹ Левидов М.Ю. К истории союзной интервенции в Россию. Т. 1. С. 142.

⁴² Там же. С. 112—115; *Голдин В.И., Журавлёв П.С., Соколова Ф.Х.* Русский Север... С. 72; *Dobson C., Miller J.* The Day We Almost Bombed Moscow. P. 61.

⁴³ *Добровольский С.П.* Борьба за возрождение России в Северной области // Белый Север... Вып. 2. С. 16; *Jackson R.* At War with the Bolsheviks. The Allied Intervention into Russia, 1917—20. L., 1972. P. 32—42.

⁴⁴ Army. The Evacuation of North Russia, 1919. Cmd. 818. L., 1920. P. 3—4.

⁴⁵ Сделанные выводы подтверждаются мнениями крупных зарубежных историков (см., например: *Kenan G.* Russia and the West under Lenin and Stalin. P. 80—90).

⁴⁶ О планах Локкарта организовать «интервенцию по соглашению» подробнее см.: *Берберова Н.Н.* Железная женщина. М., 2001. С. 232—233.

⁴⁷ *Антонов-Овсеенко В.А.* Записки о Гражданской войне 1917—1918. Кн. 1. М., 2016. С. 285.

⁴⁸ *Гельферих К.* Моя московская миссия // Грани. 1990. № 155. С. 266; *Page S.* The Formation of the Baltic States. A Study of the Effects of Great Power Politics upon the Emergence of Lithuania, Latvia, and Estonia. Cambridge (Mass.), 1959. P. 84—85; *Шубин А.В.* Латышские стрелки между Родиной и

Очевидная малочисленность этих войск вкупе с острой нехваткой вооружения, особенно тяжёлого, заставила новую власть отказаться от принципа добровольности и вернуться к прежней системе конскрипции с привлечением бывших офицеров в качестве военных специалистов при содействии стран Согласия. Вот почему на фоне германской угрозы в феврале—марте 1918 г. Ленин, Троцкий и ряд других членов СНК были готовы восстановить союзные отношения с членами Антанты. И это, несмотря на поступавшие в адрес Ллойд Джорджа со стороны авторитетных представителей русской эмиграции суждения о народных комиссарах как «безусловных врагах Британии»⁴⁹.

Таким образом, большевистские лидеры, и прежде всего Троцкий, обсуждали с английскими и французскими представителями возможность содействия реорганизации сухопутных и морских вооружённых сил⁵⁰. Их основу составили бы офицеры военной миссии Антанты во главе с прибывшим в Москву с Румынского фронта в марте 1918 г. французским дивизионным генералом А. Бергло (впоследствии главнокомандующий союзными войсками на Балканах и Юге России)⁵¹. По воспоминаниям Локкарта, именно в тот период Троцкий стремился привлечь британских моряков к воссозданию российского ВМФ, а инженеров — к восстановлению железных дорог⁵².

Что касается Уайтхолла, то даже такие не расположенные к сотрудничеству с большевиками, особенно после Бреста, министры, как У. Черчилль, перешли от отрицания к рассмотрению перспектив хотя бы тактического взаимодействия с Лениным и Троцким. В апреле 1918 г. меморандум британского министра вооружений для Кабинета содержал примечательную сентенцию: «Если удастся “соблазнить” большевиков выступить совместно с Румынией и совместно атаковать Германию, можно будет своевременно направить в Москву представителей союзников, имеющих достаточный политический вес, чтобы придать большевистскому правительству новый элемент стабильности и дать ему средство достижения текущего согласия с другими классами российского общества». Любопытно, что, по мнению Черчилля, на роль посредников между Антантой и Советами могли претендовать бывший американский президент Т. Рузвельт и французский военный министр А. Тома, а в качестве формулы возобновления Россией войны против Германии стоило бы использовать лозунг «сохранения завоеваний революции» в ответ на возрастающее давление немцев. Черчилль даже предлагал включить какого-нибудь влиятельного представителя Антанты в советское правительство⁵³.

Как мне удалось выяснить, 27 февраля 1918 г. Троцкий выдал открывавшие доступ в любые советские учреждения (вплоть до присутствия на заседаниях ВЦИК) мандаты главе миссии Красного Креста США полковнику Р. Роббинсу, Локкарту и ещё двум офицерам МИ-1(с)⁵⁴. Весной сотрудники британской во-

революцией // Россия и Латвия в потоке истории: 2-я половина XIX — 1-я половина XX в. М., 2015. С. 165—166. В работе британского историка ошибочно говорится только о четырёх полках латышских стрелков (*Kettle M. Russia and the Allies... Vol. 2. P. 13*).

⁴⁹ *Борман А. А. В. Трыкова-Вильямс по её воспоминаниям и воспоминаниям сына*. Лувен; Вашингтон, 1964. С. 159.

⁵⁰ *Локкарт Р.Б. История изнутри. Мемуары британского агента*. М., 1991. С. 230; *Локкарт Р.Б. Агония Российской империи: воспоминания офицера британской разведки*. М., 2016. С. 263—264.

⁵¹ *Noulens J. Mon Ambassade en Russie Sovietique: 1917—1919. T. 2. Paris, 1933. P. 28, 53—56*. Также см.: *Swain G. The Origins of the Russian Civil War*. L.; N.Y., 1996. P. 137.

⁵² *Локкарт Р.Б. История изнутри... С. 253*.

⁵³ Цит. по: *Gilbert M. Churchill. A Life*. L., 1991. P. 389.

⁵⁴ TNA. Cambridge University Library. Lord Templewood (Hoare) Papers. Pt. II. Russia. File 2. Также см.: *Локкарт Р.Б. Агония Российской империи... С. 269*.

енной разведки совместно с противниками выполнения условий Брестского мирного договора развернули диверсионную работу в тылу германских войск, которые уже после 3 марта оккупировали практически весь Юг бывшей империи, включая Крым и Северный Кавказ⁵⁵. Используя недовольство местного населения реквизициями продовольствия, сформированные командующим красногвардейскими отрядами на Украине В.А. Антоновым-Овсеенко при поддержке британских разведчиков мобильные партизанские группы из прежних офицеров, переодетых крестьянами, во взаимодействии с солдатами 1-го Латышского стрелкового полка под началом бывшего полковника М.А. Муравьёва, совершали ночные рейды по рекреационным лагерям и гарнизонам германо-австрийских оккупантов, обстреливая их из пулемётов⁵⁶.

Более того, широкая сеть информаторов, созданная кадровыми работниками МИ-1(с) на юге страны, позволяла британцам получать сведения о передислокации германо-австрийских войск с востока на запад, а привлечённые диверсанты приводили в негодность оборудование рудников Кривого Рога и шахт Донбасса. О размахе этой деятельности свидетельствует тот факт, что на борьбу с партизанами, которые к тому же препятствовали возвращению земельной собственности прежним владельцам, было брошено до четырёх корпусов регулярных войск Четверного союза. Однако запросы Локкарта в Лондон о поставках вооружения партизанским отрядам на Юге России остались без ответа Уайтхолла⁵⁷.

Мощное германское наступление на Западном фронте, начавшееся в конце марта 1918 г., явилось дополнительным мотивом для восстановления союзнических отношений в рамках «интервенции по соглашению». Несмотря на отъезд 26 февраля дипломатического корпуса в Вологду⁵⁸, военные атташе Антанты вместе с советским правительством перебрались в Москву, а 6 апреля состоялась их встреча с Троцким, на которой присутствовал и Локкарт. Под влиянием телеграмм последнего из Москвы 12 апреля британский Кабинет не без ожесточённых споров санкционировал дальнейшие контакты с Троцким, согласившись одновременно с предложением Ллойд Джорджа разместить военные корабли в акваториях важнейших российских портов, чтобы в случае необходимости можно было высадить там достаточно крупные экспедиционные силы⁵⁹.

На следующий день Локкарт провёл очередную беседу с наркомом, во время которой Троцкий обратился к британскому правительству за содействием в

⁵⁵ Dobson C., Miller J. The Day We Almost Bombed Moscow. P. 110.

⁵⁶ Swain G. «An Interesting and Plausible Proposal»: Bruce Lockhart, Sidney Reilly and the Latvian Rifleman, Russia 1918 // Intelligence and National Security. 1999. Vol. XIV. № 3. P. 88.

⁵⁷ Price M. My Reminiscences of the Russian Revolution. P. 277—278; Korostovetz V. Seed and Harvest. L., 1931. P. 337; Hill G. Go Spy the Land. P. 190—195; Deacon R. A History of the Russian Secret Service. L., 1987. P. 160—161; Swain G. The Origins of the Russian Civil War. P. 132—133; Macdonald D., Dronfield J. A Very Dangerous Woman. The Lives, Loves and Lies of Russia's Most Seductive Spy. L., 2016. P. 88. Об организации партизанской войны на оккупированной немцами территории также см.: Сикорский А.А. Смоленский район обороны. Организация партизанского движения в прифронтовой Западной области в марте — ноябре 1918 г. // Военно-исторический журнал. 2004. № 3. С. 22—24; Иванов А.А. Русская революция и конфликт в британском разведывательном сообществе в 1917—1918 гг. // Вопросы истории. 2012. № 10. С. 155.

⁵⁸ Подробнее см.: Быков А.В., Панов Л.С. Дипломатическая столица России. Вологда, 1998. С. 11—14.

⁵⁹ TNA. Oxford University Bodleian Library (далее — OUBL). MS Milner, dep. 364 B/221. Также см.: Debo R. Revolution and Survival: The Foreign Policy of Soviet Russia 1917—1918. Liverpool, 1979. P. 251—252.

реорганизации Черноморского флота, управления российскими железными дорогами и морским портом Архангельска⁶⁰. Тогда же министр иностранных дел Соединённого Королевства А. Бальфур сообщил Локкарту условия продолжения «интервенции по соглашению»: «Большевистскому правительству следует попытаться создать эффективную национальную армию, начать партизанскую войну против немцев и перекрыть каналы поставок; ему необходимо запросить союзную военную и морскую помощь в Мурманске, если возникла угроза железной дороге, а также во Владивостоке; при этом союзники обязуются эвакуировать войска со всей территории России в конце войны и не принимать участия в политических и экономических столкновениях на протяжении всего их пребывания в стране»⁶¹. Спустя несколько дней, во время ещё одной встречи, Троцкий попросил Локкарта определить перспективы совместной борьбы против турок на Кавказе⁶².

В середине апреля состоялось московское совещание военных представителей держав Антанты. Его участники приняли программу развития сотрудничества с большевиками в сфере обороны. 15 апреля Локкарт направил документ в Лондон, а 22 апреля получил одобрение Кабинета (с небольшими поправками)⁶³. 9 мая лорд Милнер — теперь уже как военный министр — сообщил послу в Париже Ф. Берти о том, что «желательно как можно лучше работать с находящимся у власти большевистским правительством»⁶⁴. 16 мая в ответ на критику лейбористами внешней политики Кабинета лорд Сесил заявил с трибуны парламента, что «мы хотели бы видеть Россию, сохранившую союзные отношения, или, если это невозможно, как хотя бы вне зависимости от Германии»⁶⁵.

Изучение протоколов проходивших весной 1918 г. заседаний ЦК партии большевиков и воспоминаний аккредитованных в России британских журналистов показывает, что среди советской верхушки имелась группа адептов сближения с Великобританией во главе с Л.Д. Троцким, Г.Я. Сокольниковым и Л.Б. Красиным⁶⁶. Газета «Известия» писала 17 мая, что «союзники должны загладить свой промах по отношению к Советской России, и первым делом это должно выразиться в официальном признании советской власти»⁶⁷.

Спустя два десятилетия после описываемых событий, Ллойд Джордж с сожалением констатировал: «Мы сделали всё возможное, чтобы поддерживать дружественные дипломатические отношения с большевиками, и мы признавали, что они де-факто являлись правителями территории прежней великой России»⁶⁸. Но так ли это было на самом деле? И почему некоторые авторы называли эти «дружественные дипломатические отношения» лишь «призраком сотрудничества»⁶⁹?

Для нас является очевидным, что вмешательство вооружённых сил Антанты в дела РСФСР на этапе «интервенции по соглашению» и политика лавиро-

⁶⁰ TNA. FO 371/3285/68677.

⁶¹ Цит. по: Keeble C. Britain and the Soviet Union, 1917—1989. L., 1990. P. 31.

⁶² TNA. FO 371/3285/69968.

⁶³ Debo R. Revolution and Survival... P. 254; Голдин В.И., Журавлёв П.С., Соколова Ф.Х. Русский Север... С. 234.

⁶⁴ TNA. OUBL. MS Milner, dep. 141.

⁶⁵ Hansard Parliamentary Debates. Ser. 5. Vol. CVI. Cols. 624—625.

⁶⁶ Price M. My Reminiscences of the Russian Revolution. P. 275—276.

⁶⁷ Известия. 1918. 17 мая; цит. по: Соловьёв О.Ф. Из истории борьбы советского правительства за мирное сосуществование с Англией // Вопросы истории. 1965. № 12. С. 60.

⁶⁸ Ллойд Джордж Л. Военные мемуары. Т. VI. М., 1937—1938. С. 78.

⁶⁹ Kennan G. Soviet-American Relations... Vol. II. P. 107—135.

вания Москвы между империалистическими блоками явились двумя главными причинами окончательного разрыва англо-советских отношений в начале осени 1918 г. Непосредственным поводом к нему стал переход союзников к политике ликвидации большевистского режима как путём внешнего воздействия, так и за счёт поощрения внутренней оппозиции.

Следует подчеркнуть, что группы сторонников разрыва советско-британских отношений активно действовали и в Лондоне, и в Москве. Именно по их «рецептам» Верховный военный Совет Антанты санкционировал интервенцию японских войск на Дальнем Востоке и в Сибири, а также одобрил привлечение Чехословацкого легиона (ставшего 9 января 1918 г. автономной единицей вооружённых сил Франции) для ликвидации советских органов власти в полосе Транссибирской железной дороги от Самары до Владивостока⁷⁰.

В то же время свержение правительства Центральной Рады и приход на германских штыках к власти в Киеве 28—29 апреля гетмана Скоропадского серьёзно обеспокоили кремлёвское руководство⁷¹. Локкарт 6 мая записал в дневнике о «большом возбуждении среди большевиков», которые рассматривали падение демократического — хотя и враждебного народным комиссарам — строя на Украине как «прямую угрозу их правительству и попытку создания центра контрреволюции не только в отношении Мало-, но Великороссии»⁷².

Другим заслуживающим упоминания фактором, повлиявшим на отношения РСФСР и Великобритании, стала японская интервенция. На фоне десанта войск Страны восходящего солнца численностью 500 морских пехотинцев, вооружённых пулемётами и лёгкими артиллерийскими орудиями, символическое британское присутствие во Владивостоке обеспечивал лишь отряд моряков с крейсера «Саффолк» в количестве 50 человек⁷³. Тем не менее в сообщении СНК от 6 апреля указывалось, что «Англия собирается идти рука об руку с Японией в деле разоружения России»⁷⁴. А спустя три дня Чичерин выразил вербальный протест западным дипломатам по поводу действий бывших союзников на Дальнем Востоке⁷⁵.

Ситуацию ещё более осложнили действия Чехословацкого легиона. Вслед за британской леволиберальной историографией советские авторы традици-

⁷⁰ *Smele J.* The «Russian» Civil Wars... P. 67—77; *Соколов Б.Л.* К вопросу о характере участия чехословацких войск в иностранной военной интервенции и Гражданской войне в России в 1918—1920 гг. // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. 2015. С. 82—112.

⁷¹ *Чернин О.* В дни войны. Мемуары министра иностранных дел Австро-Венгрии. СПб., 2005. С. 263.

⁷² *The Diaries of Sir Robert Bruce Lockhart / Ed. K. Young. Vol. 1. L., 1973. P. 36; Diary. 1918. 6 May.*

⁷³ *Чичерин Г.В.* Внешняя политика Советской России. С. 10; *The Trotsky Papers, 1917—1922 / Ed. J. Meijer. The Hague, 1964. Vol. 1. P. 36—37; Monkhouse A.* Moscow, 1911—1933. L., 1953. P. 85—86; *Никифоров П.М.* Записки премьера ДВР. Победа ленинской политики в борьбе с интервенцией на Дальнем Востоке (1917—1922). М., 1974. С. 44—45. Подробнее см.: *Павлович (Вельтман) М.* Советская Россия и капиталистическая Англия (от эпохи паризма до правительства Чемберлена—Болдуина 1925 г.). М., 1925. С. 25; *Левидов М.Ю.* К истории союзной интервенции в Россию. Т. 1. С. 53; *Штейн Б.Е.* «Русский вопрос» в 1920—1921 гг. М., 1958. С. 44—45; *Ullman R.* Anglo-Soviet Relations... Vol. 1. P. 82—109; *Bradley J.* Allied Intervention in Russia 1917—20. L., 1968. P. 24—47; *Warth R.* The Allies and the Russian Revolution. Durham, 1954. P. 58; *Debo R.* Revolution and Survival... P. 241; *Kettle M.* Russia and the Allies... Vol. 2. P. 35.

⁷⁴ Японская интервенция 1918—1922 гг. в документах / Сост. И.И. Минц. М., 1934. С. 203—204; *Думова Н.Г., Трухановский В.Г.* Черчилль и Миллюков против Советской России. С. 50.

⁷⁵ *Coates W., Coates Z.* History of Anglo-Soviet Relations. Vol. 1. P. 102—103; *Debo R.* Revolution and Survival... P. 249—250.

онно называли «подстрекательскую деятельность» разведок стран Антанты, прежде всего французской, в качестве главной причины вооружённого выступления около 45 тыс. бывших военнопленных. Им в связи с подписанием Брестского мира по соглашению СНК и Чехословацкого национального совета от 26 марта было разрешено эвакуироваться через Владивосток во Францию⁷⁶. Однако, как свидетельствуют источники, трансформация этих планов произошла во многом под влиянием импульсивных действий большевистских лидеров и советских властей на местах, хотя не стоит сбрасывать со счетов намерения некоторых западных политиков использовать чехословаков в качестве ударной силы против большевиков летом 1918 г.⁷⁷

Напомню, что 4 апреля 1918 г. первый эшелон Чехословацкого легиона достиг Владивостока, а другие составы растянулись шестью оперативными группами (по 8—10 тыс. человек) по линии Транссибирской магистрали от Волги до Амура. 27 апреля Верховный военный Совет Антанты выступил с меморандумом о возможности использования легионеров для обороны Мурманска и Архангельска при возникновении реальной угрозы германской оккупации северных портов⁷⁸. Между тем вслед за прибытием в Москву германского посла графа В. фон Мирбаха, вручившего 26 апреля верительные грамоты председателю ВЦИК Я.М. Свердлову и фактически обвинившего большевиков в несоблюдении ими нейтралитета⁷⁹, ЦК РСДРП(б) 6 и 10 мая провёл два бурных заседания. На них обсуждались предложения союзников касательно использования на восстанавливаемом Восточном фронте японцев и чехословаков. Это стало ответом на принятие Верховным военным Советом Антанты «коллективной ноты № 25». В ней предлагалось перенаправить легионеров, ещё не достигших Омска, на защиту Севера России от германо-финских войск, а подразделения чехословаков, проследовавших через этот сибирский город, использовать как вспомогательные войска союзников на Дальнем Востоке⁸⁰.

Уже на первом из майских совещаний большевистского руководства выявились серьёзные разногласия по вопросу ориентации на Антанту или Германию⁸¹. Одна группа, представителями которой выступили Троцкий и Сокольников, заняла позицию, близкую резолюции, принятой на VII съезде партии левых эсеров, проходившем в Москве с 7 по 16 мая 1918 г. Её суть заключалась в возобновлении войны против Германии при помощи Антанты⁸². Таким образом, часть большевистских лидеров действительно поддержала «интервенцию по соглашению», склоняясь к принятию инициатив стран Согласия о направлении подразделений Чехословацкого легиона в главные морские гавани Се-

⁷⁶ Debo R. Revolution and Survival... P. 203; Coates W., Coates Z. A History of Anglo-Soviet Relations. P. 100.

⁷⁷ Подробнее см.: Chamberlin W. The Russian Revolution. Vol. 1. P. 427; Ullman R. Anglo-Soviet Relations... Vol. 1. P. 168—171; The Cambridge Modern History / Ed. C. Mowat. Vol. XII. Cambridge, 1968. P. 438—439; Bradley J. Allied Intervention in Russia. P. 65—105; Jackson R. At War with the Bolsheviks... P. 43—49; Kettle M. Russia and the Allies... Vol. 2. P. 49—154; Swain G. The Origins of the Russian Civil War. P. 141, 156—160.

⁷⁸ Голдин В.И., Журавлёв П.С., Соколова Ф.Х. Русский Север... С. 70—71.

⁷⁹ Локкарт Р.Б. История изнутри... С. 246; Macdonald D., Dronfield J. A Very Dangerous Woman... P. 76.

⁸⁰ Соколов Б.Л. К вопросу о характере участия чехословацких войск в иностранной военной интервенции и Гражданской войне в России в 1918—1920 гг. // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. 2017. С. 90.

⁸¹ Голдин В.И., Журавлёв П.С., Соколова Ф.Х. Русский Север... С. 236.

⁸² Dennis A. The Foreign Policy of Soviet Russia. P. 61.

вера России и передислокации японских дивизий в её европейскую часть для борьбы с «ползучей» немецкой агрессией⁸³.

Однако другая группа во главе с Ф.Э. Дзержинским и Я.М. Свердловым не усмотрела позитива в сотрудничестве с бывшими союзниками и стремилась дипломатически опереться на Германию в противовес Великобритании и Франции. Что же касается Ленина, то он предпочёл занять некую промежуточную позицию, отказавшись от прямого сотрудничества со странами Согласия, но в то же время призвав Берлин к прекращению оккупации южных губерний бывшей империи⁸⁴.

10 мая ЦК РСДРП(б) продолжил обсуждение острых внешнеполитических вопросов. Под давлением сторонников возобновления сотрудничества с Антантой была принята резолюция «О текущем политическом положении», в которой отмечалось: «Задачей партии является приступить к немедленной открытой и массовой подготовке военных действий и организации сопротивления путём широких мобилизаций. В то же время необходимо заключить военное соглашение с англо-французской коалицией на предмет военной кооперации на определённых условиях»⁸⁵.

В тезисах, с которыми Ленин выступил на Московской городской партийной конференции 13 мая 1918 г., раскрывались особенности тактической линии Кремля: «Отнюдь не отказываясь вообще от военных соглашений с одной из империалистских коалиций против другой в таких случаях, когда это соглашение, не нарушая основ советской власти, могло бы укрепить её положение и парализовать натиск на неё какой-либо империалистской державы, мы в данный момент не можем пойти на военное соглашение с англо-французской коалицией. Ибо реальную важность для неё имеет отвлечение войск Германии с Запада, то есть продвижение многих японских корпусов внутрь Европейской России, а это условие неприемлемо, как полный крах советской власти. Если бы ультиматум такого рода предъявила нам англо-французская коалиция, мы бы ответили отказом, ибо опасность японского движения может быть парализована с меньшими трудностями (или может быть оттянута на более продолжительное время), чем опасность занятия германцами Питера, Москвы и большей части Европейской России»⁸⁶.

Отказ от «интервенции по соглашению», за которую выступал Троцкий, и продолжение дипломатического маневрирования, ещё раз подтверждённого ЦК партии большевиков 13 мая 1918 г.⁸⁷, объяснялись главным образом отсутствием у них регулярной армии, хозяйственным коллапсом⁸⁸ и резкой критикой Брестского мира не только широкими слоями населения, но и значительной частью советских функционеров на местах⁸⁹. Характерно, что большевистские лидеры оценивали сложившуюся ситуацию настолько серьёзно, что не исключали захвата немцами Петрограда и отступления за Урал, где предполагалось

⁸³ Macdonald D., Dronfield J. A Very Dangerous Woman... P. 77; Быстрова Н.Е. «Русский вопрос» в 1917 — начале 1920 г.: Советская Россия и великие державы. СПб., 2016. С. 104.

⁸⁴ Протоколы заседаний ЦК РКП(б). Март 1918 — март 1919 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 141.

⁸⁵ Там же. С. 142—143.

⁸⁶ Ленин В.И. ПСС. Т. 36. М., 1975. С. 323.

⁸⁷ Думова Н.Г., Трухановский В.Г. Черчилль и Миллоков против Советской России. С. 49.

⁸⁸ Krassin L. Leonid Krassin: His Life and Work. L., 1929. P. 84.

⁸⁹ Ботмер К., фон. С графом Мирбахом в Москве. М., 2010. С. 59—60.

создать Урало-Кузнецкую, а в случае дальнейшего германского продвижения — даже Камчатскую республику⁹⁰.

Заметным признаком ослабления режима стали антисоветские выступления, прокатившиеся по Рыбинску, Пскову, Новгороду, Великим Лукам, Старой Руссе и Саратову, подавленные верными большевикам полками латышских стрелков⁹¹. 1 мая 1918 г. подпольным Союзом защиты Родины и свободы, созданным при активном участии известного эсеровского деятеля Б.С. Савинкова, была предпринята неудачная попытка мятежа в советской столице⁹².

В то же время после отказа Москвы выполнить договорённость о привлечении чехословацких легионеров к обороне Севера России в связи с их вооружённым мятежом, активно поддержанным антибольшевистскими силами как внутри страны, так и за её пределами, руководители Антанты 31 мая рассмотрели меморандум Форин офис о переходе ко второму этапу интервенции, но теперь уже «без санкции» советских органов власти. Анализируя мотивы, методы и масштабы прямого вмешательства войск Антанты во внутривнутриполитическую борьбу на стороне противников большевиков, составители меморандума предложили «командировать достаточное количество британских, французских или американских войск в Архангельск и Мурманск, чтобы защитить эти ворота в Россию от любого возможного нападения, превратив их в центры притяжения для российских и чехословацких антигерманских сил». Далее в документе сообщалось о необходимости «отправить союзные контингенты на Дальний Восток для придания всей экспедиции характера открытого совместного выступления стран Согласия», а также о значимости высадки на российском побережье японских военнослужащих с «последующим их продвижением вдоль Транссибирской железной дороги до Челябинска»⁹³.

Именно этот меморандум лёг в основу директивы Верховного военного Совета Антанты о десанте в русских морских портах союзных войск, «назначив» генерала Пуля их главнокомандующим⁹⁴. Повторные обращения Чичерина к Локкарту и временному поверенному в делах Великобритании в РСФСР Ф. Линдли с требованием не допустить высадки английских войск в Мурманске и Архангельске, а также вывести военные корабли Антанты за пределы российских территориальных вод остались без внимания Форин офис⁹⁵. Уверения же Чичериным различных британских представителей в том, что «большевики будут дружить с наименее враждебной к ним коалицией держав», интерпретировались на Западе как поиск Москвой поддержки в Берлине⁹⁶.

Таким образом, к середине 1918 г. тенденция в пользу военного вмешательства Антанты в российские дела, но теперь уже на стороне антибольшевистских сил, приобрела явные очертания. Об этом свидетельствовала интенсивная нотная переписка Локкарта и Чичерина в конце июня, когда двусторонние отношения приблизились к критической черте. Так, 25 июня Локкарт напра-

⁹⁰ Там же. С. 67; *Kettle M. Russia and the Allies...* Vol. 2. P. 137. По германским данным, заместитель главы НКВД Л.М. Карахан собирался в случае ожидавшегося падения большевистского режима и бегства за рубеж захватить с собой оригинал Брестского мирного договора, чтобы продать его в США за хорошие деньги (см.: *Ботмер К., фон. С графом Мирбахом в Москве.* С. 75).

⁹¹ *Swain G. «An Interesting and Plausible Proposal»...* P. 86.

⁹² *Лауцс М.Я.* Два года борьбы на внутреннем фронте. М., 1920. С. 21; *Swain G. The Origins of the Russian Civil War.* P. 11; 160—164; *Macdonald D., Dronfield J. A Very Dangerous Woman...* P. 77.

⁹³ TNA. FO 800/205/289—295.

⁹⁴ *Голдин В.И., Журавлёв П.С., Соколова Ф.Х.* Русский Север... С. 73.

⁹⁵ АВП РФ, ф. 69, оп. 3, п. 2, д. 3, л. 27—27 об., 28—28 об.

⁹⁶ *Price M. My Reminiscences of the Russian Revolution.* P. 276.

вил главе НКВД протест, вызванный перерывом в телеграфном сообщении его миссии с Форин офис. Через два дня уже Чичерин возмутился очередной высадкой войск Антанты на мурманском побережье, а 29 июня нарком обвинил британское правительство в поддержке выступления Чехословацкого легиона⁹⁷. Между тем 26 июня Ленин в телеграфном разговоре с мурманским руководителем Юрьевым сделал предупреждение: «Если вам до сих пор неудобно понять советской политики, равно враждебной и англичанам, и немцам, то пеняйте на себя... Мы будем воевать, если они будут продолжать свою политику грабежа»⁹⁸.

События в тот, по характеристике Чичерина, критический для большевиков период российской революции⁹⁹ развивались, как в калейдоскопе. Рассчитывая на повсеместное недовольство их политикой со стороны горожан и крестьян, способных, как убеждали союзников лидеры белой эмиграции и руководители антибольшевистских сил внутри страны, поднять восстание в её различных частях после высадки десантов Антанты, Сент-Джеймский Кабинет 28 июня высказался наконец в пользу открытой интервенции. Очевидно, что указанный шаг Лондона повлиял на решение Верховного военного Совета Антанты от 3 июля (поддержанное спустя две недели США) об отправке в северные российские порты ещё шести пехотных батальонов английских, французских и итальянских войск¹⁰⁰.

В то же время 30 июня Мурманский краевой совет принял резолюцию о неисполнении директив Москвы и дальнейшем расширении сотрудничества с Антантой, оформленную через семь дней как временное соглашение между ним и представителями союзников¹⁰¹. Получив сообщение об этом, Троцкий 1 июля издал приказ о начале вооружённого сопротивления десантам союзников, включая экспедиционные войска Британской империи¹⁰². Однако расчёты противников советского режима на успех антибольшевистских выступлений в Москве и ряде северных городов (Ярославль, Рыбинск, Кострома и др.), сигналом к чему должно было стать убийство графа Мирбаха 6 июля, оказались тщетными. Они лишь усилили давление Берлина на Москву с требованием выслать из России миссии Антанты¹⁰³.

Между тем СНК через НКВД выражал крайнее недовольство действиями союзников, к которым большевистское руководство безуспешно обращалось с просьбами оказать содействие в подавлении антисоветских восстаний¹⁰⁴. Вместо предоставления помощи войска Антанты продолжили медленное продви-

⁹⁷ АВП РФ, ф. 69, оп. 3, п. 2, д. 4, л. 22; ф. 069, оп. 2, п. 1, д. 1, л. 43—433 об.; Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 377—378. Также см.: *Coates W., Coates Z. Armed Intervention in Russia. 1918—1922. L., 1935. P. 88—89.*

⁹⁸ Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 376. Подробнее см.: *Васюков В.С. Предыстория интервенции... С. 289.*

⁹⁹ *Чичерин Г.В. Внешняя политика Советской России... С. 16.*

¹⁰⁰ *Keeble C. Britain and the Soviet Union... P. 36—38; Fleming D. The Cold War and Its Origins. P. 21; Голдин В.И., Журавлёв П.С., Соколова Ф.Х. Русский Север... С. 75—76; Быстрова Н.Е. Из истории дипломатических отношений Советской России 1917—1918 гг. // Российская история. 2012. № 5. С. 135.*

¹⁰¹ АВП РФ, ф. 069, оп. 2, п. 1, д. 1, л. 44—46; Документы внешней политики СССР. Т. 1. С. 390—392; *Добровольский С.Ц. Борьба за возрождение России в Северной области. Вып. 1. С. 15—16; Голдин В.И., Журавлёв П.С., Соколова Ф.Х. Русский Север... С. 75, 169—170.*

¹⁰² *Майский И.М. Внешняя политика РСФСР, 1917—1922. М., 1922. С. 49—51.*

¹⁰³ *Гаспарян А.С. Операция «Трест». Советская разведка против русской эмиграции. 1921—1937. М., 2008. С. 190.*

¹⁰⁴ *Debo R. Revolution and Survival... P. 289—290.*

жение на юг вдоль Мурманской железной дороги, ликвидируя местные Советы и подвергая репрессиям их членов, как это произошло, например, в Кеми¹⁰⁵.

Пожалуй, завершающей попыткой избежать перехода «интервенции по соглашению» в широкую войну против Антанты стала миссия специального уполномоченного К.Б. Радека, занимавшего тогда пост начальника отдела НКВД по работе со странами Европы. Миссия проходила в условиях дальнейшего расширения масштабов интервенции, связанного с решением американского президента В. Вильсона 6 июля 1918 г. дать согласие на высадку 7 тыс. американских войск во Владивостоке¹⁰⁶. По распоряжению Ленина и Чичерина Радек 12 июля прибыл в Вологду, где всё ещё оставались дипломатические миссии союзников. Примечательно, что в качестве переводчика его сопровождал английский журналист А. Рэнсом, с которым Радек поддерживал дружественные отношения, хотя, как явствует из недавно рассекреченных данных, первый являлся информатором британской военной разведки¹⁰⁷.

Главной целью большевистского эмиссара в переговорах с представителями стран Согласия и США являлись прекращение их «вологодского сидения» и переезд на постоянное пребывание в Москву¹⁰⁸. Однако усилия НКВД и конкретно Радека ни к чему не привели: в ночь с 25 на 26 июля дипломатический корпус (130 человек) выехал из Вологды не в столицу РСФСР, а домой, через Архангельск и Мурманск¹⁰⁹. 27 июля о выступлении против советского режима официально заявил Национальный комитет Чехословакии, что явилось для большевиков ещё одним «ударом в спину»¹¹⁰. Неслучайно эти события побудили Ленина подчеркнуть на заседании ВЦИК 29 июля: «Мы теперь в состоянии войны не только гражданской, но и против британского и французского империализма». По мнению некоторых зарубежных историков, это выступление вождя было расценено Антантой как формальное объявление ей войны¹¹¹.

Ситуация значительно осложнилась в связи с убийством в Киеве 30 июля главнокомандующего германскими силами на Украине фельдмаршала Г. фон Эйхгорна. Его совершил левый эсер Б. Донской, который перед казнью признался в связях с военной разведкой союзников, хотя можно предположить, что это свидетельство было получено в результате «допросов с пристрастием»¹¹². Тем временем 1 августа СНК обратился к трудящимся Франции, Англии, Америки, Италии и Японии: «Союзники не только ничем не помогли нам для воссоздания нашей способности к защите, но... они старались всеми мерами разрушить её (России. — *Е.С.*) способность к защите, усиливая внутреннюю разруху, отрезывая (так в тексте. — *Е.С.*) нас от последних резервов хлеба»¹¹³.

¹⁰⁵ *Coates W., Coates Z. Armed Intervention in Russia...* P. 86.

¹⁰⁶ *French D. The Strategy of the Lloyd George Coalition, 1916—1918.* Oxford, 1995. P. 240.

¹⁰⁷ TNA. Security Service (KV) 2/1903, 1904. A. Ransome, 1917—1918. Также см.: *Debo R. Revolution and Survival...* P. 291—292; *Brogan H. The Life of Arthur Ransome.* L., 1992. P. 149—205; *Chambers R. The Last Englishman. The Double Life of Arthur Ransome.* L., 2009. P. 182—190, 222—223, 230; *Smith M. Six: The Real James Bond, 1909—1939.* L., 2010. P. 257—272; *Milton G. Russian Roulette. How British Spies Defeated Lenin.* L., 2013. P. 85.

¹⁰⁸ TNA. Treasury (T) 1/12349. Подробнее см.: *Быков А.В., Панов Л.С. Дипломатическая столица России.* С. 155—162.

¹⁰⁹ *Майский И.М. Внешняя политика РСФСР...* С. 58 (автор неверно указал дату отъезда иностранных миссий — 22 вместо 26 июля 1918 г.).

¹¹⁰ *Coates W., Coates Z. Armed Intervention in Russia...* P. 112.

¹¹¹ *Debo R. Revolution and Survival...* P. 295—296.

¹¹² *Times.* 1918. 13 August. Также см.: *Берберова Н.Н. Железная женщина.* С. 263; *Macdonald D., Dronfield J. A Very Dangerous Woman...* P. 112.

¹¹³ *Международная политика новейшего времени в договорах, нотках и декларациях / Сост. Ю.В. Ключников, А.В. Сабанин. Ч. II. М., 1926. С. 159—160; Debo R. Revolution and Survival...* P. 297.

1 августа в «Известиях» были опубликованы призывы Ленина, Троцкого и Чичерина к гражданам России — бороться против интервенции Антанты¹¹⁴. На следующий день в условиях продвижения союзников вдоль линии Архангельской железной дороги на юг большевики обратились к США с просьбой выступить посредниками между РСФСР и Антантой¹¹⁵. Однако в ответ Москва получила декларацию Вашингтона о целях участия американских войск в интервенции¹¹⁶.

Так последние следы «интервенции по соглашению», основанной на стремлении к действительному сотрудничеству между Великобританией и Советской Россией против государств Четверного союза, исчезли к началу августа 1918 г. Отказ Лондона и Москвы от восстановления хотя бы элементов прежнего союза имел катастрофические последствия не только для двусторонних отношений (фактически разорванных после фиаско «заговора послов»), но и для российской внутривнутриполитической обстановки, обострившейся на фоне «красного террора» осенью 1918 г.

¹¹⁴ Известия. 1918. 1 августа. Также см.: *Dennis A.* The Foreign Policy of Soviet Russia. P. 64.

¹¹⁵ *Чичерин Г.В.* Внешняя политика Советской России... С. 20.

¹¹⁶ *Kettle M.* Russia and the Allies... Vol. 2. P. 236—300; *Голдин В.И., Журавлёв П.С., Соколова Ф.Х.* Русский Север... С. 244.

Китайские добровольцы в Гражданской войне в России: между красными и белыми

Руслан Гагкуев, Юйсинь Чжан

**Chinese Volunteers in the Russian Civil War:
between the Reds and the Whites**

*Ruslan Gagkuev (Institute of Russian History,
Russian Academy of Sciences, Moscow),
Yuxin Zhang (Institute of World Economy and Politics,
Chinese Academy of Social Sciences, Beijing)*

DOI: 10.31857/S086956870004220-3

Участие китайских граждан в Гражданской войне (1917—1922) остаётся одной из наименее изученных тем российской историографии. В СССР она, как правило, рассматривалась в контексте общего вклада интернационалистов (военнопленных и рабочих из зарубежных стран) в победу большевиков. Всплеск интереса к этой тематике произошел в 1950—1960-х гг., когда в рамках празднования 40- и 50-летнего юбилеев Октября вышел ряд монографий¹ и сборников документов на эту тему². В современной историографии специальных исследований, посвящённых этому вопросу почти нет³, он рассматривается в рамках изучения жизни китайских мигрантов в Российской империи и Советском Союзе⁴. Между тем роль китайцев в Гражданской войне была значимой и требует тщательной оценки как её масштаба, так и влияния на противостояние сторон.

© 2019 г. Р.Г. Гагкуев, Ю. Чжан

¹ *Бабичев И.И.* Участие китайских и корейских трудящихся в гражданской войне на Дальнем Востоке. Ташкент, 1959; *Жаров Л.И., Устинов В.М.* Интернациональные части в боях за власть Советов в годы иностранной интервенции и гражданской войны в СССР. М., 1960; *Интернационалисты в боях за власть Советов / Под ред. М.А. Бирмана, А.Я. Манусевича, И.А. Хренова. М., 1965; Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов / Отв. ред. А.Я. Манусевич. М., 1967; Китайские добровольцы в боях за Советскую Россию (1918—1922) / Отв. ред. и сост. Лю Юн-ань. М., 1961; Лаппо Д., Мельчин А.* Страницы великой дружбы. Участие китайских добровольцев на фронтах гражданской войны в Советской России (1918—1922). М., 1959; *Попов Н.А.* Они с нами сражались за власть Советов. Л., 1959; и др.

² *Боевое содружество трудящихся зарубежных стран с народами Советской России (1917—1922).* М., 1957; *Дружба, скреплённая кровью (Сборник воспоминаний китайских товарищей — участников Октябрьской революции и гражданской войны в СССР) / Под ред. Лю Юн-аня. М., 1959; и др.*

³ *Карпенко Н.М.* Китайский легион. Участие китайских добровольцев в революционных событиях на территории Украины (1917—1921 гг.). Луганск, 2007; см. также: *Пастухов А.* Куда ушёл наш китайчонок Линь? Китайская интервенция в Приморье и Приамурье, 1918—1921 гг. // Арсенал Коллекция. 2017. № 2. С. 15—32.

⁴ *Каменских М.С.* Участие китайцев в Гражданской войне на Урале: факты и воспоминания // *Гражданская война на Востоке России: Материалы всероссийской научной конференции (г. Пермь, 25—28 ноября 2008 г.).* Пермь, 2008. С. 133—135; *Каменских М.С.* Китайцы на Среднем Урале в конце XIX — начале XXI в. СПб., 2011; *Ларин А.Г.* Китайские мигранты в России. История и современность. М., 2009.

Для оценки участия китайцев важно понимать, какое их количество прибыло в годы Первой мировой войны и сколько находилось в европейской части, где активно шло формирование частей Красной армии. По справедливому замечанию Г. Новогрудского и А. Дунаевского, изучавших историю сформированного во Владикавказе в 1918 г. китайского батальона, «для того, чтобы в армию могли прийти десятки тысяч солдат, человеческие ресурсы должны исчисляться сотнями тысяч»⁵. Однако оценить «количество завербованных в Россию китайских рабочих можно... лишь приблизительно»⁶. Китайский исследователь Пын Мин на основе полученных из Советского Союза материалов писал о 200 тыс. китайцев, въехавших в Россию до октября 1917 г.⁷ Другой китайский исследователь, ссылаясь на архивные материалы Министерства иностранных дел Китая, написал о том, что лишь в 1907 г. во Владивосток приехали 60—70 тыс. китайцев⁸. Согласно сведениям уполномоченного китайского посольства по делам труда в России, в годы Первой мировой войны в нашу страну прибыло не менее 150 тыс. рабочих, из которых около 50 тыс. находились в прифронтовой полосе⁹. В.М. Устинов отмечал, что, «по неполным данным, в ходе вербовки в Россию было завезено 200—300 тыс. китайцев»¹⁰. Согласно данным Союза китайских рабочих, только за годы Первой мировой было ввезено около 60 тыс. человек¹¹. А.Г. Ларин опубликовал сведения, согласно которым с января 1915 по апрель 1917 г. по железной дороге было ввезено 159 972 китайцев¹². Н.М. Карпенко, оценивая общий ввоз трудовой силы к началу 1917 г., говорит об «около 300 тыс. китайских рабочих... не считая нелегальных китайских мигрантов из сопредельных с Россией южных государств и завезённых рабочих из Туркестана»¹³.

Очевидно, что количество китайцев в России к началу 1917 г. составляло не менее 200 тыс. человек. Из них существенная часть — не менее 50 тыс.¹⁴ — ввиду потребности в рабочей силе в промышленных регионах и прифронтовой полосе находилась в европейской части страны. Китайцы работали на строительстве Мурманской железной дороги¹⁵, заводах Петрограда, Москвы, Екатеринбурга и других городов Урала, в шахтах Донецкого угольного бассейна, лесозаготовках в Белоруссии и Карелии и др.¹⁶ Интересно, что, хотя большинство оставались подданными Китая, часть мигрантов приняла российское

⁵ Новогрудский Г., Дунаевский А. Товарищи китайские бойцы. М., 1959. С. 15.

⁶ Ларин А.Г. Китайские мигранты в России... С. 67.

⁷ Пын Мин. История советско-китайской дружбы. М., 1959. С. 96.

⁸ Ли Юнчан. Люй Э Хуагун Юй Шилюэ Гэмин. Шицзячжуан, 1986 [Ли Юнчан. Китайские рабочие в России и Октябрьская революция. Шицзячжуан, 1986. С. 13].

⁹ Хейфец А.Н. Советская Россия и сопредельные страны Востока в годы гражданской войны (1918—1920). М., 1964. С. 356.

¹⁰ Устинов В.М. Китайские коммунистические организации в Советской России (1918—1920) // Китайские добровольцы в боях за Советскую Россию. С. 39.

¹¹ Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран... С. 30. Здесь, очевидно, не учтены сезонные рабочие, прибывавшие летом на золотые прииски и другие предприятия Дальнего Востока.

¹² Ларин А.Г. Китайские мигранты в России... С. 67. При этом численность китайского населения в 1910 г. только на российском Дальнем Востоке оценивается в 200—250 тыс. человек (Там же. С. 26).

¹³ Карпенко Н.М. Китайский легион... С. 34.

¹⁴ Попов Н.А. Они с нами сражались за власть Советов. С. 12.

¹⁵ Ляонин Шэн Даньан Гунь. Фэнтянь Цзаошэшу Даньан 1166. [Государственный архив провинции Ляонина, специальный фонд — «Архив Футяньского Департамента иностранных дел», д. 1166].

¹⁶ Ларин А.Г. Китайские мигранты в России... С. 67.

гражданство, а некоторые в 1918 г. стали подданными РСФСР (что, впрочем, не помешало позднее большинству из них вернуться на родину).

Гражданская война поставила китайских рабочих в крайне тяжёлые условия. И без того получавшие ранее мизерную заработную плату (как правило, в разы меньше, чем у русских), они в большинстве случаев остались без работы и средств к существованию, поскольку трудовые контракты ввиду остановки производства не продлевались. По сути, мигранты представляли собой огромную трудовую армию, из которой можно было черпать ресурсы для начавшейся войны. «В точности по Марксу китайские рабочие в России» предстали как «в полном смысле слова пролетарии, которым нечего было терять, кроме своих цепей», и «оказались готовы идти в бой во имя лучшей жизни»¹⁷.

«Китайцы охотно вступали в ряды красноармейцев»¹⁸, на что имелось несколько причин. Прежде всего — необходимость заработка для пропитания себя и своих семей и дороги домой¹⁹. К осени 1918 г. через Сибирь вернулось около 40 тыс. китайцев²⁰. Однако с конца весны 1918 г. возвращение на родину по суше стало невозможным ввиду выступления Чехословацкого корпуса и последующего падения советской власти к востоку от Урала. С занятием северных и южных портов союзниками России по Антанте и войсками белых армий оказался заблокирован и морской путь²¹.

Другой важной причиной была необходимость защитить себя и своих близких. Война почти сразу показала уязвимость инородцев перед вооружёнными группировками. Избиения и расстрелы рабочих, во том числе на расовой почве, побуждали их объединяться. Китайцы «оказались в совершенно чужой, незнакомой среде, и военная служба стала единственной опорой их существования»²².

Ещё одна причина — «экспорт русской революции в Китай и надежда на обещанную помощь большевиков из России»²³. В начале декабря 1918 г. в Петрограде был создан Союз китайских рабочих, который возглавил революционер Лю Цзэжун. В организацию вступили 50 тыс. человек²⁴. Создание и деятельность Союза, а также коммунистическая агитация, «созвучность идей советской власти самым заветным чаяниям китайских бойцов-пролетариев» способствовали росту популярности среди них идей революции. Даже те, кто шёл «в армию из чисто материальных соображений, ради выживания, постепенно, как представляется, проникались революционными идеями»²⁵.

Вопрос о численности китайцев в рядах Красной армии требует дополнительного изучения. Сложность подсчёта затруднена как большим числом сформированных из них частей (по ряду которых не сохранилось никаких документов), так и наличием китайцев в интернациональных (не только китайских) батальонах, отрядах и других частях РККА. Согласно данным из китайских газет, на которые, как правило, ссылались советские исследователи²⁶, в 1919 г.

¹⁷ Там же. С. 85.

¹⁸ *Каменских М.С.* Китайцы на Среднем Урале... С. 124.

¹⁹ *Карпенко Н.М.* Китайский легион... С. 71.

²⁰ *Попов Н.А.* Они с нами сражались за власть Советов. С. 44.

²¹ *Устинов В.М.* Китайские коммунистические организации... С. 48.

²² *Ларин А.Г.* Китайские мигранты в России... С. 88.

²³ *Карпенко Н.М.* Китайский легион... С. 68—69, 71.

²⁴ *Жаров Л.И., Устинов В.М.* Интернациональные части в боях за власть Советов... С. 43;

Попов Н.А. Они с нами сражались за власть Советов. С. 28.

²⁵ *Ларин А.Г.* Китайские мигранты в России... С. 87.

²⁶ *Жаров Л.И., Устинов В.М.* Интернациональные части в боях за власть Советов... С. 51.

на стороне большевиков воевало 30—40 тыс. китайцев²⁷. Составители сборника «Китайские добровольцы в боях за Советскую Россию» говорили о примерно 40—50 тыс.²⁸; оценка китайских дипломатов — порядка 60—70 тыс. человек²⁹. Н.М. Карпенко предпринял попытку оценить численность китайцев, воевавших на территории современной Украины. По его подсчётам, за 1917—1921 гг. она составила более 21 тыс. человек (с учётом резервов — 22—24 тыс.) — 25—30% от их общего числа в РККА. Большинство китайцев прибыло на Украину из других губерний бывшей Российской империи в составе отрядов красных³⁰.

Создание китайских интернациональных частей велось на добровольческой основе, что неизменно подчёркивалось в советской историографии³¹. Это, однако, не исключает возможности мобилизации отдельных групп китайцев. Притоку добровольцев способствовал ряд организационных мер партийного руководства и командования. К середине 1918 г. при Центральной федерации иностранных групп РКП(б) была создана Военная коллегия по формированию интернациональных частей РККА. В июне Народный комиссариат по военным и морским делам учредил Комиссию по формированию интернациональных групп Рабоче-крестьянской Красной армии при ВЦИК. В августе в Москве организован штаб по формированию китайских отрядов. Его уполномоченные имелись во всех городах, где проживали китайцы, и входили в состав местных военных комиссариатов. Комиссаром по формированию китайских отрядов был назначен Шеен Чен-хо, командовавший в конце 1917 г. китайским отрядом Красной гвардии³². В марте 1919 г. приказом Реввоенсовета Комиссия по формированию интернациональных групп РККА была преобразована в Управление по формированию Интернациональной Красной армии, расположенное в Нижнем Новгороде. Весной 1920 г. Всероссийский штаб формирования китайских отрядов интернационалистов перевели из Москвы в Иркутск³³. С июня того же года формированием китайских частей стало заниматься Центральное организационное бюро китайских коммунистов при ЦК РКП(б)³⁴.

Формирование китайских частей началось в первые месяцы 1918 г. Первые появились почти одновременно в Приднестровье, Одессе, Донбассе и на Северном Кавказе. «Таких отрядов было много. Они входили в разное время в различные соединения Красной армии»³⁵. Наиболее известны формирования китайцев в Тирасполе, Владикавказе и на Восточном фронте. Тираспольский китайский добровольческий отряд (батальон) стал, вероятно, первым из таких. Им командовал коммунист Сан Фу-ян, а численность составляла около 450 штыков³⁶. Весной 1918 г. отряд совершил поход Тирасполь—Воронеж в составе Тираспольского отряда РККА. Во Владикавказе Китайский интернациональный отряд (позднее — батальон) был сформирован при Военном комис-

²⁷ *Пын Мин*. История советско-китайской дружбы. С. 96; *Устинов В.М.* Китайские коммунистические организации... С. 49.

²⁸ Китайские добровольцы в боях за Советскую Россию... С. 3.

²⁹ *Ларин А.* Красноармейцы из Поднебесной // *Родина*. 2000. № 7. С. 56—60.

³⁰ *Карпенко Н.М.* Китайский легион... С. 319.

³¹ *Устинов В.М.* Китайские коммунистические организации... С. 48, 51.

³² *Попов Н.А.* Они с нами сражались за власть Советов. С. 40; *Жаров Л.И., Устинов В.М.* Интернациональные части в боях за власть Советов... С. 47; *Устинов В.М.* Китайские коммунистические организации... С. 49.

³³ *Попов Н.А.* Они с нами сражались за власть Советов. С. 127.

³⁴ Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран... С. 580—581.

³⁵ *Попов Н.А.* Они с нами сражались за власть Советов. С. 69.

³⁶ Там же. С. 42.

сариате Совнаркома Терской республики. Его составили 80 человек во главе с Лю Си. К лету его численность достигла 500 штыков, новым командиром стал Пау Ти-сан. Позднее в состав батальона вошла китайская рота 4-го Днепровского полка³⁷. «Маленький батальон из китайцев» представлял собой в те дни на Тереке основную опору советской власти³⁸. Владикавказский китайский батальон, отступавший в Астрахань в составе 11-й армии РККА, пришёл туда, имея 150 штыков³⁹.

Отдельного внимания заслуживают формирования из китайцев на Восточном фронте. Так, были сформированы сначала рота, а затем батальон в составе 1-го Крестьянского коммунистического стрелкового полка красных орлов (позднее — 253-й стрелковый полк красных орлов) в Ирбите. Полк получил известность осенью 1918 г. в боях под Режью при подавлении выступления перешедшего на сторону белых 254-го стрелкового Волынского полка 29-й стрелковой дивизии⁴⁰.

Одним из крупнейших формирований из китайцев в годы войны стал 225-й стрелковый Китайский полк 29-й стрелковой дивизии 3-й армии РККА, созданный в октябре 1918 г. Его составили отряды (батальоны) Алапаевска, Надеждинска и Перми, а также китайцы из отрядов южно-уральских рабочих. Организатором полка стал Жен Фу-чен — бывший уполномоченный по делам китайских рабочих в Пермской и Вятской губерниях. В ноябре полк понёс большие потери во время боёв в районе станции Выя, а его командир погиб. Остатки полка были сведены в роту⁴¹.

Роль и значение китайских частей были различны. По замечанию бывшего красноармейца Лю Юн-аня, «не было такого фронта, где бы не сражались китайские добровольцы. Они также принимали активное участие в борьбе с бандитизмом и контрреволюцией в тылу. Китайцы вместе с русскими братьями уничтожали вооружённые банды Петлюры и Махно, служили в органах Всероссийской чрезвычайной комиссии»⁴². В сравнении с численностью белых армий их количество — порядка 50 тыс. человек — было внушительным. Например, численность одной из наиболее боеспособных белых армий — Добровольческой — в момент решающих боёв в октябре 1919 г. составляла всего чуть более 20 тыс. человек⁴³. Вместе с тем сказать, что китайцы имели большой вес в общем составе красных войск, нельзя⁴⁴. Они были рассеяны на фронтах в многочисленных мелких отрядах (включая партизанские) и формированиях и никогда единовременно не достигали численности более 2—3 тыс.

³⁷ Там же. С. 85—89; *Жаров Л.И., Устинов В.М.* Интернациональные части в боях за власть Советов... С. 62; *Елекоев Г.* О совместной борьбе китайских добровольцев и осетинских коммунистов за советскую власть // Китайские добровольцы в боях за Советскую Россию. С. 121; *Понятовский И.И.* Китайские красногвардейцы в революционных боях на Северном Кавказе // Там же. С. 54—55.

³⁸ *Новоградский Г., Дунаевский А.* Товарищи китайские бойцы. С. 92.

³⁹ *Попов Н.А.* Они с нами сражались за власть Советов. С. 92.

⁴⁰ Там же. С. 113—116.

⁴¹ *Жаров Л.И., Устинов В.М.* Интернациональные части в боях за власть Советов... С. 63—64; *Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран...* С. 96, 588; *Попов Н.А.* Они с нами сражались за власть Советов. С. 116—123.

⁴² Дружба, скреплённая кровью... С. 6.

⁴³ РГВА, ф. 39540, оп. 1, д. 35, л. 145—166.

⁴⁴ К концу октября 1918 г. численность Красной армии составляла уже почти 800 тыс., а к 1 января 1920 г. — 3 млн человек (Военный энциклопедический словарь. В 2 т. Т. 1. М., 2001. С. 357—358).

Боевая ценность частей из китайцев заключалась не в их большой суммарной численности, а в возможности для командования опереться на них в моменты кризисов на фронте и в тылу, использовать для подавления восстаний и «борьбы с контрреволюцией». «Роль интернационалистов повышалась каждый раз, когда возникали кризисные явления на тех или иных фронтах, что требовало неоднократной переброски таких частей»⁴⁵. Китайцы были едва ли не самыми зависимыми от большевиков бойцами. Дезертировать им было некуда, затеряться среди населения — невозможно, перейти на сторону противника — опасно. Сказывались также фактор снабжения и активная пропаганда, делавшая из многих китайцев убеждённых бойцов за советскую власть. Окружённые враждебной обстановкой и не слишком разбиравшиеся в течениях российской междоусобицы, китайцы превратились в надёжную опору красных.

Но воевали они и против РККА. Лю Юн-ань писал: «Казалось бы, материальная заинтересованность должна была привести китайских рабочих в белогвардейские части и к иностранным интервентам, которые щедро платили своим наёмникам. Тем не менее китайские рабочие не пошли к ним. Во время гражданской войны ни один из китайцев, которые приехали на работу в Россию, не воевал на стороне белых»⁴⁶. Однако это не так. Ещё до начала Первого Кубанского похода Добровольческой армии в январе—феврале 1918 г. в Ростове-на-Дону в составе отряда войскового старшины Э.Ф. Семилетова был сформирован китайский отряд. Его командира, сотника О.М. Хопёрского, ещё в детстве вывезли из Маньчжурии казаки, и он воспитывался на Дону⁴⁷. Во время Степного похода из Донского отряда походного атамана генерал-майора П.Х. Попова было уволено около 50 человек — китайцев из отряда Хопёрского⁴⁸. В конце июля одна из наиболее известных частей Добровольческой армии — 1-й Марковский полк — пополнилась и пленными китайцами-«интернационалистами», воевавшими, по собственному признанию, «за родную Кубань»⁴⁹. В августе 1919 г. в числе рядовых, переведённых из состава Марковского полка в полк Алексеевский, были два пленных китайца⁵⁰. В воспоминаниях о белом Крыме военный прокурор Донской армии И.М. Калинин упомянул о китайце в другом знаковом добровольческом полку — Корниловском ударном⁵¹.

Китайцы находились в составе белых частей и на Восточном фронте. Бывший Верховный правитель России адмирал А.В. Колчак, находясь под арестом в Иркутске, на допросе 28 января 1920 г. перечислял воинские части, располагавшиеся весной 1918 г. в Харбине, и упомянул в числе прочих отряд полковника Маковкина, состоявший из китайских добровольцев: «Это была небольшая часть, в которой было человек 400... отряд предполагали для охра-

⁴⁵ Карпенко Н.М. Китайский легион... С. 310.

⁴⁶ Дружба, скреплённая кровью... С. 24.

⁴⁷ Гуль Р.Б. Ледяной поход // Белое дело: Избранные произведения в 16 кн. Кн. 2. Ледяной поход / Сост., науч. ред. и коммент. С.В. Карпенко. М., 1993. С. 246—247; Волков С.В. Первые добровольцы на Юге России. М., 2001. С. 332; Казанович Б.И. Атака Екатеринодара и смерть Корнилова // В память 1-го Кубанского похода / Под ред. Б.И. Казановича, И.К. Кириенко, К.Н. Николаева. Белград, 1926. С. 56.

⁴⁸ Падалкин А.П. Степной поход и начало казачьих восстаний на Дону // Родимый край (Париж; Монморанси). 1969. № 80—81. С. 45.

⁴⁹ Марковцы в боях и походах за Россию в освободительной войне 1917—1920 гг. / [Сост. В.Е. Павлов]. Кн. 1. Париж, 1962. С. 301.

⁵⁰ РГВА, ф. 39689, оп. 1, д. 12, л. 128—133.

⁵¹ Калинин И.М. Под знаменем Врангеля // Белое дело. Кн. 12. М., 2003. С. 125.

ны дороги, потому что на китайцев смотрели так, что они вообще драться не будут, и на них надеяться нельзя. На них смотрели, как на средство изъятия русских от охраны железной дороги, и считали, что они дальше этой дороги не пойдут»⁵². Весной—летом 1918 г. китайцы состояли в Особом Маньчжурском отряде атамана Г.М. Семёнова. Но этот опыт оказался неудачным. Месяцы «непрерывных тяжёлых боёв измотали совершенно даже лучшие части отряда, не говоря уже о пехоте, укомплектованной китайцами. Участились беспорядки в полках и попытки уйти с оружием за границу настолько, что понадобилась организация специальной военно-полицейской команды для задержания дезертировавших китайцев и отобрания у них оружия»⁵³.

По сообщению газеты «Коммунар», в декабре 1918 г. на Верхотурском направлении в бою столкнулись красные и белые китайские части. После того как «белые» китайцы услышали родную речь, они без боя перешли на сторону красных⁵⁴. Но случались и обратные случаи. Командир красного бронепоезда «Коммунист» Я. Усатов, вспоминая о боях на линии Юзовка—Мариуполь в 1919 г., писал: «Начальник 8-й дивизии дал мне в прикрытие роту китайцев и от Махно небольшой отряд». После того как белые прорвали фронт, махновцы отошли к Мариуполю, бронепоезд оказался в окружении, а рота китайцев «убежала к белым»⁵⁵.

Китайцы приняли самое активное участие в российской Гражданской войне. Между тем правительство Китая выступало против этого, «рассматривая ... всех китайцев, вставших под ружьё, как жертв тяжёлых обстоятельств или пропагандистской обработки»⁵⁶. Китайская делегация на Версальской мирной конференции во главе с министром иностранных дел Лу Чжэн-сяном выступила с протестом против мобилизации китайцев в ряды РККА и препятствия китайским гражданам в возвращении на родину⁵⁷. В ответ на это в ноябре 1919 г. в РСФСР прошли митинги, на которых уже китайские рабочие протестовали против такого демарша⁵⁸.

Очевидно, что стремление правительства Китайской республики не допустить участия своих граждан в боевых действиях в России объяснялось не только «идейно враждебным отношением к советской власти», но и стремлением «избежать роста антикитайских настроений у какой-либо части русского населения», так как «пропаганда белых охотно эксплуатировала тему “злого” китайца, получившего винтовку из рук большевиков»⁵⁹. В воспоминаниях и других источниках содержится немало примеров расправ над китайцами, которых белые воспринимали как одну из главных опор советской власти и пособников большевиков в проведении красного террора. Как сообщал в апреле 1918 г. уполномоченный китайского посольства, «в Области Войска Донского казаки и поныне арестовывают всех без исключения китайцев и отправляют их в ссылку, местонахождение которой нам неизвестно. Такой же режим установлен на территории, занятой добровольцами»⁶⁰. Можно предположить, что под

⁵² Допрос А.В. Колчака. Л., 1925. С. 113—114.

⁵³ Семёнов Г.М. О себе (Воспоминания, мысли и выводы). М., 1999. С. 151—152.

⁵⁴ Боевое содружество трудящихся... С. 149.

⁵⁵ Карпенко Н.М. Китайский легион... С. 157.

⁵⁶ Ларин А.Г. Китайские мигранты в России... С. 90.

⁵⁷ Хейфец А.Н. Советская Россия... С. 365.

⁵⁸ Боевое содружество трудящихся... С. 203—204.

⁵⁹ Ларин А.Г. Китайские мигранты в России... С. 91—92.

⁶⁰ Там же. С. 86.

предлогом «ссылки в неизвестное место» китайцы расстреливались. Харьковский отдел Союза китайских рабочих в телеграмме наркому иностранных дел Г.В. Чичерину сообщал о событиях февраля 1919 г.: «В Мелитополе бесчеловечно замучено белогвардейцами свыше полусотни китайцев, уроженцев провинций Хэбэй и Шандун», в том числе 11 женщин и 23 ребёнка⁶¹.

Но судьба далеко не всех китайцев, оказавшихся на территории, контролируемой белыми, или даже попавших к ним в плен, оказалась трагической. Об этом свидетельствуют обнаруженные в РГВА материалы о китайцах, пленённых на Восточном фронте. Они имеют особое значение — это первые документы такого рода в российской и китайской историографии. Благодаря им удалось проследить попытки китайских дипломатов спасти находившихся в тылу армий адмирала Колчака пленных соотечественников-красноармейцев.

Самый ранний по времени документ — письмо из Китайского республиканского консульства в Иркутске, направленное 24 апреля 1919 г. консулом Вэй Бо «господину уполномоченному чехословацкого правительства»⁶². К представителю чехословацких властей дипломат обратился в связи с тем, что на охране многих мест заключения в Сибири и на Дальнем Востоке были задействованы части Чехословацкого корпуса. Содержание обращения таково: «В г. Тюмени содержится около 350 человек китайских подданных, находящихся⁶³ в рядах “большевиков”. [М]ногие из них, вероятно, уже умерли от разных болезней, которые свирепствуют в переполненных местах заключения; весьма тяжелы условия существования оставшихся в живых. Китайское консульство долгом считает обратить внимание властей на то, что весьма многие из китайских подданных, хотя и взяты с оружием в руках, водворены были в ряды “большевиков” насильно, против их воли. Эти несчастные люди заслуживают полного снисхождения и облегчения их участи. За этих людей ходатайствует Китайское консульство и почтительнейше просит Вас, господин доктор, не отказать войти (по телеграфу) в сношение с властями в Тюмени о скорейшем освобождении китайских граждан... По имеющимся в консульстве сведениям, среди содержащихся в тюрьме есть много китайцев, которые совершенно не принимают участия в политическом движении в России и которые ни каким образом не могли добровольно очутиться в рядах “большевиков”. К Вам, господин доктор, обращается консульство и просит Вас не отказать, направить настоящее ходатайство по принадлежности, если содержащиеся китайские подданные не находятся в распоряжении чехских властей. Освобождённые из-под стражи китайские подданные могли бы быть переданы в распоряжение консульства».

Полученный от консула запрос чехословаки, по всей видимости, ввиду отсутствия у них заключённых-китайцев, переправили в российское Министерство иностранных дел. Оттуда он поступил военным властям. Главный начальник Тюменского военного округа на театре военных действий генерал-лейтенант В.В. Рычков 4 июля 1919 г. направил начальнику гарнизона Тюмени телеграмму, в которой сообщал: «Ввиду ходатайства, возбужденного Китайским республиканским консульством через Министерство иностранных дел об освобождении из Тюменской тюрьмы 350 китайских купцов и рабочих, слу-

⁶¹ *Жаров Л.И., Устинов В.М.* Интернациональные части в боях за власть Советов... С. 67.

⁶² РГВА, ф. 39499, оп. 1, д. 234, л. 47—47 об. Вероятнее всего, письмо адресовано доктору Й. Благожу, уполномоченному чехословацкого командования в Иркутске. Имеющиеся на письме резолюция и подпись не позволяют точно определить адресата.

⁶³ Вероятно, следует читать: «находившихся».

живших у большевиков и взятых нами в плен, начальник мобилизационного отдела просит в ускоренном порядке произвести расследование об упомянутых китайцах. Ввиду этого приказываю предложить Тюменскому сортировочному пункту рассмотреть дела о китайцах-красноармейцах, взятых нами в плен с оружием в руках, как служивших в рядах Красной армии и содержащихся ныне в Тюмени-тюрьме... Расследование об упомянутых китайцах должны быть проведены самым обстоятельным образом в краткосрочный срок и представлены для рассмотрения»⁶⁴.

На протяжении лета—осени 1919 г. между тыловыми структурами велась активная переписка о возвращении китайских военнопленных. 23 июля начальник Центрального Тюменского регистрационного пункта «красно-пленных русских солдат» генерал-лейтенант В.А. Красильников сообщал начальнику гарнизона Тюмени, что «китайцев в лагере военнопленных красноармейцев содержится всего лишь 61 человек⁶⁵ и дела об них находятся в следственной комиссии при управляющем уезда». Начальник гарнизона Тюмени в свою очередь докладывал о состоянии дел главному начальнику Тюменского военного округа⁶⁶.

Из документов следует, что китайское консульство в Иркутске также вело прямую переписку с российскими военными властями о своих согражданах. Так, 25 июля Тюменская следственная комиссия сообщала генерал-лейтенанту В.А. Красильникову: «О военнопленных китайцах ведётся в настоящее время переписка с китайскими властями о возвращении их на родину. В связи с этим дело об упомянутых китайцах направлено управляющему губернией⁶⁷ согласно его требованию. Китайцы эти подлежат эвакуации». К этому же письму прилагался «именной список» китайцев, находившихся в заключении⁶⁸.

Дальнейшая переписка свидетельствует, с одной стороны, о готовности российских властей передать китайских граждан консульству, с другой — об их эвакуации из Тюмени в неизвестном направлении на восток. Начальник штаба Тылового округа Восточного фронта Генерального штаба подполковник Иванов в телеграмме от 19 августа на имя начальника Общего отделения Главного начальника снабжений запрашивал: «Прошу спешно сообщить, не известно ли Вам куда эвакуированы китайцы-красноармейцы, содержащиеся [в] Тюменском лагере». Из Омска последовал лаконичный ответ временно исполняющего должность начальника канцелярии Главного начальника снабжения Восточного фронта полковника Галлера: «Неизвестно». Спустя почти месяц — 15 сентября — Иванов запрашивал ставшего к тому времени председателем Комиссии по распределению категорий красно-пленных Красильникова: «Ввиду поступившего ходатайства Китайского правительства [о] выдаче 60 китайцев содержащихся [в] Тюменском лагере прошу сообщить, остались ли эти китайцы [в] Тюмени или эвакуированы[. В] последнем случае куда именно». В сен-

⁶⁴ РГВА, ф. 39499, оп. 1, д. 234, л. 15 об.

⁶⁵ Судьба остальных 289 китайцев (если их действительно было столько), скорее всего, трагична. Тяжёлые условия заключения вели к высокой смертности. Так, главный начальник Уральского горного края С.С. Постников писал об эпидемии в Ирбите: «Там ужасы в лагерях красноармейцев: умерло за неделю 178 из 1 600. Здоровые питаются по 90 копеек в сутки, немые, на голом полу. По-видимому, все они обречены на вымирание, а зараза на весь город» (*Суржикова Н.В.* Военный плен в российской провинции (1914—1922 гг.). М., 2014. С. 298).

⁶⁶ РГВА, ф. 39499, оп. 1, д. 234, л. 15.

⁶⁷ По всей видимости, им в это время являлся В.Н. Пигнатти.

⁶⁸ РГВА, ф. 39499, оп. 1, д. 234, л. 15.

тябре Красильников внёс некоторую ясность, сообщив, что «китайцы должны быть эвакуированы в Нерчинские каторжные тюрьмы вместе с м[адья]рами и красноармейцами, но отправлены ли они — мне не известно, так как вверенная мне комиссия эвакуировалась из гор[ода] Тюмени раньше их отправки [в] Павлодар, но новое распоряжение было получено [в] Омске. Подробнее и точнее может указать тюменский воинский начальник, находящийся в настоящее время в гор[оде] Красноярске»⁶⁹.

Договоренности между российскими и китайскими властями по возвращению китайцев домой становятся более ясными из письма, направленного 20 сентября 1919 г. четвёртым политическим отделом Министерства иностранных дел Всероссийского правительства третьему генерал-квартирмейстеру при Верховном главнокомандующем генерал-майору А.Т. Антоновичу: «В дополнение к отношению от 16 августа и 15 сентября с.г. ... на имя начальника мобилизационного отдела, имею честь препроводить Вашему Превосходительству копию соглашения с китайскими властями, выработанного консульством в Цицикаре относительно передачи китайским властям выдворяемых из России военнопленных китайцев. Министерство иностранных дел с своей стороны не имеет возражений против означенного соглашения. Сообщая о вышеизложенном, прошу Ваше Превосходительство не отказать в распоряжениях об ускорении ответа о сроке отправки названных китайцев и приблизительном дне их прибытия на ст[анцию] Маньчжурия для предупреждения о том посланника в Пекине и консула в Цицикаре»⁷⁰. Но в условиях стремительного ухудшения военно-политической обстановки возможности военного командования заниматься судьбами пленных резко сокращались⁷¹, а задача их эвакуации теряла приоритет.

Из архивных документов явствует, что обе стороны переговоров планировали возвращение китайцев домой, не имея точных сведений об их местоположении. В «Копии китайского проекта передачи задержанных китайцев и отправки их по назначению»⁷² изложен такой план действий: «1. Все китайцы передаются русскими властями в присутствии представителей от российского консульства в Цицикаре и управления комиссара по дипломатическим делам Хэйлунцзянской провинции на ст[анции] Маньчжурия китайским властям. Вышеназванные представители сопровождают этих китайцев для наблюдения до конечной станции КВЖД в Маньчжурии. 2. Российское консульство телеграфирует в лагерь, где содержатся эти китайцы, о назначении срока, в который эти китайцы должны быть доставлены на станции Маньчжурия, о каком сроке лагерь должен уведомить, дабы представители обеих сторон могли прибыть для присутствия при передаче, дабы избежать задержки. 3. Приняв этих китайцев, китайские власти выясняют места приписки каждого из них по отдельности. Все, кто родом из Внутреннего Китая, препровождаются до Чаньчуна, откуда рассылаются по местам. Желаяющим вернуться на родину или выехать в Мукденскую провинцию на заработки не должно чиниться препятствия, но при этом установить годичный срок, в течение которого они не могут выезжать в пределы России. Если среди этих китайцев окажутся жители Гиринской и Хэйлуцзянской провинций, то таковым неудобно делать запрещений о невыезде на их родину на заработки, т[ак] к[ак] являются опасения,

⁶⁹ Там же, л. 1—15 об.

⁷⁰ Там же, л. 18.

⁷¹ Суржикова Н.В. Военный плен в российской провинции... С. 305.

⁷² РГВА, ф. 39499, оп. 1, д. 234, л. 19.

что они примкнут к хунхузам, а потому предполагается отдать лиц Гиринской и Хейлуцзянской провинций под надзор подлежащих местных властей». Стоит отметить, что автор проекта был не в курсе, что удалось найти только 61 человека. В документе всё ещё упоминается, что «всего подлежит передаче 350 человек. Для перевозки их от станции Маньчжурия до Чанчуна необходимо, чтобы российское консульство просило от управления КВЖД назначения заблаговременно 35 вагонов». Также был затребован список китайцев и высказано пожелание наличия их фотографий.

В связи с отсутствием более поздних по времени документов судьбу китайцев уточнить не удалось. Возможно, в ходе начавшегося вскоре отступления белых войск они пропали при эвакуации (расстреляны или погибли в ходе боевых действий) или же были освобождены частями Красной армии.

Проанализировав архивные документы, можно сделать ряд выводов, позволяющих соотнести историю пленных китайцев в России с событиями, разворачивающимися в самом Китае.

Во-первых, в письме консульства содержится фраза, что «весьма многие из китайских подданных, хотя и взяты с оружием в руках, водворены были в ряды “большевиков” насильно, против их воли». Однако известно, что в большинстве своем китайские рабочие шли служить в Красную армию добровольно. Очевидно, что такая формулировка в письме консула была лишь предлогом для того, чтобы просить освобождения пленных и снятия с них обвинений о службе в РККА.

Во-вторых, приведённая переписка позволяет охарактеризовать действия Бэйянского правительства. Оно пассивно относилось к вопросу эвакуации китайских рабочих. Чиновники в китайских посольстве и консульствах рассматривали подобные обращения своих граждан формально. Вместо помощи последние получали отписки. Лишь в 1918 г. во Владивосток были направлены два крейсера для «охраны китайских граждан в России», но на них вернулись менее 3 тыс. человек. Самая масштабная эвакуация осуществилась благодаря не китайским властям, а Союзу китайских рабочих в России. Официальный Пекин не признал власти Совета народных комиссаров РСФСР и отозвал своего дипломатического представителя из Петрограда. Почему же китайское консульство в Иркутске в 1919 г. всё же обратило внимание на судьбу соотечественников?

С одной стороны, есть основание предполагать, что активная позиция в отношении бывших красноармейцев связана с личностью консула. Несмотря на то что известно о нём очень мало, удалось выяснить, что Вэй Бо до назначения являлся чиновником китайского МИД и получил юридическое образование в Петербурге. Его перу принадлежит книга «Русские в Китае и китайцы в России». Согласно архивным данным, предыдущим консулом в Иркутске был Гуань Шан-пин. Российский посланник в Пекине оценивал его невысоко: «Владеет русским языком в слабой степени... Он производил впечатление человека, не особенно далёкого и плохо разбиравшегося в вопросах»⁷³. Вэй Бо оказался лучше подготовлен для этой должности. Консульство вело активную деятельность и оказалось для РСФСР едва ли не единственным «окном в Китай»; через него Москва искала выходы на Пекин. В частности, Сибирская миссия НКВД в письме к Вэй Бо предложила начать переговоры между двумя странами о пересмотре старых русско-китайских торговых договоров.

⁷³ Дацзышен В.Г. Консульства Китайской Республики в Сибири в системе русско-китайских отношений // Общество и государство в Китае. 2012. № 7. С. 155.

С первых дней после установления в Иркутске советской власти местный консул активно защищал интересы китайского населения, пострадавшего от политики военного коммунизма. При этом он касался и общих вопросов двусторонних отношений. Иркутский военно-революционный комитет уже в феврале 1920 г. получил от него такое письмо: «Консульство пребывает в уверенности, что настоящее ходатайство будет в кратчайший срок рассмотрено и удовлетворено, ибо, по глубокому убеждению консульства, разорение китайских граждан не есть намерение власти, по-видимому, стремящейся к сохранению дружественных отношений к китайскому народу»⁷⁴.

С другой стороны, остаётся до конца неясным, выдвинул Вэй Бо требования об освобождении китайских военнопленных по собственной инициативе или же с учётом распоряжения вышестоящих органов. Просьба консульства могла быть вызвана тем, что Китай, выступивший в Первой мировой войне на стороне Антанты, стремился не допустить, чтобы в руках белых оставались доказательства того, что китайцы сражались на стороне большевиков, подписавших с Германией сепаратный мир. В то же время просьба освободить китайцев из тюрьмы в Тюмени была выдвинута в конце апреля 1919 г., поэтому можно предположить, что её причиной стал патриотический подъём в Китае после окончания мировой войны. Китайцы надеялись, что участие в войне на стороне Антанты приведёт к решению союзников о непризнании территориальных захватов Японии в провинции Шаньдун. Рассчитывали они и на отмену подписанного в 1915 г. соглашения с Японией, составленного на основе «Двадцати одного требования» и ставшего кабальным для Китая. Но уже 30 апреля 1919 г. стало известно, что Парижская конференция отклонила все требования китайской делегации. В ответ на эти решения в Китае развернулась мощная борьба, вошедшая в историю как «Движение 4 мая». Под влиянием этих выступлений в июле 1919 г. представитель китайской делегации в Париже Веллингтон Ку отказался подписывать мирный договор. Таким образом, события в Китае и Франции позволяют предположить, что Вэй Бо выдвинул требования об освобождении китайских военнопленных по распоряжению вышестоящего начальства.

Эпизод с судьбой китайских военнопленных в белом тылу — лишь одна из многих драм, разыгравшихся во второй половине 1919 г. на Восточном фронте Гражданской войны. Вместе с тем обнаруженные документы позволяют сделать вывод, что не все китайцы-красноармейцы, попадавшие в плен к белым, подлежали обязательному расстрелу. Важной представляется и сама попытка китайского консульства позаботиться о соотечественниках, оказавшихся в плену.

Подводя итог, отметим, что участие интернационалистов в Гражданской войне стало одним из факторов, позволивших советской власти одержать в ней победу. Очевидно, что в междоусобном противостоянии два главных его участника — и большевики и белые — стремились использовать для победы иностранную военную силу. В то время как в 1918 г. на окраинах страны высаживались первые экспедиционные силы интервентов (союзников России по Антанте), активно поддерживавших белые правительства, советская власть действовала в своих целях иностранцев внутри страны — находящихся в заключении пленных Первой мировой и многочисленных наёмных рабочих. Включение их в состав полков РККА, а затем и формирование из них отдельных воинских частей приобрело немалый размах. Конечно, его не стоит преувеличивать, но и игнорировать его роль в победах Красной армии также нельзя.

⁷⁴ Там же. С. 154–155.

Историческая география Мещеры XIV—XVII вв.

Андрей Беляков

Historical geography of Meshchera of the 14th—17th centuries

Andrey Belyakov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870004242-7

Вопросы о географических границах Мещеры и этапах её вхождения в состав Московского княжества остаются дискуссионными. Немногочисленные письменные свидетельства и уникальное для Русского государства XVI—XVII вв. административно-территориальное деление края позволяют считать, что этот процесс осуществлялся в три этапа — с первой половины XIV по начало XVI в.

Понятие Мещеры как некоей территории, расположенной к востоку от Москвы и охватывающей обширные, преимущественно лесистые и заболоченные районы на территории современных Рязанской, Тамбовской, Пензенской областей и Республики Мордовия (отдельные авторы включают в неё и смежные районы Владимирской и Нижегородской областей), устойчиво вошло в научный оборот. До последнего времени не удавалось реконструировать не только политическую историю данного региона, но и его административно-территориальное деление и время вхождения в состав Московского княжества. Ситуация усложняется тем, что в западной части Мещеры располагалось так называемое Касимовское царство (ханство) с центром в Касимове (Городец Мещерский). На востоке же упоминаются некие татарские князья, управлявшие мордовским населением. Остаётся непонятным, когда и как эта мордва подчинилась Москве. Следует учитывать и то, что на востоке от этих земель до середины XVI в. находилось Казанское ханство. О его взаимоотношениях с Мещерой или с отдельными её регионами не все понятно. Свой отпечаток накладывал и смешанный (русское, тюркское и финно-угорское) состав населения.

Первоначально земли Мещеры были поделены между Муромо-Рязанским княжеством на западе и мордовскими племенами на востоке. Финно-угорское население преобладало здесь на протяжении всего рассматриваемого периода. Сведения о событиях в Мещере вплоть до создания в XVI в. Шацкого уезда более чем отрывочны. В истории формирования Шацкого уезда по-прежнему много неясного. Документы XVI—XVII вв. фиксируют двойное название этой административно-территориальной единицы — Шацкий или же Мещерский уезд (иногда просто Мещера). Город Шацк был основан только в 1553 г., поэтому понятие Мещера следует признать более древним.

Мещера как территория имела неустойчивые границы. Своё название она получила от одноименного финно-угорского племени. Эта территория к моменту присоединения к Московскому княжеству была населена по преимуще-

ству мордвой. Значительная часть мордовских земель постепенно включалась в состав Мещеры. В то же время отдельные земли на западе региона исключались из неё. Так, на востоке Коломенского уезда находилась волость Мещерка, расположенная по р. Неверка (приток р. Цны). В 1358 г. это было, по-видимому, ещё село, а в 1389 г. — уже волость¹.

Покупку Москвой мещерских земель В.А. Кучкин относит приблизительно к 1320-м гг. («как было при великом князе Иване Ярославиче и при князе Александре Уковиче»)². Иван Ярославич правил в Рязани в 1308—1327 гг. Об Александре Уковиче идут споры. Некоторые исследователи отождествляют его с Александром Юрьевичем Ширинским (Мещерским), а дату продажи переносят на 1381 г.³ Этому способствовало предположение Н.М. Карамзина о том, что князья Мещерские произошли именно от Александра Уковича⁴. По моему мнению, последний принадлежал к одной из ветвей муромо-рязанских князей и, вероятно, был родоначальником князей Мещерских. К легендарному основателю рода, князю Бахмету Усейнову Ширинскому, отношения он не имеет⁵. Насколько далеко на восток распространялись приобретенные Москвой земли, судить сложно. Скорее всего, это были территории будущих Касимовского и Елатомского уездов. С этим приобретением Москва стала контролировать течение р. Оки вплоть до устья р. Мокши. Юго-запад тогдашней Мещеры граничил с Рязанским княжеством и частично принадлежал ему⁶. Дальнейшее продвижение московских и рязанских владений на восток отражено в московско-рязанском договоре 1381 г.⁷ Зимой 1377/78 г. московские воеводы ходили на помогавших Мамаю мордовских князей. Несколько ранее рязанские князья успешно воевали с укрепившимся в Наручади (Наровчат, Мохши) ордынским князем Тагаем⁸. Кто подразумевался под «мордовскими князьями», однозначно ответить нельзя, однако видеть в них мордовскую родоплеменную знать, по-видимому, не стоит.

В XVI—XVII вв. в источниках упоминаются мордовские князья⁹. Они фиксируются русскими документами при переходе в служилое сословие. Их статус, судя по размерам поместных окладов, был незначительным. Скорее всего, «мордовские князья» — это административные должности, на которые назначались Сараем, а затем, возможно, и Казанью те или иные знатные татары. Помимо упомянутого Тагая, таковыми, вероятно, являлись Алабуга, известный

¹ Мазуров А.Б. Средневековая Коломна в XIV — первой трети XVI в.: Комплексное исследование региональных аспектов становления единого Русского государства. М., 2001. С. 78.

² Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV века: внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 259; Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М., 1950. С. 54, 85, 144, 285, 289.

³ Баязитов Р.Ж., Макарихин В.П. Восточная Мещера в средние века. (К вопросу этногенеза татар в Нижегородском крае). Н. Новгород, 1996. С. 72, 85.

⁴ Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 2. М., 1989. Стб. 32, 117—118.

⁵ Смирнов М. О князьях Мещерских XIII—XV вв. // Труды Рязанской ученой архивной комиссии. Т. XVIII. Вып. 2. Рязань, 1904. С. 161—197.

⁶ Дедук А.В. К вопросу о границе между Владимирским и Рязанским уездами в XVII—XVIII вв. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 4. М., 2015. С. 390—396.

⁷ Духовные и договорные грамоты... С. 54, 85, 144, 285, 289.

⁸ Кучкин В.А. Договорные грамоты... М., 2003. С. 260.

⁹ Писцовая книга татарским поместьям Алатырского уезда 1624—1625 годов. М.; Н. Новгород, 2012. С. 187; Дмитриев А.Н. Грамота царя Иоанна Васильевича мордовским князьям и мурзам Алатурского и Арзамаского уездов 1572 года // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. Т. 11. № 2. С. 89—97.

в связи с событиями на р. Пьяне в 1377 г.¹⁰, и казанский «мордовский» князь Раств¹¹.

В 1389 г. по сообщениям монахов Свято-Успенского Саровского монастыря на территории будущего Темниковского уезда поселился татарский князь Бехан: «В лето от сотворения мира 6897 (1388/89) при великом князе Димитрии Ивановиче и сыне его Василии Димитриевиче был из Золотой Орды князь Бехан, пребывание имел между речек Сарова и Сатиса, при самом устье речки Саровы. И в то время оный князь Бехан, по власти Золотой Орды царя, владел многими окрестными городами и разными селениями татарскими и мордовскими, а с того места сошёл от частых на него нападений военных за реку Мокшу, где ныне село Кангуш, и тамо построил себе жилище, обведя оное земляным валом; но и оное запустело, а с тем вскоре и царство Золотой Орды пресекалось»¹². Другими источниками данные сообщения подтвердить невозможно. Но всё же можно говорить о том, что около того времени некий родоплеменной лидер поселился в рассматриваемом регионе. Вскоре князь или же его потомки признали свою зависимость от великого князя московского. Неизвестно, жили его предки там до образования улуса Мокши или переселились туда только в XIV—XV вв.

«Великая замятня», наступившая в 1360-х гг., привела к значительным изменениям в родоплеменном составе западной части Золотой Орды. Вслед за утвердившимися на престоле ханами из восточной части Орды на плодородные земли европейской части государства стали переселяться эли (родоплеменные союзы), традиционно поддерживавшие предков новых ханов. Они претендовали на наиболее плодородные земли. Прежние владельцы этих земель искали иные места для проживания, часто на окраинах государства, в так называемых контактных зонах.

Татары поселились на землях, где исконно обитала мордва (в основном это районы проживания мокши и частично эрзи — «ерехтинская» и «кирдяновская» мордва). Явных конфликтов между татарами и мордвой не наблюдалось. Местное финно-угорское население рано потеряло самостоятельность. Начиная с ордынского времени им управляли ханские чиновники. Возможно, после присоединения к Москве мордва, подчинявшаяся одним татарам, стала подчиняться другим. В регионе известны мордовские «беляки». Скорее всего, первоначально это были некие внутриэтнические группы мордвы, возникшие в период разложения родовой общины. В той или иной форме они существовали и у других народов Поволжья и Приуралья (башкиры, марийцы и др.). После присоединения мордовских земель к Московскому государству великий князь московский жаловал отдельных татар «княжением» над мордвой того или иного беляка, судебными пошлинами и ясаком «по старине», за что эти татары должны были нести военную службу. Видимо, подобная практика бытовала в регионе и в домосковский период. По материалам XVI в. мы видим, что данные пожалования были пожизненными и передавались по наследству старшему в роду. Позднее стал утверждаться принцип наследования от отца к старшему сыну; при этом мурза становился князем. В данном случае князь —

¹⁰ ПСРЛ. Т. 37. Л., 1982. С. 34.

¹¹ Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551—1561 гг. Казань, 2006. С. 60.

¹² Маркеллин, игум. Краткое историческое описание Саровской пустыни с начала заведения и до нынешнего 1804 года. М., 1804. С. 6.

это не титул, а должность наподобие волостеля¹³. Особо подчеркну, что мордва сохраняла внутреннее самоуправление и выходила на войну собственными подразделениями¹⁴. До второй половины XVII в. для части мордвы сохранялась возможность перехода в служилые люди по прибору. В таком случае их наделы переводились в поместья, а они получали статус тарханов.

Итак, Мещера включала в свой состав территорию будущих Касимовского, Елатомского, Кадомского и Темниковского уездов. В это время восточные границы региона были условны. Первоначально, видимо, служилые татары селились непосредственно в Темникове, Кадоме и нескольких крупных близлежащих деревнях. Это обуславливалось пограничным статусом региона. Их хозяйственная деятельность простиралась на более обширную территорию. С середины XVI в. татары активно осваивали южную часть Темниковского уезда — ранее «дикое поле». Согласно челобитной служилых татар царю Алексею Михайловичу, город Темников был поставлен «для приходу казанских воинских людей, а уездные села и деревни и Емская слобода на напольной стороне»¹⁵. Из этого следует, что татарские деревни Темниковского уезда на левом степном берегу Мокши стали возникать уже после постройки нового города, т.е. после 1536 г. О переселении на левобережье Мокши сообщается и в собранных в начале XVIII в. монахами Саровского монастыря родословных татарских мурз, потомков князя Бехана. Мордва, по-видимому, также изначально селилась компактно, создавая многочисленные починки в отдаленных лесных угодьях. Некоторые из них просуществовали сотни лет, другие вскоре исчезли. Подобным образом создавали новые населённые пункты и татары. Длительное время основу экономики у служилых татар и мордвы составляла не пашня, а эксплуатация вотчин бортных ухажав. У некоторых татар фиксируются обширные сенокосы, свидетельствующие о развитом скотоводстве, в первую очередь разведении лошадей. Бортные ухажав уже в середине XV в. простирались вплоть до р. Суры. Вероятно, часть лесных массивов использовалась чересполосно с казанскими татарами¹⁶.

Кадомские татары уже в XVI в. отличались многочисленностью по сравнению с соседними уездными корпорациями служилых татар. Возможно, город имел тогда даже большее значение, нежели Темников, а район Кадома первоначально был главным центром расселения служилых татар. Проникновение русских крестьян и русское помещичье землевладение также фиксируются здесь несколько раньше. Тогда же, в 1547 г. впервые упоминается Кадомский уезд¹⁷. Темников вышел на первое место позднее.

¹³ В оседлых Муромских землях (Кирдяновская мордва) известны русские волостели, которые в конце XV в. управляли мордвой 1–2 года (*Папкова Т.И.* Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века. Наместники и волостели. М., 2000. С. 177, 178).

¹⁴ Приправочный список с дозорной книги города Темникова и Темниковского уезда 1613/14 г. Казань, 2015. С. 3–4; *Беляков А.В., Енгальцева Г.А.* Темниковское княжество по источникам XVI–XVII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. 2014. № 6. С. 62–71; *Акчурина М.М., Ишеев М.* Этнополитическая структура Мещеры в XVI веке // Там же. С. 4–17; *Акчурина М.М., Ишеев М.* Институт власти татарских князей в Российском государстве // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья. Вып. 4. Казань, 2014. С. 5–27.

¹⁵ *Чекалин Ф.Ф.* Два архивных документа к истории сторожевых укреплений в пределах Пензенской губернии // Пензенские губернские ведомости. 1890. № 73.

¹⁶ *Акчурина М.М., Абдурахманов Т.А.* Челобитная вдовы мурзы Гляша Кугыева // Национальная история татар: теоретико-методологические проблемы. Вып. II. Казань, 2011. С. 176–196.

¹⁷ *Антонов А.В.* Частные архивы русских феодалов XV — начала XVII века // Русский дипломатический архив. Вып. 8. М., 2002. № 1016. С. 132.

Земли Шацкого уезда первоначально относились к Рязанскому княжеству. В 1496 г. они принадлежали рязанскому удельному князю Фёдору Васильевичу Третнему; частью земель на данной территории владел и его брат великий князь рязанский Иван Васильевич. 19 августа 1496 г. братья заключили докончанье, установив границы своих владений. Они совпадают с западной границей Шацкого уезда XVII в., сохранившейся с незначительными изменениями до первой трети XX в. Восточная граница была условной и в основном проходила по р. Цне. Территория Шацкого уезда в XVII—XVIII вв. простиралась несколько дальше, за р. Выша. Низкий правый берег Цны и в настоящее время остается малозаселённым. Причину следует видеть в значительных весенних разливах, фиксировавшихся ещё в XIX в. Расположенные в низине леса были пригодны только для бортничества и сенокосов. В Кадомском и Темниковском уездах также отдельные возвышенности в окружении многочисленных незаселённых или же слабозаселённых низменностей становились местом основания новых поселений. По докончанью в случае смерти князя Фёдора бездетным его земли должны были отойти старшему брату¹⁸. Однако Иван Васильевич умер в 1500 г. первым. В 1503 г., незадолго до кончины, князь Фёдор завещал все свои земли дяде по матери — великому князю московскому Ивану III¹⁹.

Административным центром этих земель являлся Андреев городок Каменный (Каменная могила, Темгенево городище) на р. Цне (приток р. Мокши), ныне село Темгенево Сасовского района Рязанской области. Город как русское укрепленное поселение, крайний западный форпост Рязанского княжества, возник в XII в. и просуществовал до первой четверти XVI в. (был уничтожен около 1515 г. и более не восстанавливался)²⁰.

В Шацком уезде также проживали служилые татары. В настоящее время можно выделить два места их компактного проживания: село Бастаново в нескольких километрах от Андреева городка на правой стороне Цны (первоначально, видимо, находилось на противоположной стороне), и деревня Тархань, расположенная вверх по течению Цны на её левом берегу. Южная граница Шацкого уезда была неустойчивой и во многом зависела от ситуации в Степи и интенсивности набегов кочевников. Однако можно предположить наличие определённого рубежа, севернее которого граница не перемещалась. Им могло являться село Тархань.

В окончательном виде Мещера как особый территориально-административный регион сформировалась только в 1503 г. Но и после этого её территория возрастала за счёт освоения земель вверх по р. Цне. Позднее часть этих земель отошла к вновь образованному Тамбовскому уезду. Показательно, что дважды заселяемые выходцами из Мещеры (в конце XVI и в начале XVII в.) Алаторский²¹ и Арзамасский уезды в состав Мещеры не вошли, хотя там также имелось значительное мордовское население.

¹⁸ Духовные и договорные грамоты... С. 332—341.

¹⁹ Автор благодарен А.В. Азовцеву и А.В. Дедуку за ценные соображения и замечания, сделанные по проблеме исторической географии Мещеры в беседах.

²⁰ *Челяпов В.П.* Древнерусские памятники на северо-востоке Рязанской земли // Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы. М., 2005. С. 313—426; *Челяпов В.П.* К вопросу об Андреевом городке каменном // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Вып. 8. Рязань, 2005. С. 13—16; *Девлекамов А.А., Шарифуллина Ф.Л.* Очерки по истории и культуре села Бастаново. Шацк, 2015. С. 28—68; Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 95. СПб., 1895. С. 706.

²¹ Писцовая книга татарским поместьям... С. 43, 46, 51, 59, 73, 78, 80, 119, 127, 135.

В соответствии с историей вхождения различных территорий в состав Московской Мещеры произошло и её деление на станы. Так, Касимовский и Елатомский уезды составили Борисоглебский стан, Кадомский и Темниковский — Замокошский стан, Шацкий — Подлесный стан. В Касимовский уезд входили Бабинская, Рубецкая, Давыдовская и Перьевская волости²². В Борисоглебском стане известны Муторская²³ и Куморская (Кусморская)²⁴ волости. Можно предположить, что Муторская — это искажённое издателем источника И. П. Алябьевым название Кусморской волости. В Шацком уезде известны дворцовые Конобеевская²⁵ и Верхнеценская²⁶ волости. В Темниковском уезде особым статусом обладала Красная Слобода. Первоначально она принадлежала Михаилу Нагому, позднее отошла Борису Годунову, а в Смуту досталась кн. Д.Т. Трубецкому²⁷. Можно предположить, что это был один из многочисленных частных городов-крепостей, возникавших в конце XVI в. на окраинах государства.

В отличие от центральных уездов, в Мещере уезды целиком не делились на волости. Они представляли собой отдельные вкрапления. Анализ источников с упоминанием волостей позволяет предположить, что первоначально все они являлись дворцовыми. Впоследствии эти земли стали жаловать служилым людям (преимущественно татарам). О том, что обширные поместья касимовских Чингисидов когда-то были дворцовыми волостями, имеется прямое указание: «Да за тобою ж нашего царского жалованья в Касимовском же уезде в поместье из наших дворцовых сел и из черных волостей село Ерахтур с приселки и з деревнями»²⁸. По-видимому, это указание на существование ещё одной волости в Касимовском уезде — Ерахтурской.

Анализируя документы по писцовому описанию регионов, с высокой долей вероятности можно выделить и другие волости. В «русской» писцовой книге кн. Леонтия Шаховского и подьячего Бажена Степанова 1617 г. упоминается, но не описывается село Чучково Подлесного стана²⁹. Наказ из Поместного приказа писцам Петру Семёновичу Воейкову и подьячему Поснику Ракову объясняет это: Чучково ранее было дворцовым селом, пошедшим в поместную раздачу сибирскому царевичу Андрею Кучумову и Степану Волинскому. Здесь же, без прямого указания на волости (они названы сёлами), приводится их список: 1) Касимоский уезд: сёла Пере, Бабинское, Рубецкое, Давыдовское; 2) Кадомский уезд: село Саватьма; 3) Шацкий уезд: сёла Юрино, Пятаково, Коверино, Колтырино. Не до конца понятен статус сёл Нестерово и Угол³⁰.

²² РГАДА, ф. 1209, оп. 1, кн. 533, л. 877—1209.

²³ Шацкий уезд XVII века. Государевы служилые люди. Ульяновск, 2014. С. 266.

²⁴ РГАДА, ф. 1209, оп. 4, кн. 5980, л. 493—516 об.; ф. 131, оп. 1, л. 17 (1633 г.), л. 1—3.

²⁵ Дубинская Л.Г. Социально-экономическое положение крестьян во второй половине XVII века (по материалам Мещерского края). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1967. С. 11—12.

²⁶ Пискарев П.И. Писцовая книга новых сел Верхоценской волости Тамбовского уезда // Известия Тамбовской учёной архивной комиссии. Вып. 30. Тамбов, 1890. С. 85—130; Копии с Шацкой писцовой книги Фёдора Чеботова 131 года о владениях великой старицы инокини Марфы Ивановны в Верхнеценской волости // Там же. Вып. 37. Тамбов, 1893. С. 73—147; Холмогоров В.И. Переписная книга 7179 (1671) года сел и деревень Верхоценской волости, и Рыбной пустоши, и монастырских вотчин Тамбовского уезда // Там же. Вып. 45. Тамбов, 1901. С. 35—49.

²⁷ Беляков А.В. Документы Темниковской и Кадомской приказных изб эпохи Смуты // Мининские чтения: 2012. Н. Новгород, 2012. С. 233—242.

²⁸ РГАДА, ф. 141, оп. 1, д. 8 (1622 г.), л. 134.

²⁹ Шацкий уезд XVII века... С. 202.

³⁰ Веселовский С.Б. Акты писцового дела. Т. I. М., 1913. С. 565; Т. II. Вып. 1. М., 1917. С. 36.

Название Замокошского и Подлесного станов указывают на расположение этих территорий по отношению к Борисоглебскому стану. С последним дело обстоит сложнее. С XVIII в. в регионе не фиксируется ни один населенный пункт с подобным названием. Однако под 1617 г. значится село Борисоглебское на р. Оке с деревнями Шетилово и Гладково, принадлежавшее Андриановой пустыни³¹. Можно предположить, что это первоначальный центр одноименного стана. Андриановская пустынь Успения Пресвятой Богородицы возникла в середине XVI в. В 1547/48 г. ей пожаловали упомянутые селения³². В 1658 г. село ещё называлось Борисоглебским³³; в 1676 г. оно именуется уже Пустынью³⁴. Ныне это село Пустынь в 3 км вверх по Оке от посёлка городского типа Елатьма Касимовского района. По-видимому, пустынь и была основана в селе Борисоглебское. Можно предположить, что Борисоглебское (Борисоглебск) стало административным центром Мещеры ранее Елатьмы, затем по неизвестным причинам его перенесли на другое место.

Как административные центры Мещеры в XVI в. упоминаются Елатьма и некая Мещера. Под последней исследователи ошибочно видят Городец Мещерский (Касимов)³⁵. В духовной грамоте Ивана IV в Мещере упоминаются следующие города: Мещера, Кадом, Темников, Шацк и Кошков. Последний, судя по всему, неправильно прочитанный Касимов. В примечании к публикации документа отмечено: «Список второй половины XVIII в., писан дурной скорописью, весьма неисправно»³⁶. Неправильное прочтение могло быть позаимствовано из духовной грамоты Ивана III³⁷.

Впрочем, в Мещере известно такое географическое название. В 1655 г. царь Алексей Михайлович разрешил продать в вотчину стольнику Афанасию Нестерову несколько селений, в том числе и пустошь, «что была деревня Малая Пургасово, Кошково тож»³⁸. Однако летописи и разрядные книги не упоминают такого города. Скорее всего, Елатьма и Мещера — это один и тот же город. В пользу этого говорит и то, что наместники упоминаются в обоих городах. Однако в начале XVI в. в Мещере отмечаются волостели³⁹. Наличие двух наместников на малоосвоенной территории маловероятно.

С конца XVI в. значение Елатьмы снижалось. Во второй половине XVII в. здесь не было крепости, постоянных военных подразделений и, возможно, воевод⁴⁰. Административный центр переместился в Шацк. Когда это произошло? Разрядные книги отмечают, что между 1566/67 и 1570 гг. в Шацке появился наместник. Одновременно наместники перестали упоминаться в Мещере⁴¹. Это и следует рассматривать как главный признак смены административного центра.

³¹ Шацкий уезд XVII века... С. 263.

³² Описание Грамот Коллегии экономии. Т. 1. М., 2016. С. 815.

³³ РГАДА, ф. 281, оп. 20, д. 14513/46 (1658 г.), л. 1—6.

³⁴ Книги окладные монастырям, церквам и часовням Рязанской епархии, учиненные при Преосвященном Иосифе, митрополите Рязанском и Муромском, в 1676 году. Рязань, 2004. С. 389.

³⁵ Черменский П. Н. Из истории феодализма на Мещере и в Мордве // Археографический ежегодник за 1963 г. М., 1964. С. 4—5.

³⁶ Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. 1. СПб., 1846. С. 382, 389.

³⁷ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 1. М., 1813. С. 389—400.

³⁸ Известия Тамбовской учёной архивной комиссии. Вып. 24. Тамбов, 1889. С. 104.

³⁹ Пашкова Т. И. Местное управление... С. 139, 144, 171, 173.

⁴⁰ РГАДА, ф. 141, оп. 1, д. 144 (1648 г.), л. 1—5.

⁴¹ Разрядная книга 1475—1598 гг. (далее — РК 1475—1598). М., 1966. С. 231; Разрядная книга 1550—1636 гг. Т. 1. М., 1975. С. 172; Разрядная книга 1475—1605 гг. (далее — РК 1475—1605). Т. II. Ч. 2. М., 1982. Л. 458. С. 253.

Интересно, что Шацк как оборонительный центр выпадал из системы мещерских городов. Его воеводы обязаны были сходиться с воеводами из Рязска, Пронска, Михайлова в Переяславле-Рязанском⁴², хотя местный воевода координировал порой деятельность военных отрядов Мещеры. Так, в ноябре 1604 г. князю Ивану Федоровичу Хованскому помимо Шацка велели «для осадного времени» ведать «Острог Конобеев, и Темников, и Косимов, и Елатьму, и Кадом»⁴³. Скорее всего, это наследие времён, когда Мещера была поделена между Москвой и Рязанью. Касимов, Елатьма, Кадом и Темников относились к Московскому княжеству, а более южный район Шацка — к Рязанскому⁴⁴. Особое положение Шацка выражалось и в том, что когда в конце XVI в. в городах Мещеры остались только осадные головы, в нём по-прежнему сидели воеводы (нередко в ранге наместника). Можно предположить, что при присоединении данных территорий к Москве «столицей» стал прежний административный центр, либо город по каким-то причинам построили рядом. Со строительством в середине XVI в. засечной черты административный центр перешёл в Шацк. С этого времени Мещеру часто называли Шацким уездом.

Таким образом, мы вынуждены, говоря об этом регионе, подразумевать наличие «большого» Шацкого уезда и собственно Шацкого («малого») уезда. Статус Елатьмы на протяжении XVII в. постепенно падал. В какой-то момент её воеводы стали зависеть от воевод касимовских. Собственных служилых людей в Елатьме не было, и если требовалось утихомирить непослушных крестьян и горожан, за стрельцами и пушкарями обращались в соседний Касимов⁴⁵.

Отмечу, что в середине XVI в. различали Большую и Малую Мещеру. На это указывает жалованная несудимая грамота 1542 г., данная от имени Ивана IV рязанскому епископу Ионе⁴⁶. Неясно, какая территория подпадала под определение Малой Мещеры — весь Борисоглебский стан или только земли Елатомского уезда. Впервые Мещерский уезд фиксируется в документах приблизительно в это же время — в 1532/33 г.⁴⁷

В Мещере внутреннее административно-территориальное деление имело особенности, что отразилось в материалах писцового делопроизводства. Здесь проживали значительные группы населения, разные в этническом и религиозном отношении, а также имевшие разные обязанности перед государством. Помимо русских помещиков и крестьян это были служилые татары и мордва (тарханы), бортники (русские владельцы вотчин бортных ухажаев, по своему положению близкие черносошному крестьянству Русского Севера, а по налоговому статусу отличные от иных групп населения региона) и некоторые иные категории населения⁴⁸. Все эти категории населения описывались по отдельности. Поэтому известны русские, татарские, мордовские, «бортничьи» писцовые описания. Помимо этого, отдельно описывались территория «Касимовского царства» и дворцовые волости, а также Краснослободская волость. При

⁴² РК 1475—1605. Т. III. Ч. 2. М., 1987. С. 52—53, 63—64, 86—87.

⁴³ Там же. Т. IV. Ч. 2. М., 2003. С. 81.

⁴⁴ Кучкин В.А. Договорные грамоты... С. 259—262.

⁴⁵ Беляков А.В. Крестьянская война под предводительством Степана Разина в Мещере // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 4. Рязань, 2003. С. 38; РГАДА, ф. 141, д. 144 (1648 г.), л. 1—5.

⁴⁶ Иероним, архим. Рязанские достопамятности, собранные архимандритом Иеронимом, с примечаниями И. Добролюбова. Рязань, 1889. С. 40.

⁴⁷ Государственный архив Саратовской области, ф. 19, оп. 1, д. 773, л. 1.

⁴⁸ Беляков А.В. Писцовая книга мордовских сёл Кадомского уезда 138-го (1629/30) года // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 5. Казань, 2013. С. 154—210.

этом «русские» писцовые книги могли охватывать всю территорию «большого» Шацкого уезда. Данный факт привёл Л.Г. Дубинскую к ошибочным выводам о том, что в Шацкий уезд входили также Касимовский, Елатомский, Кадомский уезды и город (не уезд) Темников⁴⁹. Мордва описывалась по белякам, бортники по станам, русские помещики по станам, отличным от бортничьих, а служилые татары могли описываться как по станам, так и целым уездом. Наряду с царскими воеводами в регионе встречаются и мордовские воеводы, ведавшие, однако, не только эту группу населения, но в ряде случаев и русских посопных крестьян и бортников. Известны почти одновременные писцовые описания мордвы как целиком по уездам, так и по дворцовым волостям.

Так называемое Касимовское царство возникло в Касимове (Городце Мещерском) в середине XV в. Василий II Иванович Тёмный поселил здесь выезжего большеордынского царевича Касима бен Улуг-Мухаммеда с его военным отрядом. С этого момента его стали называть Царевым (Царевичевым) Городком, просто Городком или же по-татарски Хан-Кирман. Позднее, после переноса города в XVI в. на нынешнее место, он стал называться Касимовым. С этого момента началась почти непрерывная 250-летняя история пребывания в городе служилых Чингисидов. Всего в Касимове зафиксировано 12 «правителей»: большеордынский царевич Касим (Трегуб) бен Улуг-Мухаммед (до 1456 — около 1468 г.) и его сын царевич Даньяр бен Касим (около 1468 — около 1486 г.); крымский царь Нур-Даулет бен Хаджи-Гирей (около 1486 — 1503 (1491) г.) и два его сына: Сатылган бен Нур-Даулет (1503 (1491) — около 1506 г.) и Джанай бен Нур-Даулет (до 1506 — около 1512 г.); астраханский царевич Шейх-Аулеар (около 1512 — около 1516 г.) и его дети: царевич (впоследствии царь) Шах-Али бен Шейх-Аулеар (около 1516—1519, 1535—1546, 1546—1551, 1551—1567 гг.) и царевич Джан-Али бен Шейх-Аулеар (1519—1532), царь Саин-Булат бен Бекбулат (до 1570 — лето 1573 г.), царь Мустафа-Али бен Абдула (1585 — около 1590 г.); казахский Шибанид царь Ураз-Мухаммед бен Ондан (1600—1610); сибирский Шибанид царь Арслан бен Али (1614—1626). В литературе отмечают ещё двух «правителей»: царевича Сеит-Бурхана бен Арслана (Василий Арасланович) (1626—1679) и царицу Фатиму-салтан Шакулову, вдову Арслана бен Али (1679—1681). Однако с данным утверждением нельзя согласиться по формальным признакам: доходы с города передавать им не планировалось. Тем не менее Сеит-Бурхана всё же условно можно внести в список касимовских «правителей»⁵⁰.

О статусе и размерах «Касимовского царства» идут споры. Одни утверждают, что на начальном этапе оно было полноценным «уделом» с высокой степенью автономии (возможно, даже имело равнозначный с Казанью статус), а его границы простирались за пределы Мещеры. Однако со временем уровень самостоятельности и размеры территории стали сокращаться, и в XVII в. «царство» превратилось в обширное поместье⁵¹. Другие пишут, что город и близлежащую округу (уезд) следует рассматривать только как место постоянного проживания и территорию, с которой Чингисиду и его двору поступа-

⁴⁹ Дубинская Л.Г. Социально-экономическое положение крестьян... С. 11—12.

⁵⁰ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1—4. СПб., 1863—1887; Беляков А.В. Чингисиды в России XV—XVII веков. Просопографическое исследование. Рязань, 2011.

⁵¹ История татар с древнейших времён в семи томах. Т. IV: Татарские государства XV—XVIII вв. Казань, 2014; Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени. Казань, 1998; Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство (1445—1552 гг.). Очерки истории. Казань, 2009.

ли доходы, которые, впрочем собирались представителями московской администрации, постоянно находившимися в городе. Во второй половине XVI—XVII вв. касимовским царевичам принадлежали обширные поместья (около 2 тыс. четей) из бывших дворцовых волостей в Касимовском и Елатомском уездах. Около 1 500 четей причиталось членам их дворов⁵².

Нельзя не отметить, что Касимов неоднократно менял местоположение и, по-видимому, название. Как славянское поселение Городец Мещерский (ныне — городище Земляной Струг) возник в XII в. на более раннем финно-угорском поселении (городецкая культура) на правом берегу р. Бабенки, в 2,5 км к северо-востоку от современного Касимова. Существующая до настоящего времени традиция приписывать его основание владими́ро-суздальскому князю Юрию Долгорукову в 1152 г. ошибочна. Во-первых, все летописные упоминания Городца до середины XV в. относятся не к Городцу Мещерскому, а к Городцу Радилу на Волге (ныне г. Городец Нижегородской обл.). Во-вторых, 1152 г. датируется поход князя в эти места. Сам же город возник несколько позднее и впервые упоминается в Лаврентьевской летописи только в 1172 г.⁵³ В конце XIV в. Городец Мещерский перенесли на высокий мыс при впадении р. Бабенки в Оку (ныне окраина Касимова), и он стал называться Новым Низовым городком, а с поселением в нём Чингисидов — Царевичевым (Царёвым) городком. Причина переноса города не выяснена. Причин, возможно, было две. Ограниченный с двух сторон глубокими оврагами, город не мог развиваться вширь. К тому же склоны оврагов постоянно осыпались, тем самым сокращая пригодную для жилья площадь города. Можно предположить, что второй перенос города в 1530—1550-х гг. на нынешнее место также связан с оползнями высокого берега р. Бабенки⁵⁴. После очередного переноса за городом укрепилось название Касимов. Прежнее место стало называться Старым посадом⁵⁵. Интересно, что примыкающая к современному Старому посаду (ул. Старопосадская города Касимова) деревня носит название Уланова гора. Это почти калька с Царевичева городка. «Уланы» (оглан — сын (*тюрк.*)) наименование от рождения всех Чингисидов до XV в. Впоследствии оно было вытеснено термином «султан». Но некоторые Чингисиды и позднее назывались огланами / уланами. Если исходить из того, что в Касимове XVI—XVII вв. укрепленный двор касимовских Чингисидов находился через овраг от русской крепости, в которой жил воевода, то можно предположить, что на месте данной деревни и находилась резиденция первых касимовских царей и царевичей. Косвенным подтверждением данной версии служит наличие обширного Старого татарского кладбища сразу за Старым посадом, находящимся теперь довольно далеко от Татарской слободы и к тому же за глубоким оврагом. Но данное предположение требует дополнительного переосмысления наших знаний об исторической

⁵² *Беляков А.В.* Чингисиды в России... С. 310—314.

⁵³ *Челяпов В.П.* Древнерусские памятники... С. 413—426; *Кузнецов А.А.* Городец на Волге: от основания до 1238 года // Городецкие чтения: Материалы научно-практических конференций VI Городецкие чтения (6 декабря 2008 г.) и II Александро-Невские чтения (27 февраля 2009 г.). Городец, 2009. С. 7—17; *Селезнев Ф.А.* Вопрос о времени основания Городца в российской дореволюционной историографии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 1. С. 182—189.

⁵⁴ *Ахметгалин Ф.А., Хамзин Р.Н., Беляев А.В.* Археологические исследования средневекового Касимова // Поволжская археология. 2016. № 4. С. 182—201.

⁵⁵ *Беляков А.В.* Огланы (уланы) в России второй половине XV—XVI века // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. Т. 13. 2014. Вып. 8. С. 51—56.

географии региона в XV—XVII вв. Дело в том, что в XVII в. Старый посад относился к Касимовскому уезду, а Уланова гора — к Елатомскому⁵⁶.

Ситуацию ещё больше усложняло то, что в тот период буквально в нескольких километрах от Касимова находилась граница Владимирского уезда. До середины XVI в. она была неустойчива. В конечном итоге значительная часть пограничной Гусской волости вошла в Касимовский уезд. Эти земли стали ядром поместного землевладения касимовских служилых татар (по-видимому, изначально членов двора крымских Гиреев)⁵⁷. Дело в том, что в Касимове при смене ветвей семьи Чингисидов оставшиеся от предшественников военные отряды испомещались московским государем и получали автономность от нового касимовского царя или царевича. Так образовались такие группы служилых касимовских татар как царёв (Шигалеев) двор, в который, видимо, входили казанские татары, перешедшие на службу к царю Шах-Али бен Шейх-Аулеару, и сеитов полк, основу которого составили крымские и, возможно, большеордынские выходцы⁵⁸. Остаётся непонятным, почему вся волость целиком не вошла в состав Касимовского уезда. Возможно, когда в первой трети XVI в. началось испомещение касимовских служилых татар, для этих целей была выбрана Гусская волость как более обеспеченная пашенными крестьянами. Несколько позднее, в целях оптимизации управления все теми же татарами, данные земли отошли к Касимову.

Касимов был не единственным городом, в котором проживали Чингисиды. Не ранее 1503 г. Андреев городок Каменный (Темгенево городище, Каменная Могила) пожаловали крымскому царевичу Джанаю⁵⁹. Позднее он стал касимовским царевичем, но сохранил ли при этом прежнее пожалование — неизвестно. Это единственное упоминание Чингисиды в этом городе, представлявшем в своё время значительное поселение: к нему примыкали три селища, образовавшие посад площадью в 10 га⁶⁰. По наблюдению М.М. Акчурина, приблизительно в это же время в русско-крымской дипломатической переписке территория будущего Шацкого уезда начала восприниматься неразрывно от Мешеры. Остаётся открытым вопрос о том, где находился административный центр уезда на протяжении трёх-четырёх десятилетий до основания в 1553 г. Шацка.

Касимов не был единственным городским населённым пунктом, менявшим местоположение: то же самое происходило с Кадомом и Темниковым. Время основания Темникова неизвестно. Первоначально он располагался на правом берегу Мокши (ныне село Старый город Темниковского района Республики Мордовия). Имеется предположение о том, что первоначально Темников находился в 10 км от Старого Темникова на Итяковском городище. Итяковское городище расположено на противоположном берегу Мокши. Следовательно, город несколько раз переносился на противоположные берега реки вследствие постоянно менявшейся ситуации на границе. В периоды затишья происходило бурное освоение новых земель; когда военная угроза возрастала, население

⁵⁶ Вельяминов-Зернов В.В. Указ. соч. Ч. 3. СПб., 1864. С. 147.

⁵⁷ Азовцев А.В. Новые источники по истории землевладения касимовских татар // Русский дипломатарий. Вып. 5. М., 1999. С. 68—74; Дедук А.В. Где находились «Гусь» и «Городец» грамоты Шах-Али бин Шейх-Аулеара 1543 г? // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6. № 3. С. 635—643.

⁵⁸ Беляков А.В. Смотренный список касимовских татар царёва двора и сеитова полка 1623 г. // Рязанская старина. 2004—2005. Вып. 2—3. Рязань, 2006. С. 358—380.

⁵⁹ Вельяминов-Зернов В.В. Указ. соч. Ч. 1. СПб., 1863. С. 205—206.

⁶⁰ Челятов В.П. Древнерусские памятники... С. 423.

уходило за Мокшу⁶¹. Однако в 1536 г. город перенесли на левый берег «того ради, что был старый город мал и некрепок»⁶². Скорее всего, это произошло из-за возросшей опасности набегов со стороны Крымского ханства и Ногайской орды. Определённую роль в переносе города могла сыграть активизировавшаяся в это время деятельность мещерских татар по отгону (краже) лошадей у кочевников⁶³. В следующий раз город переехал в последней четверти XVII в. Из челобитных, поданных в 1674 г. жителями Темникова, известно, что к тому времени все татары покинули Темников («мурзы и татары, покиня твой, великого государя, Темников город, и дворы свои перевозили на дикия поля»). После пожара 1667 г. и взятия города казаками Степана Разина крепостные сооружения оказались окончательно разрушены. К тому же русло Мокши со временем отдалилось, а озеро под городом занесло песком. В результате Дасай мурза князь Булаев, Смольян мурза князь Акчурин, Резеп мурза князь Еникеев, Мустай мурза Кудашев «с таварыщи» подали челобитную о постройке нового города Темникова на другой стороне Мокши «на поле за засечными крепостями на Дербышевской горе». Ввиду того что для постройки города данное место оказалось «не пристойно», приняли решение о переносе крепости ближе к Мокше на Исикеевскую гору, расположенную «блиско старого острогу... где бывали дворы темниковских мурз Маметя мурзы Исикеева, да Бегиша мурзы князь Еникеева з братьею и с таварыщи»⁶⁴.

Кадом своё местоположение менял лишь единожды. Город впервые упоминается в 1209 г. Долгие годы шёл спор о его принадлежности: был это пограничный пункт Рязанского княжества или мордовский город. Результаты археологических исследований свидетельствуют в пользу второй версии. В 1535 г. город забросили (ныне это село Старый Кадом Кадомского района Рязанской обл.) и построили новый в 6 км ниже по течению Мокши. Причина переноса города, скорее всего, крылась в постоянном его подмывании рекой. И в первом, и во втором случае город находился на левом («русском») берегу реки. Показательно, что и Старый Кадом, и Итяковское городище имеют схожую историю. Первоначально здесь находились городища городецкой культуры I тыс. до н.э. Затем на этих местах появились неукреплённые города Золотой Орды. Наконец в XV—XVI вв. возникли более крупные города с оборонительными сооружениями: в первом случае в виде частокола, а во втором — рва и вала⁶⁵.

С 1630-х гг. наметился процесс административного дробления территории Темниковского уезда. В целях оптимизации управления из возникшего огромного образования стали выделять отдельные уезды. Так появились Инсарский⁶⁶, Саранский, Керенский и, возможно, Нижнеломовский уезды. То же мы наблюдаем и в Шацком уезде. С постройкой в 1636 г. Тамбова организо-

⁶¹ Акчурин М.М., Ишеев М.Р. Темников — город Темника // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5. № 3. С. 629—658.

⁶² ПСРЛ. Т. 29. М., 2009. С. 25.

⁶³ Беляков А.В. Татарская знать на службе у Москвы во второй половине XV в. // Великое стояние на реке Угре и формирование Российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты: Материалы всероссийской с международным участием научной конференции (30 марта — 1 апреля 2017 г., Калуга). Калуга, 2017. С. 36.

⁶⁴ Приправочный список... С. 12.

⁶⁵ Шитов В.Н. Старокадомское поселение // Труды Мордовского научно-исследовательского института языка, истории, литературы и этнографии. Вып. 104. Древние поселения Примокшанья. Саранск, 1992. С. 104—125; Гришаков В.В. Керамика XIV—XVI вв. Итяковского городища // Там же. С. 132.

⁶⁶ РГАДА, ф. 1167, д. 14, л. 1—20.

вали Тамбовский уезд, в который вошли земли южной части Шацкого уезда. Возможно, так же образовался и Козловский уезд.

Первое писцовое описание мещерских земель следует отнести к началу правления Василия III. В указной грамоте в Темников от имени Ивана IV по поводу спора князя Тениша Кугушева с братьями и енговатовской мордвой о владении бортными ухозяями по реке Мокше упоминается писцовая книга письма Ивана Микулина сына Ярого⁶⁷. Речь идёт о представителе смоленских Рюриковичей, перешедших на московскую службу, Заболоцком Иване Микулине Ярого сыне. Он встречается в документах 1495—1522 гг.⁶⁸ По упоминаниям в источниках также известно описания Мещанина Морозова 1563/64 г.⁶⁹ и Аверкия Ивановича Палицына (в монашестве Авраамий)⁷⁰. До нас от них дошли только упоминания и краткие выписи. Имеется упоминание мещерского писца Василия Волынского в 1578/79 г.⁷¹

Писцовые описания XVII в. сохранились в отрывочном виде. Из дозоров 1614 г. сохранились только татарские книги по Темникову и Темниковскому уезду⁷², а также книги мордвы и бортников Кадомского уезда⁷³. В источниках также отмечены касимовские книги Михаила Беклемишева⁷⁴ и шацкие Фёдора Загрязского⁷⁵. Последующие описания также дошли до нас не полностью. Более всего не повезло писцовым описаниям мордовских и татарских земель.

Во второй половине XVII в. отмечается дальнейшее развитие административно-территориального деления. В уездах появились станы. Кадомский уезд на рубеже XVII—XVIII вв. делился на станы Мансырев Угол, Водовский, Богданов Угол, Шокшанский и Еремшинский⁷⁶. Шацкий уезд — на Подлесский, Средний Подлесский, Цненский, Загородный и Борисоглебский станы⁷⁷. Темниковский уезд — на Подгородный, Почилловский, Аксельский и Верховоломовский станы⁷⁸. Касимовский уезд — на Царицынский (Подлипкинский) и Охматов (Ахматов)⁷⁹. Судя по всему, данные административные единицы имели глубокие корни. Так, Мансырев Угол как некий географический ориентир упоминался ещё в 1552 г.⁸⁰

Перед нами вырисовывается картина по-своему уникального региона. Его специфику подчёркивает в первую очередь административно-территориальное деление. В России XVI—XVII вв. неизвестны примеры деления уездов на более мелкие, функционирующие параллельно друг другу. Мещера довольно рано вошла в орбиту интересов Москвы. При этом в столице прекрасно понимали, что для контроля над приграничной территорией, где численность русского на-

⁶⁷ Государственный архив Ульяновской области, ф. 732, оп. 3, д. 1, л. 1.

⁶⁸ *Зимин А.А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 224; РК 1475—1598. С. 26, 33, 69.

⁶⁹ Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. Т. III. М., 2002. № 26. С. 22; РГАДА, ф. 1167, оп. 1, д. 717, л. 2.

⁷⁰ РГАДА, ф. 1167, оп. 1, д. 101, л. 1—3.

⁷¹ Там же, ф. 1209, оп. 4, кн. 6034, л. 227; *Напольникова П.К.* Цнинская мордва... С. 29.

⁷² Приправочный список...

⁷³ *Беляков А.В.* Писцовая книга мордовских сёл... С. 154—210.

⁷⁴ РГАДА, ф. 131, оп. 1, д. 1 (1627 г.), л. 4.

⁷⁵ Там же, ф. 1167, оп. 1, д. 711, л. 1—12.

⁷⁶ Там же, ф. 350, оп. 1, д. 130—132.

⁷⁷ Там же, д. 460—467

⁷⁸ Там же, д. 414—415.

⁷⁹ Там же, д. 172.

⁸⁰ ПСРЛ. Т. 13. М., 2000. С. 199.

селения долгое время была ничтожна, требуется гибкость и учёт сложившихся местных условий. Поэтому любые новшества вводились постепенно и осторожно. Местное население, как служилое, так и податное, в обмен на лояльность на длительный период получило консервацию существовавших ранее в регионе правил. В соседнем Алатырском уезде в 1635 г. по челобитью местных татар был получен указ, по которому «велено их судить на Алаторе, а по селам и деревням не судить»⁸¹. Мы вполне можем допустить существование похожей картины и в Мещере, в особенности в её восточной части. Данный факт интересен сразу в двух аспектах: 1) длительное время по ряду дел для татар и, по-видимому, мордвы был возможен суд внутри их общин, без участия представителей московской администрации; 2) татары осознанно и добровольно сделали шаг к унификации практики судопроизводства. Это говорит о том, что выбранная ранее Москвой стратегия, несмотря на все трения и злоупотребления на местах, всё же работала. Таким образом, Мещера стала полигоном, на котором отрабатывались механизмы взаимодействия с нерусским (неправославным) населением на новых, завоёванных или же добровольно присоединившихся землях. Следы этого мы можем наблюдать в действиях центральных властей по отношению к народам Казанского, Астраханского и Сибирского ханств⁸².

Стоит несколько слов сказать и о «Касимовском царстве». В полученной картине не находится места для некоего образования, имевшего, пусть даже только на начальном этапе, некие черты полунезависимого государства или даже ордынского улуса⁸³. По крайней мере, в административно-территориальном делении Мещеры никаких следов этого не сохранилось. Зато отчётливо проступают детали обустройства региона в период до помещения здесь царевича Касима.

⁸¹ РГАДА, ф. 233, оп. 1, кн. 23, л. 174 (Указано Д.В. Кочетковым).

⁸² *Моисеев М.В.* Мусульманская политика Русского государства в эпоху Ивана Грозного: дискуссионные аспекты // *Quaestio Rossica*. 2016. Т. 4. № 1. С. 37—54; РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 11.

⁸³ *Рахимзянов Б.Р.* Касимовское ханство (1445—1552 гг.). Очерки истории. Казань, 2009. С. 169.

О предыстории метрического учёта в России (XVII — первая половина XVIII в.)

Дмитрий Пшеницын, Марина Черкасова

The background metric accounting in Russia (XVII — the first half of the 18th century)

*Dmitry Pshenizin (Vologda genealogical society, Russia),
Marina Cherkasova (Vologda State University, Russia)*

DOI: 10.31857/S086956870004221-4

Проблемы исторической демографии принадлежат к числу наиболее актуальных в практическом для современной России и научно-исследовательском отношении. Частью их является изучение систем демографического учёта. Систематическая статистика рождаемости, брачности, смертности и исповедания православного населения была объявлена при Петре I (указы 1722—1724 гг.), а ведение её поручено церкви (метрические ведомости/экстракты/книги, исповедные ведомости). Расширившись в 1740-х гг., в полной мере метрический учёт развернулся с 1770-х гг. и продолжал успешно функционировать в XIX — начале XX в.¹ Однако определённый опыт церковного учёта населения был накоплен ещё в допетровскую эпоху, а в период преобразований полноценно сосуществовал с вводимыми новшествами, оставив обширный документальный след. Различные виды этой массовой документации, представленной в федеральных и региональных архивах, ещё недостаточно выявлены и разработаны. Обзору этих материалов по фондам Государственного архива Вологодской области и Великоустюгского центрального архива (ВУЦА) посвящена предлагаемая статья. Её источниковую базу составила документация двух севернорусских епархий — Вологодской и Устюжской. Помимо источниковедческого, нас интересуют и другие аспекты проблемы — демографический, финансовый, социокультурный.

«Точкой отсчёта» в современном изучении метрического учёта следует считать ценную новаторскую монографию Д.Н. и И.А. Антоновых. В ней впервые в общеевропейском контексте рассмотрены этапы метрикации в России, распространение её на население не только православного, но и католического, мусульманского, иудейского вероисповедания, методы дипломатики и восстановления истории семей применены к анализу метрических книг как «актов гражданского состояния», раскрыто их гражданско-правовое, социокультурное, религиозно-философское содержание. В приведённой в конце работы библиографии указано много зарубежных исследований, имеется рубрика «церковная

© 2019 г. Д.А. Пшеницын, М.С. Черкасова

¹ *Елатъевский А.В.* К истории документирования актов гражданского состояния в России и СССР (с XVIII в. по настоящее время) // Актовое источниковедение. Сборник статей. М., 1979. С. 57—58; *Антонов Д.Н., Антонова И.А.* Метрические книги России XVIII — начала XX в. М., 2006.

реконструкция источников метрического учёта². По видам источников к этой реконструкции отнесены брачные обыски, венечные памяти и книги венечных сборов. По первым двум видам указаны статьи и опубликованные законодательные акты XVIII—XIX вв., тогда как венечные книги остались без соответствующих отсылок. А между тем именно они и легшие в их основу венечные памяти стали определяющими в церковном учёте брачности православного населения до метрикации в России.

Предысторию метрического учета в России принято вести с решения Московского церковного собора 1666/67 г., предусматривавшего составление при церквях «четырёх записных книг»: рождений (крещений), браков, смертей и явок на исповедь в дни основных постов³. Период после собора 1667 г. и законодательного введения метрических книг в 1722—1724 гг. Антоновы определяют как «пустынный», когда нормы составления метрик были, а сами метрики почти не велись и не хранились, существенного включения государственного механизма в этот процесс не произошло. Но период этот в общей периодизации метрического учёта православного населения России необходимо выделить для понимания предыстории метрик⁴.

Что же нам известно о предшествовавших метрическим книгам венечных памятях и записных венечных книгах? Терминологически венечные памяти можно возвести к древнеславянскому обычаю, когда моногамного брака как института не существовало, и на «игрищах между селы» девушка вручала своему избраннику венки из цветов или листьев. Долго держался также обычай украшать головы молодых в день свадьбы венками из цветов или зелени, а на Троицу завивать венки из свежих березовых ветвей⁵. Не их ли отдалённым отголоском стали бытовавшие в Киевской епархии в XVIII в. «квіти» (цветы), за получение которых у брачующихся взимались «квітові пошлины»?⁶ Возможно, этому родственен и болгарский «квіток»⁷. Известный в XVIII в. термин квитанция (ранее — отпись) как расписка в получении денег имеет латинскую этимологию (квит — окончательный денежный расчёт, отсюда — расквитаться с кем-то), и в нём могли сказаться разные языковые пересечения⁸.

Начало церковному регулированию семейно-брачной сферы было положено древнерусскими княжескими уставами XI—XV вв.⁹ С распространением христианства формировался особый церковный документ — «знамя на венцы», или «венечная память». Она выдавалась из казённых приказов архиереев, оплачивалась пошлиной, записываемой в приходные «знамянные» (венечные) книги¹⁰. Более ранний ряд терминов — знамя / знамянные деньги / знамянные

² Антонов Д.Н., Антонова И.А. Метрические книги... С. 350—352.

³ Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией (далее — ДАИ). Т. 5. СПб., 1853. № 101. С. 461—463; Антонов Д.Н., Антонова И.А. Метрические книги... С. 37 (аналогом «записных книг» авторы считают метрические книги, введённые митрополитом Петром Могилой на Украине в 1646 г.).

⁴ Антонов Д.Н., Антонова И.А. Метрические книги... С. 33, 38—40.

⁵ Словарь русского языка XVIII в. Вып. 3. Л., 1987. С. 32.

⁶ Крыжановский П.С. Венечные памяти и пошлины // Известия императорского Археологического общества. Т. 2. Вып. 2. СПб., 1859. С. 112—119; Прилежаев Е.М. Новгородская софийская казна. СПб., 1875. С. 61—62. Благодарим И.Ю. Анкудинова, указавшего на книгу Е.М. Прилежаева.

⁷ Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1. М., 1994. С. 392.

⁸ Словарь русского языка XVIII в. Вып. 10. СПб., 1998. С. 29—30.

⁹ Шапов Я.Н. Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976.

¹⁰ Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 6. М., 1979. С. 44.

книги; более поздний, бытовавший в XVII — первой половине XVIII в., — вечная память/вечные деньги/вечные книги.

В приходо-расходных книгах Вологодской архиерейской кафедры 1612/13 и 1627/28 гг. используется термин «знамя», а с середины XVII в. — «внешняя память»¹¹. А вот как менялись самоназвания книг, отразивших и динамику браков, и их документально-правовое оформление, и финансовую составляющую: 1612/13 г. — «книги софейские домовые вечные»; 1627/28 г. — «книги приходные вечным пошлинам»; в 1648/49 г. — «книги збору внешних пошлин»¹².

Ещё один контекст употребления термина «венец» находим в окладных книгах архиерейских кафедр. В них, фиксирующих прямой церковный налог — дань, — венцы фигурируют как тяглая единица, сопоставимая с супружеской парой/четой, синонимичная домохозяйству—дыму—двору¹³. В окладной книге 1676/77 г. по Вологодскому, Белозерскому уездам и Чарондской округе выявлены приходы, где количество венцов заметно превосходило численность дворов: 244 двора и 384 венца; 27 дворов и 45 венцов и т.д.¹⁴ Вероятно, во дворе проживало по несколько семей. Неразделённые братские или трёхпоколенные семьи прямого родства также могли содержать несколько «венцов».

К более ранней терминологии тяготеет Белозерская уставная грамота 1488 г.: «Десятильнику владычню от знамян» 1,5 коп. Определялись и пошлины, уплачиваемые гражданским властям: выводная куница при выходе девушки замуж внутри Белозерского края составляла 1 алтын, а за пределы Белозерья — 2 алтына, «убрусное» — 2 деньги¹⁵. В уставной грамоте Устьянским волостям 1539 г. новоженный убрус волостелю составлял «за три белки алтын», а выводная куница — «за 6 бел — 2 алтына»¹⁶.

В каноническом (Кормчая книга) и церковном (Стоглав 1551 г.) праве, уставных грамотах церковных иерархов XIV—XVII вв. определялся ранний срок вступления в брак отроков (14—15 лет) и отроковиц (12—13 лет), допущение не более трёх канонических браков, размеры вечных пошлин при первом, втором и третьем браке. Следует напомнить, что при первом браке во время церковного обряда венцы возлагались на головы жениху и невесте, при втором — на правое плечо, а при третьем уже не использовались. С собственно венчанием был связан только первый брак («закон»), а при втором и третьем священник молитвословил партнёров, давая им благословение¹⁷.

Учёт незаконной рождаемости также отразился в архиерейских приходных книгах, куда записывались почеревные (подчеревные) и пенные деньги за блуд и рождение внебрачных детей. Первые обычно составляли 18 коп., вторые —

¹¹ Приходо-расходные денежные книги Вологодского архиерейского дома святой Софии и окладные книги церквей Вологодской епархии. XVII — начало XVIII в. / Сост. Н.В. Башнин. М.; СПб., 2016. С. 38—53, 130—165, 232—258.

¹² Там же. С. 38, 130, 232.

¹³ *Даль В.И.* Словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1979. С. 331.

¹⁴ *Черкасова М.С.* Экономическая и демографическая характеристика сельских приходов Вологодско-Белозерской епархии в XVII в. // Северо-Запад в аграрной истории России. Межузловский сборник тематических научных трудов. Калининград, 2008. С. 245—246, табл. 5.

¹⁵ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 3. М., 1964. № 22. С. 40.

¹⁶ *Яковлев А.И.* Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства. М., 1909. С. 27.

¹⁷ Венец брачный // Православная богословская энциклопедия. Т. 3. СПб., 1902. Стб. 1093—1096; *Цытин В., прот.* Брак // Православная энциклопедия. Т. 6. М., 2003. С. 151.

2,25 руб. Почеревные брались с «родильниц», а пенные — «с холосцов или вдовцов, кто им незаконно брюхо/чрево учинил», вариант: «кто с родильницей жил блудно и на кого она в допросе скажет»¹⁸. Элементы церковного суда, штрафные санкции — всё это отражало церковно-правовое регулирование семейно-брачной сферы жизни людей той эпохи. Здесь вполне ошутим фискальный аспект, поскольку более высокое обложение незаконных «пенных свадеб» (имеющих вынужденный характер главным образом для мужчин) повышало доходы архиерейской казны. В записной пошлинной книге 1691/92 г. по Яренскому уезду с 21 законной свадьбы было взято 4 руб. 18 коп., а с двух пенных — больше 4 руб. 50 коп.¹⁹

В приходной книге Новгородского дома св. Софии 1576/77 г. много упоминаний о сборе поповскими старостами вечных пошлин, предоставленных приходскими священниками («по их паметем/книгам»). Иногда кратко отмечена структура брачности (первые («отроки») и вторые («вдовцы»)), периоды свадеб. В книге приведены также размеры пошлин за второй брак — 2 алтына (6 коп.)²⁰. В работе Е.М. Прилежаева показано место вечных пошлин в широкой совокупности взиманий в митрополичью казну, способы организации святительских выплат (дань, подъезд, за московский подтём, заезд, благословенная куница, великоденских, ставленных, перехожих, почеревных, выводных, похоронных и др.)²¹.

В коллекции Н.П. Лихачёва имеется ранний образец вечной памяти, выданной 21 февраля 1598 г. митрополичьим сыном боярским Л. Лихоревым дмитриевскому посадскому попу на венчание второбрачных. К памяти, содержащей также элементы брачного обыска, была приложена «казённая знаменная печать»²². Сотни вечных памятей, начиная с 1620 г., сохранились в архиве Вологодского архиерейского дома²³. Примерно с 1630-х гг. систематически подавались «сказки» приходских попов о количестве свадеб в их церкви, полученных с них пошлинах, отсутствии среди прихожан четвероженцов, «незаконных родильниц», наложников и наложниц, раскольников (с 1660-х гг.), исправном посещении прихожанами воскресных служб и явок на исповедь в Великий пост²⁴. Сохранилась ранняя отпись приказных людей вологодского архиепископа Нектария от октября 1613 г. С петропавловского попа Ровдогорской волости Двинского уезда они взяли по 1 алтыну с четырёх первобрачных и 2 алтына со второбрачной свадьбы²⁵. В наказной памяти усть-вымского наместника вологодского архиепископа Иоасафа кн. Ф.А. Дябринского приказным людям от 7 декабря 1606 г. говорится о сроках предоставления вечных пошлин на Усть-Вымь — «по великий мясоед, и в Великий пост, и по Велице дни, и до Петрова дни»²⁶.

¹⁸ Государственный архив Вологодской области (далее — ГА ВО), ф. 496, оп. 1, кн. 371, л. 133 об., 150 об., 213 об.

¹⁹ ОР РНБ, Общество любителей древней письменности, Q.—755 (нумерации листов нет).

²⁰ Приходная книга Новгородского дома св. Софии 1576/77 г. М.; СПб., 2011. С. 9, 10, 11, 54, 57, 67, 68, 69, 70, 72.

²¹ *Прилежаев Е.М.* Новгородская софийская казна. СПб., 1875.

²² Архив СПбИИ РАН, колл. 238, оп. 2, карт. 33, № 30. Благодарим Н.В. Башнина, указавшего на этот документ.

²³ ГА ВО, ф. 1260, оп. 1, № 86—88, 95—97, 113—114, 121—125, 177, 249.

²⁴ Там же, № 134, 137, 153, 154, 327, 504, 608, 624, 695.

²⁵ Там же, № 28. В это время области Двины и Каргополя относились по церковной юрисдикции к вологодской кафедре (Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею (далее — РИБ). Т. 2. СПб., 1875. № 190. Стб. 886).

²⁶ Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Т. II. СПб., 1864. № 230. IV. Стб. 670—672.

Совершался своеобразный круговорот: из казённых приказов архиереев выдавались вечные памяти и в казну же шли свадебные сборы. В 1602 г. в денежной сумме, поступившей в казну ростовского митрополита Варлама, доля «знаменных» пошлин составила 47%, а в 1622 г. — 81%. Это устанавливается по казначейским отпискам, скреплённым «домовыми казенными печатями». В доходах Новгородской митрополии по приходной книге 1654 г. доля вечных пошлин была 14,4% (207 руб.)²⁷. В структуре брачности в 1654 г. почти 88% (1 628 случаев) составляли первые браки, 11% (205 случаев) — вторые и около 1% (18 случаев) — третьи.

Помимо вечных памятей-знамян в комплексе учётной документации церковного происхождения дометрического периода важны вечные разделы архиерейских приходо-расходных книг. По Вологодской архиерейской кафедре систематическое изучение динамики и структуры брачности, вечных пошлин как одной из неокладных статей владычного прихода, можно произвести на основе новейшей публикации обширного комплекса этих ценных источников XVII в.²⁸ Записи в них велись в пределах сентябрьского года по месяцам. По подсчётам Н.В. Башнина, доля вечных пошлин в самой ранней сохранившейся книге за 1612/13 г. составила 7,7% бюджета кафедры, а в 1627/28 г. она возросла до 10%, хотя в денежном выражении эти сборы увеличились в 3 раза — с 43 руб. 75 коп. до 131 руб. 41 коп.²⁹ Размеры же самих брачных пошлин — по 1—2—3 гривны за первый, второй и третий брак соответственно — оставались неизменными в первой трети XVII в., превосходя нормы Стоглава.

По нашим подсчётам, в структуре брачности городского и сельского населения в ту пору преобладали первые браки, хотя доля вторых и третьих тоже заметна: в 1617/18 г. — до 17—23%, а с учётом свадеб, когда один из партнёров вступал в брак во второй-третий раз, а другой был отроковицей или отроком, больше³⁰. Произведённый И.А. Устиновой анализ приходной книги казённого Патриаршего приказа за 1640/41 г. показал 25% вторых и третьих браков в Патриаршей области³¹. Так возникают перспективы последующего сравнительно-исторического рассмотрения демографического учёта и феномена брачности в различных церковных институциях по источникам одного вида.

В ряде случаев наблюдается совпадение дат записей в приходных книгах Вологодской епархии с датами конкретных вечных памятей, сохранившихся в отдельном виде. Формуляр их был весьма краток: они писались по приказу правящего архиерея собственноручно от имени поповских заказчиков, предписывавших конкретным священникам данного «заказа» венчать или молитвить имярек («оба отроки», либо «оба вторым браком») и сыскать про них, в соответствии с каноническим правом, чтобы те не были ни в роду, ни в племени, ни

²⁷ Прилежаев Е.М. Указ. соч. С. 68.

²⁸ Приходо-расходные денежные книги...

²⁹ Башнин Н.В. «Бюджет» Вологодского архиерейского дома св. Софии в первой трети XVII в. // Российская история. 2017. № 5. С. 119 (табл. 1), 121; Башнин Н.В. Хозяйственная деятельность Вологодского архиерейского дома св. Софии в Смуту // Вестник Нижегородского университета им. Н.Н. Лобачевского. 2017. № 2. С. 13.

³⁰ Черкасова М.С. Брачность городского и сельского населения в первой трети XVII в. (по приходо-расходным книгам архиерейской кафедры) // Материалы XIII Всероссийского научно-практического совещания по вопросам изучения и издания писцовых книг и других историко-географических источников XVI—XIX вв. Вологда, 2003. С. 95—103.

³¹ Устинова И.А. Сводный источник о браках в России в XVII в. и его информационные возможности // Сила слабых: Гендерные аспекты взаимопомощи и лидерства в прошлом и настоящем. Т. 1. М.; Архангельск, 2017. С. 62—64.

в кумовстве, ни в свойстве, «безо всякого приурока»³². Нарушение приходскими попами канонических правил рассматривалось как духовная вина, за которую десятильники и недельщики брали их на поруки и доставляли в архиерейский «судный приказ духовных дел»³³.

При получении вечных памятей к собственно вечной пошлине вступающими в брак доплачивались ещё «печатного деньга, писчего две деньги по старине»³⁴. Иногда фигурировали «куничные и казначейские выплаты», что отражало архаические порядки системы кормлений, корпоративного способа изъятия ренты и её присвоения группой архиерейских служителей (казначеев, тиунов, куничников, заезщиков). В Новгородской епархии в отдельные годы вечные сборы (плюс проскурницыны пошлины с церковью всех пятин Новгородской земли) суммарно присваивались причтом (43 человека) Софийского собора³⁵. По уставной грамоте Павло-Обнорского монастыря 1633 г. свадебные пошлины тиуна и доводчика с двое- и троюженцев были одинаковы — 8 коп., но двоеженцы ещё давали «тиунского гуся и блюдо пирогов», а от троюженцев тиун и доводчик получали «дар» по 3 и по 2 коп. соответственно³⁶. Отмеченная терминология (и должностная — казначеи, тиуны, доводчики; и продуктовая — пироги, дар, живность) находит аналогии в многочисленных наместничьих уставных, жалованных кормленных грамотах XV—XVI вв., доходных списках волостелиных кормов и проч. Здесь взаимное уподобление систем государственного и церковного управления и присвоения с их проездными и стационарными формами совершенно очевидно. Об этом же говорят такие практикуемые в Новгородской митрополии выплаты, как «откуп за проезжих» и «за сиделых десятильников», а ещё сравнительно поздняя (1636) кормовая грамота новгородского митрополита Аффония десятильнику П.Г. Жеглову с подьячим, посланным на «годовое сиденье» в Шенкурск Верховажской земли³⁷. Часть вечных пошлин давалась в качестве жалованья и «почести» приказным людям архиерейских домов³⁸, иногда как компенсация «проестей и волокит» поповским старостам-заказчикам³⁹, а ещё шла на ремонтные и строительные работы в архиерейских подворьях в разных городах⁴⁰.

³² ГА ВО, ф. 496, оп. 1, кн. 609, л. 4; ф. 1260, оп. 1, № 86; Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, отдел фондов, ф. 1, оп. 1, № 13.

³³ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Т. I. СПб., 1841. № 150. С. 217.

³⁴ Стрельников С.В. Ростовские грамоты XV—XVI вв. // Русский дипломатарий. Вып. 9. М., 2003. С. 45; Черкасова М.С. Устюжская десятина Ростовской митрополии в XVI—XVII вв. // Сообщения Ростовского музея. Вып. XIX. Ростов, 2008. С. 9.

³⁵ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии наук (далее — ААЭ). Т. III. СПб., 1836. № 306. С. 451—454. Именно такой размер пошлины за второй брак сообщает приходная книга Новгородского дома св. Софии 1576/77 г. (см. выше).

³⁶ ГА ВО, ф. 1260, оп. 6, № 200.

³⁷ Прилежаев Е.М. Указ. соч. С. 53; РИБ. Т. 14. СПб., 1894. Стб. 376—377; Назаров В.Д. Полюдье и система кормлений: первый опыт классификации нетрадиционных актовых источников // Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. Чтения, посвящённые памяти академика Л.В. Черепнина. Вып. 1. М., 1988. С. 163—170; Черкасова М.С. Документы XVII—XVIII вв. из соборных храмов в Вельске и Верховажье // Вестник церковной истории. 2008. № 4(12). С. 66, 75—76.

³⁸ Приходо-расходные денежные книги... С. 645.

³⁹ ГА ВО, ф. 948, оп. 1, кн. 6, л. 182 об.

⁴⁰ Там же, ф. 883, оп. 1, кн. 241, л. 102 об.—103.

Для церковного учёта брачности в период после Стоглава характерно: неуклонное увеличение свадебных выплат на уровне епархий и отдельных вотчин-сеньорий; более дифференцированное обозначение браков, когда появилось понятие полуторных и полутретых браков. Под полуторными понимались свадьбы, когда в брак вступал вдовец с девушкой или вдова выходила замуж за отрока. Под полутретьими («пол-3», т.е. 2,5) — когда один из партнеров женился/выходил замуж в третий раз, а другой — во второй или первый. Брачные выплаты становились более дифференцированными, чем ранее, что более адекватно отражало и учитывало социальную практику. Возрастные характеристики браков в источниках того времени редки, но определённая разница возраста у партнеров при подобных браках, несомненно, была, как и наличие или отсутствие детей⁴¹. В вотчине Иверского Валдайского монастыря в 1683 и 1703 г. пошлины с первых браков составляли 10—12 коп., с полуторного — 18, второго — 20—25, третьего — 30 коп.⁴² Полутретьи свадьбы оплачивались в таком же размере, как и третьи.

В конце XVII в. в грамотах церковных иерархов чаще появляется и морализаторский аспект в разъяснении пастве таинства брака. В настольной грамоте митрополита Тобольского и всея Сибири Корнилия игумену Успенского Исетского монастыря Афанасию от 17 января 1675 г. при совершении обручения и венчания предписывалось следить за выполнением следующих принципов: 1) добровольное согласие брачующихся; 2) возраст невесты не менее 12, а жениха не менее 15 лет; 3) отсутствие препятствий в виде родства или «сватовства»; 4) обязательность для партнёров накануне бракосочетания исповеди; 5) совершение обряда «поутру до полудня» и ни в коем случае не ночью; 6) непризнание четвёртого брака каноническим⁴³.

Ещё более развёрнуты эти положения в поучительных посланиях и наказах самого Афанасия, когда он стал первым епископом новооткрытой Холмогорско-Важской епархии (1682—1702). В его наказе духовному судье архиерейской кафедры старцу Тихону от 25 декабря 1682 г. размеры венечных пошлин предписывались дифференцированно: 1) при женитьбе отрока на девке 12 коп.; 2) при женитьбе отрока на вдове 18 коп.; 3) при свадьбе второбрачных 25 коп.; 4) с третьего брака 30 коп. Кроме того, на каждый брак по-прежнему начислялись ещё казённые и записные пошлины размером 4 коп. Духовный судья должен был сличать год, месяц, число, имена брачующихся в присылаемых ему списках с венечных памятей и записных книгах, дабы не допустить утайки сбора венечных денег со стороны приходских священников, поповских старост и десятских («заказных») попов. За утайку налагались высокие штрафы в размере 2 руб. 25 коп. с попа плюс двойной размер скрытой венечной пошлины. Запрещалось венчать отрока с тоебрачной вдовой и тоебрачного вдовца с девицей. Не разрешалось венчать свадьбы в «государские праздники, царские ангелы», воскресные дни, среду и пятницу. До бракосочетания приходские священники должны были требовать от партнёров строгого соблюдения постов, исповеди и

⁴¹ В посланиях митрополитов XIV—XV вв. основанием для третьего брака признавалась молодость (25—30 лет), отсутствие детей и «плотская слабость», старость же понималась как препятствие к третьему браку, поскольку намерения его «не чадородия ради» (РИБ. Т. 6. СПб., 1880. № 32. Стб. 252).

⁴² Тимошенкова З.А. Социокультурный облик северо-западной деревни в XVII — начале XVIII в. Псков, 1999. С. 66—67, табл. 3.2.

⁴³ Булатов В.Н. Муж слова и разума. Афанасий — первый архиепископ Холмогорский и Важский. Архангельск, 2002. С. 211—212.

причастия. Венчание должно было совершаться только на утренней литургии, присутствующим следовало избегать всяких выкриков («кличей безчинных») и «укорных нелепых слов». Особо крепкое запрещение касалось совершения таинства нетрезвыми священниками. Нарушение этих предписаний, опирающихся на канонические правила, грозило последним лишением сана, а мирянам — наложением штрафов⁴⁴.

Требование исповеди брачующихся перед венчанием встречается только в упомянутом документе епископа Афанасия. Другие аспекты исповедной практики отражены в памятях новгородского митрополита Корнилия 1681, 1683 и 1686 гг. В них они не связаны жёстко со вступлением в брак и говорят об учёте исповедной практики, внедрении церковью покаянной дисциплины в народ. Все приходские люди — мужчины, женщины и дети (отроки и отроковицы «возрастом лет в 12») — должны являться на исповедь⁴⁵. Игнорирующих говение в Великий пост следовало фиксировать в «имянных росписях за поповыми руками», присылаемых в судный митрополичий приказ в Новгород Великий⁴⁶. Священникам предписывалось составлять великопостные сказки, перечисляя и тех, кто исполнял пост—исповедь—причастие, и тех, кто от них уклонялся⁴⁷. Упомянутые именные росписи и сказки, скорее всего, до нас не дошли, но их составление можно рассматривать как своего рода элементы демографического учёта на уровне церковных приходов.

В дальнейшем в известных нам ранних образцах исповедных книг (тетрадей) Вологодской епархии за 1718—1724 гг. по каждому селению встречаются две группы именных «реэстров» — пришедших на исповедь и не явившихся. Назывались же они опять-таки «книги записные детям духовным такого-то уезда/волости/прихода хрестьяном, кои исповедывались и Святых Таин причащались, а о сложении перстов по свидетелству крест изображают по преданию святых апостол и святых отец во имя Святыя Троицы, а не по раскольничью преданию»⁴⁸.

Новгородский митрополит Корнилий в грамоте 1681 г. уточнял: в вечных памятях следовало писать, что поп венчал или молитвил мужей не от живых жён, а жён не от живых мужей. В случае пострижения мужа в монахи жена не должна была идти замуж за другого; аналогично при пострижении супруги «муж ее иные жены не поиметь»⁴⁹. В наказной грамоте Корнилия 1686 г. отражена атмосфера церковной реформы: крещения младенцев и венчание свадеб следовало проводить по исправленным Требникам, ходить во время обряда против солнца⁵⁰. В 1692 г. Корнилий требовал от священнослужителей составлять даже именные списки участников свадебного поезда жениха и невесты, каких бы чинов люди в него ни входили, фиксировать год, месяц и число венчаний, «а пришлых и незнаемых людей отнюд не венчать»⁵¹.

Если учёт рождаемости в дометрический период касался лишь фактов незаконных (внебрачных) рождений, то смертность учитывалась только скоро-

⁴⁴ Булатов В.Н. Муж слова и разума... С. 222—223.

⁴⁵ ДАИ. Т. VIII. СПб., 1862. № 92. II. С. 318.

⁴⁶ Там же. Т. X. СПб., 1867. № 76. I. С. 321.

⁴⁷ Там же. Т. XII. СПб., 1876. № 35. II. С. 320—321.

⁴⁸ ГА ВО, ф. 496, оп. 1, кн. 550, 574, 639, 676; оп. 19, кн. 94, л. 406.

⁴⁹ ДАИ. Т. VIII. № 92. III. С. 319.

⁵⁰ Там же. Т. XII. № 35. С. 318—319.

⁵¹ Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838. № 265. VI. С. 391—392.

постижная. Об этом свидетельствуют многочисленные в повседневной практике северных епархий похоронные памяти и челобитные об их выдаче. По Вологодской кафедре сотни таких памятей дошли до нас за XVII в.⁵², а по Устюжской десятина Ростовской митрополии они отражены в записных пошлинных книгах⁵³. Памяти выдавались из казённых приказов архиереев как разрешение на погребение умерших «судом Божиим / Божию волею скорою смертию без отца духовного и Св. Даров», а также погибших в результате несчастных случаев. Похоронным памятям соответствовали взимаемые с них похоронные пошлины (13—14 коп.)⁵⁴.

К учёту сведений о смертности имели отношение и гражданские власти. По Устюгу и уездам Устюжской десятины за 1660-е гг. имеется немало челобитных, адресованных на имя царя Алексея Михайловича, а конкретно — в местную приказную избу воеводе и городовому дьяку. В них родственники или односельчане обычно излагали разнообразные явления повседневной жизни, повлекшие за собой смерть. Она наступала из-за разгула природной стихии или бытовых причин — убило молнией; женщина полоскала белье в реке или «мочила холсты» и её унесло течением, прохожий пытался её спасти и сам погиб; во дворе человека насмерть придавило упавшим сараем; старуха упала с повети и ушиблась насмерть; человек ремонтировал крышу дома и упал с неё; утонул в реке или «на заплоте» водяной мельницы; перевернулся в лодке, расставляя сети на реке; сгорел в овине; загрыз зверь в лесу; задавлен упавшим деревом при рубке подсеки; упал с дерева; «задохнулся в трубе» на соляной варнице; умер на дощанике в работных людях; замерз насмерть во время сильных холодов и т.д.⁵⁵ Смерть случалась в результате уголовного преступления («зарезан мертв»; «убит лихими людьми»), пьянства («згорел от вина», «опился»), кровавой драки в гостях («зарезан на пиру»). Болезни в челобитных назывались кратко — «умерла скорою смертию от скорби / от сердечной болезни», умер «от огневицы», «умерла в припадке безумия / от черной немочи»⁵⁶. Специфической женской причиной смертности были тяжелые роды и послеродовая горячка. Смерть могла наступить в ходе судебного расследования — «умер в тюрьме от пыток». Случались и самоубийства: «обвесился в лесу на дереве в исступлении ума своего», «вне ума удавился», «сам себя ножом зарезал», «жена обвесилась от побоев пьяного мужа», «повесился с тоски», удавился цепью, на которую был посажен в припадке чёрного недуга⁵⁷.

В ответ на челобитные воевода обычно направлял память митрополичьим приказным (архимандритам или игуменам местных монастырей и соборному протопопу) с повелением «то мертвое тело пограть с отпеванием по правилу святых апостол и отец». Отпевание и погребение у церкви не допускалось, если человек покончил с собой, был убит, задавлен или зарезан. Памяти скреплялись воеводскими печатями и имели резолюции приказных людей митрополита Ростовского, в юрисдикции которого до 1682 г. находился Устюг: «Дана

⁵² ГА ВО, ф. 1260, оп. 1, № 199—201, 222, 226, 334, 455, 652—570.

⁵³ Там же, ф. 883, оп. 1, кн. 245. Подробнее об этой записной пошлинной книге митрополичьих приказных людей на Устюге 1665/66 г. см.: *Черкасова М.С.* К изучению дело- и судопроизводства в Ростовской митрополии XVII в. // *История и культура Ростовской земли.* 2007. Ростов, 2008. С. 103—111.

⁵⁴ РИБ. Т. 2. № 204. Стб. 942—943.

⁵⁵ ГА ВО, ф. 1260, оп. 1, № 624—629, 676—685, 737—741, 814—818, 1192, 1228.

⁵⁶ Там же, ф. 1260, оп. 3, № 50, л. 1—16; № 111, л. 1—8; № 112, л. 1—2; № 140; № 187, л. 1—22.

⁵⁷ Там же, оп. 1, № 742, 817, 821, 1057; оп. 3, кн. 248, л. 3.

похоронная память... попу». Параллельно с пометами на челобитной от имени приказных людей митрополита и по приказу воеводы выдавалась похоронная память, скреплённая воеводской печатью и имеющая на обороте дьячью припись. Иногда при этом указывалась величина взятой похоронной пошлины — 14—28 коп., и что похоронные деньги в книги записаны. Если погибал или скоропостижно умирал безродный человек, похоронная память направлялась богаделенному священнику и добавлялось, что «пошлины взять не на ком» или: «про смерть ее сыск будет»⁵⁸.

На фоне ограниченного учёта рождаемости и смертности в дометрический период более систематическим, отработанным в деятельности церкви оставался учёт брачности. В грамоте (чаще называемой в литературе «инструкцией») патриарха Адриана 1697 г. от поповских старост требовали досматривать у священников их годовые скаски о количестве браков в приходах и проверять наличие подлинных вечных памятей. Размеры вечных пошлин в инструкции совпадали с указанными епископом Афанасием Холмогорским в грамоте 1682 г., которая могла послужить источником при выработке патриархом своего документа (первый — 12 коп., полуторный — 18, второй — 25, третий — 30 коп.)⁵⁹. М. Горчакову была известна другая патриаршая грамота 1687 г. (с такими же показателями), адресованная новгородскому митрополиту Корнилию⁶⁰. В окладной книге 1675 г. в приходах патриаршей юрисдикции в Белозерском уезде собиралось с первого брака 8—10 коп., второго — 18—25, третьего — 30—36 коп.⁶¹ К ним близки показатели наказной грамоты патриарха Иоакима приказчику на Белоозере 1674 г. (12—18—25—30 коп.)⁶². Эти величины вечных пошлин, ставшие своего рода итогом их роста в XVI—XVII вв., длительное время использовались как образец, на который ориентировалось Сенатское и Синодское законодательство в первой трети XVIII в. Так возникающая государственная регламентация семейно-брачной сферы использовала накопленный в ней церковью опыт предшествовавшей эпохи.

Сфера сбора вечных и похоронных пошлин в практике архиерейских должностных лиц была подвержена коррупции. Частые случаи злоупотреблений десятильников, «заезщиков», поповских старост отражены в приходных книгах и актовых источниках. Многократное превышение установленных пошлин допускал «сиделый десятильник» новгородского митрополита Аффония в Верховажье П. Жеглов в 1636 г.: он брал за первый брак по 45 коп. (при норме 7—9 коп.), а похоронного — по рублю (при норме 13—14 коп.)⁶³. Отстранённый по челобитным возмущённого населения и местного духовенства, он в дальнейшем столь же безобразно действовал в других городах Новгородской митрополии — Городецке (Бежецке) и Устюжне Железопольской⁶⁴. В 1642 г. в патриаршей десятине в Нижегородском уезде произвели розыск относительно злоупотреблений поповского старосты-заказчика Василия, бравшего, вопреки

⁵⁸ Там же, оп. 3, № 50, л. 10, 16.

⁵⁹ ПСЗ-1. Т. 3. № 1612. С. 413—425.

⁶⁰ *Горчаков М.* Монастырский приказ (1649—1725 гг.). Опыт историко-юридического исследования. СПб., 1868. С. 238—239, примеч. 1.

⁶¹ Приходо-расходные денежные книги... С. 640—641.

⁶² ААЭ. Т. IV. СПб., 1836. № 198. В 1606 г. в Белозерском и Пошехонском уездах собиралось 9,5—18—23 коп. с первого, второго, третьего брака соответственно (РИБ. Т. 2. № 204. Стб. 942—943).

⁶³ ОР РГБ, ф. 353, оп. 1, № 12.9; ААЭ. Т. III. СПб., 1836. № 175, 178. С. 257—258, 260—261; *Черкасова М.С.* Документы XVII—XVIII вв. ... С. 66, 75—76.

⁶⁴ *Прилежаев Е.М.* Указ. соч. С. 86.

данной ему в 1637 г. заказной памяти, за первые браки 12—15 коп. (вместо положенных 9,5), а за вторые 25—40—48 коп. (вместо 18)⁶⁵. Помимо свадебных, он присваивал себе и другие пошлыны — переходные, судные — и сбежал с награбленными деньгами в неизвестном направлении. Особым нарушением была запись попами вторых браков первыми, а третьих — вторыми (с соответствующим присвоением денежной разницы себе, поскольку повторные браки облагались более высокими пошлинами)⁶⁶. В январе 1691 г. двух домовых детей боярских устюжского архиерея отставили от должности «за многие их в посылках наглости, озорничества и разорения церковных причетников»⁶⁷.

В ряд записных книг Вологодской кафедры за 1688—1719 гг. внесены пошлыны с первого брака 20 коп., второго 40, третьего 60 коп.⁶⁸ Такими же были они в Устюжской епархии в начале 1720-х гг.⁶⁹ Однако в казённые книги Вологодской кафедры записывалась только половина от каждого взимания, соответственно по 10, 20 и 30 коп., т.е. по сути те же гривна-две-три за первый, второй и третий брак соответственно, которые взимались и в первой трети XVII в.⁷⁰ Излишние от не вносимых в казначейские книги деньги вносились в «особые тетради для памяти и отдавались вверх, в келью архиерею» (такая практика была и в первой трети XVII в.)⁷¹. Из них формировался фонд келейной казны вологодских владык, доходившей в разные годы до 500—700 руб. Он был необходим главным образом для частых поездок владык в Москву, длительного и дорогостоящего пребывания там, хлопот в московских приказах. Думается, не случайно в Сенатском указе 11 апреля 1711 г. говорилось о сборе вечных пошлын в вотчинах Рязанского архиепископа Стефана Яворского его приказными людьми (а не гражданскими чиновниками) «в домовую казну по-прежнему для московского житья и расхода»⁷². Примечательно, что при этом сами размеры пошлын не указывались, и в эту сугубо внутрицерковную сферу государство ещё долго не вникало.

Петровским указом от 3 июня 1714 г. требовалось взимать с выдачи вечных памятей «вдвое» на содержание лазаретов для увечных и престарелых воинов, т.е. брать лазаретных денег столько же, сколько и вечных. При этом размеры последних точно не определялись («против прежнего положения»)⁷³. Из указа 1730 г.⁷⁴ видно, что, упоминая о «прежнем положении», законодатель исходил из показателей патриарших грамот 1677, 1687 и 1697 гг. Сбором лазаретных денег должны были заниматься архиерейские приказные, «люди добрые и верные», за «неисправление» которых предусматривались штрафы-пени. Как и в XVII в., это были поповские старосты (заказчики). Деньги же поступали: вечные — в казённые приказы архиереев, лазаретные — в Сенатскую канцелярию, Коллегию экономии, Монастырский приказ или провинциальные

⁶⁵ РИБ. Т. 2. № 204, 236. Стб. 942—943, 1013—1016.

⁶⁶ РИБ. Т. 12. Стб. 947.

⁶⁷ Там же. Стб. 1023—1025.

⁶⁸ ГА ВО, ф. 496, оп. 1, кн. 246, 371, 600, 608.

⁶⁹ Там же, кн. 241.

⁷⁰ Там же, № 120, л. 13 об.—14.

⁷¹ Башнин Н.В. «Бюджет» Вологодского архиерейского дома... С. 119.

⁷² ПСЗ-И. Т. 4. № 2346. С. 658—659.

⁷³ ПСЗ-И. Т. 5. № 2821. С. 114; Козлова Н.В. Люди дряхлые, больные и убогие в Москве XVIII в. М., 2010. С. 64; Щербинин П.П. Особенности призрения увечных воинов в России XVIII — начале XX в. // Армия и общество. Материалы международной научной конференции. Тамбов, 2002. С. 71.

⁷⁴ ПСЗ-И. Т. 8. № 5575. С. 292—293.

канцелярии (Белозерскую, Вологодскую, Устюжскую, Чарондскую) по третьем году (в апреле, августе и октябре)⁷⁵. Во множестве учреждений, куда в годы Северной войны направлялись лазаретные сборы, усматривается некоторая хаотичность в организации финансов. В условиях внешне- и внутривойнынского сверхнапряжения в стране происходило общее усиление налогового пресса с характерным для финансовой политики переносом центра тяжести на косвенное обложение. Заметим, что ни введение этого, по сути, нового налога в 1714 г., ни его корректировка в 1730—1731 гг., ни полная отмена в 1765 и 1768 гг., ни место в сложной конфигурации церковно-государственных налоговых отношений в новейших работах по истории налогов в России не нашли отражения⁷⁶. Введение в 1714 г. двойной платы за вечные памяти означало, что расходы на содержание раненых, больных и престарелых солдат государство возлагало на вступающее в брак православное население, а организационную сторону в их сборе и учёте — на церковь. О реализации указа 1714 г. свидетельствуют сказки заказчиков Вологодско-Белозерской епархии с 1717 г. Теперь суммарно с первого брака ими взималось 40 коп., со второго — 80, с третьего — 1 руб. 20 коп.⁷⁷

По указу вологодского архиепископа Павла от декабря 1716 г. записные книги вечных пошлин следовало начинать с 1 января, а не с Фоминой недели (после Пасхи, как было ранее)⁷⁸. Предоставляемая в казённый приказ архиерея на Вологду информация о браках за 1716—1720 гг. иногда называлась «ведение о венчании свадеб» или «переписная книга свадебам»⁷⁹. В этих «ведениях» записи давались в рамках нового календарного года — с января (не с сентября, как ранее). В них также различались даты женитьбы и венчания: «женился 14 февраля, а венчан 15 февраля». В день, отмеченный первым (14 февраля) выдали вечную память, в соответствии с которой и произвели венчание 15 февраля⁸⁰.

Соблюдение обоих принципов (сбора пошлин на лазареты и помесечной — с января — фиксации браков) видим в «записной книге неокладных вечных пошлинных денег, в том числе и на дачю лазаретом» Вологодской епархии 1719 г. В книге помесечно подведены суммы собранных пошлин — за выдачу вечных памятей и на лазареты⁸¹. В отличие от Вологодской, в делопроизводстве Устюжской епархии ещё длительное время удерживалась привычка записывать браки не строго помесечно, с января, а по четырём мяседам.

М. Горчаков отметил финансовое значение вечных платежей в связи с введением с них лазаретного сбора. На основе поданных в Монастырский приказ табелей из архиерейских домов он подсчитал суммы лазаретных денег в 1714—1723 гг. по ряду епархий (Псковской, Суздальской, Казанской)⁸². В ведомости, направленной в 1723 г. из Камер-коллегии в Синод, взимания эти приводились то слитно с вечными пошлинами (в Смоленской губ. — 1 456 руб., Архангелогородской — 892 руб.), то отдельно (в Петербургской — 451 руб., Киевской — 1 701, Воронежской — 152 руб.). При всём разбросе показателей

⁷⁵ Горчаков М. Указ соч. С. 240.

⁷⁶ Козлов С.А., Дмитриева З.В. Налоги в России до XIX в. СПб., 1999; Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шацко М.К. Налоги в России. IX — начало XX в. М., 2006.

⁷⁷ ГА ВО, ф. 496, оп. 1, кн. 510.

⁷⁸ Там же, кн. 526, л. 9.

⁷⁹ Там же, кн. 466, 505.

⁸⁰ Там же, кн. 505, л. 6; кн. 466, л. 5.

⁸¹ Там же, ф. 496, оп. 1, кн. 600, л. 2.

⁸² Горчаков М. Указ. соч. С. 240—242.

(и браков, и собранных лазаретных денег) заметно возрастание денежных сумм в первой половине 1720-х гг.: в Псковской губ. в 1719 г. 216 руб., 1720 г. — 270, 1721 г. — 324, 1722 г. — 346 руб.

В Дополнении к Духовному регламенту 1722 г. было заявлено о введении метрик, названных «записными книгами»⁸³, но немедленного и всеобщего исполнения этого принципа в северных епархиях не замечено. По двум сельским приходам Вологодского уезда удалось, правда, обнаружить метрики, т.е. «записные книги раждаемым и крещаемым, умираемым младенцем с означением году и дня, именованием родителей и восприемников, и которые младенцы, не получившие крещение, померли, также лица браком сочетоваемые, и умирающих, и кто по христианской должности в покаянии преставились»⁸⁴. Обе ранние для Вологодской епархии метрики начинались с 3 января 1724 г. и, по сути, зафиксировали рождение/крещение, смертность не успевших получить крещение младенцев, бракосочетания, смертность и предсмертные исповеди взрослых людей. Табличная форма пока не использовалась. К январю 1724 г. относятся ещё три записные книги (не названных метриками), также не имевшие табличной формы, но структурированные на три части (рождения и крещения младенцев; браки; смерти), а некоторые только на две, когда брачный раздел отсутствовал. Для ранних образцов метрических книг, называемых записными, характерно предельное сближение рождаемости и крещений, когда рождение младенца фиксировалось в определённый день и тут же добавлялось, что он был крещён того же числа. За этим стояла высокая младенческая смертность и стремление немедленно крестить новорождённых. Неустойчивость трёхчастной формы в ранних метрических книгах, отсутствие в некоторых из них брачных разделов можно объяснить трудностью фиксации двойных платежей (за венчания и на лазареты), не вполне вписывавшихся в предложенную Синодом форму. В этом выразилась несогласованность правительственного законодательства, указов 1714 г. относительно лазаретных взиманий и принципов введения метрик 1722—1724 гг. Поэтому церковное делопроизводство на севере в годы введения исповедного и метрического учёта пошло проторённым путём выдачи вечных памятей и составления годовых записных книг вечных (плюс теперь и лазаретных) пошлин.

Обращение к формуляру ставленных грамот в Петровскую эпоху показывает подспудно происходящие изменения. В одном образце такой грамоты за 1717 г. говорилось об обязанности приходских священников «тайнами святыми совершать человека в жизнь христианскую духовную: крещати, миромазати, исповедати, венчати по воле и согласно мужа и жены, и последнее елеосвящение над болящими совершати»⁸⁵. Если в ставленных грамотах XV—XVI вв. акцент делался на архиерейском благословении, и священники представляли более как объекты пастырских увещеваний, строгих дисциплинарных взысканий, то теперь к ним самим предъявлялись требования быть учительными в отношении причта и прихожан.

В реестре сборов Великоустюжской епархии за 1720-е гг. среди неокладных статей указаны размеры вечных, лазаретных и пенных пошлин: с первого брака 20 коп., второго — 40, третьего — 62, «з блудных дел пенных» 2 руб. 25 коп.

⁸³ ПСЗ-1. Т. 6. № 4022. С. 699—702.

⁸⁴ ГА ВО, ф. 496, оп. 19, д. 94, л. 406, 868.

⁸⁵ Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Т. III. СПб., 1884. № 362. II. Стб. 437—440.

В том же реестре отмечены венежные пошлины для причетниковых детей: с отрока новоженного 10 коп., выводных с девицы 16 коп.⁸⁶ С них, по всей видимости, лазаретные платежи не взимались. В Вологодской епархии в 1716 г. они были меньше: новоженное с отрока 7 коп., а выводное с невесты — 10 коп.⁸⁷ Так же — и в вотчинах Патриаршего дома в Череповской волости на Белоозере⁸⁸.

В записную книгу венежных и лазаретных сборов в Устюжской епархии за 1726 г. включены пересказы разрешений на второй брак, выносимых казённым ведомством архиерейской кафедры. Например, «вдове такой-то второбрачиться позволено по её прошению из Устюжской канцелярии Синодальной команды за неизвестностью ея мужа Еремея 16 лет»⁸⁹. В документах Вологодской архиерейской кафедры XVII в. чаще всего указывалось на отсутствие одного из супругов в течение 7—8 лет как основание для расторжения прежнего брака и вступления в новый.

Собираемые в Устюжской епархии в 1726 г. свадебные пошлины были на 40—50% выше прежних (согласно патриаршим актам 1677 и 1697 гг.). Следуя принципу указа 1714 г. брать на лазареты «вдвое», архиерейская кафедра существенно увеличивала суммарные платежи с брачующихся, поскольку им приходилось платить 40 коп. (вместо 24), 80 коп. (вместо 50) и 1 руб. 20 коп. (вместо 60 коп.) с первого, второго и третьего брака соответственно. С 1730—1731 гг. началась более действенная правительственная регламентация их размеров. Указ императрицы Анны Иоанновны от 30 июня 1730 г.⁹⁰ и совместный указ Сената и Синода от 14 апреля 1731 г.⁹¹ устанавливали нормативными показателями патриарших грамот 1677 и 1697 гг. за венежные памяти — по 12—18—25—30 коп. за первый, полуторный, второй и третий браки соответственно. В указе 1730 г. не случайно упоминался петровский указ от 3 июня 1714 г.⁹², которым впервые вводилось двойное обложение браков с расчётом на содержание лазаретов: с мест поступало много жалоб на чрезмерные поборы сверх указа, «от чего народу, а паче маломочным людям и крестьянам, чинится немалая тягость». При выработке указа 1730 г., возможно, использовался текст указа 1714 г., поскольку фразы о сборе венежных пошлин «вдвое без излишности добрыми и верными людьми безо всякой утайки и с записью в приходные книги» дословно повторяются. К осуществлению штрафных санкций на нарушителей «за неисправное исполнение» привлекались гражданские власти — губернаторы и воеводы. Штрафные деньги брали в государеву казну, а частью отчисляли на содержание госпиталей.

Указ 1731 г. определил новый формуляр записи венежной памяти в приходную пошлинную книгу, содержавший пять вертикальных граф/делений. Это выглядит некоторой аналогией законодательно введённой табличной форме метрических книг 1722—1724 гг. Д.Н. и И.А. Антоновы выделяют два их типа — нарративный и графический. Первый был более характерен для стран католического, а второй — лютеранского вероисповедания⁹³. Таким образом,

⁸⁶ ГА ВО, ф. 1260, оп. 3, кн. 548, л. 2.

⁸⁷ Там же, ф. 496, оп. 1, кн. 120, л. 12, 13 об.; кн. 526, л. 14; Горчаков М. Указ. соч. С. 242.

⁸⁸ ГА ВО, ф. 883, оп. 1, кн. 89, л. 3 об.

⁸⁹ Там же, кн. 241, л. 47 об.

⁹⁰ ПСЗ-І. Т. 8. № 5575. С. 292—293.

⁹¹ Там же. № 5746. С. 453—455.

⁹² ПСЗ-І. Т. 5. № 2821. С. 114.

⁹³ Антонов Д.Н., Антонова И.А. Метрические книги... С. 70.

продолжавшие функционировать во второй трети XVIII в. записные венечные книги одновременно с постепенно вводимыми метрическими оформлялись по единому, табличному принципу. Не случайно в раннем образце метрики по Ильинской церкви Кеврольского уезда Архангелогородской епархии за 1740 г. в заголовке видим название: «Книга записная о прихоцких людях на три части и кто имяны когда родились, браками венчались и померли, значит ниже сего 1740 году генваря с 1 числа»⁹⁴. Книга имела табличную форму. Новый формуляр записных книг венечных пошлин устанавливал необходимость расписки получателя венечной памяти «для сущей верности, кто венечную память возьмет, под каждую статью велеть росписаться». С утверждением табличной формы записи более чётко стали разделяться на отдельные блоки. Пошлинные деньги за выданные венечные памяти стали записывать как прописью, так и в отдельной графе цифрами.

24 апреля 1735 г. был издан указ, распространивший принципы прежнего положения на православные епархии и приходы Малороссии⁹⁵. В совместном указе Сената и Синода 2 декабря 1736 г. говорилось об отсылке собираемых с венечных памятей денег в госпитальную сумму и неупотреблении их ни на какие другие расходы⁹⁶. Для Войска Донского сделали исключение: по указу 30 июня 1744 г. донские казаки при вступлении в брак освобождались от выплаты венечных пошлин и лазаретных денег («как и наперед сего было» по грамоте 1720 г.)⁹⁷. Согласно ещё одному Сенатскому указу — 24 ноября 1744 г. — принципы указа 14 апреля 1731 г. распространялись на служащих ландмилиции в Киевской и Белгородской епархиях⁹⁸.

Действенность указов 1730—1731 гг. в Устюжской епархии удостоверяется совокупностью её записных венечных книг за 1731—1765 гг. (более 400). Этот корпус источников совершенно неизвестен науке и хранится в фонде Духовной консистории в ВУЦА. Широко их территориальный охват — Тотемский, Устюжский, Сольвычегодский, Яренский уезды, Лальский посад. Большое количество книг объясняется полной сохранностью парных экземпляров по сборам: венечному (книга первой половины) и лазаретному (книга второй половины). Это отразилось в их заголовках: 1) «Книги с венечных памятей первой половины венечных пошлин и за письмо, и на отвоз, и на бумагу по состоявшемуся е.и.в. указу 1731 г. апреля 14 дня»; 2) «С венечных памятей второй половины на лазарет пошлин и взятыя венечных памятей с роспискою по состоявшемуся е.и.в. указу 1731 г. апреля 14 дня»⁹⁹. Сам же сбор венечных и лазаретных денег возлагался на должностных лиц архиерейских кафедр — поповских старост-казачиков и десятских попов. Размеры венечных и лазаретных сборов (12—18—25—30 коп.) сохранялись на всём протяжении 1730—1760-х гг. Значит, церковная и правительственная регламентация оказалась эффективной и действенной. Практикуемое Устюжской кафедрой во второй половине 1720-х гг. чрезмерное налогообложение браков было прекращено.

Сохранность документации Устюжской епархии позволяет сравнить записные венечные книги 1730-х гг. с непосредственными венечными памятями того же времени. В конце каждой памяти присутствует стандартная фраза

⁹⁴ ГА ВО, ф. 1260, оп. 4, кн. 5.

⁹⁵ ПСЗ-І. Т. 9. № 6724. С. 511—512.

⁹⁶ Там же. № 7116. С. 996—967.

⁹⁷ Там же. Т. 12. № 9299. С. 566—567.

⁹⁸ Там же. № 9035. С. 228—231.

⁹⁹ Великоустюгский центральный архив, ф. 363, оп. 1, кн. 342, л. 1; кн. 343, л. 1.

поповского заказчика о том, что «пошлины 4 алтына, лазаретных тож число, за письмо и на отвоз 1 алтын взяты и в приход записаны»¹⁰⁰. Не случайно и начинались вечные памяти 1731—1732 гг. с фразы в их заголовке: «По указу е.и.в. самодержицы всероссийской». Далее фигурировал казначей архиерейского дома иеромонах Иоасаф (Воломский), затем — дьяк Синодальной команды Иван Фирсов и, наконец, конкретный заказчик, от имени которого выдавалась вечная память конкретному приходскому священнику.

В 1720-х гг. Устюжская кафедра допускала произвольное взимание «куничных, за новоженной убрус, за прикащичей доход и указных на расходы» денег до 25—26 коп. (не заносимых в приходные книги). С 1731 г. приказная «надбавка» над вечными составляла строго 1 алтын. Если в 1726 г. с отроческой свадьбы взимали 20 коп. (и столько же на лазарет), то в 1732 г. суммарно 24 коп. В этом заключалось ближайшее практическое значение указов 1730 и 1731 гг. — они унифицировали и стабилизировали взимания на браки и лазареты, существенно их сократив.

Указом Екатерины II от 14 июля 1765 г. вечные памяти и пошлины с них упразднили. Лазареты же следовало содержать на суммы, отпускаемые из Коллегии экономии. Было предписано проводить брачный обыск, и если канонических препятствий не обнаружится, «венчать с запискою в метрические книги». Так отпала необходимость в ведении записных вечных книг, после чего и утвердился метрический учёт населения в России (в 1770-е гг.). Екатерининский указ преподносился подданным как «высочайшая милость императрицы, её попечение об облегчении народном»¹⁰¹. В декабре 1768 г. Синодским указом со ссылкой на указ 1765 г. вечные пошлины были отменены для мусульманского населения Российской империи¹⁰².

Таким образом, предыстория метрического учёта в России XVII — первой половины XVIII в. раскрывается через вечные памяти, вечные разделы архиерейских приходо-расходных книг, записные книги вечных пошлин, «сказки» о количестве венчаний в приходах, похоронные памяти. Церковный учёт рождаемости, смертности и явок на исповедь не имел систематического и всеобщего характера. Однако он вёлся, хотя и в ограниченном масштабе. Записные вечные книги возникли и функционировали в казённых приказах архиерейских кафедр, церковных округов-заказов и приходов городского и сельского населения. В XVII в. документы имели по преимуществу столбцовую форму, с начала XVIII в. — тетрадную, одновременно с которой функционировали и отдельные вечные памяти (чаще всего на листах гербовой бумаги, скреплённые печатью архиерейского Казённого приказа).

На протяжении XVI—XVII вв. размеры пошлин за выдачу вечных памятей возрастали, что увеличивало доходы церковных институций. В 1714 г., с введением выплат на лазареты, их размеры для брачующихся удвоились. В размерах вечных пошлин в первой трети XVIII в. по записным книгам Устюжской епархии не наблюдается строгого следования официальным нормативам. В записных книгах 1721, 1726 и 1728 гг. фиксируется отклонение от нормы пошлин до 40—50% в сторону увеличения. Это наводит на мысль о том, что в период петровских реформ государство стояло в стороне от регулирования вопроса о вечных пошлинах. В дальнейшем недовольство на местах заставило

¹⁰⁰ ГА ВО, ф. 1260, оп. 3, № 502, 507.

¹⁰¹ ПСЗ-І. Т. 17. № 12433. С. 189—190.

¹⁰² Там же. Т. 18. № 13208. С. 780—781.

правительство в указах 1730 и 1731 гг. декларировать «патриархии установления», что означало законодательное понижение величины брачных пошлин. Одновременно упорядочили само оформление и выдачу вечных памятей. Анализ совокупности записных вечных книг 1730—1760-х гг. убеждает в неукоснительном соблюдении этих принципов вплоть до отмены памятей в 1765 г.¹⁰³

Сравнение формуляра вечных памятей XVII — начала XVIII в. и 1730—1760-х гг. показывает ослабление в них религиозного начала. Если ещё в 1707—1718 гг. священнику предписывалось венчать брачующихся «по правилам святых апостол и святых отец после Божественной литургии до вечернего пения», то в дальнейшем этот элемент формуляра исчез¹⁰⁴.

Несмотря на введение метрик в 1722—1724 гг., практикуемые в Вологодской и Устюжской епархиях формы учёта браков ещё длительное время оставались неизменными. Навыки в данной сфере епархиального духовенства подготавливали его тем самым к переходу на метрическую систему учёта городского и сельского населения. На Устюге поповские старосты-заказчики учитывали браки по четырём годовым мяседам, на Вологде — строго с начала календарного года нового летоисчисления. Проведённые подсчёты показали, что в структуре брачности сельского и городского населения по-прежнему преобладали первые браки — ориентировочно 70—75%, далее шли полуторные — 15—20, вторые — 7—9 и третьи браки — 3—5%. Повторные браки были важны для поддержания института семьи, социализации человека. Необходимость их мотивировалась высокой смертностью (хотя систематических данных о смертности, возрастах вступления в брак изученные источники не содержат). Этот показатель стал неперменным в метрических книгах. Преобладание же первых браков отражает модель, характерную для традиционного общества, не вступившего ещё на путь «демографического перехода».

¹⁰³ Там же. Т. 17. № 12433. С. 189—190.

¹⁰⁴ ГА ВО, ф. 1260, оп. 3, № 313, 327, 408, 415.

И.Д. Ковальченко — учёный и организатор исторической науки

27 марта 2018 г. в центре «Историческая наука России» Института российской истории РАН состоялось заседание, посвящённое памяти выдающегося историка, академика РАН, академика-секретаря Отделения истории Ивана Дмитриевича Ковальченко. Сотрудники ИРИ РАН и кафедры источниковедения исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова отметили масштаб личности учёного и преподавателя, его огромный вклад в разработку проблем социально-экономической истории России, историографии, источниковедения, теории и методологии научного исследования и применения математических методов в исторической науке. Вспоминали и о его многолетней деятельности на посту главного редактора журнала «История СССР». В заседании приняли участие член-корреспондент РАН А.Н. Сахаров, доктора исторических наук М.Г. Вандалковская, А.Г. Голиков, И.В. Поткина, Л.А. Сидорова, В.В. Шелохаев и кандидат исторических наук Т.А. Круглова.

Андрей Голиков: Университетский учёный

*Andrey Golikov (Lomonosov Moscow State University, Russia):
University scientist*

DOI: 10.31857/S086956870004222-5

Иван Дмитриевич Ковальченко в своей биографии выделял обычно три этапа: школа, война, университет. Последний этап — самый продолжительный — охватывает полвека. В сентябре 1947 г. вчерашний воин-фронтовик стал студентом-первокурсником исторического факультета Московского университета. В декабре 1995 г. академик Ковальченко в последний раз был на кафедре источниковедения, которой заведовал с 1966 г., т.е. почти три десятилетия.

Со второй половины 1960-х гг. объём научно-организаторских задач, стоявших перед И.Д. Ковальченко, начал резко возрастать. Он активно участвовал в подготовке и проведении Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, основал при Отделении истории Академии наук СССР Комиссию по применению математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях и бессменно руководил её работой. После смерти академика М.В. Нечкиной он стал председателем Научного совета по историографии и источниковедению при Отделении истории. С 1969 по 1988 г. Ковальченко возглавлял научный журнал «История СССР». В 1972 г. его избрали членом-корреспондентом, а в 1987 г. — действительным членом Академии наук СССР. С 1988 г. он являлся академиком-секретарём Отделения истории и членом Президиума Академии. Человек энциклопедически образованный, натура творческая, Иван Дмитриевич много сделал для развития специальных исторических дисциплин, особенно источниковедения.

И всё же центральное место в его многогранной и многотрудной деятельности постоянно занимали дела и заботы кафедры, которая превратилась под его руководством во всесоюзный учебно-научный и методический центр изучения и преподавания проблем источниковедения, историографии, методов исторического исследования, вспомогательных исторических дисциплин. Был существенно дополнен учебный план, совершенствовались уже сложившиеся курсы, по большинству дисциплин опубликованы программы и учебные пособия.

Став руководителем кафедры, Иван Дмитриевич прежде всего взялся за создание учебника по источниковедению отечественной истории X—XX вв. Подобного опыта в стране ещё не было. Тем не менее ему удалось в кратчайший срок выпустить издание, в котором впервые в одной книге был представлен обзор важнейших источников с древности до новейшего времени и характеризовались основные методы их научной критики¹.

В 1981 г. под его же редакцией вышло второе, переработанное и дополненное, издание учебника «Источниковедение истории СССР». В разделе «Общие теоретико-методологические проблемы источниковедения» Ковальченко впервые изложил основные положения разработанной им концепции исторического источника в свете учения об информации². По его мнению, источник «является средством накопления, хранения и передачи информации», каналом, переносящим во времени зафиксированное на материальном носителе сообщение.

При этом создатель фиксирует в нём «только те сведения об объективной реальности, которые необходимы для достижения поставленной цели». Не будучи адресатом этой информации, историк должен самостоятельно убедиться в «степени адекватности источников в отношении исторической действительности». В монографии «Методы исторического исследования» Иван Дмитриевич более подробно раскрыл эту мысль: «Использование историком в качестве исходной базы субъективизированной картины прошлого, оставленной его современниками, требует тщательного предварительного критического анализа этой картины для выявления степени адекватности и полноты отражения ею исторической действительности»³.

Учение об информации позволило теоретически обосновать неисчерпаемость содержания исторических источников. «В силу многообразия и безграничности свойств и взаимосвязей явлений объективного мира, — разъяснял Ковальченко, — при их отражении в сознании субъекта, наряду с чертами, которые фиксируются как видимые, неизбежно улавливаются и невидимые. Этой невидимой, скрытой частью информации являются отражённые в воспринятых и сознательно учитываемых чертах объекта сведения о присущих ему взаимосвязях... Многообразии и сложности взаимосвязей, их скрытый характер, а также чаще всего опосредованное их отражение через другие свойства объекта и делают информацию о них невидимой для субъекта»⁴. Идеи Ивана Дмитриевича на годы определили направление конкретных источниковедческих исследований, выполненных на кафедре⁵.

¹ Источниковедение истории СССР / Под ред. И.Д. Ковальченко. М., 1973.

² Источниковедение истории СССР / Под ред. И.Д. Ковальченко. Изд. 2. М., 1981. С. 4—17.

³ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 105.

⁴ Источниковедение истории СССР. Изд. 2. С. 9.

⁵ Некоторые полученные результаты учены в учебных пособиях: Голиков А.Г., Круглова Т.А. Источниковедение отечественной истории. М., 2000; Голиков А.Г., Круглова Т.А. Методика работы с историческими источниками. М., 2014.

Одновременно с работой над вторым изданием учебника коллектив кафедр приступил к составлению «Сборника документов для практических занятий по источниковедению истории СССР» (Вып. 1—4. М., 1980—1987). В 1982 г. в МГУ состоялось всесоюзное учебно-методическое совещание преподавателей, читающих курс «Источниковедение истории СССР». В нём приняли участие представители 55 высших учебных заведений страны. В рекомендациях совещания отмечались успехи в преподавании этого курса в университетах и признавалась положительная роль учебных пособий, вышедших под редакцией Ивана Дмитриевича.

По инициативе Ковальченко на возглавляемой им кафедре сосредоточилось и преподавание курса «Историография истории СССР». В дальнейшем его программа постоянно совершенствовалась и не раз переиздавалась под редакцией Ивана Дмитриевича (в 1974, 1979 и 1987 г.). Материал лекций дополнялся на семинарских занятиях, которые были организованы для студентов, специализирующихся по отечественной истории⁶.

Развитие курсов источниковедения и историографии вызвало существенные изменения в цикле специальных исторических дисциплин, закреплённых за кафедрой. В Московском университете давние традиции имеет изучение палеографии. В 1982 г. появилось новое издание учебного пособия, составленного М.Н. Тихомировым и А.В. Муравьевым. Важной вехой в становлении университетского курса исторической географии стала подготовка И.Д. Ковальченко совместно с В.З. Дробижевым и А.В. Муравьевым учебника «Историческая география СССР» (1973). В нём впервые в отечественной науке давалась обобщённая характеристика историко-географических условий развития нашей страны в VIII—XX вв. Опыт, накопленный при чтении лекций, и дальнейшие перспективы обсуждались на Всесоюзном семинаре-совещании по преподаванию исторической географии в высшей школе (1974). В 1970—1980-е гг. заведующий кафедрой инициировал разработку курса «Архивоведение отечественной истории», программа которой была утверждена в 1982 г.⁷

Многие годы Ковальченко являлся членом бюро Археографической комиссии при Отделении истории АН СССР. В начале 1970-х гг. он активно поддержал участие Московского университета в проведении полевых археографических исследований. Созданная в составе кафедры группа во главе с И.В. Поздеевой спустя годы выросла в межкафедральную Археографическую лабораторию и стала научным центром, имеющим мировую известность.

Особый интерес у Ивана Дмитриевича вызывали те дисциплины, возникновение которых стало возможно и необходимо в результате научно-технической революции второй половины XX в. Он первым подготовил сначала для специализирующихся по источниковедению, а затем — для всех студентов-историков МГУ курс «Количественные методы в исторических исследованиях». В 1984 г. увидело свет первое в стране учебное пособие по данному предмету, изданное под редакцией Ковальченко. В составе кафедры появилась математическая группа, преобразованная позднее в научно-учебную лабораторию исторической информатики, а затем — в самостоятельную кафедру под руководством Л.И. Бородкина.

⁶ Сборник материалов по истории исторической науки в СССР (конец XIX — начало XX в.). М., 1985; Сборник материалов по истории исторической науки в СССР (конец XVIII — первая треть XIX в.). М., 1990.

⁷ Материалы лекций легли в основу изданного впоследствии учебного пособия: Голиков А.Г. Архивоведение отечественной истории. М., 2005.

Понимая значимость методологии в научном творчестве, Иван Дмитриевич задумал и в течение 20 лет ежегодно читал студентам фундаментальный курс «Методологические проблемы исторических исследований». Позже он лёг в основу монографии «Методы исторического исследования», заслуженно получившей высокую оценку рецензентов и отмеченной Государственной премией СССР за 1989 г. В книге систематизировались и обобщались принципы, пути и приёмы, на которых основываются работы профессиональных историков независимо от их конкретной проблематики. Автор раскрыл богатейший арсенал средств, позволяющих преодолевать трудности восхождения к научной истине. Этот труд является памятником исторической мысли советской эпохи и одним из высших её достижений. Написанный на основе марксистских принципов, он занимает достойное место в ряду сочинений историков, рассматривавших проблемы познания прошлого с иных теоретико-методологических позиций: Н.И. Кареева, М. Блока, Р.Дж. Коллингвуда и др.

Наиболее значимые результаты своих конкретно-исторических изысканий 1970—1980-х гг. Ковальченко изложил вместе с коллегами и учениками в трёх монографиях⁸. Всего за десять с небольшим лет под его руководством был написан (в основном — сотрудниками и выпускниками кафедры источниковедения) двухтомный коллективный труд «Массовые источники по социально-экономической истории»⁹, сводивший в единое целое результаты 20 кандидатских диссертаций, защищённых на историческом факультете МГУ и в Институте истории СССР Академии наук.

К идее выявления класса массовых источников Ковальченко пришёл, изучая аграрную историю России первой половины XIX в. Многочисленные свидетельства, содержавшие фрагментарные сведения о помещичьих и крестьянских хозяйствах, только в небольшой их части могли быть охвачены традиционными описательными методами. Итоги локальных исследований, осуществлённых по разным программам, оказывались мало сопоставимыми и, вследствие этого, в значительной степени обесценивались. Массовыми по своему происхождению являются статистические источники, созданные по определённой программе и содержащие систематические данные о множестве объектов. В других документах эта информация порою присутствует в скрытой, явно не выраженной форме. Однако качественно однотипные показатели могут быть специально выявлены в них историком, который, исходя из своей исследовательской задачи, формирует источниковую базу, обладающую свойствами массового источника. А это делает возможным «применение разнообразных, в том числе и самых совершенных количественных и машинных методов»¹⁰. Авторы монографии впервые дали обзор и характеристику основных комплексов подобных источников по социально-экономической истории России и СССР второй половины XIX — XX в., на конкретном материале показав способы их обработ-

⁸ Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII — начало XX века. Опыт количественного анализа. М., 1974; Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литваков Б.М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. Источники и методы изучения. М., 1982; Ковальченко И.Д., Моисеенко Т.Л., Селунская Н.Б. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России в эпоху капитализма: (источники и методы исследования). М., 1988.

⁹ Массовые источники по социально-экономической истории периода капитализма / Отв. ред. И.Д. Ковальченко. М., 1979; Массовые источники по социально-экономической истории советского общества / Отв. ред. И.Д. Ковальченко. М., 1979.

¹⁰ Ковальченко И.Д. Задачи изучения массовых исторических источников // Массовые источники по социально-экономической истории периода капитализма. С. 9.

ки и анализа и извлечения «скрытой» информации, отражающей сущность и структуру массовых явлений и процессов.

Научная работа возглавляемой Ковальченко кафедры получила отражение и в защите в 1986—1994 гг. на историческом факультете МГУ докторских диссертаций: А.К. Соколова («Изменения в социальной структуре рабочего класса. 1917 — середина 1930-х гг.»), А.Г. Голикова («Источниковедческие проблемы отражения в периодической печати процесса монополизации российской промышленности»), Н.Б. Селунской («Социально-экономический строй крестьянского и помещичьего хозяйства Европейской России в начале XX в.»), С.В. Воронковой («Массовые источники по истории промышленности России конца XIX — начала XX в.»), Л.И. Бородкина («Методы прикладной математики и информатики в исторических исследованиях»), И.В. Поздеевой («Роль московского книгопечатания первой половины XVIII в. в истории рукописной культуры (XII—XX вв.)») и В.А. Плугина («Андрей Рублёв и духовная жизнь Руси конца XIV — первой трети XV в. (комплексное исследование изобразительных и письменных источников)»).

В декабре 1996 г., через год после кончины И.Д. Ковальченко, в Московском университете состоялись первые научные чтения, посвящённые его памяти, организованные историческим факультетом и Отделением истории РАН. Впоследствии проведение таких международных конференций стало традиционным¹¹. В 2018 г. прошли уже Шестые Ковальченковские чтения, приуроченные к 95-летию со дня рождения Ивана Дмитриевича.

Бумаги учёного хранятся в Архиве МГУ им. М.В. Ломоносова (ф. 301, оп. 1—4). В 2004 г. Л.В. Милов, Н.Б. Селунская и Н.В. Пиотух опубликовали рукопись его незавершённой монографии «Аграрный строй России второй половины XIX — начала XX вв.». В том же году вышел сборник документов, составленный Т.В. Ковальченко, Т.А. Кругловой и А.Е. Шикло. В него вошли тексты выступлений и официальных отзывов, заметки, дневники, письма Ивана Дмитриевича¹². Сотрудники кафедры источниковедения составили библиографию трудов И.Д. Ковальченко и литературы о нём¹³. Характерно, что последняя опубликованная при его жизни статья называлась «Сущность и особенности общественно-исторического развития (заметки о необходимости

¹¹ *Абрамова Н.Г.* Ковальченковские чтения // Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет. М., 2004. С. 237. См. также: Материалы научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М., 1997; Проблемы источниковедения и историографии. Материалы II научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М., 2000; Проблемы методологии и источниковедения. Материалы III научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М.; СПб., 2006; Идеи академика И.Д. Ковальченко в XXI веке. Материалы IV научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М., 2009; Проблемы историографии, источниковедения и методов исторического исследования. Материалы V научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М., 2014.

¹² И.Д. Ковальченко. Научные труды, письма, воспоминания (из личного архива академика) / Сост. Т.В. Ковальченко, Т.А. Круглова, А.Е. Шикло. М., 2004.

¹³ *Шикло А.Е., Корноухова И.А.* Список опубликованных работ И.Д. Ковальченко // Материалы научных чтений... С. 255—291; *Абрамова Н.Г., Корноухова И.А., Шикло А.Е.* Список докладов и выступлений академика И.Д. Ковальченко на конференциях, симпозиумах, «круглых столах» // Там же. С. 292—317; Список опубликованных работ И.Д. Ковальченко // Иван Дмитриевич Ковальченко (1923—1995). К 75-летию со дня рождения / Под ред. А.Г. Голикова. М., 1998. С. 15—50; Дополнение к списку опубликованных работ И.Д. Ковальченко // Проблемы методологии и источниковедения. Материалы III научных чтений... С. 524—527; Дополнение к списку литературы о жизни и деятельности И.Д. Ковальченко // Там же. С. 528—529.

обновлённых подходов)»¹⁴. Между тем многообразие форм действительности ставит перед историками всё более сложные задачи. Так, на Пятых Ковальченковских чтениях в декабре 2013 г. три докладчика размышляли о перспективах использования в исторических исследованиях документов, изначально созданных в электронной форме без фиксации на бумаге. Информация в этом случае остаётся только на жёстких дисках и может быть впоследствии изменена. Более того, не исключено, что неизбежность технических усовершенствований и постоянная модификация компьютерных программ сделают практически невозможной расшифровку фактов, хранящихся на стремительно устаревающих устройствах.

На вопрос, в чём он видит главную задачу своих преемников, И.Д. Ковальченко отвечал кратко: надо беречь кафедру. А беречь — значит сохранять и развивать традиции, заложенные Учителями.

Татьяна Круглова: Архив академика

*Tatiana Kruglova (Lomonosov Moscow State University, Russia):
Academician's archive*

DOI: 10.31857/S086956870004223-6

Иван Дмитриевич Ковальченко — значительная, выдающаяся фигура в русской исторической науке второй половины XX в. Мудрый человек, талантливый учёный, чуткий педагог. Память о нём хочется передать студентам, аспирантам, будущим поколениям историков, которым ещё предстоит открыть для себя эту талантливую личность, обращаясь к его трудам и архиву.

После кончины Ивана Дмитриевича под эгидой Архива АН и исторического факультета МГУ была создана комиссия для предварительного описания оставленных им бумаг. Работой комиссии руководил директор Архива АН Б.В. Левшин и её председатель — академик Л.В. Милов. Состояла она из И.М. Гарсковой, Н.Б. Селунской, И.Ф. Юшина и меня. В 2004 г. по воле вдовы — Тамары Васильевны Ковальченко все материалы учёного были переданы не в Архив АН, как первоначально предполагалось, а в наше университетское архивохранилище. Самый ранний документ в этом фонде — Книжка красноармейца, которую Ковальченко выдали в 1942 г. после выписки из госпиталя, куда он попал после тяжёлой контузии, полученной 9 декабря 1941 г. на Западном фронте. По рассказам Тамары Васильевны, до поступления в Московский университет, в течение двух лет Иван Дмитриевич был вынужден восстанавливать здоровье. От инвалидности он отказался в 1952 г. Наиболее поздние в описях — несколько писем, полученных осенью 1995 г., уже в больнице.

В целом, в фонде Ковальченко мало неизданных текстов, поскольку он регулярно и беспрепятственно публиковал свои труды. Лишь отдельные главы и очерки, написанные в разное время для коллективных работ, не были напечатаны¹⁵.

Основную часть архива составляют черновые и беловые копии опубликованных научных работ различного объёма — от одного до пятисот и более ли-

¹⁴ Исторические записки. Теоретические и методологические проблемы исторических исследований. Вып. 1(119). М., 1995. С. 23–53.

¹⁵ Подробнее см.: И.Д. Ковальченко. Научные труды, воспоминания, письма (из личного архива академика). С. 14–15, 278.

стов (например, машинописный вариант монографии «Методы исторического исследования»), официальных отзывов и писем, планы спецкурсов и лекций по истории России XIX в. и по историографии, большое количество всевозможных выписок, подборки газет по темам, актуальным в 1990-е гг. Всё это позволяет проследить работу историка от этапа архивных и библиотечных изысканий до внесения незначительной правки в уже завершённые тексты.

Большой интерес представляет также его переписка с отечественными и иностранными исследователями. Неоднократно Иван Дмитриевич начинал вести дневник, но делать регулярные записи ему не удавалось. Сохранились лишь небольшие фрагменты, относящиеся ко времени зарубежных командировок (ФРГ и США), а также летнего отпуска, который он нередко проводил в архивах, отмечая в дневнике некоторые подробности этих занятий¹⁶.

К сожалению, архив И.Д. Ковальченко отражает далеко не все стороны деятельности учёного. Так, в его описях почти нет документов, связанных с многолетним пребыванием Ивана Дмитриевича на посту главного редактора журнала «История СССР» или в должности академика-секретаря Отделения истории АН. По-видимому, Иван Дмитриевич периодически разбирал свои бумаги, сохраняя лишь то, что считал нужным. Например, у него были маленькие ежедневники, куда он записывал все свои встречи, но они, к сожалению, не сохранились.

Андрей Сахаров: Человек старой системы взглядов и новые горизонты исторической науки

*Andrey Sakharov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow):
The man of the old system of views and new horizons of historical science*

DOI: 10.31857/S086956870004224-7

Иван Дмитриевич учился на курс старше меня, он поступил на исторический факультет МГУ в 1947 г., уже проучившись какое-то время на физическом факультете. Надо сказать, что в то время на этом курсе подобрались очень яркие люди, многие уже возрастные, некоторые из них прошли фронт. Они очень быстро выдвинулись на первые позиции и в науке, и в общественной жизни. Я имею в виду, прежде всего, К.Н. Тарновского, А.Д. Горского и И.Д. Ковальченко. Иван Дмитриевич был учеником академика Н.М. Дружинина. Эта «дружининская» академическая линия, объективная, спокойная, глубоко научная, отнюдь не политизированная, была передана в наследство Ковальченко. Он очень быстро занял ведущие позиции как студент, подающий большие надежды, потом как аспирант и общественный деятель. В первые годы аспирантуры он уже являлся секретарём партийной организации исторического факультета МГУ.

Наша первая близкая встреча с ним, которая проявила для меня его личные человеческие качества, — качества благородного, широкого человека, — как раз пришлась на период, когда он состоял секретарём партийной организации. Я окончил МГУ в 1953 г. круглым отличником, получал благодарность от деканата за спортивную работу, играл в сборной команде нашего факультета по волейболу, которая заняла на соревнованиях в МГУ почётное третье место.

¹⁶ Там же. С. 418—440.

Однако руководители нашего курсового комсомола, в котором верховодил ученик академика М.Н. Тихомирова, отрицательно относившийся ко мне, ученику Л.В. Черепнина, дали мне при направлении на работу крайне невыгодную характеристику. Я пришёл с ней в Центральную музыкальную школу при Московской консерватории, куда меня определили по запросу, но мне там сказали, что не могут принять меня с такой рекомендацией. Обычно писалось: политически выдержан, морально устойчив и прочее. Мне же вписали, что я был индивидуалист и «учился только для себя».

Умирать голодной смертью мне не хотелось, поэтому я взял эту характеристику и пришёл в партбюро к Ковальченко. Он посмотрел на неё, увидел подпись секретаря комсомольской организации, который был его хорошим приятелем и сказал только: «Дураки. Учиться для себя — это что, плохо?». Глядя на фразу «учился для себя», он недоумевал: «Как это может быть?». И всё же обнадёжил: «Не расстраивайся, я подумаю. Приходи через пару дней». Через два дня Иван Дмитриевич вручил мне новую характеристику, выдержанную в спокойном духе и даже отмечавшую мои спортивные успехи. Подпись стояла та же. Я поблагодарил Ковальченко, вскоре был принят на работу и начал свою учительскую деятельность.

Позднее, работая заведующим отделом редакции журнала «Вопросы истории», я снова встретился с Иваном Дмитриевичем, но уже по научно-дискуссионной линии. Люди старшего поколения помнят, какое тогда было время. В 1960-е гг. в нашей историографии боролись две очень крупные научные группы — Н.И. Павленко, И.Д. Ковальченко, Л.В. Милов и др. настаивали на позднем развитии капитализма в России, а А.А. Преображенский, Е.И. Индова, Ю.А. Тихонов, С.М. Троицкий и их последователи, которых насчитывалось достаточно много, искали его зачатки в XVII в. Были и те, кто считал, что капитализм в России зародился чуть ли не в XVI в., — В.А. Голобуцкий, киевская школа. Эти учёные видели элементы капитализма в Запорожской Сечи и т.д.

Ковальченко, как известно, занимался первой половиной XIX в., его докторская диссертация посвящена крепостному крестьянству. А если существовало крепостное крестьянство, то какие могут быть капиталистические ростки? Но во время тех бурных дискуссий Ковальченко был неизменно корректен, деликатен и терпелив, спокоен и уважителен к своим оппонентам, в отличие от Милова, настроенного весьма воинственно, и особенно от Павленко, который «уничтожал» своих противников, насмеялся над ними и принижал их научный уровень, называя их «собирателями вил и кос». За время работы в «Вопросах истории», где все эти споры сходились и препарировались, я не прочёл ни одного уничижительного отзыва Ковальченко о тех, с кем он не соглашался. Хотя в разговорах и он с юмором говорил об исследователях, находивших капитализм в середине XVII в. Эти качества — терпение и умение прислушаться к возражениям — были характерны для него как учёного и человека.

Однажды журнал опубликовал статью П.Г. Рындзюнского — сторонника более раннего развития капитализма. Она называлась «Вымирало ли крепостное крестьянство перед реформой 1861 года?» и была прямо направлена против концепции Ковальченко—Милова, согласно которой помещичьи крестьяне в XIX в. испытывали невыносимые тяготы. Ковальченко, кстати, уже тогда начал в этом сомневаться. Рындзюнский показывал, что подобное представление ошибочно — русская деревня при крепостном праве не вымирала, находя пути и способы для восстановления жизненных сил и даже улучшения своего благосостояния. Полотна Венецианова во многом соответствовали истине. Статья,

написанная блестяще, произвела настоящий фурор. Ковальченко воспринял всё это спокойно, сказав: «Будем полемизировать, будем смотреть источники, будем оценивать». Его выдержка меня очень удивила и обрадовала. Получалось: есть такие люди, которые, пройдя фронт, будучи партийными деятелями и своего рода носителями устоев советского общества, объективно относятся к критике в свой адрес. Я это запомнил на всю жизнь. Надо сказать, я сам организовал публикацию статьи Рындзюнского в журнале и даже подсказал ему название. Но своё участие я не афишировал, несмотря на то, что также примыкал к группе Преображенского, Тихонова, Индовой, Троицкого.

Через несколько лет, уже работая инструктором в ЦК КПСС, я снова встретился с Ковальченко. Я перешёл в ЦК в 1968 г., когда в Отделе пропаганды была подготовлена записка против руководства журнала «История СССР» и конкретно против тогдашнего главного редактора Ю.А. Полякова, которого критиковали за проявления либерализма в духе «шестидесятников». Эту записку рассмотрели на Секретариате и приняли решение освободить Полякова от должности. Мне было поручено сообщить ему о результате этого заседания. На четвёртом этаже 20-го подъезда была специальная комната для такого рода встреч и бесед, куда я пригласил Юрия Александровича, чтобы изложить содержание записки и сделанные на её основании выводы. Поляков был расстроен, подавлен. Думаю, эту беседу он запомнил надолго, что отразилось и на наших отношениях, хотя я не был причастен к данному делу. После этого меня вызвал заведующий сектором журналов Отдела пропаганды И.П. Кириченко и спросил, кого, по моему мнению, можно рекомендовать на освободившуюся должность. На следующий день я пришёл к нему и сказал: «Вы знаете, есть замечательный человек, крупный авторитетный учёный, объективный, спокойный человек — Иван Дмитриевич Ковальченко, профессор МГУ». Кириченко был очень доволен, хотя он лично Ковальченко не знал, но, видимо, в силу своих этнических симпатий, отнёсся к нему благосклонно. Я пригласил Ивана Дмитриевича на беседу. Он пришёл, ещё не зная, о чём пойдёт речь. После беседы с Кириченко мы пошли к заведующему отделом А.Н. Яковлеву, представили Ковальченко. С Яковлевым у него состоялся длительный разговор. Таким образом Иван Дмитриевич стал главным редактором журнала «История СССР». Называя его кандидатуру, я помнил, как он помог мне в своё время с характеристикой. Я честно ему отплатил за ту помощь и был очень рад, что так вышло. Если отбросить шутки, это решение оказалось верным, Ковальченко долго и плодотворно трудился в журнале. Вскоре его избрали членом-корреспондентом АН СССР.

Хотелось бы напомнить и о том, как воспринял Иван Дмитриевич политические и научные новшества рубежа 1980—1990-х гг. Он был, несомненно, абсолютно советским, партийным человеком и оставался верен устоям марксизма-ленинизма. Но его работы отнюдь не конъюнктурны, они носили вполне научный характер. Маркс всё же был крупный экономист и мыслитель. Лучшие учёные, творчески освоившие марксизм, успешно пользовались его методологией. К их числу принадлежал и Ковальченко.

Как он реагировал на перестройку, на события 1989—1991 гг.? Я ни разу не слышал от него политических оценок. Когда говорилось о научных проблемах, о методологии, он был непрекаем и твёрдо стоял на своих позициях, но от дискуссий о политике уходил. К тому времени он уже руководил Отделением истории и всем историческим фронтом. Наука начинала бурлить. Старшее поколение помнит, что творилось в нашем институте, какие шли споры, какие

восстанавливались имена (Н.И. Бухарин, Л.Д. Троцкий и др.), как переоценивались события. Труды «западных фальсификаторов истории» стали частью наших исследований, мы стали с ними считаться и всё чаще общались с их авторами. В этих условиях Ковальченко показал себя действительно крупным, ярким, терпимым, широким учёным и человеком. Он возглавил этот процесс. Для меня это было поразительно и удивительно. Занимая должность заместителя директора, я не раз приходил к нему за советом. И это всегда были спокойные, мудрые, совершенно научные рекомендации.

На рубеже 1990-х гг. в зале на 400 мест в гостинице «Узкое» проходили международные конференции, собиравшие весь цвет тогдашней мировой науки. В них участвовали учёные из Стэнфорда, Беркли, Гарварда, Мичиганского университета, Лондонской школы экономики, Сорбонны. Ковальченко возглавлял эти конференции, предоставлял через АН СССР необходимые средства, принимал зарубежных гостей, беседовал с ними, присутствовал на заключительных застольях. Человек старого мышления, старой системы взглядов по существу руководил процессом, открывавшим для исторической науки новые горизонты.

На одной из первых научных конференций, посвящённых проблемам истории национальных отношений, появился профессор Университета им. Бен Гуриона Шимон Редлих, обратившийся ко мне с просьбой прислать ему приглашение. Дипломатических отношений между Израилем и Советским Союзом тогда не существовало. Я пришёл к Ковальченко с этим письмом, и он сказал: «Приглашай». Я написал Редлиху, который, используя швейцарскую визу, приехал в СССР. Так впервые израильский исследователь выступил с докладом на нашей конференции. В дальнейшем Редлих продолжал с нами активно сотрудничать.

В то же время И.Д. Ковальченко был очень аккуратен и осторожен. Когда к нам приезжала Кондолиза Райс, возглавлявшая один из американских фондов, и выразила желание познакомиться с академиком-секретарём Отделения истории, Ковальченко отказался встречаться, выразив своё отношение короткой репликой: «Да ну её».

Бесспорно, среди людей, которые в 1990-е гг. содействовали повороту нашей науки, сделали её более объективной, терпимой, поистине международной, роль И.Д. Ковальченко — учёного, человека, гражданина, отнюдь не политика — была очень велика и заслуживает самой высокой оценки нашим профессиональным сообществом.

Маргарита Вандалковская: Во главе научного совета

Margarita Vandalkovskaya (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): At the head of the scientific council

DOI: 10.31857/S086956870004225-8

Конечно, у всех своя память об И.Д. Ковальченко. Мои воспоминания связаны с нашей совместной работой в Научном совете по истории исторической науки и с тем, как он выступал оппонентом на защите моей докторской диссертации. Научный совет по истории исторической науки был создан в 1950-х гг. по инициативе академиков В.П. Волгина, М.Н. Тихомирова и М.В. Нечкиной, которая руководила им до своего ухода из жизни в 1985 г. В последние пять лет

Ковальченко был её первым заместителем, а затем возглавил совет и работал в нём вплоть до кончины в 1995 г.

Совет был призван координировать проводившиеся в стране историографические исследования, содействовать изучению и преподаванию историографии в высшей школе, а также осмыслению её теоретико-методологических основ в разные периоды прошлого в различных отечественных и зарубежных центрах. Совет устраивал союзные и региональные конференции, пленумы, «историографические среды» (которые назывались лабораторией исследования), осуществлял публикаторскую деятельность, выпуская с 1965 г. ежегодник «История и историки».

Возглавив совет, Ковальченко расширил сферу его деятельности. Теперь он назывался Научным советом по историографии и источниковедению. Это объяснялось необходимостью изучать расширение источниковой базы исторической науки и его влияние на концепции учёных, личный вклад которых в значительной степени определялся выявлением новых материалов. К работе совета подключилась значительная группа источниковедов.

Изменился и состав «малого бюро». По словам Ковальченко, регулирование деятельности совета требовало ответственности и надёжности. Поэтому он решил: «Будем работать втроём: Андрей Николаевич Сахаров, Вы и я». Для меня это оказалось ценной и познавательной школой: Иван Дмитриевич делился своим организаторским опытом, умением общаться с учёными и преподавателями. Он поощрял наши индивидуальные встречи с ними, что, несомненно, способствовало более тесному привлечению историков к работе совета.

В 1992 г. под руководством И.Д. Ковальченко при участии многих исследователей, приславших свои предложения, была составлена комплексная программа, направленная на освобождение науки от политизации и тенденциозности в освещении событий прошлого. В ней также намечался пересмотр критериев оценки как целых историографических направлений, так и творчества отдельных дореволюционных и современных историков.

Такие положения программы, как повышение профессионализма, усиление аналитического характера научных работ, избавление от описательности исследований и рецензий, актуальны и в настоящее время. Особое внимание Ковальченко уделял обращению к методам дедукции, ретроспективы, гипотезы, ассоциации, исторической психологии. При этом Иван Дмитриевич отдавал очевидное предпочтение анализу историографических этапов и направлений, полагая, что проблемная историография не даёт материала для выявления закономерностей развития исторической науки. Вместе с тем, понимая, что научное знание накапливается не в вакууме, он признавал необходимость изучать воздействия на него самосознания и эмоционального состояния общества, идеологических течений и проч.

На пленуме совета в 1987 г. Иван Дмитриевич размышлял об объективных и субъективных причинах, осложняющих развитие историографии. К ним он относил технократизм чиновничества, недооценку значения общественно-гуманитарных дисциплин, а также недостаточно высокий уровень профессионализма исследователей, слабо владеющих методологией своей науки.

Работа с Ковальченко доставляла большое удовольствие. Он доверял своим сотрудникам, был требователен, но не высокомерен, никогда не читал нотаций и умел прислушиваться к мнению собеседника. Обладая талантом общения с людьми, Иван Дмитриевич создавал вокруг себя особую нравственную атмосферу.

DOI: 10.31857/S086956870004226-9

Первое моё пересечение с Иваном Дмитриевичем произошло заочно. В бурные дни дискуссий о многоукладности, развернувшихся в начале 1970-х гг., мы с Ю.З. Полевым представили в редакцию журнала «История СССР» статью, основная идея которой состояла в том, чтобы раскрыть взаимосвязь между промышленным переворотом в пореформенной России и происходившими в ней социальными процессами, включая и формирование рабочего класса. С учётом данных, имевшихся тогда в историографии (в частности, приведённых в фундаментальной монографии М.К. Рожковой), мы утверждали, что промышленный переворот следует рассматривать как длительный процесс, по-разному протекавший в различных отраслях и регионах, а следовательно, его завершение нельзя рассматривать как одномоментный акт — где-то он продолжался до 1890-х гг. и даже до начала XX в. Соответственно, более длительным было и превращение рабочих из сословия в современный класс капиталистического общества, способный к политической консолидации, готовый к созданию социал-демократической партии. Это существенно расходилось с привычным для советских историков представлением о том, что промышленный переворот и формирование рабочего класса в России в основном завершились к 1880-м гг.

После сдачи статьи в журнал прошло много времени, а её судьба оставалась для авторов неизвестной. Через несколько месяцев редакция возвратила рукопись с пометками главного редактора. На полях Иван Дмитриевич предельно откровенно сформулировал свой ответ. По его мнению, если признать, что промышленный переворот в России в 1880-е гг. ещё не завершился, то придётся поставить под сомнение и зрелость предпосылок для возникновения первой марксистской организации «Освобождение труда». Разумеется, идеология в 1970-е гг. таких сомнений не допускала, и наша статья в тот период не могла быть опубликована. В условиях обострившейся дискуссии вокруг «нового направления» в исторической науке, такой вердикт выглядел вполне оправданным.

Лично, глаза в глаза, нам довелось встретиться уже в принципиально иной ситуации. В редакции журнала состоялось заседание, посвящённое изучению того, как в зарубежной историографии освещалась история пореформенной России. От Института истории СССР АН СССР на него были приглашены мы с Н.Г. Думовой, а от Высшей комсомольской школы — её ректор Ю.Н. Афанасьев. В ходе обсуждения Афанасьев был единственным, кто продолжал отстаивать традиционные методы «борьбы с буржуазными фальсификаторами». Позиция И.Д. Ковальченко и Е.И. Пивовара, заведовавшего в редакции отделом зарубежной историографии, была принципиально иной. Они воспринимали развитие исторической науки (и науки в целом) как единый диалектический процесс, и полагали, что исследователям Востока и Запада предпочтительнее искать точки соприкосновения, а не вести друг с другом непримиримую идеологическую борьбу. Именно такого подхода придерживались и мы с Думовой. После этого совещания я стал лучше понимать Ковальченко, который, будучи к этому времени крупным учёным, хорошо известным за ру-

бежом, прекрасно осознавал необходимость «вписать» отечественную историографию в мировой контекст. Впоследствии я не раз убеждался в этом.

Когда Иван Дмитриевич уже возглавлял Отделение истории, в новом здании Академии наук собрались академик-секретарь Ковальченко, академик П.В. Волобуев, доктора исторических наук В.В. Журавлёв, А.П. Ненароков и я. Обсуждался фундаментальный исследовательский и издательский проект по истории меньшевизма в 1917 г., в реализации которого должны были принять участие как отечественные, так и зарубежные исследователи и архивисты из США. Несмотря на то что в начале 1990-х гг. ситуация в стране коренным образом изменилась, оставалось ещё немало «ортодоксов», выступавших против подобных совместных проектов. Однако Ковальченко, сочувствовавший расширению круга источников, доступных историкам всех стран, не только однозначно поддержал наш замысел, но и помог в его реализации, облегчив доступ к архивным фондам. Более того, после успешного выхода четырёх томов меньшевистских документов 1917 г. Ковальченко одобрил идею ещё более масштабного многотомного труда «Политические партии в России. Документальное наследие».

Являясь первопроходцем в деле активного применения количественных методов в исторической науке, Иван Дмитриевич с большим энтузиазмом откликнулся на статью, в которой мы с А.П. Корелиным и И.Н. Киселёвым впервые для изучения российских партий начала XX в. применили математические приёмы. Иван Дмитриевич даже предложил нам подготовить доклад для Международного коллоквиума в США, что и было сделано.

Не один год мне довелось вместе с Ковальченко участвовать в заседаниях редколлегии журнала «Вопросы истории». В процессе обсуждения редакционных материалов по самому широкому спектру проблем он неизменно демонстрировал глубокие знания, конструктивный подход к решению самых сложных вопросов, каждый раз высказывал ценные суждения, заслуживающие внимания и последующего продумывания. Следует учесть, что эти дискуссии разворачивались в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Придерживаясь здравого смысла, Ковальченко нередко снижал тогда остроту полемики между членами редколлегии и способствовал принятию взвешенных решений. У меня в ходе этих заседаний окончательно сформировался образ крупного учёного и организатора исторической науки — Ивана Дмитриевича Ковальченко, обладавшего природной творческой способностью генерировать инновационные идеи, склонного к их методологической проработке, плодотворно участвовавшего в осуществлении важнейших научных проектов. Это действительно редкое сочетание незаурядных качеств свидетельствовало о цельности его личности — теоретика, методолога, аналитика, источниковеда, историографа, популяризатора отечественной исторической науки. Постоянно находясь в творческом поиске, И.Д. Ковальченко стал примером для последующих поколений историков.

Любовь Сидорова: В русле мировых тенденций

*Lyubov Sidorova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow):
In line with global trends*

DOI: 10.31857/S086956870004227-0

Впервые я увидела Ивана Дмитриевича Ковальченко за университетской кафедрой зимой 1976 г. Он, тогда ещё — член-корреспондент РАН, читал свой курс о применении количественных методов при изучении истории. В то время я готовилась к поступлению на исторический факультет, и мне очень хотелось побывать на какой-нибудь лекции. Старшекурсники посоветовали послушать Ковальченко, пояснив, что он точно сообщит много нового и интересного. Так и случилось. Не скажу, что мне всё было понятно в том, о чём рассказывал лектор. Он скорее заинтриговал и показал огромные исследовательские возможности науки.

Став студенткой, я уже полностью прослушала его курс, и многое из того, о чём в нём говорилось, применила в своей дипломной работе, посвящённой изучению переписи руководящих кадров советских профсоюзов 1920 г. Без количественных методов анализа этот массовый источник мог использоваться только фрагментарно. А обработка данных с помощью ЭВМ и дальнейшая интерпретация полученных результатов позволили осветить процесс формирования советской элиты.

Вспоминая о профессоре Ковальченко, нельзя не упомянуть о том авторитете, которым он пользовался в студенческой среде. Поступить к нему на кафедру было сложно и очень престижно. Уровень требований к специализировавшимся там студентам был очень высок. Недаром ученики Ивана Дмитриевича передавали его слова о том, что высшее образование на истфаке МГУ начинается с защиты кандидатской диссертации.

Интерес Ковальченко к математическим методам находился в русле мировых тенденций развития историографии. В 1960—1970-е гг. многие историки послевоенного поколения надеялись с их помощью получить новые возможности для выявления фундаментальных глубинных взаимосвязей, изучения скрытых от взгляда макроструктур, пронизывавших жизнь социума на протяжении больших отрезков времени¹⁷. Ведь они позволяли в полной мере использовать массовые источники XIX в. и даже более раннего времени, не говоря уже про множество документов XX в. Казалось также, что инструментарий, заимствованный у точных наук, будет способствовать повышению объективности выводов. Разделяя эти мнения, Ковальченко всё же предостерегал от механистического отношения к измерениям, указывая, что квалифицированному историку необходимо владеть всем спектром исследовательских приёмов.

Конечно, количественные методы не стали панацеей от субъективности исторического знания, но прочно вошли в исследовательский арсенал. Их разработка и применение в отечественной исторической науке является огромной заслугой И.Д. Ковальченко.

¹⁷ Милов Л.В. Иван Дмитриевич Ковальченко // Историки России XVIII—XX вв. Вып. 3. М., 1996. С. 158.

DOI: 10.31857/S086956870004228-1

Не так часто в жизни выпадает счастливый жребий, исключительность которого осознаёшь спустя много лет. В полной мере это относится к моей специализации сначала как студентки, а потом и аспирантки на кафедре источниковедения исторического факультета МГУ. Ею заведовал выдающийся советский учёный И.Д. Ковальченко, в те годы являвшийся членом-корреспондентом АН СССР. Шесть лет, проведённые на кафедре, стали подлинной школой мастерства. Мы, студенты-третьекурсники, сразу попали под обаяние неординарной и многогранной личности Ковальченко. Иван Дмитриевич был очень скромным, спокойным, уравновешенным человеком, одинаковым по отношению ко всем, невзирая на личности, регалии и социальный статус. Эти человеческие качества притягивали к нему людей, а попасть в орбиту его влияния было, как оказалось впоследствии, и полезно, и важно, и почётно, особенно в период собственного профессионального становления.

Ковальченко запомнился как замечательный и яркий педагог. Овладевая аудиторией, он не прибегал к театральным эффектам, а приковывал внимание мелодикой речи: негромким, спокойным, но очень убедительным тоном, хорошо выстроенным и логичным изложением материала. Больше всего запомнилось, как он читал лекции по историографии. Именно с нашего курса началось преподавание новой дисциплины «Количественные методы в исторических исследованиях». В те годы ещё не было учебника, и занятия проводились по фундаментальной монографии И.Д. Ковальченко и Л.В. Милова «Всероссийский аграрный рынок. XVIII — начало XX века. Опыт количественного анализа». Она поражала воображение неопытных студентов своей масштабностью, оригинальностью в постановке исследовательских задач, подходом к изучению исторического материала и неординарной интерпретацией полученных результатов.

Знаковой стала и коллективная монография «Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма», вышедшая под редакцией И.Д. Ковальченко в 1979 г. Для того времени это был прорыв: авторы (В.И. Бовыкин, С.В. Воронкова, А.Г. Голиков и др.) разъясняли, в чём заключаются задачи анализа массовых источников, какова их специфика и как она влияет на пути решения неоднозначных проблем экономической истории¹⁸. В этой книге Иван Дмитриевич осветил теоретические аспекты изучения статистических материалов. Впервые в отечественной историографии не только была представлена характеристика всего массива статистических источников по истории российской промышленности и рабочего класса, аграрного сектора экономики, а также рынка второй половины XIX — начала XX в., но и обобщался опыт работы исследователей с этими документами.

¹⁸ Желая установить научный контакт с видным американским историком-экономистом Полом Грегори, Бовыкин отправил эту книгу в Хьюстонский университет. Грегори откликнулся без промедления, прислав в знак благодарности свою монографию «Русский национальный доход, 1913 г.».

В 1970—1980-е гг. применение методов математической статистики было достаточно редким явлением, и часть историков встретила их в штыки. Ковальченко много сделал для популяризации этого направления и стал, по сути, его основателем в Советском Союзе. На кафедре он организовал методологический семинар, который были обязаны посещать аспиранты, выступавшие на нём со своими докладами. Тут собирались и делились результатами своих клиометрических исследований учёные и преподаватели со всей Москвы. Так воспитывалось новое поколение историков-экономистов и квантификаторов, а историческая общественность знакомилась с увлекательными возможностями использования математической статистики. Ковальченко основал также Комиссию по применению количественных методов в исторических исследованиях при Отделении истории АН СССР. В течение 12 лет, с 1978 по 1990 г., он являлся членом Исполнительного комитета Международной Ассоциации экономической истории, в котором всегда были сильны позиции учёных-клиометриков, а в 1982 г. стал сопредседателем Международной комиссии по квантитативной истории. Следует заметить, что он относился к числу немногих советских историков, кого очень высоко ценили как исследователя за рубежом.

Ковальченко, любя и понимая математику, почитал историю как науку. Отмечая неразрывную связь традиционных и статистических подходов к изучению прошлого, он писал: «Сильная сторона описательных методов — их конкретность и образность, а количественных — глубина и точность. Эти методы не противостоят один другому, а дополняют друг друга. Поэтому неправомерна абсолютизация того или иного из них и их противопоставление». Иван Дмитриевич был убеждён и убеждал историческое сообщество в том, «что и описательные, и количественные методы являются лишь основой для качественного, содержательного анализа и только в сочетании с ним приводят к раскрытию внутренней сущности явлений и процессов исторического развития, т.е. к решению главной задачи исторического, как и всякого другого, исследования»¹⁹. Эти идеи получили развитие в книге «Методы исторического исследования», ставшей своеобразным научным завещанием будущим поколениям историков²⁰.

Публикацию подготовили М.Г. Вандалковская и Д.Г. Дитяткин

¹⁹ Ковальченко И.Д. Методологические проблемы применения количественных методов в исторической науке // Количественные методы в исторических исследованиях. Учебное пособие для вузов по специальности «История» / Под ред. И.Д. Ковальченко. М., 1984. С. 22, 23.

²⁰ Бовыкин В.И. Восхождение к истине // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1997. № 3. С. 13—14.

Некоторые размышления по поводу шестидесятилетия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы

Елена Швейковская

Some reflections on the sixtieth anniversary of the Symposium on the agricultural history of Eastern Europe

Elena Shveikovskaya

(Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870004229-2

Во второй половине 1950-х гг. менялась политическая обстановка в стране, начались изменения в разных сферах общественной, культурной и научной жизни. Обновление не обошло и историческую науку. В ней появились новые институты, значимые для совершенствования исследований по истории России. В 1956 г. по инициативе академика М.Н. Тихомирова и под его председательством при Отделении истории АН СССР была организована, а точнее воссоздана Археографическая комиссия. В 1957 г. основан её печатный орган — «Археографический ежегодник». На тот же год пришёлся ещё один важный шаг, стимулировавший развитие истории России: был создан специальный журнал «История СССР». В следующем 1958 г. возник Всесоюзный симпозиум по аграрной истории Восточной Европы. В 1959 г. начал издаваться «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы», в котором публиковались статьи участников Симпозиума. Созданные почти одновременно, Археографическая комиссия и Симпозиум по аграрной истории с их фундаментальными изданиями, как и журнал по отечественной истории, прошли проверку на прочность историческим временем и действуют до сих пор.

Примечательно, что основатели Симпозиума являлись специалистами по разным периодам эпохи феодализма в России и странах Европы. Идея разностороннего исследования аграрной истории была инициирована выдающимися историками — академиками АН СССР Н.М. Дружининым и С.В. Сказкиным, В.К. Яцунским, а также эстонскими коллегами во главе с членом-корреспондентом АН СССР и академиком АН Эстонской ССР Х.Х. Круусом, Ю.Ю. Какком, поддержана и одобрена Отделением истории АН СССР. Оно поручило проект планируемой конференции разработать Комиссии по истории сельского хозяйства и крестьянства Института истории АН СССР совместно с Научным советом по проблеме генезиса капитализма при отделении истории АН СССР.

Комиссия была создана в 1949 г. академиком Б.Д. Грековым. В её образовании, по словам Н.А. Горской, реализовался возникший у Б.Д. Грекова и С.И. Вавилова замысел, который «должен был, хотя бы частично, послужить воплощению в жизнь погибшей мечты Николая Ивановича Вавилова»¹. План предполагал издание отдельных сборников, которые послужили бы основой

для обобщающего труда по истории земледелия в Европейской части России и его распространения на восток страны. Греков в 1950 и 1951 гг. инициировал организацию двух всесоюзных конференций по истории производительных сил в земледелии и издание двух томов «Материалов по истории земледелия СССР» (М.; Л., 1952, 1956). Именно эта деятельность учёного, по мнению Горской, стала прологом «другого начинания, развернувшегося с конца 1950-х годов», а именно «создания регулярного форума историков-аграрников — Симпозиума по изучению проблем аграрной истории»². Напомню, Н.А. Горская — последняя аспирантка академика Грекова, известный специалист по социально-экономической и аграрной истории России раннего Нового времени. Её научная деятельность на протяжении многих лет с 1960 по 2004 г. была связана с Симпозиумом по аграрной истории. Заслуживает внимания её последняя книга «Русская феодальная деревня в историографии XX века», в которой оценена роль Симпозиума в исследовании разных вопросов аграрной и социальной истории.

Итак, первая конференция, с которой ведет отчёт активная работа Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы, состоялась в декабре 1958 г. в Таллине. Удачный опыт нового научного начинания убедил руководство в целесообразности продолжения его работы в дальнейшем. Организаторы исходили из убеждения о значимой роли крестьянства в истории, так как оно составляло самую многочисленную часть населения средневековых обществ и создавало в течение многих столетий материальный и духовный фундамент культуры.

Проблемы, обсуждавшиеся на первых сессиях Симпозиума, хронологически относились к периоду XVI—XIX вв., затем он углубился до древнейших времён. Ограничение хронологии концом XIX — началом XX в. идеологически понятно. Только с 1965 г. начала работать секция «История сельского хозяйства и крестьянства СССР». Общая хронология, рассматривавшихся на сессиях проблем значительно расширилась и стала охватывать X—XX вв., а в настоящее время включает и второе десятилетие XXI в.

Бюро Отделения истории АН СССР в 1975 г. утвердило Симпозиум в качестве постоянно действующего и координирующего Всесоюзного центра по изучению аграрной истории. В 1991 г. Симпозиум был реорганизован в Научный совет по проблемам аграрной истории Восточной Европы при Отделении историко-филологических наук. Сессии Симпозиума с 1958 по 1972 г. проводились ежегодно (кроме 1967 г.) при участии республиканских Академий наук совместно с ведущими университетами и педвузами страны, а с 1974 г. — один раз в два года. Такой же порядок созыва его сессий сохраняется по настоящее время.

Долговременная продуктивная работа Симпозиума — во многом заслуга его Оргкомитета. В его состав в разное время входили выдающиеся историки, а председателями Оргкомитета последовательно являлись академики С.Д. Сказкин, Ю.В. Бромлей, В.Л. Янин, И.Д. Ковальченко, Л.В. Милов, член-корреспонденты В.И. Шунков, В.Т. Пашуто.

Стоит сказать несколько слов о руководителях Симпозиума 1980—1990-х гг. И.Д. Ковальченко участвовал уже в первой Таллиннской сессии симпозиума 1958 г. и руководил им как председатель Оргкомитета с 1982 по 1989 г.; Л.В. Милов, принимая участие в работе Симпозиума с 1961 г., возглавлял

² Горская Н.А. Русская феодальная деревня в историографии XX века. М., 2006. С. 107—108.

Научный совет по проблемам аграрной истории Восточной Европы при Отделении историко-филологических наук РАН и Оргкомитет Симпозиума с 1991 по 2007 г. Интересно, что оба историка начали своё восхождение на вершины исторической науки с исследования Экономических примечаний к Генеральному межеванию второй половины XVIII в. — начала XIX в.: Ковальченко обратился к ним под влиянием Н.Л. Рубинштейна, будучи ещё студентом второго-третьего курса истфака Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова и потом в аспирантуре под руководством С.С. Дмитриева, а Л.В. Милов — в аспирантский период как ученик академика М.Н. Тихомирова. Ориентация двух исследователей их руководителями на изучение названного выше источника, по-моему, симптоматична. Она свидетельствует о назревшей к тому времени необходимости углублённого освоения и осмысления этого многоаспектного документального комплекса в источниковедческом, эмпирическом и общественно-историческом планах.

Оба историка, став единомышленниками в понимании и оценке проблемы генезиса капитализма и формирования аграрного рынка, сотрудничали в журнале «История СССР»: Ковальченко с 1969 по 1988 г. был его главным редактором, а Милов в 1966—1975 гг. — заместителем главного редактора и членом редколлегии. В редакции журнала работала и Н.А. Горская. Она с 1957 г. в течение 13 лет заведовала отделом истории с древнейших времён до начала XVIII в.³ Ей, ученице Б.Д. Грекова, после окончания аспирантуры в 1955 г. не нашлось места в секторе истории СССР периода феодализма Института истории АН СССР. Её Учителя в условиях политизированного наступления на историческую науку после XIX съезда партии (октябрь 1952 г.) обвиняли в отходе от актуальных проблем, в подборе кадров, марксистски слабо подготовленных, в засоренности Института «политически сомнительными» сотрудниками⁴.

Итак, в период с 1958 по 1990 г. состоялось 22 сессии Симпозиума по аграрной истории. Необходимо подчеркнуть, что не сразу выработался принцип вынесения на обсуждение каждой сессии одной проблемы, общей для всех хронологических периодов. Он реализовался примерно с середины 1970-х гг. и успешно действует по настоящее время, способствуя сквозному исследованию главной проблемы на материале различных эпох.

Историографический анализ материала, опубликованного в томах Ежегодника по аграрной истории Восточной Европы, позволил выявить и обобщить наиболее важные из проблем, которые на протяжении тридцатилетнего периода обсуждались на разных сессиях в качестве общих сквозных или секционных. 1) Сущность и эволюция феодальной земельной собственности, её конкретные проявления и типология в сравнительно-региональном аспекте. 2) Эксплуатация крестьян и их закрепощение: причины, распространение и региональные особенности, роль барщины в этом процессе, положение категорий крестьян при разных формах феодальной ренты в XVI—XIX вв. и др. Практически постоянно (до начала 1990-х гг.) на сессиях Симпозиума присутствовала тема о состоянии и доходности помещичьего и крестьянского хозяйства в период кризиса крепостнической системы. 3) Генезис капитализма в сельском хозяйстве — наиболее активно обсуждаемая тема в 1960 — начале 1970-х гг. Вопросы иму-

³ О роли Н.А. Горской в становлении журнала см.: Шмидт С.О. Н.А. Горская и начало журнала «История СССР» // Образы аграрной России. Памяти Натальи Александровны Горской. М., 2013. С. 27—31.

⁴ См. об этом: Горская Н.А. Борис Дмитриевич Греков. С. 176—179.

щественной и социальной дифференциации крестьян, которая по-разному проявлялась на разных хронологических отрезках XVII—XIX вв., дискутировались особенно бурно. Интенсивность расслоения крестьян рассматривалась в тесной увязке с изучением их социальной структуры. Обозначились разные точки зрения на степень дифференциации крестьян в XVII—XVIII вв. и на квалификацию её как буржуазного расслоения задолго до пореформенного периода (Н.В. Устюгов, А.А. Преображенский, Ю.А. Тихонов, Е.И. Индова, с одной стороны, и А.Л. Шапиро, В.К. Яцунский, И.Д. Ковальченко, Л.В. Милов, с другой). Становление капиталистических отношений в сельском хозяйстве увязывалось с развитием рынка. Степень и глубина проникновения рыночных отношений в аграрное производство вызвали большой интерес и бурные споры.

4) Разложение и кризис феодально-крепостнической системы, особенно в первой половине XIX в., установление степени глубины этого процесса, затронувшего поместье как базовую социально-экономическую ячейку. Подчёркивалась необходимость выработки комплексной концепции о кризисе для выяснения значения капиталистических элементов в крепостнической товарной структуре и распознавания капиталистических форм в феодальном обличье и феодальных в капиталистическом.

5) Разные аспекты антифеодальной и национальной борьбы крестьян, обсуждаемые в большей или меньшей степени практически на всех сессиях.

Приоритетными в 1960—1970-х гг. считались темы о сущности и эволюции феодальной земельной собственности, особенностях закрепощения крестьян, о генезисе капитализма в сельском хозяйстве, социальном расслоении деревни, о классовой борьбе крестьян. Однако к 1990 г. проблематика сессий Симпозиума постепенно освобождалась от формационно-ориентированных и теоретико-методологических установок в трактовке социально-экономических отношений. Исследовательские штудии всё больше велись в направлении конкретных аграрных вопросов, таких как производительные силы в сельском хозяйстве; структуры аграрного общества — община, кооперация; география земледельческих культур, их урожайность, товарность; складывание и функционирование аграрного рынка. Предметом изучения становились сельскохозяйственные орудия и их совершенствование, эволюция систем земледелия.

Своеобразным рубежом, хотя до некоторой степени формальным, между этапами советской и постсоветской историографии аграрной истории стала XXIII сессия Симпозиума. Она готовилась в течение 1990—1991 гг. совместно с Институтом истории и археологии УрО АН СССР и состоялась в Екатеринбурге в сентябре 1991 г. На ней специально обсуждалась проблема «Аграрный рынок в его историческом развитии» и отчётливо проявились иные точки зрения по ряду вопросов истории сельского хозяйства и крестьянства советского периода, чем догматические, доминировавшие ранее. К ним относятся темы о государственном регулировании рыночных связей и политике цен на хлебно-зерновые и другие сельскохозяйственные продукты в условиях нэпа, соотношении плана и рынка в годы коллективизации, о директивном вмешательстве государства в аграрные отношения в 1917—1940-х гг. Совершающуюся трансформацию Л.В. Милов отразил в предисловии к сборнику по итогам сессии, вышедшем в 1996 г.: «Необходимо отметить, что исследования по аграрной истории советского периода носят вполне объективный, а подчас и остро критический характер»⁵.

⁵ Аграрный рынок в историческом развитии. Екатеринбург, 1996. С. 5.

Регулярность проведения сессий Симпозиума нарушилась в начале 1990-х гг. Очередная XXIV сессия прошла в 1994 г. в Москве, и на ней характеризовались формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование. С XXV сессии 1996 г. в Арзамасе по проблеме «Аграрные технологии в России IX—XX вв.» Симпозиум прочно встал на ноги и по настоящее время регулярно проводит свои совещания в чётные годы. С 1994 по 2018 г. проведено 13 сессий, опубликовано 13 выпусков «Тезисов» и 13 томов «Ежегодников».

Я сосредоточусь на нескольких наиболее важных проблемах, которые рассматривались на сессиях постсоветского периода, тем более что тематика некоторых сессий Симпозиума получила освещение в печати⁶. Углублённое исследование производительных сил в сельском хозяйстве проявилось в сквозных темах сессий 1990-х гг. (XXIV, 1994 г., Москва; XXV, 1996 г., Арзамас; XXVI, 1998 г., Тамбов; XXVIII, 2002 г., Калуга; XXIX, 2004 г., Орёл; XXX, 2006 г., Тула). На них рассматривались темы о формах сельскохозяйственного производства и воздействие на них государства, о сельском расселении, об особенностях аграрных технологий, об экологии и инфраструктуре сельского хозяйства, о неzemледельческих занятиях крестьян⁷.

Так, темы о землевладении на разных этапах развития и при неодинаковых уровнях аграрной экономики в их увязке с вопросами собственности неоднократно присутствовали на сессиях Симпозиума. На Калужской сессии 2002 г. проблемы землевладения и землепользования характеризовались в социально-правовом аспекте, новом в практике симпозиума. Пристальное внимание к таким ключевым и внутренне неразрывно связанным темам в рамках большой проблемы дало возможность выявить особенные и общие в своей преемственности качества и трансформации, которые совершались как во временном и в региональном пространствах, так и в социально противостоящих стратах и сообществах.

Проблема расслоения крестьян получила новое звучание после долгого перерыва (почти в 16 лет) на Вологодской XXVII сессии 2000 г. Впервые более чем за 40-летнюю работу Симпозиум обратился к теме о зажиточном крестьянстве в качестве самостоятельной и применительно к разным этапам общественного развития России, оно было выдвинуто на первый план в качестве самостоятельного объекта исследования. Участники сосредоточили внимание на выяснении критериев зажиточности в условиях земледельческого и зернового, по преимуществу, хозяйства, на определении экономической мощности зажиточного крестьянства при традиционной аграрной экономике с её производственными ресурсами в разные периоды. Так, для историков периода до XVIII в. ведущим был вопрос о критериях зажиточности и тех хозяйственных параметрах, от которых она зависела. Установление «зажиточных хозяйств» для этого времени сильно затруднено из-за скудости источников. Исследователи деревни второй

⁶ Проблемы социально-экономической истории в работе Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (1958—2003 гг.) // Отечественная история. 2003. № 6; К пятидесятилетию Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография, методы исследования и методология, опыт и перспективы. Кн. 1. Вологда, 2009.

⁷ Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование. М., 1995; Аграрные технологии в России IX—XX вв. Арзамас, 1999; Особенности российского земледелия и проблемы расселения IX—XX вв. Тамбов, 1999; Землевладение и землепользование в России (социально-правовые аспекты). Калуга, 2003; Динамика и темпы аграрного развития России: инфраструктура и рынок. Орёл, 2006.

половины XIX — начала XX в. характеризовали разные стороны зажиточности крестьян в период столыпинской реформы, судьбы «фермерских» хозяйств в разных регионах. Вопросы приспособления и выживания зажиточного хозяйства в 1917—1920 гг., в периоды нэпа и коллективизации, реалии, определявшие зажиточность колхозного крестьянства, судьбы фермерского хозяйства в 1990-х гг. активно дебатировались специалистами.

Заслуживает специального внимания XXXII сессия 2010 г. в Рязани, посвящённая источникам и методам их исследования в аграрной истории⁸. Важно, что уже на первой сессии Симпозиума К.В. Сивков, И.Д. Ковальченко, Н.В. Устюгов М.Т. Белявский и другие выступавшие поднимали источниковедческие вопросы. Было высказано мнение о необходимости выявления и публикации массовых источников, углублённого и критического анализа их сведений, а также привлечения топонимических и других не прямых данных, относящихся к аграрным сюжетам. Подчеркну, что сессии 1990-х — 2018 гг. вообще отличает повышенное внимание к разнородным источникам. Однако эта наиважнейшая тема, относящаяся к исследовательскому арсеналу всех историков, специально никогда не была ключевым предметом разговора на Симпозиуме. Впервые она была поставлена как раз на рязанской сессии. Ведь вопросы источниковедческого анализа актуальны как для известных, но мало привлекаемых источников, так и для новых их видов, вводимых в изучение.

Особенно остро этот вопрос стоит для исследований о судьбах российской деревни XX в., так как открываются недоступные прежде архивные фонды, включаются в исследования массивы ранее засекреченных документов. Специалисты по советскому периоду анализировали источники различных видов за разные периоды XX в., например, сельскохозяйственные переписи конца 1910-х — 1920-х гг. в сопоставлении с показателями бюджетных обследований крестьянских хозяйств, что позволило скорректировать статистическую динамику изменений крестьянских посевных площадей 1920-х гг.; оценивали репрезентативность данных сельскохозяйственной статистики о миграции населения, полноту и достоверность бюджетных обследований крестьянских хозяйств. В том же ракурсе характеризовались рассекреченные источники, опубликованные в многотомных изданиях: «Трагедия советской деревни» и «Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД», статистические материалы о голоде 1932—1933 гг. для оценки демографических потерь сельского населения, такие разновидности как крестьянские «письма во власть», информативные документы, фиксировавшие слухи, аудиовизуальные источники.

Специалисты по истории второй половины XIX в. сконцентрировались на материалах земской статистики конца XIX в. В этом, я бы сказала, многоликом разряде источников М.Д. Карпачёв выделил 3 основные группы, отличающиеся по своей типологии: 1) единовременные подворные переписи крестьянских и частновладельческих хозяйств, полученные экспедиционным путем; 2) текущая статистика по посевам, урожайности и сбору главных культур, по поголовью скота; 3) данные эпизодических, выборочных и повторяющихся бюджетных хозяйственных обследований. Разноуровневые документы рассматривались сквозь призму репрезентативности и полноты содержания, степени достоверности тех показателей, которые извлекаются из статистических сведений.

⁸ Актуальные проблемы аграрной истории X—XXI вв.: Источники и методы исследования. Рязань, 2012.

Хочу заострить внимание на тенденции, которая проявилась на сессии в Рязани и отразила состояние источниковедческих приёмов, использовавшихся при работе с источниками разных хронологических эпох. Специалисты по советскому и постсоветскому периодам сконцентрировались на документах, ставших доступными сравнительно недавно, а по второй половине XIX — началу XX в. — на известных, но слабо изученных. Исследователи же XV — первой половины XIX в. имеют дело с источниками, видовая и типологическая принадлежность которых в основном определены. Учёные, особенно изучающие более или менее массовые материалы XVI—XVIII вв., совершенствуют исследовательские приёмы при извлечении и обработке источниковой информации, обращаясь к новым эффективным методикам. Среди них корреляционный анализ, примененный для характеристики, например, землевладения правящей элиты XVIII в., метод электронного картографирования. Использование геоинформационных систем (т.е. специальных программ) позволяет совмещать и сопоставлять данные таких разнородных и разновременных источников, как археологический материал, акты феодального землевладения конца XV—XVI в., сведения писцовых книг XVII в. и Экономических примечаний к Генеральному межеванию второй половины XVIII в. для локализации и картографирования административных границ уездов, станов, волостей. Использование подобных технологий даёт новое и более совершенное представление о поселенческой структуре, хозяйственном ареале, степени освоения земель, установления качества почв в разных регионах средневековой Руси и России.

Резюмируя результаты работы XXXII источниковедческой сессии Симпозиума, важно зафиксировать следующее. В центре внимания докладчиков находились разновидности и типы одного вида источников как в их отдельной, так и совокупной характеристике; один из видов источников с включением первичных документов, служащих его основой; разные виды источников, нацеленные на раскрытие одной темы; один вид или тип источника с содержательно сопутствующими ему иными документами. Были продемонстрированы практически все приёмы анализа источников при рассмотрении того или иного вопроса — полнота, репрезентативность, достоверность сведений и т.д.; обозначены методики в изучении отдельных видов источников, в том числе вновь вводимых в науку; реализованы новые подходы к анализу известных источниковых типов; обращено внимание на источники, несущие как бы негативную информацию и потому находившиеся ранее вне поля зрения учёных.

Мне кажется важной мемориальная составляющая в деятельности Симпозиума. С 2008 г. на сессиях практически регулярно присутствует историографическая тема о наследии и вкладе известных историков — организаторов и участников Симпозиума под общей рубрикой «Симпозиум по аграрной истории Восточной Европы в лицах». Доклады и статьи в повестках сессий свидетельствуют о глубоком уважении к учёным, основателям и активным организаторам сессий, а также к их масштабному вкладу в исследование фундаментальных проблем аграрной и социально-экономической истории России в разные периоды её эволюции. Подобные выступления вызывают неподдельный интерес присутствующих. Так, на юбилейной вологодской сессии 2008 г., посвящённой актуальным проблемам историографии, методологии, методам исследования состоялись доклады о руководителях Симпозиума: Н.В. Козловой об академике Л.В. Милове, Э.Г. Истоминой о В.К. Яцунском, В.Д. Назарова о Н.А. Горской, А.И. Комисаренко о Н.В. Устюгове, Т. Шанина о

В.П. Данилове, В.И. Зайдинера и С.А. Ковыневой о И.Е. Зеленине. На XXXII сессии 2010 г. в Рязани прозвучали доклады И.С. Филиппова об академике С.Д. Сказкине, Е.Н. Швейковской о В.А. Александрове. К.М. Ячменихин и Т.Н. Кандаурова оценили вклад одного из старейших участников (с 1959 по 2002 гг.) симпозиума В.А. Фёдорова в развитие аграрной истории России первой половины XIX в. И.Н. Слепнев показал роль А.М. Анфимова, руководившего на протяжении 1960—1980-х гг. секцией второй половины XIX в. На этой же сессии А.И. Комиссаренко доложил об участии в сессиях 1960—1970-х гг. А.А. Преображенского и его позиции раннего генезиса капиталистических отношений с XVII в. На следующей XXXIII сессии 2012 г. в Брянске А.И. Комиссаренко сообщил об Е.И. Индовой, которая являлась членом Оргкомитета и была сопредседателем секции истории XVIII в., участвовала в организации и деятельности ряда региональных историко-аграрных объединений. Е.Н. Швейковская на XXXIV сессии 2014 г. в Самаре посвятила свой пленарный доклад академику Н.Н. Покровскому, многогранному учёному второй половины XX — начала XXI в. — историку, археографу, источниковеду. Выступления этого направления характеризуют роль Симпозиума по аграрной истории как значимой институции в развитии проблемного и персонифицированного аспектов отечественной историографии.

«Сшел в Сибирь»: миграция населения яренской вотчины Вологодского архиерейского дома в XVII в.

Никита Башнин

**«Came down in Siberia»: the migration of the population
of Yarensky patrimony of the Vologda Archbishop's house in the 17th century**
*Nikita Bashnin (Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of
Sciences; I.E. Repin Saint Petersburg State Academic Institute of Painting,
Sculpture and Architecture)*

DOI: 10.31857/S086956870004230-4

Проблема колонизации и миграции в Русском государстве находится в центре внимания историков со второй половины XIX в. (В.О. Ключевский, Н.А. Рожков, М.К. Любавский, Ю.В. Готье, А.Н. Насонов, С.В. Бахрушин, Л.И. Ивина, Ю.С. Васильев, Н.А. Макаров). Проанализировав широкий пласт научной литературы XX в., Н.А. Горская отметила, что «проблема миграций для России XVI—XVII вв. приобрела в историографии особо актуальный характер. В её постановке и решении ярко проявлялась связь демографических и экономических процессов»¹.

В 1946 г. В.И. Шунков первым поставил проблему крестьянской колонизации Сибири. Историк пришёл к выводу, что успешное освоение Зауралья — это заслуга крестьян, создавших сибирскую пашню и тем самым решивших проблему снабжения служилых и промысловых людей хлебом, а население Тобольского, Тюменского, Верхотурского, Туринского уездов к концу XVII в. было преимущественно крестьянским². Шунков проанализировал переписные книги 1669 и 1695 гг. нескольких сибирских поселений и отметил, что «центральное место и по количеству названий городов, и по количеству выходцев несомненно занимают уезды Поморья»³. В.А. Александров подсчитал, что в Енисейском уезде из общего числа учтённых переселенцев доля северного крестьянства в течение XVII в. колебалась от 74,6 до 91,7%⁴. А.А. Преображенский установил, что родиной большинства первых жителей Кунгурского уезда было Поморье, а в конце XVII в. в этом регионе Урала собирались беглые поморские крестьяне⁵. В.П. Червяков показал, что большинство переселенцев из Соли-

© 2019 г. Н.В. Башнин

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 18-78-00108).

¹ Горская Н.А. Русская феодальная деревня в историографии XX века. М., 2006. С. 41.

² Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII века // Шунков В.И. Вопросы аграрной истории России. М., 1974. С. 27.

³ Там же. С. 59.

⁴ Александров В.А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский уезд). М., 1964. С. 143—144.

⁵ Преображенский А.А. Очерки колонизации Западного Урала в XVII — начале XVIII в. М., 1956. С. 57—63, 71—88.

камского уезда уходили в Сибирь, пик миграции пришёлся на 1680—1690-е гг. Приходили в Соликамский уезд из центральных районов Поморья⁶.

П.А. Колесников считал, что в конце XVI—XVII в. крестьяне, мигрировавшие через Поморье, способствовали не только возникновению новых поселений, но и, продолжая двигаться дальше, «подхватывали» с собой пришлый люд и старожилов⁷. В.А. Оборин отметил, что в Приуралье в первой четверти XVII в. в шесть раз возросла численность населения по сравнению с последней четвертью XVI в., в Зауралье в три раза, при этом «прихожие» жители происходили в основном из Центрального Поморья⁸. Краткий обзор историографии показывает, что учёными уже выяснено значение северного крестьянства в процессе колонизации и освоения Сибири, однако эти выводы в основном сделаны на материалах массовых источников (дозорные, писцовые и переписные книги, ландратские переписи, таможенные книги) и дают общую картину движения людских масс.

В настоящей статье поставлена проблема изучения миграции северного крестьянства по материалам Вологодского архиерейского дома до и после принятия Уложения 1649 г. Одна из архиерейских вотчин находилась в Яренском уезде при впадении р. Вымь в Вычегду. С.В. Бахрушин собрал сведения о средневековых путях в Сибирь, показав, что «черезкаменный» путь начинался с рек Юг и Сухона, от Устюга шёл вверх по Вычегде до впадения в неё реки Вымь, затем вверх по Выми и по её притокам Тетере (Шом-Вуква) и Говнюхе, далее «Вымским волоком» на Ухту, Ижму и в Печору⁹. Историк отметил, что «расположенная на границах путей с Вычегды на Печору», Пермская епархия в течение всего XV в. носила «своеобразный характер полусветской-полудуховной пограничной марки»¹⁰.

В 1380 г. будущий пермский епископ Стефан «водворился» на месте Усть-Вымь (при впадении р. Вымь в Вычегду), построил себе келью и устроил «дом молитвенный». После конфликта с местным языческим населением началось строительство будущего владычного городка. По указанию миссионера «пермяне» «начаше гору того (Стефана Пермского. — *Н.Б.*) устроить, осыпати, делаяще и три рвы ископаша и устроиша гору того вельмы красну»¹¹.

В 1383 г. Стефан Пермский ходил в Москву к митрополиту Пимену и великому князю Дмитрию Ивановичу «новокрещеннии пермяки епискупа про-

⁶ *Червяков В.П.* Миграция населения в Русском государстве в XVII — первой четверти XVIII века: По материалам Соликамского уезда // *Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вып. 1. Вологда, 1970. С. 95.* М.М. Богословский подсчитал, что население Соликамского уезда за XVII в. увеличилось в четыре раза. По мнению учёного, увеличение населения произошло «благодаря колонизации» и естественному приросту, что «покрывало отлив населения» к востоку (*Богословский М.М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. I. М., 1909. С. 130).

⁷ *Колесников П.А.* Миграция северного крестьянства в XVI — начале XVIII в. // *Материалы по истории Европейского Севера СССР... Вып. 1. С. 358.* См. также: *Колесников П.А.* Писцовые и переписные книги как источники для изучения миграции поморского населения в XVI — начале XVIII в. // Там же. С. 182—196.

⁸ *Оборин В.А.* Роль крестьянства северных районов Поморья в освоении Урала в XVI—XVII вв. // *Аграрные отношения и история крестьянства Европейского Севера России (до 1917 г.). Сыктывкар, 1981. С. 89—86.*

⁹ *Бахрушин С.В.* Вопросы колонизации Сибири в XVI—XVII вв. // *Бахрушин С.В.* Научные труды. Т. 3. Ч. 1. М., 1955. С. 72.

¹⁰ Там же. С. 75.

¹¹ Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись / Публ. П.Г. Доронина // *Историко-филологический сборник. Вып. 4. Сыктывкар, 1958. С. 259.*

сити». Епископом в новообразованной епархии назначили самого просителя¹². После возвращения из столицы в 1384 г. Стефан закончил устройство владычного городка: «Создана бысть обитель его болшая, потом епискупия Усть-Выми на владычном горотке», и воздвиг «большой соборный храм Благовещения Пресвяты Богородицы и другой меньшей храм монастырской архистратига Михаила, да монастырские же и на Вотче, и на Еренском горотке, поставил игумены, и попы, и дьяконы в оных»¹³. Из этих летописных сообщений следует, что было произведено строительство укрепленного поселения, ставшего церковно-административным центром и выполнявшего функции оборонительного сооружения.

С.В. Бахрушин подчеркнул исключительное положение пермского владыки: единственный защитник христианского населения от натиска язычников; посредник между кодскими, вымскими князьями и великим князем московским. Таким образом, из владычного Усть-Вымского города «подготавливалось мирное завоевание Зауралья»; одновременно Вымь была «исходным пунктом военных экспедиций». После присоединения Новгорода в руках Москвы оказался весь Печорский путь в Сибирь, однако в XVI в. с завоеванием Казани открылись Камские пути для покорения Зауралья. По мнению Бахрушина, Печорский путь в XVI—XVII вв. стал «обычной дорогой», по которой «шло очень большое движение за Урал»¹⁴.

Учёный показал, что этот путь был трудным и опасным, он шёл по безлюдным пространствам и «тесным рекам», где передвигались только на небольших лодках — «обласах». Вот характеристика дороги из документа 1630 г.: «А из Носового до Ижемской слободки дорога прохоящая, не жилая людми, пустое место недели на 3 и на 4 ходу и больши... а у Ижемской слободки до Выми и до Турьи тоже пустое место, безлюдное, недели на 2 ходу и больши, тесными речками»¹⁵. Самой трудной и опасной частью дороги был перевал через Урал — «место пустое», «а жилецких людей на Камени нет»¹⁶. Существовали и другие пути в Сибирь: Чердынский (р. Камой через Чердынь в р. Лозьву); Чусовский (через владения Строгановых по р. Чусовой); Верхотурский (Соликамск—Яйва—Ростес¹⁷—Ляля—Мостовая—Тура)¹⁸. При путешествии из Москвы

¹² Там же; ПСРЛ. Т. 11. М., 1965. С. 82.

¹³ Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихневская) летопись. С. 259.

¹⁴ Бахрушин С.В. Указ. соч. С. 76, 77.

¹⁵ Цит. по: Там же. С. 84—85, примеч. 73.

¹⁶ Там же. С. 85.

¹⁷ В 1684 г. верхотурский воевода Михаил Толстой получил грамоту из Сибирского приказа, где есть сведения о населённых пунктах и дороге: «В прошлых давних годах по Сибирской дороге на Верхотурском волоку, опречь Ростесу, иных никаких русских деревень не было», «белым и никаким прохожим людем проходить было нельзя, потому что на том Верхотурском волоку по Сибирской дороге было все пусто и нигде тем прохожим и беглым людем пристанища не было. А на Ростесе деревня построена для бродовщиков зимней дороги». Однако ситуация изменилась, и в Москве «ведомо учинилось», что на Верхотурском волоке «поселились многие деревни, а какова чину люди и по какому указу селятца, того в Сибирском приказе не ведомо». В связи с этим новых поселенцев следовало переписать и прислать в столицу переписные книги (Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею (далее — ДАИ). Т. 11. СПб., 1869. № 95. С. 258).

¹⁸ Бахрушин С.В. Указ. соч. С. 94—105. Из грамоты царя Василия Шуйского от 31 декабря 1607 г. в Соль Вычегодскую известно об обязанности вычегодцев посылать хлебные запасы в Сибирь: «А денег им с собою на Верхотурье на хлебную покупку возити не велено, потому что верхотурские жилецкие люди продают им хлебные запасы, мешая с камением и с песком воровством». Ввиду плохой дороги, сольвычегодцам разрешили не везти, а покупать хлеб на Вятке, в Соли Камской и в Перми Великой: «С Соли до Верхотурья тысяча семсот верст, и место-де лесно и гористо, под-

в Сибирь следовало ехать через Вологду, объезжать её разрешили только с 1713 г. (с Шуйского яма на р. Сухоне к Обнорскому яму)¹⁹. Все названные пути в XV—XVII вв. проходили по р. Вычегде, а значит пролегали вблизи яренской вотчины Вологодского дома св. Софии, жители которой, несомненно, встречались с участниками торговых и промысловых экспедиций, а также с переселенцами, шедшими и плывшими этими дорогами и реками.

В конце XVI — начале XVII в. государство поддерживало добровольное переселение в Сибирь. Из отписки верхотурских воевод Ивана Еропкина и Ивана Селетцына 1637 г. становится известно о грамотах в поморские города к воеводам и приказным людям о призыве «в Сибирь, на Верхотурье, в пашенные крестьяне из волных из охочих людей». Крестьян следовало присылать «с женами, и с детьми, и со всеми их животы», но с условием: «изо всяких из волных людей, а не с тягла»²⁰. В 1645 г. верхотурский воевода Максим Стрешнев получил предписание «в поморские бы есте города с Верхотурья для крестьянского прибору без нашего указа никого не посылали, и с посадов и в уездах с пашен никаких тяглых и крепостных людей подговаривать и в Сибирь свозить не велели, чтоб от того наши поморские города и уезды не пустели»²¹. Однако в 1646/47 г. тобольский воевода Иван Салтыков сообщил туринскому воеводе кн. Петру Борятинскому, что в Москве «ведомо государю учинилося» об уходе из Устюга Великого, Соли Вычегодской, Перми Великой, Вятки, Кевролы и Мезени «с посадов и из уездов» в Сибирь посадских людей и многих пашенных крестьян «с тяглых своих жеребьев от хлебного недороду и от бедности с женами и с детьми». Однако ушедших в Сибирь не следовало высылать назад, а указано было перевести с архиерейских и монастырских вотчин и земель детей боярских и «устроить за государем в слободы». Как видим, источник зафиксировал борьбу за уже пришедших крестьян: «Никому у себя таких прихожих людей таить не велеть, чтоб в Сибири теми прихожими людьми посады и пашенные слободы наполнить»²².

В 1670 г. верхотурский воевода Фёдор Хрущёв получил царский указ, в котором сообщалось о жалобах воевод из Соли Камской и Устюга Великого о том, что к ним приезжают из Тобольска, Тюмени и Верхотурья «поморских городов беглые крестьяне, которые бежали в прошлых годах» с проезжими грамотами, выданными в Сибири. По этим документам «пахатные многие крестьяне в прошлых годах, покиня свои деревенские жеребья впусе, выехали сибирских городов в уезды и ныне едут». По мнению поморских воевод, от этого «учинилась великая пустота» и «четвертных денежных доходов и хлебных запасов взять не на ком»²³.

возные-де люди своим и конским кормом завестись и проняться не могут, и лошади у них назад не выходят, и ставитца-де им та воска тысяч по пяти и по шти рублей и болши» (Архив СПбИИ РАН, кол. 13, оп. 1, д. 83, сст. 1—2). Сохранились отписки более позднего времени об объёмах поставляемого из Соли Вычегодской в Верхотурье хлеба. 28 марта 1653 г. на Верхотурье хлебный целовальник Фёдор Козмин сын Дудников принял у извозчика Петра Прохорова сына Некрасова муки ржаной 53 четверти без пол-полчетверика; круп и толокна 7 четвертей с осминой, и с полуосминой, и пол-пол-полтретником. Эти продукты предназначались «сибирским служилым людем, и ружником, и оброчником на государево жалованье» (Там же, д. 104, сст. 1).

¹⁹ Бахрушин С.В. Указ. соч. С. 106, примеч. 184.

²⁰ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук. Т. 3. СПб., 1836. № 265. С. 405, 406.

²¹ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею (далее — АИ). Т. 4. СПб., 1851. № 3. С. 20.

²² ДАИ. Т. 3. № 14. С. 65, 66, 68.

²³ Там же. Т. 6. СПб., 1857. № 19. С. 111.

Из Верхотурья сообщили в Москву о том, что в 1670 г. «в розных месяцах и числах ехало мимо Верхотурья из русских розных городов — с Тотмы, с Устюга Великого, с Ваги, с Мезени, и от Соли Вычегодской, и с Яренского городка с Сысолы, и с Кайгородка по тобольским и тюменским проезжим тяглых людей с женами и с детьми две тысячи пятьдесят один человек». Для прекращения крестьянских миграций следовало «учинить заказ и заставы крепкие, чтоб впредь из русских городов и из уездов в сибирские города беглых крестьян однолично не пропускать, чтоб от того в поморских городах» денежные и хлебные подати «не стали». Крестьян, уже пришедших в Сибирь, тобольскому воеводе боярину кн. И.Б. Репнину указали выслать обратно²⁴. 1 апреля 1671 г. верхотурский воевода писал в Тобольск о том, что «всех поморских городов беглых крестьян, сыскав, высылать в русские города по-прежнему... и впредь никаких беглых людей и крестьян не принимать». Сыску подлежали крестьяне, жившие за митрополитом, монастырями и всяких чинов людьми, но осевших на государеву пашню следовало только переписать²⁵. Приведённые сведения из документов показывают непоследовательность правительственной политики в отношении переселения в Сибирь. Особо подчеркну, что крестьян, которые были «за государем», высылать обратно не требовали.

В.И. Шунков выяснил, что во второй половине XVII в. в Сибири начались сыск и высылка самовольных переселенцев, однако «сход» продолжался и в начале XVIII в., а «высылка, не давая результатов, не будучи отменена, почти не осуществлялась»²⁶. А.А. Преображенский на уральском материале также показал малоуспешность сыска выходцев из Поморья²⁷.

Обширная миграция поморских крестьян, исследованная в историографии и зафиксированная в источниках второй половины XVII в., противоречила нормам Уложения 1649 г.: в 1-й статье 11-й главы предписывалось крестьян «дворцовых сел и черных волостей», ушедших из своих деревень, «сыскивая, свозити в государевы дворцовыя села и в черныя волости на старые их жеребьи по писцовым книгам с женами, и с детьми, и со всеми их крестьянскими животы без урочных лет»²⁸. Во 2-й статье 11-й главы норма о возврате беглых крестьян от частных владельцев повторяется. А.Г. Маньков в связи с этим считал, что черносошные и частновладельческие крестьяне были в равной степени крепостными: «Уложение провозглашало закон о прикреплении черносошных крестьян к своим наделам наряду с прикреплением крестьян частновладельческих». Основанием для этого были писцовые книги, поданные после пожара 1626 г. (гл. 11, ст. 1). Круг закрепощённых родственников крестьян и бобылей включал в себя жён, детей (по писцовым книгам 1620-х гг.), братьев, племянников и внуков с жёнами и детьми (гл. 11, ст. 9). Маньков полагал, что Уложение 1649 г. «распространяло потомственную крепостную принадлежность по прямой нисходящей до четвёртого колена (правнуки) и по боковой нисходящей до третьего колена (дети племянников), включая жён и мужей»²⁹.

Однако А.И. Копанев показал, что хозяйственное и бытовое положение черносошных крестьян отличалось от частновладельческих: «Во-первых, кре-

²⁴ Там же.

²⁵ АИ. Т. 4. № 220. С. 475.

²⁶ Шунков В.И. Очерки по истории... С. 63.

²⁷ Преображенский А.А. Сыск беглых на Урале в 1671 г. // Из истории Урала. Свердловск, 1961. С. 89—90.

²⁸ Соборное уложение 1649 г. Текст. Комментарии. Л., 1987. С. 64.

²⁹ Маньков А.Г. Уложение 1649 г. Кодекс феодального права России. Л., 1980. С. 96, 97.

стьянин легко расставался со своей землей... нередко отчуждал свой надел, следовательно, не был крепок земле... Во-вторых, крестьянин оставлял свой надел с согласия общины... В-третьих, возвращение крестьян на свои места, несмотря на предписание правительства, было делом нереальным». В связи с этим историк заключил, что «экономические и социальные условия в Поморье сложились так, что правительство не смогло осуществить норму Уложения 1649 г. о прикреплении черносошных крестьян в полной мере»³⁰.

В свете высказанных в историографии точек зрения и приведённых сведений из документов обратимся к материалам Вологодского архиерейского дома. Вотчина епископов Пермских, а затем архиепископов Вологодских и Великопермских (с 1657 г. Вологодских и Белозерских) в «Вымских» землях, вероятно, возникла в конце XIV в. До нас дошли тексты двух жалованных грамот Ивана III от 1482/83 г. и от 19 ноября 1490 г. В этих документах земельные угодья епископа Пермского Филофея охарактеризованы как, «которые были наперед сего за владыками пермскими» или «которые земли были за передними владыками за пермскими»³¹. Эти формулировки позволяют предположить, что земельные пожалования кафедре произошли ещё во времена великого князя Дмитрия Ивановича.

Согласно наблюдениям Н.П. Воскобойниковой, писцовых книг Яренского уезда XVI в. не сохранилось, не известны и сотные выписи на архиерейскую вотчину этого столетия, хотя один документ упоминается в описи казны Вологодского Софийского дома 1756 г.: «7038 г. Список с Усть-Вымские сотные с книг письма Ивана Боброва с товарищи»³². Поэтому исследование этого земельного владения возможно только на основании кадастровых документов XVII в.: дозорной книги 1608 г., сотной выписи от 30 апреля 1649 г. с писцовых книг 1628—1629 гг. и переписных книг 1646 и 1678 гг.³³ Из упомянутых источников следует, что на протяжении XVII в. яренская вотчина Вологодского Софийского дома не претерпела территориальных изменений. Этот факт даёт возможность проследить историко-демографические процессы на сопоставимых территориях по нескольким хронологическим срезам.

Согласно дозорной книге 1608 г., в вотчине Вологодского архиерейского дома только один хозяин двора в 1596/97 г. «сбежал» в Вычегодский уезд и семь дворов запустело по причине смерти их хозяев (в 1591/92 г. умер один человек, 1596/97 г. — один, 1599/1600 г. — два, 1600/01 г. — один, в 1601/02 г. — один; смерть ещё одного не датирована)³⁴. П.А. Колесников, изучив дозорную книгу Яренского уезда 1608 г., отметил, что она показывает убыль населения с 1586 г. Согласно подсчётам учёного, «из 116 случаев, учтённых источником, в Сибирь

³⁰ *Копанев А.И.* Сельское население и расселение в Поморье. Подвине // *Аграрная история Северо-Запада России XVII века (население, землевладение, землепользование)*. Л., 1989. С. 43.

³¹ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 3. М., 1964. № 291, 291б. С. 307, 312.

³² *Опись казны Вологодского архиерейского дома 1756 г.* // *Летопись занятий Археографической комиссии*. 1864 г. Вып. 3. СПб., 1865. С. 125; *Воскобойникова Н.П.* Писцовые и переписные книги Яренского уезда XVI—XVII вв. как исторический источник // *Материалы по истории Европейского Севера СССР...* Вып. 1. С. 212—236; *Документы по истории народа коми. Писцовая и переписные книги Яренского уезда XVII в.* / Сост. Н.П. Воскобойникова, М.А. Мацук. Сыктывкар, 1985. С. 3—6; *Черкасова М.С.* Архивы вологодских монастырей и церквей XV—XVII вв.: исследование и опыт реконструкции. Вологда, 2012. С. 86.

³³ Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая — 17 июля 1610 г.). М., 1914. С. 292—297; *Документы по истории народа коми...* С. 20—26, 115—123, 292—303.

³⁴ Акты времени правления царя Василия Шуйского... С. 292—297.

ушло 47 или 40,5%, в Пермь, на Вятку, в “Верхкамье” — 41 или 35,3%, а всего — 75,8%. Отмечено ещё 20 человек, сошедших “безвестно”, а они, в основном, также уходили в восточном направлении. В замосковные города выход из этого уезда не отмечен, только один человек ушёл в северо-западное Поморье, на Двину»³⁵. В конце 1620-х гг. в архиерейской вотчине 124 двора числились живущими, и только один двор в деревне Конец Озерья был пустым³⁶. Таким образом, в первой трети XVII в. случаи миграции зафиксированы в регионе, но отсутствуют в вотчине Вологодского архиерейского дома. Однако в переписных книгах 1646 и 1678 г. появляются многочисленные записи о случаях ухода крестьян и бобылей в Сибирь, Вятку и другие регионы.

Переписную книгу Яренского уезда 1646 г. проанализировал на предмет миграции населения А.И. Копанев. Он составил таблицу, зафиксировавшую количество людей, умиравших и покидавших регион каждый год с 1631/32 до 1645/46 г.³⁷ В настоящей статье подобным образом обчислена только вотчина Вологодского архиерейского дома в Яренском уезде. Сведения об убыли населения сведены в таблицу 1, по своей форме аналогичную помещённой в «Аграрной истории Северо-Запада России XVII века».

Согласно моим подсчётам, в яренской вотчине Вологодского архиерейского дома в 1646 г. упомянут всего 471 человек. Из этого числа 347 (73,6%) людей на момент описания проживали в населённых пунктах. Отправились в Сибирь, Вятку, другие волости Яренского уезда и «сошли безвестно» 113 (24,1%) человек. Источник зафиксировал 11 (2,3%) смертей. Наибольший отток людей наблюдался на рубеже 1630—1640-х гг. Всего вотчина потеряла 124 человека, из них умерли 11 (8,8%).

Наибольшее число людей ушло в Сибирь — 74 (59,7%) человека. В большинстве случаев уходили молодые холостые мужчины (30 человек; 24,2%)³⁸ или же хозяева дворов без жён (30 человек; 24,2%). Например, источник фиксирует такую ситуацию: «Во дворе Фелька Викторов сын з детьми, с Ондрюшкою, да с Трифанком, да с Ульяновком, а Ульяновко 7 лет. Ево же дети, Ивашко да Тимошка, сошли в Сибирь, холосты. Ивашко сшел во 142 году, а Тимошка сшел во 147 году»³⁹. Предположим, что одной из причин ухода старших братьев была многодетность семьи (количество детей женского пола писцы не отмечали), не хватало средств к существованию, что и толкало в далёкое путешествие.

³⁵ Колесников П.А. Миграция северного крестьянства... С. 364.

³⁶ Документы по истории народа коми... С. 20—26.

³⁷ Копанев А.И. Сельское население и расселение... С. 40—41.

³⁸ Эти статистические данные согласуются с ситуацией за Уралом. А.Д. Колесников пришел к выводу, что в конце XVI — первой половине XVII в. в Сибирь прибывали в первую очередь одинокие мужчины, а к концу столетия такой диспропорции уже не наблюдалось, что привело к увеличению естественного прироста (Колесников А.Д. Изменение демографической ситуации в Сибири XVII в. // Проблемы исторической демографии СССР. Томск, 1980. С. 146, 154—157).

³⁹ Документы по истории народа коми... С. 115.

Таблица 1

Миграция населения из яренской вотчины Вологодского архиерейского дома по переписной книге 1646 г.*

Год	Ушли в Сибирь				«Сошли» к Вятке	Ушли в другие волости Яренского уезда	«Сошли безвестно»	Умерли
	холостые	семья** (муж, жена дети)	хозяин без жены	отец с сыном				
1626/27	—	—	—	—	—	—	—	4
1631/32	—	—	1	—	—	—	1	1
1633/34	1	—	—	—	—	—	—	—
1634/35	—	—	—	3	—	—	—	—
1636/37	4	2	2	—	—	—	3	1
1637/38	—	—	2	—	—	—	1	—
1638/39	2	—	1	—	—	—	—	—
1639/40	3	3	4	—	—	—	2	—
1640/41	7	—	6	—	—	—	5	2
1641/42	5	5	6	—	—	—	6	2
1642/43	1	—	1	1	—	—	1	—
1643/44	1	—	4	—	6	—	2	1
1644/45	4	—	—	—	3	—	—	—
1645/46	2	—	3	—	—	—	6	—
Без указания года	—	—	—	—	—	3	—	—
Итого — 124 (100%)	30 (24,2%)	10 (8,1%)	30 (24,2%)	4 (3,2%)	9 (7,3%)	3 (2,4%)	27 (21,8%)	11 (8,8%)

Составлено по: Документы по истории народа коми... С. 115–123.

* При указании числа ушедших людей учтены женщины, если это следует из источника.

** В столбце указано количество людей обоого пола, состав семьи считается из трёх человек (муж, жена, ребёнок), если иного не следует из источника.

Приведу конкретный пример ухода в Сибирь старшего сына. В 1656 г. архиепископу Маркелу бил челом крестьянин Архип Афанасьев на своего отца Афанасия Туркина⁴⁰. Эта семья зафиксирована в погосте Оквад переписной книгой 1646 г.: «Во дворе Офонька Семенов сын Туркин с сыном с Ысачком, а Исачко 11 лет, ево же сын Архипко сшел безвестно во 151 (1643) году холост»⁴¹. Согласно челобитной Архипа, он в 1646 г. сшёл «от отца своего в сибирския города для промыслу и ходил лет десять», а потом, «помня отца своего благословение, из сибирских городов шел на Русь к отцу своему»⁴². Здесь мы видим взаимодополняющие сведения двух источников о скитаниях Архипа и после нехитрых математических подсчётов заключаем, что возвращался он из Сибири в 1656 г. По дороге челобитчик «сшелся с отцем своим в Сургуте городе» и «объявил» отцу, что в Сибири ему «дал... Бог нажитка», и это «нажитченко все роздано в долг в кабалы». Кабалы отец, «едучи из Сургута», отобрал у сына.

В контексте рассматриваемой проблемы существенными являются сведения об этих кабалах. Во-первых, эти документы были оформлены на «святительских крестьян ис Конец Озерья на Исака да на Ивана Козловых»⁴³ в двухстах в тридцати рублех. Да на государева крестьянина на Григорья Никиферова Поповцова в сороке в семи рублях». Этих крестьян Архип встретил в Сибири. Во-вторых, сумма долга по названным выше кабалам составляла 277 руб. Далее в челобитной фигурирует ещё одна кабала в 70 руб.: «Да у меня же, государь, взял отец мой кабалу в семидесяти рублях на Исака же Козлова». Общая сумма денег, отданных в долг, равнялась 347 руб., а это сопоставимо с объёмами денежных средств, с которыми, например, работал вологодский купец Гаврила Фетиев. Так, гость 26 декабря 1677 г. получил «взаимы» 300 руб. от архиепископа Симона с условием вернуть их в Москве⁴⁴.

Согласно челобитной Архипа, его отец по «кабалам моим денги все взял, а мне ничего не дал». Ещё одной причиной для челобитья было плохое отношение деда к внукам и к невестке: «А отец мой без меня женишку и детишек моих ни поил, ни кормил. И з двора меня, и с семьишкою»⁴⁵, и з детишками збил ни с чем». Кроме этого однажды отец отобрал у Архипа сукно на 3 руб. 2 гривны, «и косою хотел» сына «срубить и добрые люди» челобитчика «отняли». У Архипа также имелись не отданные «сибирские долги». Всё вместе это и привело к челобитью на отца. Показательна заключительная часть документа, где челобитчик подчёркивает, почему нужен святительский указ: чтобы «мне... в долгах

⁴⁰ Государственный архив Вологодской области (далее — ГА ВО), ф. 1260, оп. 1, д. 1392, сст. 1—2.

⁴¹ Документы по истории народа коми... С. 117.

⁴² ГА ВО, ф. 1260, оп. 1, ед. хр. 1392, сст. 1.

⁴³ Иван Козлов зафиксирован в 1646 г. в починке Занаволок: «Во дворе Ивашко Ондреев сын Козлов с сыном з Данилком, а Данилко 7 лет, ево же брат Фалалейко Ондреев сын шпол в Сибирь во 149 году, холост» (Документы по истории народа коми... С. 119).

⁴⁴ Приходо-расходные денежные книги Вологодского архиерейского дома святой Софии и окладные книги церквей Вологодской епархии. XVII — начало XVIII в. / Сост. Н.В. Башнин. М.; СПб., 2016. С. 409.

⁴⁵ Е.Н. Швейковская впервые отметила, что понятие «семья» было не только собирательным, но и избирательным, конкретно направленным. Оно обозначало не супружескую пару как таковую и не супругов с детьми, как привычно для современного человека, а именно замужнюю женщину. Вступив в брак, женщина становилась мужу семьёй» (Швейковская Е.Н. Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня конца XVI — начала XVIII века. М., 2012. С. 52).

своих не погинуть, а твоей святительской вотчины и крестьянства не отбыть и чем бы, будучи мне в твоей святительской вотчине во крестьянях, сыту быть»⁴⁶.

Решение по этому делу оказалось в пользу челобитчика. Согласно указу архиепископа, сыну боярскому Ивану Суровцеву следовало «сыскать», «доправить» и вернуть деньги и сукно Архипу, «а впредь», если Архип «учнет денег займовать для промыслу и теми денгами учнет торговать, и отцу иво, Архипкову, Афонке до него, Архипка, и до тех заемных денег, и до прибыли, и до товару дела нет». Откликаясь на желание челобитчика жить на землях св. Софии, архиепископ велел «по нем, Архипке», «взять порушная запись, что ему жить в нашей архиепископле вотчине во крестьянех и из вотчины никуды вон на житье не выйти»⁴⁷. Очевидно, что поручная грамота о проживании в архиепископской вотчине, которую планировали взять в 1656 г., дополняет нормы Уложения 1649 г. о закреплении частновладельческих крестьян.

Неоднократно отмечена в переписной книге 1646 г. такая ситуация: «Двор пуст Семейки Васильева сына, а он шел в Сибирь во 145 году, жена ево збрела в мир безвестно, а детей нет»⁴⁸. Почему распалась семья и муж ушёл за Урал, сказать сложно. Наиболее вероятной причиной этого, типичной для XVII в., являлся неурожай и голод. Молодая семья и неокрепшее хозяйство не смогли выстоять. Среди 27 человек (21,8%), направление ухода которых неизвестно («сошли безвестно»), много именно таких женщин, которые не смогли/не захотели или не были взяты в Сибирь. Они скитались «меж двор», нищенствовали. Отмечу другую ситуацию полного или временного распада семьи: «Во дворе Домница Зиновкова жена Ворсина, а муж ее Зиновка Яковлев сын з детьми, с Ларкою да с Максимком, сошли в Сибирь во 145 году»⁴⁹. Надо думать, что в данном случае женщина осталась с дочерьми, а может быть, и с малолетними сыновьями (детей до 4-х лет писцы не фиксировали) и держала хозяйство, а муж и старшие дети ушли в Сибирь на заработки и могли вернуться или как-то пересылать денежные средства домой. Проследить судьбу большинства женщин и детей невозможно, но некоторое представление о жизни мигрантов обоих полов дают рассмотренные ниже случаи.

Из грамоты архиепископа Маркела на Усть-Вымь и на Оквад наместнику Данилу Столбицкому от 27 июля 1649 г. узнаём о челобитье из деревни Конец Озерья крестьянина Тихона Федотова: «в прошлых-де годах» он сошёл «с братом своим Гришкою на промыслы кормитца в сибирские городы, а после-де их осталась в их деревне ево, Тихонкова, сноха, а Гришкина жена Парасковьяца»⁵⁰. Переписная книга 1646 г. не зафиксировала этих людей.

Наместником на Усть-Выми после ухода Тихона и Григория Федотовых в Сибирь был Кузьма Патрикеев. С ним сговорился Лёвка Никулин, отмеченный в переписной книге 1646 г.⁵¹ Крестьянин «подкупился» к наместнику и добился, чтобы он «Парасковьяцу велел взять к себе на двор и держал-де ее у себя,

⁴⁶ ГА ВО, ф. 1260, оп. 1, д. 1392, сст. 1.

⁴⁷ Там же, сст. 2 об.

⁴⁸ Документы по истории народа коми... С. 118.

⁴⁹ Там же. С. 120.

⁵⁰ ГА ВО, ф. 1260, оп. 1, д. 773, сст. 1.

⁵¹ В переписной книге 1646 г. зафиксировано: «Деревня Конец Озерья, а в ней крестьян: во дворе Левка Никулин сын с детьми, с Ывашком да с Савкою, да с Харламком, а Харламко 8 лет, да с племянником с Петрушкою Фотиевым сыном, да со внуком с Лаврушком Аврамовым сыном» (Документы по истории народа коми... С. 118).

сковав, семь недель»⁵². Согласно челобитной Тихона Федотова, «на тое-де их деревню⁵³ Козма Патрикеев по ево, Левкину, наученью вымучил на свое имя воровскую закладную кабалу в тридцати рублех», поскольку Парасковья «не могла муки терпеть». После этого Козьма Патрикеев завладел «деревнею» со всяким «домовным заводом и скотиною». Во время отъезда архиерейский приказной на закладной кабале «на дороге подписал, что ему, Левке», владеть этой собственностью. Лёвка Никулин о своих новых владениях новому наместнику не доложил, а Парасковья «от Левкиных угроз и изгони збрела в Сибирь к мужу своему. А как-де Тихонко пришел с промыслу, и тот-де Левка ево, Тихонка, в тое деревню жить не пустил». Обидчик владел «деревней» по подписной закладной кабале, «а иных крепостей нет». Согласно черновику архиерейского распоряжения, следовало провести расследование и прислать все документы на Вологду к архиепископу для окончательного решения по этому делу⁵⁴.

Приведу ещё один случай. В переписной книге 1646 г. зафиксирован на Усть-Выми «во дворе Максимко Алексеев сын Попов с сыном с Сенькою, а Сенька 10 лет, а братья ево, Ивашко да Стенька Алексеевы дети, сошли в Сибирь во 148 году, а Ивашкова жена Анница сошла в мир безвестно, а детей нет, Стенька холост»⁵⁵. Дальнейшая история Ивана Алексеева сына Попова, его жены Анны и ребёнка, не упомянутого в переписной книге, становится известна из других источников.

Сохранилась челобитная архиепископу Симону от крестьянина Феокиста Иванова с Усть-Выми. Из неё следует, что Феокист был сыном Ивана Попова и Анны. По словам челобитчика, его отец «сшел в Сибирь тому... есть дватцать семь лет, а мать мою покинул в нишете, а меня покинул дву годов... а что было домашних статков, и то взял с собою в Сибирь». Челобитная не датирована, но время её составления уточняется при сопоставлении с переписной книгой: Иван Попов ушёл в 1640 г., прошло 27 лет, значит Феокист написал челобитную в 1667 г. и ему около 29 лет. К этому времени он «взросл и бродил в Сибирь кормится Христовым именем и работал черную работу шесть лет». Из этого сообщения следует, что в Сибирь он ушёл в возрасте около 23 лет. За Уралом Феокист «отца своего сыскал в сибирских городех. И отец мой, Иван, не памятуя страха Божья, покиня нас в сиротстве, и женился в Сибире на иной жене, и дети с ыною женою в Сибири прижыл и живет в пахотных крестьянех»⁵⁶. Это открытие не осчастливило челобитчика. Вскоре на него бил челом с Усть-Выми Кузьма Пономарёв⁵⁷ «неведомо по какой отца моего Ивана по сибирской записи мимо отца моего Ивана». Примечательно, что сын Кузьмы (видимо Перфирий; в челобитной он не назван, известен по перепис-

⁵² ГА ВО, ф. 1260, оп. 1, д. 773, сст. 1.

⁵³ Вероятно, под термином «деревня» в данном случае подразумевается комплекс домашних и хозяйственных построек, возможно, в совокупности с сельскохозяйственными угодьями. М.С. Черкасова отметила аналогичный случай употребления этого термина в усть-вымской архиерейской вотчине (*Черкасова М.С. Крестьянская семья на Усть-Выми в XVII в. // Сельская Россия: прошлое и настоящее. Материалы XIII всероссийской научно-практической конференции. М., 2012. С. 11*). Показательно, что уже в 1670 г. во время спора между архиерейскими крестьянами Рычковыми треть «деревни» называли «вотчиной» матери и дочери (Там же. С. 12).

⁵⁴ ГА ВО, ф. 1260, оп. 1, д. 773, сст. 1—3.

⁵⁵ Документы по истории народа коми... С. 121.

⁵⁶ ГА ВО, ф. 1260, оп. 1, д. 3293, сст. 1 об.

⁵⁷ В переписной книге 1646 г. зафиксирован первым в Усть-Выми «во дворе Козьма Васильев сын Пономарев с сыном Перфирком, а Перфирко 4 лет, да с племянником с Павликом Васильевым сыном, а Павлик 12 лет (Документы по истории народа коми... С. 119).

ной книге 1646 г.), «безпрестанно в сибирских городех живет и отца моего в Сибири знает». Вероятно, именно поэтому у Кузьмы Пономарёва в Усть-Выми появилась возможность улучшить своё благосостояние за счёт Феокиста: «А бил челом он, Козма, на меня, сироту, табе, великому святителю, на Вологде, и по ево челобитью ukazano на меня, сироту, дать суд на Выме твоему святительскому приказному Ивану Суровцеву». Феокист Иванов обратился к архиепископу Вологодскому и Белозерскому Симону с просьбой о том, чтобы «с ним, Козмою, по той крепости сибирской отца моего свой святительской указ учинить, чтоб мне, бедному, по тем отца моего сибирским крепостям напрасно в конец не погинуть и твоих святительских податей не отбыть»⁵⁸. Решение иерарха по этому вопросу неизвестно. Вероятно, отец челобитчика Иван Попов, хотя и жил долгое время в Сибири, сохранял владельческие права на двор и/или земельный участок, чем и воспользовался Козма.

Судьба оказалась немилостива к Феокисту Иванову. В переписной книге 1678 г. отмечен «двор пуст бобьельской Феокистка Иванова сына Попова, увечен глух, у него дети Коземка 11 лет, Филька 5 лет, сошли кормитца Христовым именем от хлебной скудости неведомо куды, а пашня ево пуста»⁵⁹. В 1678 г. Феокисту было около 40 лет. Сведений о его матери Анне не выявлено. Возможно, она умерла, поскольку её муж повторно женился. Сопоставление челобитной и писцовых материалов позволило датировать документ, выяснить, что архиерейский крестьянин осел в Сибири на государевой пашне и обзавёлся семьей и хозяйством, но при этом сохранил связь с родиной. Его сын, наоборот, побывал за Уралом, но вернулся в архиерейскую вотчину и обосновался там, создав семью.

Сохранились документы 1648 г., из которых известно о том, что крестьянин из деревни Малые Коквицы Фёдор Назаров⁶⁰ жаловался на Евдокима Окулова⁶¹ из Больших Коквиц. Дядя Фёдора — Стефан Фёдоров⁶² — заложил «ему, Овдокиму, земли своя полянку на полторы осмины под рожь на четыре года. И тот дядя мой Стефан сошел в Сибирь, и после его жена его, а моя тетка Дарья, и сын их Кирилко тое полянку мне на тот срок у того Овдокима велели выкупить своими денгами, а купчую мне на ту землю на полянку дали». Фёдор Назаров «прошал» у Евдокима этот участок «на выкуп», но получил отказ. Обидчик, по словам Фёдора, «владеет силю после сроку шестой год, а оброк, государь, и дань, и всякие доходы с тое полянки плачу и изделье делаю яз, сирота твой, повытно, потому что та полянка из моее выти и дяди моего Стефана земля». Евдоким, очевидно, стремясь завладеть землёй, прямые хозяева которой ушли в Сибирь, бил челом на Фёдора, что тот «не выкупает», а он «и назем» к 1646 г. возил. Однако по этому челобитью Евдокиму разрешили «снять два хлеба», но велели отдать участок на выкуп Фёдору. Обидчик хлеб снял, но «полянку» на

⁵⁸ ГА ВО, ф. 1260, оп. 1, д. 3293, сст. 1 об.

⁵⁹ Документы по истории народа коми... С. 294.

⁶⁰ В переписной книге 1646 г. в деревне «Другая Коквица на озерке» зафиксированы «во дворе Федька да Мишка Назаровы дети, у Федки сын Михайко 5 лет» (Там же. С. 122).

⁶¹ В переписной книге 1646 г. значится «деревня Коквицы на реке на Вычегде» и в ней «во дворе Овдокимко Акилов сын з детьми, з Гришкою да с Ермолкою, да с Онтонком, а Онтонко 10 лет, а у Гришки дети Данилко да Микитка, Данилко 11 лет, а Микитка 7 лет, ево же Овдокимков сын Елфимко шел в Сибирь во 150-м году, а жена ево, Маринка, сошла безвестно, детей нет» (Там же. С. 121).

⁶² В переписной книге 1646 г. в деревне «Другая Коквица на озерке» отмечен «двор пуст Стеньки Федорова, а он шел в Сибирь з женою и с сыном с Кирилком во 148-м году» (Там же. С. 122).

выкуп не отдал. Сохранился черновик грамоты наместникам на Усть-Вымь с указанием разобраться в деле и, если ситуация такова, как изложена в челобитной Фёдора, отдать ему «полянку»⁶³.

Сохранилось судное дело по челобитной архиепископу Маркелу крестьянина Фёдора Иванова сына Опары⁶⁴ с жалобой на племянников — крестьян Бориса и Фаддея Денисовых⁶⁵. Причина жалобы на племянников заключалась в том, что челобитчик послал со своими родственниками «в Сибирь кабаленок на девяносто рублей на Федку Кречата, да на Оверку Габышева, да на Исака Габышева»⁶⁶. Племянники по кабалам деньги взяли, но не отдали их заимодавцу. В связи с этим Фёдор Опара просил дать «суд и управу». 28 июля 1650 г. допрашивали Бориса Денисова, на обвинения он ответил, что кабалы с ними его дядя не «посылывал, в том он нас поклепал»⁶⁷. Фёдор Опара, обвиняя Бориса Денисова, упомянул свидетеля Исака Логинова⁶⁸, но Борис укорил этого свидетеля в «послушестве» и припомнил, что тот скрывал «разбойнишное борошно», и после того как обнаружили эти вещи, он «бегал в сибирские городы». Вспомнил Борис и то, что в это время целовальником был Ерофей Нехорошев, который «сшел» «в Сибирь да и умер»⁶⁹.

Борис Денисов, доказывая свою невиновность, в свидетели призвал «архиепископлих крестьян, которые в нынешнем и в прошлых годах вышли из Енесийского острогу»⁷⁰. По словам Федьки Опары, выходцами из Сибири были «архиепископлъ крестьянин Евдокимко Романов⁷¹ да Гришка Логинов... Тихон Федотов ис Конец Озерья, Семен Седрысев». В контексте посещения крестьянами Зауралья упоминается о продаже соболей. На этом данный этап суда закончился, ответчик Борис Денисов 28 июля 1650 г. «взял крестное целование и за брата себе на душу»⁷², вину его не доказали. По делу выявлена сказка одного из крестьян, на которого ссылался Федька Опара. 31 июля 1650 г. перед усть-вымским наместником Данилом Столбицким крестьянин Евдокимко Романов сказал по крестному целованью, что «Бориско-де и Фаддейко Денисовы по Федкиным кабалам Опариным денги имали или нет в Сибири... того он, Евдокимко, не ведает, а я-де, Евдокимко, был на промыслах, а в городе он мало живал»⁷³. Это судное дело показывает, что для архиерейских крестьян

⁶³ ГА ВО, ф. 1260, оп. 1, д. 733, сст. 1, 5.

⁶⁴ В переписной книге 1646 г. на Усть-Выми: «Во дворе Федька Иванов сын, прозвище Опара» (Документы по истории народа коми... С. 120).

⁶⁵ ГА ВО, ф. 1260, оп. 1, д. 905, сст. 1–8. В переписной книге 1646 г. на Усть-Выми: «Во дворе Тимошка Денисов сын з детьми, с Титком да с Полуянком, Титко 10 лет, а Полунка 5 лет, ево же братья Фадейко да Бориско сошли в Сибирь в 149 году, жены их сошли безвестно, у Бориска сын Куземка 11 лет» (Там же. С. 120).

⁶⁶ В переписной книге 1646 г. в деревне Петровская (Березник) названы, очевидно, родственники Габышевых: «Во дворе Андрюшка Васильев сын Габушев, а брат ево Нифантко сшел в Сибирь во 148 году, а жена ево Матренка сошла безвестно, детей нет» (Документы по истории народа коми... С. 122).

⁶⁷ ГА ВО, ф. 1260, оп. 1, д. 905, сст. 1, 2.

⁶⁸ В переписной книге 1646 г.: «Во дворе Исачко Логинов сын, прозвище Калин, у него же живут бобыли Ульянов да Микитка Петровы дети Чюклина, а Микитка 7 лет» (Документы по истории народа коми... С. 120).

⁶⁹ ГА ВО, ф. 1260, оп. 1, д. 905, сст. 4.

⁷⁰ Там же, сст. 5.

⁷¹ В переписной книге 1646 г. зафиксированы в деревне Коквицы «во дворе Овдокимко да Ивашко Романовы дети» (Документы по истории народа коми... С. 121).

⁷² ГА ВО, ф. 1260, оп. 1, д. 905, сст. 1 об., 5, 7.

⁷³ Там же, д. 868, сст. 1.

путешествия в Сибирь были привычным делом, функционировала даже своеобразная почта, сбой в её работе и стал причиной судебного дела.

Вернёмся к статистическим сведениям и сопоставим данные, полученные при анализе переписи небольшой вотчины, и в целом по уезду. А.И. Копанев зафиксировал убыль населения в Яренском уезде с 1631/32 по 1645/46 г. на 1 378 человек⁷⁴. На основании таблицы, составленной историком, мною подсчитано процентное соотношение по направлениям миграции. В Сибирь отправились 748 (54,2%) человек (холостые, хозяева дворов без жён, отец с сыном/сыновьями и семьи). «Сошли» на Вятку, в Томск, к Москве, в Пермь и другие населённые пункты, а также «сбредли безвестно» 199 (14,5%) человек; умер 431 (31,3%) человек. Таким образом, данные по уезду в целом и по вотчине показывают близкие пропорции относительно количества людей, ушедших в Сибирь — более 50%.

Уход крестьян из архиерейской вотчины привёл к неуплате коллективного долга. 2 января 1646 г. от земского целовальника Тихона Оксентьева сына Головина и всех крестьян усть-вымской вотчины была составлена челобитная архиепископу Маркелу. Этот документ содержит просьбу об отсрочке уплаты денег по кабале Андрею Палицыну. По словам челобитчиков, архиерейский приказной злоупотреблял полномочиями, требовал «по кабале в семидесят в пяти рублях, а занято, государь, тридцать восемь рублей». Крестьяне четыре недели «стояли на правеже, живот свой мучили, а денег собрать не могли, потому что многие крестьянышка для хлебные нужи и великих налогов розбрелись в сибирския города и в хлебные земли и тех, государь, денег собрать стало не на ком»⁷⁵. Решение архиепископа по этому вопросу неизвестно.

Обратимся к переписной книге 1678 г., зафиксировавшей следующий этап развития архиерейской вотчины. Анализ миграционных процессов см. в таблице 2.

Всего в описании яренской вотчины Вологодского дома Св. Софии в 1678 г. упоминаются 668 людей, из них 580 (77,9%) проживали на момент проведения переписных работ в архиерейских землях, а 148 (22,1%) значатся ушедшими или перешедшими на новое место жительства в пределах софийской вотчины (139 человек; 20,8%) и умершими (9 человек; 1,3%).

Проанализируем сведения о миграции населения. Наибольший отток людей наблюдался в 1670-х гг. Зафиксировано переселение 148 человек, из них 127 (85,7%) ушли, 12 (8,2%) пришли и 9 (6,1%) умерли. Остановлюсь подробнее на случаях переселения. В Сибирь отправилось всего 17 (11,5%) человек, 14 (9,5%) из них были холостыми; ушли в известных направлениях 27 (18%) человек. Внутри вотчины переселились 46 (31,1%) человек. По сравнению с 1646 г. видно, что количество людей, отправившихся в Сибирь, сократилось более чем в четыре раза — с 74 до 17 человек (с 59,7 до 11,5%). Отмечена миграция внутри вотчины (в предыдущей переписной книге не зафиксирована).

⁷⁴ Копанев А.И. Сельское население и расселение... С. 40—41.

⁷⁵ ГА ВО, ф. 1260, оп. 1, д. 610, сст. 1.

Миграция населения яренской вотчины Вологодского архиерейского дома по переписной книге 1678 г.*

Год	Ушли в Сибирь		Внутривотчинная миграция	«Приходцы»	«Сшел» на Вологду	«Сошли» в Пермь Великую	«Сошли» на Серогово к варницам	«Сошли» на Сысолу	«Сошли» в Сойгинский монастырь	«Сошли» к Соли Камской	«Сошли» к Соли Вычегодской	«Сшел» верх Вычегды	«Сошли безвестно»/ «Неведомо куда»	Умерли
	холостые	семья**												
1647/48	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1657/58	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1661/62	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1662/63	2	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1663/64	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1667/68	1	—	37	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
1668/69	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1669/70	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
1670/71	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1672/73	2	—	—	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1673/74	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—
1674/75	1	—	—	—	—	—	—	—	—	9	2	—	7	—
1675/76	—	—	—	—	1	2	—	2	3	1	—	1	11	—
1677/78	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—	10	—
Без указания года	—	3	8	6	—	—	4	—	—	—	—	—	8	7
Итого — 148 (100%)	14 (9,5%)	3 (2%)	46 (31,1%)	12 (8,2%)	1 (0,6 %)	2 (1,3%)	4 (2,7%)	2 (1,3%)	3 (2%)	12 (8,2%)	2 (1,3%)	1 (0,6%)	37 (25,1%)	9 (6,1%)

Составлено по: Документы по истории народа коми... С. 292—303.

* При указании числа ушедших людей учтены женщины, если это следует из источника.

** В столбце указано количество людей обоого пола, состав семьи считается из 3 человек (муж, жена, ребёнок), если иного не следует из источника.

Обратимся к частным случаям переселения жителей архиерейской вотчины. Выявлена недатированная челобитная к архиепископу Вологодскому и Белозерскому Симону крестьянина «Вожемского прихода» Никиты Созонова. Челобитчик жаловался на крестьянку того же прихода «Татьяницу вдову Леонтьеву дочь на Федоровскую жену» и её сына Фёдора, задолжавшего ему по заёмной кабале 5 руб. Согласно челобитной, срок у этой кабалы прошёл, но долг не вернули. Татьяна отказалась платить, «а тот сын ея Федор в Сибирь сошел, а с нея жил не в делу, и ныне та вдова после сына своего пашню пашет, и сенные покосы косит, и твои святительские всякие подати платит, и скотом и всяким крестьянским заводом сына своиво владеет». В связи с этим Никита Созонов просил, чтобы по указу архиепископа сын боярский Фёдор Блинов доправил деньги по кабале сына на матери⁷⁶. Сведений о решении владыки по этому вопросу не выявлено. Сопоставление челобитной с материалами переписных книг позволяет уточнить некоторые детали.

Челобитчик Никита Созонов в переписной книге Яренского уезда 1646 г. зафиксирован как житель д. Софроновской (Якушевской), в погосте Вожам: «Во дворе Елупко да Микитка Созонтовы дети». В этом же погосте в деревне Ивановской Другой отмечены «Петрунька Офонасьев сын, прозвище Плакида, з детми, с Федькою да с Ывашком, Федька 13 лет, а Ивашко 7 лет». На первый взгляд, семья Плакиды не имеет отношения к разбираемому делу, однако сведения из переписной книги Яренского уезда 1678 г. позволяют утверждать, что 13-летний Федька 1640-х гг. — будущий должник Микитки. Итак, в конце 1670-х гг. в погосте Вожам в деревне Мартынова зафиксирована «во дворе вдова Татьяна Федоровская жена Плакидина, у нее сын Федька в возрасте, сшел в сибирские города тому 6 лет, бездетен». Челобитчик Никита Созонов отмечен в 1678 г. в погосте Вожам в деревне Борисовской: «Во дворе крестьянин Микитка Созонов сын Гулин, у него дети Петрушка да Кирилко, оба в возрасте»⁷⁷. Приведённые сведения позволяют сделать следующие наблюдения. Уточняется дата челобитной — около 1672 г.; семья челобитчика и ответчика сменили место проживания внутри архиерейской вотчины. Подсчёты позволяют назвать возраст, в котором Фёдор ушёл в Сибирь — 39 лет. Наконец, известен один из мотивов его путешествия за Урал — не платить долг Никите Созонову.

Итак, на примере одной вотчины видно, что население её с 1646 г. к 1678 г. возросло с 347 до 580 человек, хотя многие крестьяне фертильного возраста ушли в Сибирь. По подсчётам М.М. Богословского и А.И. Копанева общее число жителей в Яренском уезде с 1620-х до 1670-х гг. также возросло, несмотря на миграцию и смертность, в 1,5 раза⁷⁸.

Дополняя палитру семейных отношений и разнообразных случаев, связанных с миграцией крестьян в Сибирь, приведу сведения из документов других северных вотчинников. Сохранилась отписка 1663 г. митрополиту Ростовскому и Ярославскому Ионе от игумена великоустюжского Троицкого монастыря Афанасия и протопопы Успенского собора Владимира. В документе сообщается о челобитье устюжанки Катеринки Силиной, сообщавшей, что её муж «сошел в сибирские города» 15 лет назад и после того не бывал у неё, и «вести от него нет, жив или мертв». В связи с этим Екатерина просила благословения «посяг-

⁷⁶ Архив СПбИИ РАН, колл. 254, оп. 1, д. 61, сст. 1.

⁷⁷ Документы по истории народа коми... С. 116, 117, 300—302.

⁷⁸ *Богословский М.М.* Указ. соч. С. 130; *Копанев А.И.* Сельское население и расселение... С. 39.

нуть за иного мужа». Игумен и протопоп, не зная как поступить, обратились к иерарху, подчеркнув, что «иные, государь, многие такие жёнки приходят»⁷⁹.

Сохранилась челобитная 1672 г. архимандриту Спасо-Прилуцкого монастыря Исаяе и келарю Сильвестру от крестьянина деревни Пауницкой Ивана Трофимова. Челобитчик просил прощения за то, что «мир смутился и я, сирота, на людей смотря, поещал (так в рукописи. — *Н.Б.*) в Сибирь». После ухода крестьянина на дворе остались два бычка, сено и другое имущество, взятое «на монастырской двор». У Ивана в Сибири что-то не сложилось, и он вернулся в монастырскую вотчину. Для восстановления хозяйства челобитчик просил вернуть бычков. На обороте челобитной сохранилась запись о решении монастырских властей: 12 июня 1672 г. архимандрит Исаяя и келарь Сильвестр выслушали челобитную и «в вине его простили, что он бежал на время», и вернули одного бычка, второго оставив за монастырём⁸⁰.

Выявлен комплекс из четырёх поручных грамот 1670 г. крестьян Спасо-Прилуцкого монастыря. Жители деревень Зелёной, Мотылева, Чюглака и Пауницкой (современный Коношский район Архангельской области) «дали на себя поручную запись» приказчикам Фёдору Васильеву с товарищи «в том, что поручились мы друг за друга, что нам жить в Спасове вотчине, в Сибирь не ехать». В случае побега одного из поручителей на остальных, кто «останетцо в лицах», монастырская «пеня и смиренье, а пеня, что государи власти укажут»⁸¹.

Суммируем сведения о причинах, толкавших крестьян в далекое путешествие. В историографии отмечены следующие факторы: 1) тяжесть повинностей; 2) высокие подати; 3) отмена урочных лет Уложением 1649 г. П.А. Колесников убылъ населения в Поморье объяснял экономическими причинами, он полагал, что в Подвинье и Поважье в XVI в. «почти полностью завершился ввод в сельскохозяйственный оборот естественно-пригодных земель»⁸². Эту точку зрения поддержал А.И. Копанев, отметивший, что на новые земли уходили прежде всего малоземельные крестьяне, не могущие прокормиться со своего надела. Исследователь полагал, что «основной причиной массовой миграции крестьян северных уездов была всё возрастающая эксплуатация их со стороны феодального государства, выражающаяся в росте налогов и повинностей, падавших на черносошный север»⁸³. Авторы «Истории северного крестьянства» отметили, что массовое переселение крестьян явилось «следствием развития товарно-денежных отношений»⁸⁴.

На основании приведённых выше источников в дополнение к известным в историографии факторам добавлю следующие мотивы посещения крестьянами Сибири или переселения туда: 1) желание заработать; 2) нежелание выплачивать долги; 3) бегство от правосудия; 4) поиск родственников.

Что привлекало жителей Поморья за Уралом? Известно, что в Сибири в первой половине XVII в. для заведения самостоятельного хозяйства крестьяне получали землю, льготу (от 2 до 6 лет), подмогу (безвозвратная денежная или натуральная помощь), ссуду (подлежала возвращению). Размер подмоги и ссу-

⁷⁹ ГА ВО, ф. 1260, оп. 3, д. 136, сст. 1.

⁸⁰ Там же, оп. 2, д. 1747, сст. 1.

⁸¹ Там же, д. 1665, сст. 1–3.

⁸² Колесников П.А. Основные этапы развития северной общины // Ежегодник по аграрной истории (Проблемы истории русской общины). Вып. VI. Вологда, 1976. С. 11–12.

⁸³ Копанев А.И. Сельское население и расселение... С. 42.

⁸⁴ История северного крестьянства. Т. 1. Крестьянство Европейского Севера в период феодализма. Архангельск, 1984. С. 194.

ды зависел от размера оклада государевой десятинной пашни. За выплату оброка с полудесятины государевой пашни (10 четей ржи и 12 четей овса) полагалась ссуда в 3 руб.; за выплату оброка с четверти десятины государевой пашни (5 четей ржи и 6 четей овса) давали ссуду в 1,5 руб. В.И. Шунков показал, что этой помощи для заведения хозяйства часто было недостаточно, и у крестьян накапливались долги. Несмотря на это во второй половине XVII — начале XVIII в. ссуда и подмога сначала сокращались, а потом исчезли; льготный период уменьшался. По мнению историка, это обусловлено «ростом предложения крестьянских рабочих рук»⁸⁵.

Сибирские монастыри и Тобольский архиерейский дом привлекали в свои вотчины крестьян на условиях «ряда». Срок порядных варьировался от 6 до 20 лет, землю пахали из пятого снопа, выполняли различные работы на монастырь. Порядившиеся обязывались построить двор, избу, овин, клеть. За это обитель давала льготу от двух до четырёх лет, выдавала семена и «обороняла» от насильства, государевых «сделий» и оброков. Разрыв договора вёл к уплате ряды от 5 до 30 руб. Духовные вотчинники предоставляли меньшие льготы, чем государственная администрация, но меньше были и повинности. К концу XVII в. на монастырских и митрополичьих землях осело 14% крестьянского населения Сибири⁸⁶.

Материалы Вологодского архиерейского дома указывают на ещё одну притягательную сторону Сибири — промыслы. Удачливый и трудолюбивый охотник, особенно если он умел торговать, в Сибири мог обогатиться: в крестьянских документах фигурируют суммы в сотни рублей. Поэтому крестьянин уходил не только для того, чтобы заняться земледелием на новых землях, но и для охоты, предполагая потом вернуться к родным.

Архиерейские крестьяне из Поморья в Сибирь, вероятно, шли пешком, сведений о телегах, санях, лодках в просмотренных документах нет. Это говорит о навыках выживания в трудных климатических и природных условиях, а также о существовании минимальной инфраструктуры вдоль дорог и троп. В середине XVII в. крестьяне из Поморья неоднократно встречали знакомых и родственников в Сибири в удалении на 1,5—2 тыс. вёрст от дома, что говорит о существовании небольшого количества торных троп и дорог, а также пунктов сбора торговых и промысловых людей. Наиболее удалённая от Усть-Выми точка в Сибири, упомянутая в документах, — Енисейский острог. Расстояние между этими населёнными пунктами по современным автомобильным дорогам составляет около 4 тыс. км.

Остановимся на терминологических и правовых аспектах временного и постоянного переселения крестьян в Сибирь. П.А. Колесников заметил, что писцы в Поморье, «объясняя причины пустоты и выбытия людей из деревень, не употребляли термин “бежал”, “в бегах” и т.д.», а употребляли глаголы «сшел», «съехал», «сбрел», «покинул»⁸⁷. А.И. Копанев показал, что вятские писцы обозначали уход крестьян в равной степени словами «бежал», «сшел», «сбрел»⁸⁸. Эта терминологическая разница на разобранных выше материалах, видимо, объясняется тем, что крестьяне архиерейской вотчины уходили в Сибирь или другие города на заработки («промыслы», «черную работу») или «кормиться»

⁸⁵ Шунков В.И. Очерки по истории... С. 38—39, 40—43.

⁸⁶ Там же. С. 45—47.

⁸⁷ Колесников П.А. Северная деревня в XV — первой половине XIX в. Вологда, 1976. С. 251.

⁸⁸ Копанев А.И. Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л., 1984. С. 61.

на время, а потом возвращались обратно. В данном случае, термин «сшел» мог обозначать временное отсутствие крестьянина в архиерейской вотчине. Уложение 1649 г. не стало препятствием для миграций крестьян из вотчины Вологодского архиерейского дома в Яренском уезде и других северных духовных вотчин⁸⁹. Архиерейская и монастырская администрация, видя бездействие общероссийского законодательства в деле прикрепления крестьян к земле (Уложение 1649 г.), актуализировала правовые традиции Русского Севера для закрепления крестьян в своей вотчине и заключала порядные (выявлено 2 случая 1656 и 1670 гг.). Кроме этого, архиерейские власти, зная из документов о том, что крестьянин живёт в Сибири, не предпринимали попыток вернуть его (возможно, документы, свидетельствующие об обратном, пока не выявлены). О близости правового положения черносошных крестьян и крестьян яренской вотчины Вологодского архиерейского дома также говорят использование в документах таких терминов как «вотчина» (1670), «деревня» (1649, 1658) и относительно свободное распоряжение земельными наделами.

Сравнительное изучение кадастровых и внутривотчинных источников позволило показать, как статистическая картина может быть подтверждена, уточнена и расширена частными случаями миграции крестьянского населения Поморья.

⁸⁹ Дмитриева З.В., Башнин Н.В. О миграции населения монастырских вотчин в XVII в. // Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы X—XXI вв.: источники и методы исследования: материалы XXXII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Рязань, 2012. С. 113—123.

Земля в представлениях и жизнеустройстве сельского приходского духовенства Вологодской епархии в 1860—1870-х гг.

Антон Всеволодов

Land in the views and life arrangement of the rural parish clergy of the Vologda diocese in the 1860—1870s

Anton Vsevolodov (Cherepovets State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870004231-5

Своеобразие социального облика сельского приходского духовенства в России во многом обуславливалось его естественной близостью к крестьянскому окружению и, прежде всего, тем, что одной из основ его материального благополучия был земледельческий труд. Однако если для крестьянина работа на земле была ключевым элементом самоидентификации, то в картине мира приходского священнослужителя земледелие оставалось хотя и разрешённым¹, но внеслужебным и, следовательно, второстепенным по отношению к службе (Богу, пастве и государству) занятием. Следовательно, применяя к сельскому клиру тезис о неразрывной связи хозяйственной практики с духовной жизнью², нужно оговориться, что порой связь эта была скорее дисгармонической, что определило специфику тех представлений духовенства, которые условно можно назвать «земледельческими»³. В круг их, очевидно, следует включать не только отношение к земледельческому труду как к источнику благосостояния, но и совокупность взглядов, описывающих степень адаптации клира к условиям его жизнеустройства, связанным с работой на земле. В комплексе этих представлений фиксировался достигнутый уровень культуры земледелия, формы землепользования, связанные с ними социальные отношения. Таким образом, они обеспечивали целостность восприятия природной и общественной среды в границах приходского пространства.

В повседневном общении священнослужителей и крестьян действовали различные каналы обмена опытом. Росту компетентности духовенства в вопросах не только сугубо хозяйственных, но и связанных с юридическими аспектами землепользования, способствовало участие в мирских земельных переделах, а также в документировании деятельности мира. Это прослеживается уже по источникам XVI—XVII вв. и периодически выражалось, в частности, в напи-

© 2019 г. А.В. Всеволодов

¹ Так, VII Вселенский собор позволил клирикам «трудами рук своих» приобретать содержание «для потребностей сея жизни», но избегая своекорыстных побуждений (Правила Святых Вселенских соборов с толкованиями. М., 2000. С. 699—700. Ср.: *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры // *Гуревич А.Я.* Избранные труды. Средневековый мир. СПб., 2007. С. 204—205).

² *Громыко М.М., Буганов А.В.* О воззрениях русского народа. М., 2000. С. 272.

³ Ср. используемый Ю.Л. Бессмертным термин «демографические представления» (*Бессмертный Ю.Л.* Жизнь и смерть в Средние века. Очерки демографической истории Франции. М., 1991. С. 6).

сании прошений от лица всей общины или отдельных хозяев⁴. Постоянное косвенное соприкосновение с землёй вместе с личным трудом на ней вело к визуальному и психологическому слиянию пастырей с паствой — к описанной ещё И.Т. Посошковым ситуации, когда сельские священники «ничим не отменны от простых мужиков»: «Мужик за соху и поп за соху, мужик за косу и поп за косу... И в таковых суетах живущее, не токмо стадо Христово пасти, но и себя не упasti»⁵.

В эпоху Великих реформ давний вопрос о нравственной приемлемости земледелия соединился с проблемой оценки его роли в материальном обеспечении клира. На фоне происходивших тогда же преобразований в церковной жизни в общественном мнении началась медленная легитимация хозяйственной успешности священнослужителя. Однако актуализация стереотипного образа батюшки, «сеющего и жнущего, разъезжающего по ярмаркам и базарам для покупки и продажи лошадей, рогатого скота, овец и т.д.»⁶ свидетельствовала о том, что подобные занятия духовенства не вызвали широких симпатий, поскольку в них усматривалась угроза его пастырской состоятельности. Впрочем, такой знаток деревенского быта, как А.Н. Энгельгардт, с одобрением замечал, что «попы» не только прекрасно разбираются в народной натуре, но и «лучшие практические хозяева» после крестьян и «никто так хорошо не знает быт простого народа во всех его тонкостях, как попы»⁷. В радикально-демократических кругах приветствовали равный с крестьянином труд священника на земле, считая его самым общественно безопасным способом обеспечения причта⁸.

В церковной публицистике 1860—1870-х гг. привязанность сельского клирика к земле зачастую рассматривалась как препятствие для его личностного развития и духовного роста. Выработалось стойкое убеждение, что «если вы хотите быть хорошим священником, то вы не можете быть хорошим хозяином», а попытка совместить одно с другим непременно ведёт на «путь Мамоны»⁹. Считалось, что земледельческие заботы, как и в целом излишняя погружённость в «материальный быт», развивают стремление к наживе, стяжательство, а они превращают сан в способ заработка¹⁰. В то же время приближение программ се-

⁴ См.: *Копанев А.И.* История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.; Л., 1951. С. 96, примеч. 5; *Раскин Д.И.* Мирские челобитные монастырских крестьян первой половины XVIII в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 6. Л., 1974. С. 175—185; *Вдовина Л.Н.* Крестьянская община и монастырь в Центральной России в первой половине XVIII в. М., 1988. С. 74; *Суслова Е.Д.* Церковь и крестьянское сообщество в Карелии в конце XV — начале XVIII в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2012. С. 23—24.

⁵ *Посошков И.Т.* «Книга о скудости и богатстве» и другие сочинения / Ред. и коммент. Б.Б. Кафенгауза. М., 1951. С. 38.

⁶ Цит. по: Церковная реформа. Сборник статей духовной и светской периодической печати по вопросу о реформе / Сост. И.В. Преображенский. СПб., 1905. С. 365.

⁷ *Энгельгардт А.Н.* Из деревни. 12 писем. М., 1956. С. 54.

⁸ См., например: Русский заграничный сборник. IV. 1858. «Описание сельского духовенства» (разбор) // Литературное наследство. Т. 63. М., 1956. С. 205.

⁹ *Стас И., свящ.* С Кавказа. По поводу учреждения Комитета для изыскания способов к обеспечению быта духовенства // Православное обозрение. 1863. № 3. Заметки. С. 130.

¹⁰ См. об этом: *Богатинов Н.* Идеал духовного пастыря, к осуществлению которого вызывает духовенство современная народная жизнь // Труды Киевской духовной академии. 1862. № 1. С. 109; *Чижевский И., свящ.* Ещё несколько мыслей к вопросу об улучшении быта русского православного духовенства. Харьков, 1863. С. 32; Об угождении прихожанам // Руководство для сельских пастырей. 1870. № 41. С. 201; О бескорыстии служителей церкви. Слово в день трёх святителей, произнесённое в Кишинёвской семинарской церкви Преосвященнейшим Сергием, епископом Кишинёвским // Душеполезное чтение. 1889. Т. 3. С. 334, 335, 337. Также об этике внеслужебного труда духовенства см.: *Кирилл (Наумов), архим.* Пастырское богословие. Изд. 2. М., 1854.

минарий к реальным условиям пастырской практики привело к тому, что умение правильно поставить домашнее хозяйство (а стало быть, и ведение полевых работ) всё чаще признавалось необходимым для приходского священника¹¹.

К середине XIX в. вследствие постепенного роста образовательного уровня духовенства отношение к личному земледельческому труду существенно изменилось¹². Его представители всё чаще испытывали «боязнь унизиться до сходства с простонародьем». У нового поколения клириков даже «домашний труд делился на “благородный”, безразличный и “низкий”»¹³. В то же время в воспоминаниях выходцев из духовного сословия о своём детстве работа отца и матери на земле оценивалась, как правило, позитивно, хотя бы её причиной являлась крайняя бедность¹⁴.

Однако за рамками публицистики столь противоречивая этика терпела поражение, сталкиваясь с жизненной практикой. В целом, земледельческие представления духовенства формировались в ходе сложного согласования не-систематизированного обыденного опыта и предписываемого «стандарта» поведения и мышления. При этом в источниках они, чаще всего, отражаются не в «чистом» виде, а в контексте исторических ситуаций разного масштаба, так что соответствующее исследовательское поле формируется «поверх» сразу нескольких смежных сюжетов. Во многом благодаря этому взаимодействие сельского клира середины — второй половины XIX в. с природным окружением и его рефлексия, по существу, ещё не подвергались целостному изучению.

Между тем потенциал такого рода исследований значителен. Прочную основу для них создают, в частности, материалы всероссийского опроса 1863 г. о местных средствах содержания приходского духовенства (известные в литературе как «Мнения» или «Сведения по делу об улучшении быта»¹⁵). Их информация может быть дополнена и скорректирована данными церковного делопроизводства (клировых ведомостей, прошений священнослужителей и т.д.), церковно-приходских летописей и церковно-статистических описаний, а также документов светских учреждений (казённых палат, земских управ и т.п.). Перекрёстный анализ этих источников позволяет восстановить картину представлений духовенства о земле с достаточной полнотой и, что немаловажно, с их региональной спецификой.

С. 127—128; *Певницкий В.* Священник. Приготовление к священству и жизнь священника. Изд. 2. Киев, 1886. С. 21—22; и др.

¹¹ РГИА, ф. 802, оп. 9 (1867 г.), л. 33, л. 351 об.; *Сухова Н.Ю.* Высшая духовная школа: проблемы и реформы (вторая половина XIX века). М., 2006. С. 298; *Сухова Н.Ю.* Пастырское богословие в российской духовной школе (XVIII — начало XX в.) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. I. Богословие, философия. 2009. Вып. 1(25). С. 33—36.

¹² *Кузнецов С.В.* Хозяйственные, религиозные и правовые традиции русских (XIX — начало XXI в.). М., 2008. С. 169—170.

¹³ *Римский С.В.* Российская церковь в эпоху Великих реформ. М., 1999. С. 104.

¹⁴ См. об этом: *Манчестер Л.* Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России / Пер. с англ. А.Ю. Полунова. М., 2015. С. 43—44, 166—167.

¹⁵ См. об этом: *Руновский Н.П.* Церковно-гражданские законоположения относительно православного духовенства в царствование императора Александра II. Казань, 1898; *Freeze G.L.* The Parish clergy in the Nineteenth Century Russia. Crisis, Reform, Counter-Reform. Princeton, 1983. P. 261—273; *Римский С.В.* Российская церковь в эпоху Великих реформ. С. 12; *Мангилёва А.В.* Социокультурный облик приходского духовенства Пермской губернии в XIX — начале XX в. Екатеринбург, 2015. С. 289—320; *Всеволодов А.В.* «Сведения по делу об улучшении быта православного духовенства» 1863 г. как делопроизводственный комплекс // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. № 1. Т. 2. С. 23—27.

Так, ярким своеобразием отличались земледельческие представления приходского духовенства на Европейском Севере России. Истоки его — в природно-климатических условиях и исторической устойчивости местных особенностей церковно-причтового землевладения и поземельных отношений клира и крестьянства. В десяти уездах Вологодской епархии — одной из крупнейших церковных областей Севера — к 1862 г. действовало, по разным данным, 617 или 622 сельских прихода с 1 694 священно- и церковнослужителями¹⁶. К 1890 г. за 627 приходскими церквями числилось 45,4 тыс. десятин земли, в том числе 42,8 тыс. десятин за 591 сельской церковью¹⁷ (в 1865 г. — 39,3 тыс. десятин за всеми храмами епархии¹⁸). По масштабам церковного землевладения среди 56 учтённых епархий Вологодская занимала 15-е, а по площади среднего надела в расчёте на церковь (72,4 десятины) — 18-е место¹⁹.

Характерная особенность изучаемой территории — чёткое природно-климатическое и экономико-географическое деление. Первая зона, сложившаяся по Сухоно-Двинскому речному пути, включала территории Вологодского, Грязовецкого и Кадниковского уездов с относительно благоприятными условиями для земледельческого хозяйства, и Вельского, Никольского, Великоустюгского, Тотемского и Сольвычегодского уездов, где земледелие также было преобладающим видом деятельности, хотя и в меньшей степени. Во вторую зону с суровыми природными условиями и крайне разреженным населением входили Усть-Сысольский и Яренский уезды, в экономике которых особое значение имели неземледельческие занятия²⁰.

Несмотря на то, что только три вологодских уезда из десяти можно было считать в полном смысле земледельческими, доход от пользования наделом являлся одной из констант благосостояния местного духовенства. Анализ материалов опроса 1863 г. по епархии показал, что в выборке из 255 причтовых бюджетов (с полным набором данных) поступления от земли составляли 38,87% годового дохода (медианное значение) с максимумом в Вологодском уезде (51,06%) и минимумом — в Никольском (16,75%)²¹.

Чистая прибыль от земледелия была невысокой. На севере и северо-востоке епархии затраты на обработку земли поглощали до 75% стоимости урожая

¹⁶ Государственный архив Вологодской области (далее — ГА ВО), ф. 496, оп. 1, д. 13558, л. 1 об.; Памятная книжка Вологодской губернии на 1864 г. Вологда, 1864. С. 53–55 (4-я пагинация); *Арсеньев Ф.А.* Хозяйственно-статистический очерк Вологодской губернии, составленный по сведениям за 1869-й год // Памятная книжка Вологодской губернии на 1873 г. Вологда, 1873. С. 3 (3-я пагинация).

¹⁷ *Любинецкий Н.А.* Землевладение церковей и монастырей Российской империи. СПб., 1900. С. 4–5 (2-я пагинация).

¹⁸ РГИА, ф. 799, оп. 31, д. 162, л. 13–21.

¹⁹ *Любинецкий Н.А.* Указ. соч. С. 13, 15 (1-я пагинация).

²⁰ *Колесников П.А.* Северная деревня в XV — первой половине XIX в. К вопросу об эволюции аграрных отношений в Русском государстве. Вологда, 1976. С. 51–61, 64–68 (табл. 5). О природно-географическом и экономическом районировании региона в историческом контексте см.: *Водарский Я.Е.* Вологодский уезд в XVII в. (к истории сельских поселений) // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 253–366; *Бакланова Е.Н.* Крестьянский двор и община на Русском Севере. Конец XVII — начало XVIII в. М., 1976. С. 5 и др.; *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001. С. 384 и др.; *Попов С.А.* Крестьянское самоуправление в Вологодской губернии (вторая половина XIX — начала XX века). Сыктывкар, 2016. С. 29–30.

²¹ РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 25–36; ГА ВО, ф. 496, оп. 1, д. 13548–13554. Всего при исследовании было обработано 316 опросных ведомостей с разной степенью полноты исходных данных.

в текущих местных ценах²². Нередка была нулевая, либо близкая к таковой чистая прибыль²³. В Яренском уезде убытки от земледелия в «зяблые» годы были больше, чем чистая прибыль благополучных лет²⁴. Даже в юго-западных уездах встречались случаи, когда от земли удавалось выручить всего несколько десятков рублей. Совокупные издержки при этом составляли до 80, 150 и даже 200—270 руб. на причт и более²⁵. Так, в Становском Николаевском приходе Грязовецкого уезда ежегодно на сельскохозяйственные нужды у причта уходило 250 руб., в том числе на наём работников и работниц — 110 руб., на их содержание и наём подёнщиков — по 40, на «рабочий инструмент» — 10, на ремонт дворовых построек (амбаров, сараев, овинов) — 50 руб. в год²⁶. В другом грязовецком приходе — Слободском Николаевском — структура затрат была более детализирована, включая «наём работников: зимой для ухода за скотом, а летом — для полевых работ — 150 руб.; их содержание — 75 руб.; поправка повозок и рабочего инструмента — 25 руб.». К этим расходам добавлялись «перемена рабочих лошадей и рогатого скота — 15 руб.; покупка дров, колья и жердя — 65 руб.; поддержка домов и служб — 50 руб.». От общего годового дохода (632 руб.) только основные земельные затраты отнимали 39,56%. С учётом ремонтов и покупки скота их доля (380 руб.) возрастала до 60,13% совокупного дохода клира²⁷. Огородничество везде в епархии играло вспомогательную роль. По имеющимся данным, его вклад в общую сумму земельного дохода духовенства составлял примерно 5%²⁸.

Сложившийся в таких условиях хозяйственный уклад вологодского сельского клира был консервативен. В 1840-е гг., по свидетельству протоиерея А. Попова, «жизнь духовенства, по внешней обстановке более скудная, чем у большинства крестьян, вообще ничем не отличалась от жизни крестьянина. Как крестьянин, так пономарь и дьячок, жили своим хозяйством, трудом, работою; занимались они скотоводством и земледелием, сеяли лён, приготавливали дрова, сами пахали, сеяли, боронили... сами жали, косили, молотили. А бывали между ними и такие, которые между всем этим умели сделать топором и стругом всё, что нужно для хозяйства: и борону сбить, и соху устроить, и ткацкий станок... соорудить»²⁹.

С годами значимость личного земледельческого труда у сельского клирика почти не уменьшалась. Священник В.Н. Турундаевский, служивший при Воздвиженской Кубенской церкви Вологодского уезда, по воспоминаниям внука, и в начале XX в. «обрабатывал землю первобытными орудиями — сохой, деревянной бороной». Он «сам устанавливал снопы для просушки в овине и сам подтапливал его... Сам молотил, сам веял зерно и сам лично сортировал. Всё

²² ГА ВО, ф. 496, оп. 1, д. 13553, л. 73; РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 26, л. 16.

²³ ГА ВО, ф. 496, оп. 1, д. 13550, л. 50—51; д. 13552, л. 29; д. 13554, л. 107; д. 14437, л. 13 об.; РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 25, л. 10 об.—11, 21 об.—22; д. 27, л. 8, 45.

²⁴ РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 32, л. 131—131 об.

²⁵ ГА ВО, ф. 496, оп. 1, д. 13529, л. 3, 11 об., 25 об., 32 об., 38 об.; д. 13550, л. 25 об.—26; д. 13553, л. 141 об.—142; д. 13688, л. 3.

²⁶ РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 33, л. 159 об.

²⁷ Там же, л. 159.

²⁸ См., например: ГА ВО, ф. 496, оп. 1, д. 13529, л. 38 об.; д. 13553, л. 75 об., 87 об.; РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 25, л. 15 об.—16.

²⁹ Попов А., *прот.* Воспоминания причетнического сына. Из жизни духовенства Вологодской епархии. Вологда, 1913. С. 3.

свободное время у него было занято физическим трудом»³⁰. В конце XIX в. корреспондент Этнографического бюро кн. В.Н. Тенишева писал из Грязовецкого уезда, что «священники и причт, как и везде, тянут ту же житейскую лямку, влача свои хозяйства в более или менее прожиточной форме»³¹.

Трудозатраты, связанные с земледелием, естественно вызывали ожидание отдачи от усилий, не всегда оправдывавшихся в условиях, когда, как в Великоустюгском уезде, «пахотная земля, находясь в суровом климате и гористой местности, мало приносит должных плодов»³², а также психологический дискомфорт, возникавший из-за нехватки времени на добросовестное выполнение служебных обязанностей.

Тяжесть выбора между личным благосостоянием и долгом отразилась в своеобразно переиначенной риторике жертвенности. «Священникам, — сообщалось из Шарженского Михайло-Архангельского прихода Никольского уезда, — приходится, за исправлением богослужений и треб по обширному и многолюдному приходу, всё свободное время жертвовать заботам и хлопотам по хозяйству»³³. В другом случае акценты менялись: тогда уже не хозяйство препятствовало службе, а, наоборот, пастырский долг становился помехой, и возникал тип иерея, «постоянно отвлекаемого от сельских хозяйственных занятий для требоисправления по церкви и по приходу»³⁴. Такой батюшка был вынужден непрестанно, порой несколько раз на дню, перемещаться между идеальным и реальным. Его служение становилось отрывочным, нервически непродолжительным. Возвращение от алтаря в «мир» и обратно давалось тяжело: «Очень трудно жить в мире. Суеты неизбежны. Хозяйство подлинно требует многого ума и многих хлопот»³⁵.

Всё это становилось мощным стрессогенным фактором — особенно в тех случаях, когда священник считал для себя невозможным служить «спустя рукава». С большой эмоциональной точностью описал эти изматывающие метания тотемский благочинный Павел Дьяков. В рапорте духовной консистории по опросным ведомостям причтов своего округа он сообщал, что загруженный полевыми работами священник «исполняет свою должность торопливо, невнимательно». В воскресную службу, после «недельных трудов он поскорее желает покончить с церковью... Но вот, после вывозки навоза и опаживания оным поля, скопив этот священный земледелец несколько сил, — берёт в руки косу, нанимает работников, идёт в луга свои — вдруг извещает благочинный, что он едет, а за ним преосвященный для обзора! Конечно, уж тут не до сенокоса. Десять раз бедный священник ходит в церковь для очистки, десять раз пересматривает церковные документы и десять раз он не увидит самых грубых ошибок и в церкви, и в документах... Целая неделя проходит в невыносимой муке от страха и опасения, и действительно, священник явится перед владыкой и дик,

³⁰ *Турундаевский А.А.* Наша семья // История от первого лица. Мир северной деревни начала XX века в письменных свидетельствах сельских жителей. Архангельск; М., 2011. С. 192.

³¹ Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 2. Грязовецкий и Кадниковский уезды / Науч. ред. Д.А. Баранов, А.В. Коновалов. СПб., 2007. С. 78.

³² ГА ВО, ф. 496, оп. 1, д. 13553, л. 127.

³³ Там же, д. 13554, л. 114.

³⁴ Там же, л. 152.

³⁵ Цит. по: *Знаменский П.В.* К биографии А.П. Шапова // Исторический вестник. 1899. Т. СХХV. С. 520.

и неисправен, и безгласен, а это опять от того, что не богословие повторял, не литературой занимался, а рылся в грязи»³⁶.

Таким образом, отрицательное отношение к земледельческому труду объяснялось тем, что он, будучи для духовенства неизбежностью, вёл к очевидным и невозполнимым интеллектуальным потерям. Молодой священник, который «в семинарии более или менее освоился с идеями благородными, присмотрелся к жизни лучшей», на приходе, «привыкая к труду сельскому», по наблюдениям Дьякова, «мало-помалу теряет образование»³⁷.

В 1866 г. «Вологодские епархиальные ведомости» сетовали на то, что супруги некоторых клириков, поглощённые исключительно домашними заботами, не проявляют никакого интереса к делу жизни своих мужей: «Немало, таким образом, в здешнем крае жён, даже священнослужительских, которые слишком много ходят на обыкновенных крестьянок по нравственной неразвитости, по узкости взгляда на всё, их окружающее, и преследуемым в жизни интересам. Муж при этом или увлекается, вслед за женой, мелочами жизни, или остаётся с её стороны без сочувствия и поддержки в деле особенно-бескорыстного и усердного служения святой вере и Церкви»³⁸.

Мотивы унизительности земледельческого труда и его необходимости для священника, даже образованного, причудливо переплетались в личном восприятии, отмечавшем не только физическую тяжесть земледелия, но и его внешнюю, совсем не благородную простоту. «Стоит только посмотреть в нашем крае, — отмечал П. Дьяков, — когда в летнее время, или по-нашему, “в страду”, какой-нибудь зажиточный крестьянин идёт к батюшке для напутствования своего больного отца или матери. Крестьянин, конечно, прилично одетый, приходит к отцу духовному в поле, где тот последний держит плуг, или боронит полосу, или возит удобрения. Невыносимо тяжка эта сцена — особенно для священника, потому что он в сермяге и босой... Случается, в таком положении, хотя и проездом, но видит и помещик, и чиновник священника. Дивно ли после сего, что всех нас, сельских священников, считают мужиками? Мы не унижаем трудов, но чёрные труды унижают священника, и сколько бы он не имел достоинств научных и моральных, он всё-таки крестьянин. При этом священник, если он дорожит лично своею работою (а не дорожить нельзя, потому что у нас тот священник и живёт хорошо, кто сам работает)... исполняет свою должность торопливо и невнимательно, огорчается сам и огорчает крестьянина... Между нами же не более трёх или четырёх священников, не работающих в поле, и то только потому, что имеют счастье отдать землю в аренду или не имеют её пахотной... Нет! Пока земля будет собственностью священника, наука и литература не жди себе пособия от сельского священника: ему некогда заниматься трудами учёными, хотя много у него данных для науки из быта народного»³⁹.

Вместе с тем частые переводы с прихода на приход, обычные в описываемое время, препятствовали формированию устойчивой психологической привязанности священнослужителей к надельной земле. Характерно, что полученные от неё средства именовались «выгодами», в отличие от «дохода», ко-

³⁶ РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 36, л. 7.

³⁷ Там же, л. 7 об.

³⁸ О епархиальных училищах для девиц духовного звания (окончание) // Прибавления к Вологодским епархиальным ведомостям. 1866. № 9. С. 369.

³⁹ РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 36, л. 6—9.

торый прочно связывался со «службой»⁴⁰. При этом отношение духовенства к надельной земле следует отличать от отношения к личной земельной собственности, распространившейся в последней четверти XIX — начале XX в.⁴¹ Ввиду нестабильности земельного дохода даже в климатически более благополучных юго-западных Вологодском и Кадниковском уездах⁴², клирики епархии обращались с просьбами в синодальное Присутствие по делам православного духовенства возложить обработку церковных земель на прихожан. В Усть-Сысольском уезде считали это моральной обязанностью верующих по отношению к своим причтам⁴³, в Кадниковском и Сольвычегодском — своего рода платой за исполнение треб или обучение грамоте крестьянских детей⁴⁴. Видимо, сознавая правовую сомнительность данного требования, духовенство Никольского уезда просило подкрепить его «особым приказанием» начальства⁴⁵. Многие священнослужители Вельского уезда увязывали введение отработок с назначением себе казённого оклада⁴⁶. Другие предлагали передать всю церковную землю в Вологодском, Вельском, Грязовецком уездах в пользование крестьянам за постоянную денежную плату⁴⁷.

Обременительность полевых работ вызывала у духовенства желание полностью или частично сдать свой надел в аренду. Отношение к смене формы землепользования было по-своему эмоциональным, по крайней мере, тот же П. Дьяков писал о священниках, имеющих «счастье отдать землю в аренду». Всё яснее осознававшиеся выгода и «престиж» аренды по сравнению с собственным трудом — симптом объективной прагматизации мировоззрения клира⁴⁸. У вологодского духовенства это было связано со стремлением не столько даже получить от надела максимально возможный доход, сколько гарантировать стабильное поступление средств в условиях общей шаткости, рискованности земледельческого хозяйства. В начале 1860-х гг. в Кадниковском уезде сколько-нибудь существенной пользы от церковной земли удавалось добиться только с помощью аренды⁴⁹. Сдавали обычно землю, слишком удалённую от приходской церкви, либо ту, которую полагали маловыгодной⁵⁰ или излишней⁵¹. Часть надела (прицерковная пашня или сенокос) при этом могла остав-

⁴⁰ Подробнее см.: *Всеволодов А.В.* Служба, доход и оклад в представлениях православного приходского духовенства и печати 1860-х гг. (к постановке вопроса) // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность. Материалы международной научной конференции / Отв. ред. В.А. Веремко. СПб., 2016. С. 195—201.

⁴¹ *Подвигайло А.А.* Церковное землевладение и землепользование в Центрально-Чернозёмном регионе в 60—90-е годы XIX века: на примере Курской и Воронежской губерний. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2007.

⁴² ГА ВО, ф. 496, оп. 1, д. 13529, л. 3, 11 об., 25 об., 32 об., 38 об.; д. 13550, л. 25 об.—26; д. 13553, л. 141 об.—142; д. 13688, л. 3.

⁴³ Там же, д. 13550, л. 53 об.—54.

⁴⁴ Там же, л. 87 об.; д. 13554, л. 18.

⁴⁵ РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 26, л. 50.

⁴⁶ ГА ВО, ф. 496, оп. 1, д. 13552, л. 24 об.—25.

⁴⁷ Там же, д. 13548, л. 3 об.—4, 9 об.—10, 15 об.—16; РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 33, л. 19 об.

⁴⁸ Именно это, вероятно, подразумевал М.Е. Салтыков, когда писал на исходе 1880-х гг., что современное ему духовенство «относится уже к полеводству довольно холодно (отдают свой земельный участок в кортому)» (*Салтыков-Щедрин М.Е.* Мелочи жизни // *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собр. соч. в 20 т. Т. 16. Кн. 2. М., 1974. С. 53).

⁴⁹ РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 28, л. 61.

⁵⁰ ГА ВО, ф. 496, оп. 1, д. 15652, л. 1; д. 16755, л. 87; РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 34, л. 219.

⁵¹ Например, половину земельной доли сверхштатного причетника в Кадниковском уезде (ГА ВО, ф. 496, оп. 1, д. 14145, л. 1).

латься в личном пользовании духовенства⁵²: причты даже просили нарезать им такое количество земли, чтобы одну половину её можно было кортомить, а другую — возделывать на полученные деньги⁵³.

Переход от личной обработки земли к сдаче её в аренду прямо зависел от внутрприходских отношений. Поскольку принадлежность земли, по мнению крестьян, определялась фактическим пользованием ею, участки, находившиеся в некрестьянском владении, так или иначе попадали в сферу интересов сельской общины⁵⁴. По воспоминаниям А.А. Турундаевского, его отец-священник предпочёл сдать свою удобно расположенную пашню крестьянам, так как «сообразил, что шкурка выделки не стоит по некоторым мотивам. Во-первых, народ с завистью смотрит на эту землю, и не исключена возможность потрав. Заставить крестьян отгораживать свои земли от поповских полей вызовет много хлопот и озлоблений. Во-вторых, доходы от земли за вычетом всех вложений будут крайне невелики, а потому вся земля была отдана в аренду за небольшую плату. Оставлен небольшой клочок для личного пользования»⁵⁵.

Повсеместно практиковалась полная или частичная обработка церковных и причтовых земель наёмным трудом, а в Великоустюгском, Сольвычегодском и Яренском уездах — половниками⁵⁶. Распространены были и помочи, к которым священнослужители обычно прибегали для ускорения хода полевых работ⁵⁷. В Вельском, Вологодском, Никольском, Тотемском, Великоустюгском и Яренском уездах привлечение «чужих рук» было обусловлено как служебной занятостью священнослужителей, так и труднодоступностью их угодий, хотя земля могла признаваться при этом единственным или наилучшим средством содержания⁵⁸. Многие, однако, не пользовались ими из-за дороговизны⁵⁹.

В формировании субъективного отношения клирика к своему наделу и оценке его производительных возможностей большую роль играло и расположение участков на местности. Опрос 1863 г. показал весьма смутные представления причтов о количестве имевшейся в их распоряжении земли и её границах, обусловленные давностью пользования и пестротой его юридических оснований⁶⁰. Если в период нестеснённой выборности приходского духовенства

⁵² Там же, ф. 34, оп. 12, д. 59, л. 11; ф. 496, оп. 1, д. 13552, л. 41; д. 14437, л. 13.

⁵³ РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 36, л. 1 об.

⁵⁴ Об этом см.: *Данилов В.П., Данилова Л.В.* Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России. М., 1996. С. 27; *Милов Л.В.* Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства // Там же. С. 43, 53–56; *Саблин В.А.* Крестьянское хозяйство на Европейском Севере России (1917–1920). М., 2009. С. 137; *Сухова О.А.* Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX — начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008. С. 206, 208; *Швейковская Е.Н.* Государство и крестьяне России. Поморье в XVII в. М., 1997. С. 259–277.

⁵⁵ *Турундаевский А.А.* Наша семья. С. 241.

⁵⁶ РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 34, л. 63 и др.

⁵⁷ *Громько М.М.* Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. С. 31–70. О негативных аспектах помочей см.: *Макарова В.Ю.* «Он хотя и выпивает, но не упивается»: отношение крестьян к пьянству священников // Сны Богородицы. Исследования по антропологии религии. СПб., 2006. С. 78–79.

⁵⁸ ГА ВО, ф. 496, оп. 1, д. 13549, л. 103 об.—104; д. 13552, л. 19 об.—21, 26 об.—27, 46 об.—47; д. 13554, л. 60, 113; д. 15460, л. 9 об.; д. 15736, л. 10 об. РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 25, л. 16 об.—18; д. 26, л. 93.

⁵⁹ РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 33, л. 75, 159 об.; ГА ВО, ф. 496, оп. 1, д. 13554, л. 47 об.—48, 113.

⁶⁰ Это, впрочем, не было особенностью одного лишь духовенства. О.А. Плех отмечает, что отсутствие подробных и точных карт Вологодской губ. в первой половине XIX в. приводило к тому, что «должностные лица ряда уездов выполняли возложенные на них обязанности, не имея

право на пользование участками земли определённой площади обосновывалось и поддерживалось самим порядком ставленнического делопроизводства⁶¹, то с 1765 г. наделение землёй регулировалось законодательно. Так, в ходе Генерального межевания каждой приходской церкви предполагалось отвести по 33 десятины⁶².

В Вологодской губернии межевание завершилось в основном к 1796 г.⁶³, однако полностью разграничить причтовые наделы и участки других владельцев при этом не удалось. Много лучшего оставляла желать и сохранность в церковных архивах поземельной документации⁶⁴. Во многие приходы межевые планы и книги не высылались годами и десятилетиями⁶⁵. Даже когда размежёваны были давно используемые земли, точная их площадь порой оставалась духовенству неизвестна: судили о ней приблизительно, с точностью до десятков десятин⁶⁶. Иногда имелось несколько планов и книг, но они охватывали лишь часть надела, либо же их информация была не во всём достоверной (из-за технических ошибок или вследствие перемены собственников)⁶⁷. Это позволяет объяснить указания источников о том, что земля, как сообщали в 1859 г. из Кулойского Покровского прихода Вельского уезда, отмежёвана «в прежние годы, когда именно, неизвестно», и «поступила на церковь неизвестно откуда»⁶⁸.

В середине — второй половине XIX в. в епархии сохранялись рудименты прежней нераздельности церковного и крестьянского землевладения⁶⁹. Участки, которыми пользовались причты в Вельском, Никольском, Сольвычегод-

точного представления о географии и границах подчинённой им территории» (*Илех О.А.* Местное управление в Вологодской губернии в первой половине XIX века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. С. 18—19).

⁶¹ *Зольникова Н.Д.* Сибирская приходская община в XVIII веке. Новосибирск, 1990. С. 150; *Камкин А.В.* Общественная жизнь северной деревни. Пути и формы крестьянского общественного служения. Вологда, 1990; *Мильчик М.И.* Приходская церковь и крестьянская община на Архангельском Севере в XVII в. // *Русская культура на рубеже веков: Русское поселение как социокультурный феномен. Сборник статей / Гл. ред. Г.В. Судаков.* Вологда, 2002. С. 40; *Пулькин М.В.* Приходское делопроизводство XVIII века как исторический источник (по материалам Олонецкой епархии) // *Источниковедение: поиски и находки. Сборник научных трудов. Вып. 1.* Воронеж, 2000. С. 132—133.

⁶² ПСЗ-І. Т. 18. № 12925. С. 156—162.

⁶³ *Колесников П.А.* Северная Русь. Вып. 2. Архивные источники по истории Европейского Севера России XVIII в. Вологда, 1973. С. 106; *Цветков М.А.* Картографические материалы Генерального межевания // *Вопросы географии. Сборник тридцать первый / Отв. ред. Н.Н. Баранский, В.К. Яцунский.* М., 1953. С. 92.

⁶⁴ См.: *Пулькин М.В.* Православный приход и власть в середине XVIII — начале XX в. (по материалам Олонецкой епархии). Петрозаводск, 2009. С. 130.

⁶⁵ Так, в Косланском Ильинском приходе Яренского уезда в 1870 г. священнослужители всё ещё ожидали присылки документов по межеваниям 1825 и 1851 гг. (ГА ВО, ф. 496, оп. 1, д. 14437, л. 5). Подробнее см.: *Милов Л.В.* Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию (К истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII в.). М., 1965. С. 33—59.

⁶⁶ ГА ВО, ф. 34, оп. 12, д. 59, л. 3 об.—4; ф. 496, оп. 1, д. 13552, 13 об.—14; д. 13554, л. 29 об.—30; РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 25, л. 9 об.—10 об.; д. 34, л. 27 об.—28, 71 и др.

⁶⁷ ГА ВО, ф. 34, оп. 12, д. 59, л. 2 об.—3; ф. 263, оп. 1, д. 453, л. 65.

⁶⁸ Там же, ф. 34, оп. 12, д. 59, л. 4 об.—5.

⁶⁹ См.: *Копанев А.И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978. С. 114—116; *Копанев А.И.* Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л., 1984. С. 36—37; *Швейковская Е.Н.* Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня конца XVI — начала XVIII века. М., 2012. С. 139—152. См. также: *Богословский М.М.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII веке. Т. II. М., 1912. С. 19—20; *Юшков С.В.* Очерки из истории приходской жизни на Севере России в XV—XVII вв. СПб., 1913. С. 5—7; и др.

ском и Великоустюгском уездах, по происхождению и по территориальному окружению часто были мирскими⁷⁰. В Великоустюгском, Сольвычегодском, Усть-Сысольском и Яренском уездах в совместном пользовании крестьян и духовенства находились сенокосные угодья⁷¹. На юго-западе епархии они сдавались причту «за оброк»⁷². Многие священнослужители северо-востока к началу 1860-х гг. не имели земли вовсе либо располагали только усадьбой, площадь которой не достигала и десятины⁷³. Некоторые причты, кроме участков, закреплённых за церквями Генеральным межеванием (в том числе и приданных по писцовым книгам), пользовались землёй «по старине» — непрерывно, начиная с XVI—XVII вв. Права на эти «неплановые» участки подтверждались, как правило, свидетельствами старожилов⁷⁴.

Обычноправовая регламентация землепользования при определённых обстоятельствах была выгодна духовенству. Она позволяла расширять площадь наделов за счёт угодий, занятых по договорённости с соседями или самочинно. Многие клирики также предпочитали пользоваться вместо отмежёванной земли небольшими участками, полученными «по соглашению» от прихожан⁷⁵. Тем самым закладывалась основа для будущих конфликтов, поскольку крестьяне, отводя причту пашню или сенокос до нарезки установленной законом «пропорции» или бессрочно, делали это, по большей части, «без акта» и реже — «по подписке»⁷⁶.

Действительно, земли, не разграниченные официально, часто становились ареной столкновения интересов священнослужителей и крестьян. Добровольный отвод мирской земли духовенству в дальнейшем служил предлогом для одностороннего возврата её общиной. Клирики квалифицировали такие действия как «захват», обосновывая свои права на отнятые угодья длительностью пользования⁷⁷. Ощущение ценности спорных участков было у них иногда столь сильно, что причты в борьбе за них не останавливались даже перед подделкой правоустанавливающей документации, как это случилось в ходе конфликта причта Цилебской Христорожественской церкви Яренского уезда с местными крестьянами из-за пожни Пономарской⁷⁸. Так же умело и успешно при отстаивании своих позиций в поземельных спорах духовенство оперировало и подлинными межевыми актами⁷⁹.

⁷⁰ ГА ВО, ф. 34, оп. 12, д. 59, л. 6 об.—7; ф. 496, оп. 1, д. 13553, л. 132; РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 25, л. 9 об.—10; д. 34, л. 7 об.—8.

⁷¹ РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 34, л. 8.

⁷² Так, в 1844 г. причт Воскресенской на Борку церкви Вологодского уезда платил своим крестьянам 44 руб. 24 коп. такого оброка (РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 34, л. 10).

⁷³ К примеру, площадь усадельной земли Слудского прихода в Яренском уезде составляла 600 кв. саженей (РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 32, л. 118 об.—119). Причт Угронского Введенского прихода в Вельском уезде имел только огороды, переданные прихожанами (Там же, д. 34, л. 335).

⁷⁴ ГА ВО, ф. 496, оп. 1, д. 13549, л. 207; РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 28, л. 61. Следует учесть, что владение «по старине» могло и не предполагать какой-либо письменной фиксации прав на землю. См.: *Воскобойникова Н.П.* К истории описания Сольвычегодского уезда во второй половине XVI — первой четверти XVII в. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. Сборник статей. М., 1991. С. 80.

⁷⁵ См.: ГА ВО, ф. 496, оп. 1, д. 13550, л. 53 об.; д. 13553, л. 121 об.; РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 34, л. 71.

⁷⁶ См.: РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 34, л. 2, 4, 6 и др.; ГА ВО, ф. 496, оп. 1, д. 13550, л. 57.

⁷⁷ См.: ГА ВО, ф. 496, оп. 1, д. 15652, л. 4—5.

⁷⁸ Там же, д. 13320, л. 1—1 об., 4.

⁷⁹ См. пример такого спора: Там же, д. 13322, л. 5, 6, 12.

Симптоматично, что, несмотря на сложности с признанием границ и частое незнание обстоятельств приобретения земель, различия в актуальных основаниях пользования ими осознавались и обозначались духовенством вполне ясно. «Обрезную» (отмежёванную) землю не смешивали с «крепостной», «данной» или «оброчной»⁸⁰. Хорошо были осведомлены причты и о наличии в приходской округе тех или иных доходных угодий и их владельческом статусе. В опросных ведомостях 1863 г. они локализируются порой очень точно, с указанием не только названий дач, но и имён владельцев («пустошь... г. Брянчаниновых и Волкова»⁸¹, лес из казённой дачи «против деревень Воронцовых»⁸²), либо дополнительных идентифицирующих признаков. Так, клир Задносельской Георгиевской церкви Кадниковского уезда просил передать ему сенные покосы в пожнях, оставшиеся сверх крестьянского надела у помещиков по селам Бережок, Миролубово, Скородумово — «в недалёком расстоянии от церкви»⁸³. Трудно сказать, собиралась ли информация о принадлежности угодий специально при подготовке опросных ведомостей, либо же была частью практического знания местного землевладения (необходимого клиру в повседневном общении с паствой). Однако она явно использовалась духовенством для защиты коллективных и индивидуальных интересов и рассматривалась как инструментальная ценность.

Важнейшими чертами пространственной конфигурации причтовых наделов, во многом унаследованными ещё от досинодального времени, были чересполосица и значительная раздробленность. Каждый надел состоял из долей («повытков»). Повыток, в свою очередь, делился на несколько пахотных полос и сенокосных участков⁸⁴. При распределении земли дробность надела, помимо прочего, облегчала соблюдение служебной иерархии. При этом даже обширный (до 200—400 десятин) участок мог быть размещён так, что его держатели жаловались на крайнюю тесноту. Духовенство Пушемского Троицкого прихода Никольского уезда, располагавшее более чем 114 десятинами земли, писало в отзыве, что она «очень сжата», а «межа от межи [находится] на расстоянии всего 70 сажень»⁸⁵.

Эта мозаичность надела, как ни парадоксально, могла позитивно влиять на межличностные отношения в клире. В сезон полевых работ священнослужители, выйдя из храма, не разлучались надолго — земледельческие хлопоты снова сводили их вместе, и они оказывались буквально на соседних участках⁸⁶.

Полицентричность была свойственна как наделам, состоявшим целиком из официально отмежёванной земли, так и тем, в которых участки по «казённой пропорции» дополнялись крестьянскими придачами. Типичной даже для Вологодского и прилежавших к нему уездов была ситуация, когда пахота и сенокос оказывались отведены в разных местах, отстоявших от церкви на расстояние от

⁸⁰ Там же, ф. 883, оп. 1, д. 162, л. 140—140 об., 146, 155 об., 172, 177, 229 об., 255 об.

⁸¹ Там же, ф. 496, оп. 1, д. 13550, л. 19 об.—20.

⁸² Там же, д. 13549, л. 213.

⁸³ Там же, д. 13550, л. 1 об.—2.

⁸⁴ Подробнее см.: *Васильев Ю.С.* Избранные труды по истории Европейского Севера России XVIII—XVII веков. Вологда, 2013. С. 212.

⁸⁵ РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 26, л. 58.

⁸⁶ «Выйдите на церковное поле и увидите, что на одной стороне пашет причетник, а на другой священник... А спустя четыре-пять часов там уже другая картина. На одной полосе сеет священник, на другой пономарь, а на третьей женщина» (*Попов А., прот.* Указ. соч. С. 4).

1—2 до 15—30 верст⁸⁷. Количество несмежных участков достигало пяти—деяти и более, а при удачном стечении обстоятельств ограничивалось двумя—четырьмя⁸⁸.

Структура надела являлась одним из факторов отнесения земли к категории «удобной». Вообще же понятие «удобство» в представлениях сельского духовенства было весьма пластично: соответствующим термином при необходимости пользовались для комплексной характеристики физической доступности участка, состава и плодородия почвы, а также объёмов получаемого с него дохода. Столь же условным оказывалось и «неудобство». По-видимому, оно указывало прежде всего на удалённость тех или иных угодий от храма. «Дальность расстояния», подразумевавшая «неудобство» землепользования, отсчитывалась примерно с 5 вёрст: меньшая дистанция позволяла считать участок доступным для обработки. Так, в Подкубенском Воскресенском приходе Вологодского уезда духовенство без всякого намёка на длину пути констатировало, что половина сенокосной земли состоит «на пустоши, находящейся от церкви в 2,5 верстах, которая не вся к плодородию и сенокосу удобна»⁸⁹. П. Дьяков, говоря о трудности хлебопашества для тотемских священников, отмечал: «Только при некоторых приходах земля по полной пропорции по положению, а при тех, где вблизи церкви помещики или крестьяне, редко полный надел земли, или она в 5, 10 и 15 верстах, и та в 3—4 местах, по качеству большею частью дурна»⁹⁰. В Кичменгском Преображенском приходе Никольского уезда клирики пользовались участком в 106 десятин, находившимся за семь вёрст от храма. Из этого причт заключал, что земля «по дальности... для владения вовсе не удобна»⁹¹.

Однако зависимость между расстоянием до участка и признанием «удобства» либо «неудобства» его разработки прослеживается не всегда: данные параметры часто использовались и в сопряжении, и без какой-либо очевидной связи друг с другом⁹². Характерно, что, формулируя свои материальные запросы в «Сведениях об улучшении быта», причты пренебрегали удалённостью доходных земель. Например, в Вологодском уезде священнослужители просили передать им казённые леса в 5—8 верстах от церквей⁹³. Шейбухтский Богородский причт Тотемского уезда высказывал в ведомости желание пользоваться покосами в 4, 26 и 32 верстах от своего храма⁹⁴.

Пашня и сенокос могли считаться «удобными», если ничто в пространственном расположении, рельефе не препятствовало их разработке. Соответственно, «неудобной» становилась земля, занятая лесом, находящаяся под дорогами или вблизи них, заболоченная и т.п.⁹⁵ — та, с которой «причт не получает никакой пользы»⁹⁶. «Малоудобной» признавалась земля, которая «малую и редко приносит пользу»⁹⁷. Для усадебной оседлости «удобство», видимо,

⁸⁷ ГА ВО, ф. 34, оп. 12, д. 59, л. 6 об.—11; ф. 496, оп. 1, д. 13554, л. 69—69 об.; д. 15750, л. 5 об.; РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 28, л. 61; д. 34, л. 267; д. 36, л. 5.

⁸⁸ ГА ВО, ф. 496, оп. 1, д. 14330, л. 3 об.; д. 13550, л. 17 об.—18; д. 13553, л. 127; д. 13688, л. 3; ф. 883, оп. 1, д. 162, л. 223 об.; РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 34, л. 9 об.—10.

⁸⁹ РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 34, л. 205.

⁹⁰ Там же, д. 36, л. 5.

⁹¹ ГА ВО, ф. 496, оп. 1, д. 13552, л. 44 об.—45.

⁹² РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 27, л. 30; д. 36, л. 80.

⁹³ ГА ВО, ф. 496, оп. 1, д. 13548, л. 7 об.—8, 13 об.—14.

⁹⁴ РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 36, л. 22 об.—23.

⁹⁵ ГА ВО, ф. 496, оп. 1, д. 13548, л. 5 об.—6.

⁹⁶ РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 34, л. 213.

⁹⁷ Там же, л. 219.

предполагало наличие при домах причта обустроенных огородов, способных обеспечивать потребности семей клириков⁹⁸.

Понимая «удобство» как показатель производительных возможностей земли, духовенство учитывало всю совокупность местных особенностей, прежде всего — рельеф и климат. Косвенно о земледельческом опыте и знаниях священнослужителей можно судить по тому, как производилась ими оценка качества почв. Судя по ведомостям о средствах содержания духовенства Вологодской епархии, поданным в Святейший Синод в 1845 г., она была как комплексной («качества земля порядочного»⁹⁹), так и параметрической («качеством относительно плодородия земля хороша»¹⁰⁰; «качество земли: состоит из серого, а немалая часть — из жёлтого песка»¹⁰¹; «земля по причине песчаного грунта к плодородию посредственна»¹⁰²; «земля же по причине низменности положения и холодности климата к плодородию неудобна»¹⁰³). Высокая детализация оценочной шкалы обуславливалась точной подстройкой её под локальные природные условия, что вело иногда к излишней дробности описания. Так, при «порядочном» качестве почвы дополнительно учитывалась, например, её «хрящеватость»¹⁰⁴.

Если в надел входили неравные в том или ином отношении участки, это также отражалось в оценке в виде простой градации («качества земля есть хорошая, порядочная и средственная»¹⁰⁵), либо с помощью специализации угодий по хозяйственному назначению («и пахотная, и сенокосная земля хорошего качества»¹⁰⁶), либо обобщённо — с указанием доли лучшей или худшей земли от общей площади («земля большею частью неудобная»¹⁰⁷). Поскольку контрасты были порой очень велики, нередко в ведомостях называлась площадь худшего участка¹⁰⁸.

О земледельческой опытности причтов свидетельствуют и их указания на то, что земля требует регулярного «немалого» или «хорошего» удобрения и «надлежащего возделывания»¹⁰⁹. Так, из Кумзерского Флоро-Лаврского прихода Кадниковского уезда сообщалось о том, что пахотная земля «к хлебопашеству способна и вся удобрена»¹¹⁰. По урожайности хлебов, количеству снятого с покосов сена или внесённого удобрения судили о «посредственности» земли в Грязовецком уезде¹¹¹. Собственные трудозатраты наряду с природными свойствами, как видно, служили мерилем качества земли.

Отношение духовенства к поддержанию плодородия почв зависело от многих факторов. Причины «нерачения» о земле были не всегда очевидны даже

⁹⁸ Там же, д. 32, л. 126; ГА ВО, ф. 496, оп. 1, д. 13553, л. 102—102 об.

⁹⁹ РГИА, ф. 804, оп. 1, разд. III, д. 34, л. 32.

¹⁰⁰ Там же, л. 339.

¹⁰¹ Там же, л. 405.

¹⁰² Там же, л. 28.

¹⁰³ Там же, л. 71.

¹⁰⁴ Там же, л. 151.

¹⁰⁵ Там же, л. 349, 317.

¹⁰⁶ Там же, л. 57. См. там же: л. 36, 40, 113, 191, 261, 263, 265, 267, 295 и др.

¹⁰⁷ Там же, л. 331. См. там же: л. 29 об.—30, 42, 61, 390 и др.

¹⁰⁸ См., например, ведомость по Уфгюжскому Трифоновскому приходу Кадниковского уезда, где обозначено, что кроме «хорошего» сенокоса у причта имелось ещё 6 десятин «маловыгодного» (Там же, л. 295).

¹⁰⁹ Там же, л. 14, 51, 79, 87, 249, 251, 257.

¹¹⁰ Там же, л. 101.

¹¹¹ Там же, л. 223, 225, 227, 229.

тем, кто постоянно наблюдал жизнь сельского батюшки. Когда священнослужитель не занимался хозяйством сам и не передавал надельную землю в стороннее пользование, это со временем приводило её в самое плачевное состояние. Преемник мог впоследствии годами пытаться исправить положение, но так и не достичь успеха. В объединённом Нокшинско-Бобровском Богородском приходе Великоустюгского уезда за «опустошённой» предшественниками землёй причту пришлось ухаживать четыре года, прежде чем в 1880 г. удалось вновь получить с неё чистого дохода 29 руб. Два года подряд до этого убытки составляли по 60 руб.¹¹²

Нередко поля оставлялись «впусте» из-за вдовства их обладателей¹¹³. Кроме семейных неурядиц, к делу порой примешивалось внутрипричтовое соперничество. Небрежность по отношению к своему участку, возникавшая из-за служебной занятости или бедности, рассматривалась как аргумент в пользу перераспределения угодий в причте¹¹⁴. Наоборот, стабильное поддержание плодородия земли воспринималось как служебное отличие, подтверждавшее ответственность и добросовестность клирика и выделявшее его из среды «собратий». Так, в частности, писал о себе в прошении 1869 г. сверхштатный диакон Евгений Изюмов: «Я с поступления своего на место сам занимался земледелием и старался удобрить землю, которую и удобрил». Вологодский священник Евграф Марков просил разрешить ему засев парового поля, ранее удобренного «и в лучшем достоинстве приготовленного к засеянию озимовую рожью»¹¹⁵.

Представления вологодского сельского духовенства о земле, землевладении и землепользовании не составляли строгой системы и преломлялись в двух плоскостях повседневной жизни. Для исполнения служебных обязанностей надел являлся обузой, препятствием, но он же оставался основой житейского благополучия, важнейшим компонентом материального обеспечения клириков и их семей. Преобладание той или другой стороны зависело не только от индивидуальной психологии, но и от неповторимого сочетания и постоянной изменчивости жизненных обстоятельств. Убеждение в ценности земли как ресурса для ведения хозяйства заставляло священнослужителей искать такую стратегию экономической деятельности, которая принесла бы наибольшую финансовую отдачу при наименьших затратах собственного труда. Достигать этого они пытались как с помощью комбинации личного землепользования со сдачей части надела в аренду, так и передавая всю церковную землю в обработку прихожанам — с соответствующим возмещением. Но несмотря на всю привлекательность аренды, для многих причтов личный труд на земле и в пореформенные десятилетия не имел альтернативы. Сохранение архаических черт в поземельных отношениях создавало для духовенства трудности с восприятием и фиксацией границ земельных участков. Однако к подтверждению прав на угодья причты, когда это было необходимо, относились с большим вниманием, умея не только хорошо ориентироваться в особенностях местного землевладения, но и использовать имеющиеся знания для защиты своих интересов.

¹¹² ГА ВО, ф. 496, оп. 1, д. 15460, л. 5—5 об.

¹¹³ Там же, д. 14496, л. 25 об.; д. 16755, л. 87.

¹¹⁴ Там же, д. 13319, л. 11 об.

¹¹⁵ Там же, д. 15442, л. 95.

Братская библиотека Донского монастыря в конце XIX — начале XX в.

Мария Артюшенко

The fraternal library of the Donskoy Monastery in the late XIX — early XX centuries

Mariya Artiushenko (Moscow, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870004232-6

Интерес к истории православных монастырей и монашествующих Российской империи в последние десятилетия неуклонно растёт. В основном исследователей интересует духовная жизнь обитателей, их благосостояние и деятельность, численность и социальный состав насельников, их роль в политических событиях и культуре, судьбы наиболее ярких подвижников¹. Гораздо хуже изучены интеллектуальные потребности и запросы монахов (за исключением представителей учёного монашества²). Их анализ, безусловно, важен для характеристики данной части русского общества, но чрезвычайно сложен, поскольку необходимо учитывать местонахождение, статус и специфику каждой обители, а также степень полноты и репрезентативности сохранившихся источников.

Среди них особое значение имеют документы монастырских библиотек, отражающие их тематику, пополнение и востребованность братией. Несмотря на то, что сами книжные собрания после закрытия монастырей рассеивались, следы их порой обнаруживаются в архивах. В частности, материалы, хранящиеся в РГАДА (ф. 1183, 1629.), в ЦГА Москвы (ф. 421, оп. 1) и ЦГА МО (ф. 966, оп. 4), в отделах рукописей РГБ (ф. 881) и ГИМ (Донское собрание), позволяют проследить судьбу братской библиотеки московского ставропигиального Донского монастыря, входившего в начале XX в. в тройку самых богатых обителей не только Первопрестольной, но и всей России³.

В середине XIX в. в монастырском книгохранилище, являвшемся частью ризницы, насчитывалось свыше двухсот рукописных и печатных книг, древнейшие из которых — печатные январские минеи издания 7130 (1622) г. Согласно оставленной на них подписи, «131-го года декабря 15-го государь царь и великий князь Михаил Феодорович всея России пожаловал книгу сию к своему богомолью в обитель Донской Богоматери»⁴. Из рукописных богослужебных

© 2019 г. М.В. Артюшенко

¹ Подробнее см.: *Зырянов П.Н.* Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. М., 1998.

² О них см.: Русские писатели-богословы. Историки Церкви. Исследователи и толкователи Священного Писания. Библиографический указатель / Сост. А.С. Чистякова, О.В. Курьгина, Н.С. Степанова. М., 2001; Русские писатели-богословы. Исследователи богослужения и церковного искусства. Библиографический указатель / Сост. О.В. Курьгина, Н.С. Степанова, А.С. Чистякова. М., 2004; *Сухова Н.Ю.* Вертоград наук духовный. Сборник статей по истории высшего духовного образования в России XIX — начала XX века. М., 2007; *Сухова Н.Ю.* Русская богословская наука (по докторским и магистерским диссертациям 1870—1918 гг.). М., 2012.

³ См.: *Зырянов П.Н.* Указ. соч. С. 187.

⁴ ЦГА Москвы, ф. 421, оп. 1, д. 5758, л. 7 об.

книг примечательны «Служебник, писанный полууставом в десть в кожаном переплете», «Канонник, писанный полууставом» (1718), «Ирмолог⁵, писанный полууставом», «Четыре книги нотных Ирмологов» (1719)⁶. Известны также рукописные жития святых, сборники проповедей свт. Иоанна Златоуста, «Слова подвижнические» преп. Исаака Сирина, патерики. Особый интерес представляет Синодик, или Вкладная книга Донского монастыря 1692 г., написанная полууставом. Её предваряет предисловие настоятеля обители архимандрита Антония (Одиновича), в котором кратко описана история обители и содержится первое упоминание о донских казаках, принесших, по преданию, икону Божией Матери, впоследствии названную Донской, на Куликово поле⁷. Всего в монастыре имелось 27 рукописных книг.

Печатные издания Священного Писания появились в монастырской библиотеке сравнительно поздно и насчитывали лишь 7 наименований (1757—1821 гг.)⁸. К 1853 г. в книгохранилище находилось 29 богослужебных печатных книг⁹. Творений святых отцов было почти вдвое больше (57 книг преимущественно московской печати). Среди них Добротолюбие (1793), произведения святителей Иоанна Златоуста (21 книга), Василия Великого, Григория Нисского, Григория Богослова, Кирилла Иерусалимского и Амвросия Медиоланского, преподобных Макария Египетского, Иоанна Лествичника (1647) и Ефрема Сирина (1667 и 1785 г.).

«Прочие книги духовного содержания» включали 82 наименования¹⁰, в том числе труды иерархов XIX в.¹¹, апологетические сочинения, журналы «Христианское чтение», «Православный собеседник», «Духовная беседа», «Душеполезное чтение» и др. «Книги исторические» (20 наименований) были посвящены, прежде всего, церковной тематике: «Предел Освященного собора, или Соборный свиток бывшего в 1666 году собора в Москве», «Церковная история» Ц. Барония¹², «История об унии» Н.Н. Бантыш-Каменского (М., 1805), «Сказание об осаде Троице-Сергиева монастыря от поляков и Литвы и о бывших потом в России мятежах» Авраамия Палицына (М., 1822). К ним же отнесли и описания поездок по святым местам, например, «Путешествие по семи Азийским церквам, упоминаемым в Апокалипсисе» А.С. Норова (СПб., 1847)¹³. О событиях недавнего прошлого сообщали лишь «Деяния российских полководцев и генералов с портретами их, ознаменовавших себя в 1812, 1813, 1814 и 1815 годах»¹⁴.

⁵ Ирмолог (Ирмологион, Ирмологий) — сборник богослужебных песнопений.

⁶ Там же, л. 2—3.

⁷ ОР ГИМ, Донское собрание, д. 18.

⁸ ЦГА Москвы, ф. 421, оп. 1, д. 5758, л. 5.

⁹ В том числе минеи 1622, 1637, 1660 и 1687 гг., Учебная Псалтирь 1653 и 1697 гг., Страстные Евангелия 1704, 1763 и 1831 гг., Чинопоследование обращения иноверных 1757 г., чиновники архиерейские 1760 и 1798 гг., требники, Часослов 1814 и 1848 гг. «золотообразный в кожаном переплете» (Там же, л. 7—8 об.).

¹⁰ ЦГА Москвы, ф. 421, оп. 1, д. 5758, л. 18—22 об.

¹¹ В частности, «Толкование Евангелий на Господские и Богородичные праздники с нравоучительными беседами» митрополита Грузинского Варлаама (Эристова) (СПб., 1821) и «Поучительные слова» митрополита Новгородского Амвросия (Подобедова) (М., 1816).

¹² По-видимому, имелось в виду издание: *Бароний Ц.* Деяния церковные и гражданские от Р.Х. до XIII столетия. М., 1719.

¹³ Точное название книги: *Норов А.С.* Путешествие к семи церквам, упоминаемым в Апокалипсисе. СПб., 1847 г.

¹⁴ *Ушаков С.И.* Деяния российских полководцев и генералов, ознаменовавших себя, в достопамятную войну с Францией, в 1812, 1813, 1814 и 1815 годах. Ч. 1—4. М., 1822.

В целом, главной задачей монастырской библиотеки являлось хранение раритетов. 27 августа 1887 г. настоятель обители епископ Герман (Осецкий; 1828—1895) писал в Московскую синодальную контору, что книгохранилище совершенно не пополняется современной литературой, малодоступно для братии и имеет скорее «антикварное значение»¹⁵.

25 января 1899 г. прокурор Московской синодальной конторы кн. А.А. Ширинский-Шихматов направил монастырю официальное письмо «относительно важного предположения о перенесении древних рукописей и редких печатных книг, имеющих в ставропигиальном Донском монастыре в Синодальную библиотеку в видах более удобного пользования ими для учёных лиц»¹⁶. Одновременно был направлен и список интересующих контору материалов. Но данная инициатива практически сразу встретила упорное противодействие. В феврале наместник архимандрит Власий (Дикарёв) сообщил настоятелю епископу Гуррию (Охотину; 1828—1912) о невозможности в ближайшее время исполнить прокурорское предписание, поскольку «все поименованные в списке рукописи и книги находятся в башне», где «теперь весьма холодно, почему заниматься в ней выборкой книг неудобно и опасно для здоровья; почему этот труд необходимо отложить до тёплого летнего времени, когда башня достаточно прогреется от солнца». «Монастырская братия, — добавлял он, — весьма скорбит о том, что Донская обитель лишается книжного сокровища, собранного временем и усердием и трудами подвизавшихся здесь отец и братий, и потому благопочернейше просят Ваше высокопреосвященство оставить в обители требуемые в настоящее время по списку рукописи и книги, а нуждающимся в них с научной целью предоставить возможность пользоваться ими, с предварительного разрешения начальства»¹⁷. Владыка поддержал наместника, и дело затянулось на несколько лет.

28 апреля 1908 г. прокурор синодальной конторы Ф.П. Степанов, «признавая полезным передать в патриаршее книгохранилище рукописи и наиболее важные из печатных книг Донского монастыря в целях объединения книжных богатств в библиотеке, имеющей регулярные дежурства и старающейся предоставить исследователям родной старины удобства в занятиях и надлежащие справочные пособия», обратился к настоятелю архимандриту Иакову (Заблоцкому; 1836—1908) с просьбой сообщить, «не встречается ли со стороны управления Донского монастыря препятствий к передаче находящихся в ведении вверенной Вам обители рукописей и книг в Патриаршую библиотеку»¹⁸. В тот же день Степанов уведомил контору о своём намерении «передать в патриаршее книгохранилище рукописи и наиболее важные из печатных книг Донского монастыря, по выбору и указанию заведующего Патриаршей библиотекой, и вместе с тем командировать сего заведующего осмотреть книгохранилища всех ставропигиальных монастырей в Москве и Новоиерусалимского, для выяснения того, не осталось ли в них памятников старины письменных и печатных, которые было бы желательно переместить в патриаршее древлехранилище»¹⁹.

¹⁵ ЦГА Москвы, ф. 421, оп. 1, д. 6696, л. 5 об.

¹⁶ РГАДА, ф. 1183, оп. 1/44, д. 243, 1899 г., л. 3.

¹⁷ ЦГА Москвы, ф. 421, оп. 1, д. 7274, л. 18—18 об.

¹⁸ РГАДА, ф. 1183, оп. 1/47, 1908 г., д. 73, л. 2.

¹⁹ Там же, л. 1.

На сей раз настоятель сразу же уступил и уже 2 мая отправил в контору 22 книги и 11 рукописей²⁰. Между тем заведующий Синодальной библиотекой Н.П. Попов, расписавшись в их получении, ожидал большего. «По сведениям, имеющимся в библиотеке, — отмечал он, — Донской монастырь владеет рукописями: Евангелие в большую четверть начала XV в., в 2 столбца с заставками, Евангелие в большую четверть 1544 г., с тремя евангелистами, рисованными красками по золоту, и Синодиком, писанным в 1692 г. Кроме того, в монастыре есть немало старопечатных книг, например, минеи служебные 1622 г. и след[ующих] годов, Ирмологий львовской печати, Требник Петра Могилы 1646 г., Лимонарь 1628 г.²¹, Службник Петра Могилы и другие книги. Для монастыря эти рукописи и книги практически непригодны: службы по ним править никто не будет, и разбираться в них едва ли кто из монахов станет. Было бы желательно, чтобы как названные выше книги и рукописи, так и другие им подобные, передались в Патриаршую библиотеку»²². В мае контора распорядилась «передать в Синодальную (бывшую Патриаршую) библиотеку рукописи и наиболее важные из печатных книг ставропигиального Донского монастыря, по выбору и указанию... Попова», а также «командировать его в названную обитель, равно и во все ставропигиальные монастыри в Москве и в Новоиерусалимский монастырь для выяснения того, не осталось ли в них памятников старины, письменных и печатных, которые было бы желательно переместить в патриаршее древлехранилище». Монастырским управлениям предписывалось «оказывать г. Попову всяческое содействие»²³.

В сентябре Попов представил отчёт о проведённом осмотре. «В Донском монастыре, — докладывал он, — кроме переданных в Патриаршую библиотеку, оказались рукописи: а) Евангелие в большую четверть, полуустав XV в., в 2 столбца, переплёт обложен малиновым бархатом (№ 1); б) Евангелие в большую четверть, полуустав XVI в., с тремя миниатюрами евангелистов, в синем бархатном переплёте; в) Переписная книга монастыря (по архиву за № 1) XVII в. в 4 в плохом переплёте; г) то же, в хорошем переплёте, на 103 листах; д) Переписная книга XVII в. в 4; е) шесть свёртков непереpletённых тетрадей; ж) 25 кругов со столбцами, касающимися разных дел по приписным к Донскому монастырю пустыням; з) Синодик-помянник (№ 16) с краткой заметкой по истории монастыря (напечатанный у Забелина, в описании обители); и) Илариона Великого поучение к инокам и к) Собрание канонів, обе рукописи нач[ала] XIX в. Из печатных книг представляют интерес для Патриаршей библиотеки: Цветник духовный 1628 г.; Осмогласник, львовское издание 1686 г.; Анфологий (богослужебный сборник. — М.А.), Львов, 1651 г.; Летописец без заглавия в новом переплёте, греческая брошюра 1855 г.; описание Андрониева монастыря 1865 г.; жизнь о. Феодора, настоятеля Санаксарской обители, Москва, 1847 г.; Житие Трифона Вятского 1868 г. и Акафистник киевской печати 1693 г.»²⁴.

Монахи пытались защищать свои собрания. «По поводу синодиків, — отмечал Попов, — в Донском и Воскресенском монастырях пришлось слышать, что они имеют отношение к истории этих обителей и потому не переданы

²⁰ Там же, л. 4—6.

²¹ «Лимонарь, сиречь цветник» («Луг духовный», «Синайский патерик») — агиографический сборник, составленный в VII в. Иоанном Мосхом и свт. Софронием Иерусалимским.

²² РГАДА, ф. 1183, оп. 1/47, 1908 г., д. 73, л. 3.

²³ Там же, л. 8—8 об.

²⁴ Там же, л. 10 об.—13.

в Патриаршую библиотеку. В известном смысле это верно: каждая книга не только рукописная, но даже и печатная, бросает своего рода свет на историю монастыря; исходя из этого положения, собственно, не следовало бы совсем отбирать у монастырей книг, но это делалось и в XVII, и в XVIII, и особенно в XIX в. и совершенно основательно: не сосредоточенные в известных книгохранилищах, рукописи распывались с изумительной быстротой, и частные собиратели именно из них составили свои знаменитые рукописные библиотеки (Уварова, Толстого, Ундольского, Хлудова и др.). В видах сохранности, поэтому, следовало бы перенести в Патриаршую библиотеку и синодики Донского и Воскресенского, как это сделано в отношении синодиков Успенского собора, Симонова и Новоспасского монастырей; если когда-либо потребуются справки из них, Патриаршая библиотека не откажет ни в высылке их, ни в предъявлении для личного осмотра»²⁵. В соответствии с пожеланиями Попова рукописи Донского монастыря были переданы в Синодальную библиотеку. В 1920 г. они в составе Синодального собрания поступили в Государственный исторический музей.

У монашествующих имелись и собственные библиотеки. Так, в «Деле о смерти иеромонаха Иринея» (1839) указано, что его келейные вещи и богослужебные книги (Псалтирь следованная, минеи, Ирмологий) были приобретены братией²⁶. В «Деле о смерти иеромонаха Серафима» (1881) вскользь упоминается о том, что «книги были переданы ризничему в монастырскую библиотеку»²⁷.

О существовании личных библиотек свидетельствует и «Дело о выписке книг из Санкт-Петербургской общины сестёр милосердия» (1856)²⁸. Тогда лишь немногие монахи согласились выписать столичные издания. При этом казначей иеромонах Аркадий (Яценко), объясняя свой отказ, отмечал в подписном листе: «Довольное количество книг духовного содержания имею собственных»²⁹. Из «Дела о смерти наместника архимандрита Аркадия» (1883) известно, что после него осталось «в пяти мешках 350 разных книг»³⁰. Архимандрит Аркадий происходил из «войсковых обывателей» Харьковской губ. В 1838 г. он принял постриг в Донском монастыре, в 1841 г. был посвящён в сан иеродиакона, а через год стал иеромонахом. Впоследствии ему довелось исполнять послушания ризничего, казначея, а с 1862 г. — наместника обители, причём в 1868 г. «за попечительность и распорядительность по ризнице и библиотеке Донского монастыря объявлена ему благодарность Московской синодальной конторы»³¹. Он вёл переписку с И.Е. Забелиным, помогал ему в подготовке первого издания «Исторического описания московского ставропигиального Донского монастыря»³², в 1871 г. способствовал публикации в «Московских епархиальных ведомостях» воспоминаний об Отечественной войне 1812 г. своего предшественника на посту наместника — архимандрита Павла (Поморцева; 1792—

²⁵ Там же.

²⁶ ЦГА Москвы, ф. 421, оп. 1, д. 5539, л. 6.

²⁷ Там же, д. 6519, л. 1.

²⁸ Там же, д. 5875.

²⁹ Там же, л. 4.

³⁰ Там же, д. 6540, л. 14 об.

³¹ Там же, д. 6387, л. 8.

³² Подробнее см.: *Артюшенко М.В.* И.Е. Забелин и Донской монастырь: по переписке об издании «Исторического описания московского ставропигиального Донского монастыря» (1865, 1893) // Вестник РГГУ. 2014. № 17(139). С. 30—45.

1870)³³, а в 1873 г. предоставил для издания два списка описи Благовещенского собора, хранившихся в монастырской ризнице³⁴.

Состав одной из келейных библиотек раскрывает «Дело о смерти иеродиакона Антония и об оставшемся по нем имуществе»³⁵, в котором сохранилась её опись (53 наименования) с припиской: «а всего книг счётом 150». Не получивший специального образования иеродиакон Антоний (Воробьёв; 1819—1886) происходил из мещан Тульской губ. В обители он исправлял послушание трапезного, продавал свечи, читал на клиросе, совершал богослужения³⁶. Келейные вещи его отличались скудостью и бедностью³⁷. Тем не менее у него имелись Библия, Евангелие, толкования на Священное Писание святых отцов (преимущественно свт. Иоанна Златоуста), «Русская история» Н.Г. Устрялова (СПб., 1855), «Очерки и картины из всеобщей истории» К. Бернацкого (М., 1869), «Очерк истории Русской Церкви» священника Алексея Лаврова (СПб., 1870), «Житие старца Серафима, Саровской обители иеромонаха» (М., 1877), аскетическая литература — «Лествица» (М., 1862), четыре тома «Добротолюбия» (М., 1857), «Руководство к духовной жизни» преподобных Варсонофия Великого и Иоанна (М., 1855), «Отечник» епископа Игнатия (Брянчанинова) (СПб., 1870), а также «Письма о должностях священного сана» А.С. Стурдзы (М., 1861), «Предупреждение о Божественной литургии», «О должностях пресвитеров [приходских]» (М., 1822) и множество журналов «Душеполезное чтение» за разные годы.

У иеромонаха Никона (Чистякова; 1824—1892), из бывших дворовых, помимо аскетической литературы («Лествица», «Нравственно-подвижнические слова» св. Марка Подвижника и др.) находилось несколько работ по литургике и литургическому преданию, например, «Богослужебные каноны на греческом, славянском и русском языках» проф. Е.И. Ловягина (СПб., 1855), «О церковном Октоихе» архимандрита Модеста (Стрельбицкого) (Вильна, 1865) и др.

После смерти владельцев часть книг приобреталась насельниками³⁸, другая — поступала в книгохранилище. По действовавшему законодательству только настоятели имели право распоряжаться личным имуществом по собственному усмотрению. Свои библиотеки они, как правило, в монастыре не оставляли. Так, в 1848 г. архимандрит Феофан (Александров; 1785—1852) подарил вкладчику «некоторые церковные и духовные книги на память и пользу душевную»³⁹. Епископ Агапит (Вознесенский; 1793—1854) завещал келейную библиотеку

³³ Из воспоминаний о 1812 году // Московские епархиальные ведомости. 1871. № 41. С. 397—400; № 43. С. 445—447.

³⁴ Переписная книга Московского Благовещенского собора XVII в. по спискам архива Оружейной палаты и Донского монастыря. М., 1873.

³⁵ ЦГА Москвы, ф. 421, оп. 1, д. 6671, л. 5.

³⁶ Там же, д. 6387, л. 26 об.; д. 6495, л. 22.

³⁷ Там же, л. 6671, л. 3. После себя он оставил несколько рубашек, 5 ряс на разные времена года, камилавку, 3 клобука, 3 чётки, 2 самовара, 2 подноса, 3 чайника, 2 стакана, 2 мелких тарелки, 2 вилки, 2 ножа, миску, 2 стола, 2 скатерти, большие столовые часы, термометр, керосиновую лампу, деревянную кровать, 2 матраца, 3 подушки, 2 наволочки, 5 занавесей, комод, 2 шкатулки, 2 молотка, 2 пилки, и колovorот с дрелью.

³⁸ Вероятно, насельники приобрели и около 20 книг скончавшегося иеродиакона Антония (Воробьёва). Из их списка в «Деле о смерти» в библиотечной «Книге материальной» не оказалось трёх служебников, двух молитвословов, Типикона, Малого канонника, Ирмология, «Новой скрижали», «Предания ученикам» преп. Нила Сорского, Полных святцев, нескольких акафистов, лечебника, «Медицины практической» и «Истории об Александре Македонском» Квинта Курция Руфа (Там же, л. 5).

³⁹ Там же, л. 5675, л. 19.

двум священникам и Калужской духовной семинарии, в которой получил образование⁴⁰. Она включала произведения «классические и исторические», а также издания духовных академий — журналы «Христианское чтение» и «Воскресное чтение»⁴¹. Келейная библиотека архиепископа Евгения (Казанцева; 1778—1871) насчитывала 77 книг: Елизаветинская Библия, греческие, латинские, французские Библии, 17 томов французского толкования на Ветхий Завет, сочинения Плиния Старшего и Плиния Младшего, Корнелия Тацита, Цицерона, труды по истории Церкви, России, Древнего Рима и Древней Греции, исторические описания монастырей, различные словари, указатели и справочники⁴². По завещанию владыки их передали в семинарию. После смерти епископа Хрисанфа (Ретивцева; 1832—1883) его библиотека досталась Санкт-Петербургской духовной семинарии, где он служил ректором в 1869—1874 гг.⁴³

28 января 1884 г. настоятелем Донского монастыря был назначен уволенный на покой епископ Муромский, викарий Владимирской епархии, Иаков (Кротков; 1811—1885). Владыка всю жизнь увлечённо занимался просветительской деятельностью⁴⁴, являлся основателем московской и владимирской епархиальных библиотек. В 1863 г., будучи архимандритом и настоятелем московского Даниловского монастыря, он участвовал в создании Общества любителей духовного просвещения и стал его первым председателем. По воспоминаниям современника, свойственная ему «любовь к ближним, кажется, была готова всех алчущих и жаждущих здоровых словес, этой духовной пищи, собрать воедино и всех напитать... эта любовь и в старости горела в нём ярким огнём; она, так сказать, не давала ему покоя»⁴⁵. С 1885 г. в обители по его благословению начали проводить для братии и народа «внебогослужебные чтения», на которых рассказывалось об истории Церкви, толковалось Священное Писание Ветхого и Нового Завета, объяснялся смысл заповедей, молитв, Символа веры и богослужений. В начале, в перерывах и по окончании собраний монастырский хор исполнял церковные песнопения. Непременным участником этих беседований был сам владыка. В последние годы жизни он проявлял особую заботу о библиотеках уездных городов Московской губ. и завещал передать им принадлежавшие ему журналы и книги (1 200 томов)⁴⁶.

В начале 1885 г., желая «дать братии ближайшую и легчайшую возможность и способы к поднятию уровня своего образования, так как большинство оной имеют степень образования домашнее обучение грамоте, а вместе с тем оградить братию более полезными занятиями и в келейном быту»⁴⁷, настоятель

⁴⁰ Там же, д. 5770.

⁴¹ Там же, л. 1—8.

⁴² *Благоговещенский И., прот.* Архиепископ Евгений Казанцев. Биографический очерк. М., 1875. С. 157—160.

⁴³ ЦГА Москвы, ф. 421, оп. 1, д. 6568, л. 11—12 об.

⁴⁴ Ещё в 1838—1839 гг. выпускник Московской семинарии овдовевший диакон Алексей Иванович Кротков исполнял должность инспектора в духовном училище, располагавшемся на территории Донского монастыря.

⁴⁵ Слово, сказанное при погребении преосвященного Иакова, бывшего епископа Муромского, настоятеля московского ставропигиального Донского монастыря, протоиереем И.Г. Виноградовым декабря 4 дня 1885 года // Московские церковные ведомости. 1885. № 51. С. 765.

⁴⁶ ЦГА Москвы, ф. 421, оп. 1, д. 6625, л. 8—9; Преосвященный Иаков, бывший епископ Муромский // Православное обозрение. 1885. Т. 3. С. 535.

⁴⁷ ЦГА Москвы, ф. 421, оп. 1, д. 6696, л. 2. Утверждение владыки о том, что большая часть братии имела домашнее образование, не совсем точно. Судя по спискам 1887 г., из 23 монахов 16 обучались в училище или в семинарии (правда, 13 из них не окончили курса), а один являлся

решил устроить в обители библиотеку собственно для монахов. Поскольку первые 644 тома были приобретены для неё в феврале 1885 г. на личные средства насельников, вновь учреждённую библиотеку стали называть «Братской».

Среди купленных в 1885 г. книг — Библии 1860-х гг. издания, исследования по текстологии Священного Писания, творения святых отцов (поучения, экзегетика), жития святых, труды по истории Церкви⁴⁸ и инославных исповеданий⁴⁹, апологетические и полемические сочинения, направленные против старообрядцев, пашковцев, штундистов, скопцов, различные библейские словари и атласы, справочники, проповеди архиепископа Холмского и Варшавского Леонтия (Лебединского) и архиепископа Кишинёвского и Хотинского Павла (Лебедева) 1870-х гг. и др. Также приобретались работы, посвящённые русской гражданской и военной истории: 12 томов «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, произведения С.М. Соловьёва, Н.Г. Устрялова, М.А. Корфа, «История императорской российской гвардии» И. Пушкарёва (СПб., 1844)⁵⁰.

В марте 1885 г. Братская библиотека пополнилась журналами (96 томов), как пожертвованными редакциями и различными светскими лицами, так и выписанными в прошлые годы на средства монастыря. Но поскольку они содержали «по большей части, статьи романтического содержания, то, по неудобству их употребления для чтения иноками, с разрешения настоятеля, в 1886 году были проданы букинисту на вес за 52 руб. 50 коп.»⁵¹.

1 декабря 1885 г. владыка Иаков скончался. В 1886 г. его преемником назначили бывшего епископа Кавказского и Ставропольского Германа (Осецкого), ставшего одновременно председателем Училищного совета при Святейшем Синоде. Окончив в 1851 г. Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия, он служил инспектором Новгородской (1853—1857), затем ректором Кавказской (1857—1859) и Самарской (1859—1863) духовных семинарий, являлся заместителем Александро-Невской лавры (1863—1866) и настоятелем новгородского Юрьева монастыря (1866). В Новгороде им была приведена в порядок и описана Софийская библиотека⁵².

Новый настоятель активно поддержал развитие Братской библиотеки, которую по его распоряжению перенесли из тесного помещения над Малым собором в здание колокольни над западными воротами. Оно не отапливалось, но было достаточно просторным. В шкафах книги располагались по номерам систематического каталога. В мае 1886 г. епископ Герман пожертвовал Братской библиотеке 256 своих личных книг, а в следующем году прислал из Петербурга ещё 53 тома⁵³. «По вступлении моём в управление московским Донским монастырём, — сообщал он в 1887 г., прося синодальную контору утвердить “продол-

выпускником духовной академии. Треть иноков (7 человек) умели только читать и писать. Неграмотных не было вовсе (Там же, д. 6731, л. 1—19).

⁴⁸ В том числе: «Ереси и расколы первых трёх веков христианства» прот. А.М. Иванцова-Платонова (М., 1877), «Об отношении Римской Церкви к другим христианским церквам и ко всему человеческому роду» А. Востокова (СПб., 1857), «История христианства в России до равноапостольного князя Владимира» архиепископа Харьковского Макария (Булгакова) (СПб., 1868) и др.

⁴⁹ *Новиков Е.И.* Гус и Лютер. Критическое исследование. М., 1859; *Хрисанф [Ретищева]*, архим. Характер протестантизма и его историческое развитие. Вып. 1. СПб., 1868, *Михайловский В., свящ.* Англиканская церковь и её отношение к православию. СПб., 1864.

⁵⁰ ЦГА Москвы, ф. 421, оп. 1, д. 7590, л. 8.

⁵¹ Там же, д. 6696, л. 2 об.

⁵² *Бронский Е.И.* Герман (Осецкий Александр Космич) // Православная энциклопедия. Т. 11. М., 2006. С. 250—251.

⁵³ ЦГА Москвы, ф. 421, оп. 1, д. 6696, л. 2 об.

жение самостоятельного существования библиотеки и в будущем времени”, — при приёме в моё ведение его имущества и учреждений, в нём состоящих, между прочим, мне показано было существование в монастыре двух библиотек, из коих одна называлась монастырскою, а другая братскою. Но как последняя была ещё в зачаточном состоянии, то есть имела вид лишь количества скученных книг, не приведённых в порядок, и не было известно мне ни способов её приобретения, ни цели её учреждения, в смысле отдельной библиотеки или монастырской, и ещё не видно было и самого употребления оной, почему она и не была включена в моём донесении Московской Святейшего Синода конторе, в статьях о приёме монастырского имущества. В последующее время из данных некоторых монастырских документов и из сказаний участвовавшего в учреждении братской библиотеки с самого начала её основания иеромонаха, ныне заведующего оной, стало известно мне, что основание братской библиотеки относится к началу 1885 года, и учреждена она насколько по мысли предшественника моего преосвященного епископа Иакова, настолько же по желанию самого братства... книги, приобретённые в библиотеку, кроме религиозно-нравственного содержания по своему изложению доступны пониманию иноков даже и с низким развитием. Следовательно, Братская библиотека имеет совершенно отдельное существование от монастырской. Сочувствуя благодетельной цели учреждения Братской библиотеки и похвальной ревности братии к преуспеянию в просвещении, в 1886 году мною было сделано распоряжение о приведении оной в форменный порядок»⁵⁴.

Для этого были заведены «Книга материальная» (в неё следовало записывать источник и время поступления, фамилию автора, название, год и место издания, формат, цену)⁵⁵ и «Книга для расписки читателей в получении книг». Составление их, а также «правил хранения и пользования книгами», хронологического (по времени поступления), систематического и алфавитного каталогов, было поручено иеромонаху Ксенофону (Троицкому), окончившему Нижегородскую духовную семинарию и Санкт-Петербургскую духовную академию. С 1884 г. по благословию епископов Иакова и Германа он руководил проведением «внебогослужебных чтений» и регулярно проповедовал⁵⁶. Его же в начале 1886 г. владыка назначил первым заведующим Братской библиотекой. Эту обязанность о. Ксенофонт исполнял до 2 октября 1887 г.⁵⁷ Оформление библиотечной документации стоило ему, по собственному признанию, «усидчивого, вдумчивого, кропотливого труда, иногда траты личных средств и ущер-

⁵⁴ Там же, л. 21—22 об.

⁵⁵ В 1910 г. её графы были немного иными: «время поступления», «имя автора», «заглавие книги», «место и время печати», «формат», «число томов», «в переплёте или брошюре», «куплено или приобретено в дар», «цена», «место в систематическом каталоге», «особые замечания».

⁵⁶ ЦГА Москвы, ф. 421, оп. 1, д. 6714, л. 15—15 об. С 1887 г. «чтения» стали проводить «особо для братии и особо для посторонних лиц», их программа включала лекции по библейской и церковной истории, объяснение Священного Писания, христианского вероучения и православного богослужения, а также «чтение с церковной кафедры отрывков из разных поучений из святоотеческих творений, из четьи миней и патериков», которое поручалось не только о. Ксенофону и его помощнику о. Виктору (Сегунскому), но и другим иеромонахам и «даже некоторым иеродиаконам, способным к ясному и выразительному произношению». Слушателей разделили на группы по уровню знаний (низший, средний и «достаточный»). Владыка Герман особо настаивал на том, что «все руководства на чтения не прежде могут быть употребляемы, как после предварительного одобрения их редакцией настоятеля» (Там же, л. 16—16 об.).

⁵⁷ Там же, д. 6732, л. 9. Иеромонах Ксенофонт скончался в 1888 г., в последние месяцы жизни он находился в отпуске и тщетно подыскивал для себя новый монастырь.

ба физических сил, по временам даже до болезненного состояния, особенно составление каталогов в сыром помещении Братской библиотеки»⁵⁸. Однако уже во второй половине 1886 г. поставленная перед ним задача была успешно решена, и Братская библиотека стала функционировать. Помимо заведования ею о. Ксенофонт составил особый каталог книг, принадлежавших епископу Герману, «Краткий очерк» истории монастыря⁵⁹, а также проект устройства при обители церковно-приходской школы.

Преемником о. Ксенофонта стал бывший помощник заведующего иеромонах Виктор (Сетунский), сын диакона, закончивший Калужскую духовную семинарию и в 1885 г. переведённый из Заиконоспасского монастыря. Как библиотекарь он отличался большой аккуратностью и точностью в ведении документации⁶⁰. Но уже в 1888 г. его здоровье оказалось подорвано, и 17 января 1889 г. его помощником был определён иеромонах Павел⁶¹. В 1893 г. послушание библиотекаря нёс иеромонах Иоасаф, сын дьячка из Рязанской епархии, обучавшийся в высшем отделении Скопинского духовного училища и в 1882 г. присоединившийся к братии Донского монастыря⁶². А в 1895 г. в должности заведующего библиотекой упоминается уже иеромонах Антоний (Иванов)⁶³, сын причетника из Смоленской епархии, окончивший Рославльское духовное училище. С 1897 г. библиотекой руководили иеродиакон, исполнявшие обязанности письмоводителя или заведующего монастырской канцелярией⁶⁴. Часто это были люди преклонного возраста. Так, иеродиакон Пётр, назначенный библиотекарем в 1906 г., уже в 1909 г. был освобождён от занимаемых должностей, рукоположен в сан иеромонаха и определён по старости на больничную вакансию. Ещё 20 марта 1906 г. епископ Григорий (Полетаев) назначил крестьянина Д.И. Рученко его помощником в заведовании канцелярией и библиотекой⁶⁵.

Существовали различные способы пополнения Братской библиотеки: пожертвования настоятеля⁶⁶, братии и прихожан, обмен, выписка книг, газет и журналов на монастырские средства⁶⁷. В 1887 г. книги на иностранных языках,

⁵⁸ ЦГА Москвы, ф. 421, оп. 1, д. 6732, л. 20—21.

⁵⁹ *И[еромонах] К[сенофонт]. [Троицкий Д.А.]* Донской монастырь. М., 1887 (Изд. 2 — 1896; Изд. 3 — 1901).

⁶⁰ ЦГА Москвы, ф. 421, оп. 1, д. 6792, л. 1а. О. Ксенофонту он помогал и в ведении «внебюджетных чтений».

⁶¹ Там же, д. 6714, л. 19.

⁶² Там же, д. 6987, л. 2.

⁶³ Там же, д. 6792, л. 30.

⁶⁴ Там же, д. 7161; д. 7543, л. 36.

⁶⁵ Там же, д. 7543, л. 15, 36—37; РГАДА, ф. 1183, оп. 1/48, 1909 г., д. 158, л. 2—2 об.

⁶⁶ В 1906 г. в Братскую библиотеку передал часть своих книг освобождённый «по преклонности лет» от должности управляющего Донским монастырём епископ Григорий (Полетаев). Ей же оставил в завещании несколько изданий архимандрит Иаков (Заблоцкий), управлявший обителью в 1906—1908 гг. Так, в 1910 г. от него поступили: «Богословский вестник» (1892, 1904, 1909), «Христианин» (1907—1909), «Церковные ведомости» (1908—1909), «Христианское чтение», «Вера и Церковь», «Творения блаженного Феодорита», «Русский военный флот» (СПб., 1904—1905), «История русско-японской войны» (СПб., 1907) (ЦГА Москвы, ф. 421, оп. 1, д. 7590, л. 142—143).

⁶⁷ Подписка на периодические издания, прекращённая владыкой Германом, возобновилась в 1896—1900 гг., когда монастырём управлял епископ Гурий (Охотин). Во всяком случае, с 1899—1900 гг. постоянно выписывались «Церковные ведомости», «Труды Киевской духовной академии», «Христианское чтение», «Богословский вестник», «Православный собеседник», «Руководство для сельских пастырей», «Пастырский собеседник», «Странник», «Кормчий», «Вера и Церковь», «Воскресное чтение», «Душеполезное чтение», «Московские церковные ведомости», «Московские ведомости», «Ведомости московской городской полиции», «Журнал о справочных ценах» и др. В 1900 г.

мало востребованные в обители, Московская духовная академия обменяла на русскоязычные⁶⁸. В 1895 г. в Донской монастырь обратился председатель Археологической комиссии, предлагавший приобрести её издания. Братия пожела выписать 6—10, 15 и 16-й тома «Полного собрания русских летописей». Епископ Герман одобрил такой выбор, но всё же решил, что не стоит их приобретать, не имея предыдущих⁶⁹.

В 1887 г. владыка передал «на рассмотрение и утверждение» синодальной конторы составленные под его руководством правила, предусматривавшие, что «согласно цели и назначения библиотеки, все книги и журналы оной имеют характер нравственно-религиозный и исторически-научный». Пользоваться ею могли как монашествующие, так и послушники, а по благословию настоятеля и посторонние лица. Поскольку специальное помещение для чтения отсутствовало, читать разрешалось в кельях. Выдача и возврат литературы производились ежедневно с 13 до 14 часов. В течение первых трёх месяцев после поступления новой книги она предоставлялась не более чем на неделю, тогда как остальные выдавались на две недели. Настоятель должен был просматривать все поступающие издания, указывать средства на их приобретение, лично проверять сохранность библиотечного фонда по каталогам или поручить это доверенному лицу⁷⁰. Освидетельствование следовало проводить ежегодно в конце мая, «как во время благоприятнейшее по температуре воздуха, так как библиотека помещается в здании не отапливаемом». При этом обращалось особое внимание на исправность ведения библиотечной документации и на поддержание книг и вещей «в должном порядке, целости и опрятности». Заведующему надлежало каждый год представлять настоятелю отчёт для «его ведения и предначертаний будущего улучшения положения библиотеки»⁷¹.

Весной 1887 г. епископ Герман поручил иеромонаху Феоктисту (Сеславину) провести первое освидетельствование Братской библиотеки. Согласно представленному им отчёту, на тот момент она была разделена на восемь частей: «1. Отдел богословский, состоящий из 150 названий, — 250 томов (на сумму 290 руб.); 2. Отдел исторический — из 121 названия — 210 томов (на 263 руб.); 3. Отдел педагогический — из 86 названий — 136 томов (на 120 руб.); 4. Отдел словесности — из 74 названий — 103 тома (на 74 руб.); 5. Отдел летописи — из 62 названий — 80 томов (на 90 руб.); 6. Отдел периодических изданий — из 2-х названий — 63 тома (на 120 руб.); 7. Отдел журналов — из 12 названий — 96 томов (по ценам редакции на 480 руб.); 8. Отдел книг на

подписка на все издания обошлась обители в 97 руб. 3 коп. (ЦГА Москвы, ф. 421, оп. 1, д. 7297, л. 18—19).

⁶⁸ Там же, д. 7590, л. 36 об.—39 об. В списке книг, предложенных академией для обмена, братию заинтересовали 29, в том числе «Изъяснения воскресных и праздничных Евангелий для употребления в народных училищах» священника И.И. Сидорского (СПб., 1784); Никифора (Феоокиса), архиепископа Астраханского и Ставропольского, «Толкование воскресных Евангелий с нравоучительными беседами» (М., 1804); «Изображение Бога в Священном Писании» (М., 1851); «Иисус на Кресте, или Жертва примирения Бога с человеками» (перевод с лагны священника В.Д. Любимова) (М., 1808); «Разсуждение об участи злых духов в грехопадениях человеческих» Ф. Флоринского (М., 1838); «Об авторитете святых отцов Церкви и важности их писаний» архимандрита Порфирия (Попова) (Прибавления к творениям святых отцов в русском переводе. Т. 22. М., 1863. С. 2—59). Тем не менее впоследствии книги на иностранных языках вновь стали поступать в Братскую библиотеку. К началу 1920-х гг. их было уже 116 (ОР РГБ, ф. 881, д. 27, л. 96).

⁶⁹ ЦГА Москвы, ф. 421, оп. 1, д. 7104, л. 2, 7.

⁷⁰ Там же, д. 6696, л. 4—4 об.

⁷¹ Там же, л. 3—7 об.

иностранных языках — из 60 томов (на 50 руб.). «Итого, — отмечал о. Феоктист, — книг по названиям 555, томов 902, не исключая журналов, всего же на сумму 1 496 руб., а с переплётками (стоящими 260 руб.) на 1 756 руб.»⁷².

В 1910 г. «Книга материальная Братской библиотеки Донского монастыря» зафиксировала уже 1 944 наименования⁷³. Таким образом, за 23 года библиотечный фонд увеличился более чем в 3 раза. Он включал книги Священного Писания на славянском и русском языках, толкования на них, богослужебную и святоотеческую литературу, исследования по истории Вселенской и Русской Церкви, поместных церквей, древних ересей, современных сект и инославных исповеданий, по библейской археологии и текстологии, каноническому праву, литургическому преданию, литургике, богословию, а также поучения архиереев, отчёты о состоянии епархий, сборники различных статистических сведений, учебники по грамматике русского языка, работы по философии, логике, психологии, истории России, Москвы, благотворительных обществ, братств, училищ и монастырей и т.д. В целом, издания, посвящённые тем или иным историческим сюжетам, занимали почти половину библиотеки. Имелось около 80 книг на греческом, английском, немецком и французском языках (преимущественно труды по ботанике, медицине, фармакологии, астрономии, военной истории, политической экономии, а также публикации протестантских библеистов). Периодика была представлена журналами более чем 40 наименований. К сожалению, «время поступления» обозначалось далеко не всегда, но всё же видно, что значительная часть литературы была приобретена в 1886—1895 гг., когда монастырём управлял епископ Герман.

Любопытно, что в библиотеке находились и рукописные копии изданий XIX, реже — XVIII в. Сохранились рукописи «О законе и Евангелии», копия с грамоты митрополита Гермогена к патриарху Иову⁷⁴, очерк истории богослужебного пения, составленный кандидатом богословских наук Верещагиным⁷⁵, «Музыкальная грамматика, или правила чтения нот» и т.д.⁷⁶ Особенно много осталось копий и выписок из богословских сочинений и творений святых отцов (в том числе переписанные проповеди свт. Иоанна Златоуста)⁷⁷. В среднем их объём достигал 200—300 листов. Не исключено, что они делались кем-то из насельников, а затем переходили в общее пользование.

О читательских предпочтениях монашествующих позволяет судить «Книга, учреждённая 1887 года, для записи книг, выданных читателям из Братской библиотеки московского ставропигиального Донского монастыря»⁷⁸. Вплоть до 1910 г. в ней указывались имя и звание монаха, сокращённые и обычно неточные названия выданных ему книг, даты их получения и возврата. Они, в частности, свидетельствуют о том, что сроки, установленные в «Правилах для Братской библиотеки», на практике не соблюдались. Так, её постоянный пользователь иеродиакон Арсений (Бугров) читал книги не две недели, а один-два месяца, иеромонах Евгений (Петров) — около 5-6 месяцев, некоторые — год⁷⁹. По тем же данным, всего в 1887—1910 гг. было прочитано 452 библиотечные книги и журнала. Однако трудно сказать, насколько эти сведения полны. Ведь

⁷² Там же, л. 1, 3; д. 6714, л. 2 об.—3.

⁷³ Там же, д. 7590, л. 1—145. К сожалению, «Книга материальная» сохранилась только за 1910 г.

⁷⁴ Там же, д. 7728.

⁷⁵ Там же, д. 7753.

⁷⁶ ОР РГБ, ф. 881, д. 23.

⁷⁷ ЦГА Москвы, ф. 421, оп. 1, д. 7763, 7764, 7772 и др.

⁷⁸ Там же, д. 6792.

⁷⁹ Там же, л. 1а, 16.

только в 1886 г., когда библиотекой пользовалась исключительно братия, согласно «Книге для расписки читателей в получении книг», из неё было выдано для чтения 240 томов⁸⁰.

Судя по «Книге ... для записи», чаще всего к библиотекарям обращались в 1887—1896 гг. Наиболее востребованы были «История Русской Церкви» митрополита Макария (Булгакова), «История государства Российского» Карамзина. Особый интерес у монахов вызывал XVII в.: Смутное время, церковный раскол, конфликт патриарха Никона и царя Алексея Михайловича. «Историческое исследование дела патриарха Никона» Н.А. Гиббенета (Т. 1—2. СПб., 1884—1887), «Жизнь святейшего Никона, патриарха всероссийского» прот. Самуила Михайловского (М., 1878) брали как иеромонахи и иеродиаконы, так и послушники, и даже монастырские рабочие. Насельники охотно погружались в источники: «Сказания князя Курбского», «Постановления Анны Иоанновны», «Летописные памятники древних народов» Б. Шервуда. В «Книге материальной» отмечалось, что большинство исторических трудов куплены для библиотеки при непосредственном участии братии.

Монахи нередко спрашивали работы Ф.В. Фаррара «История земной жизни Иисуса Христа», «Страдания Господа нашего Иисуса Христа», «Свидетельства об Иисусе Христе» и др. Из святых отцов они преимущественно читали широко представленные в библиотеке творения свт. Иоанна Златоуста (особенно «Беседы» и «Толкование на Евангелие от Матфея»), преподобных Иоанна Кассиана Римлянина и Петра Дамаскина, а также «Лествицу» и «Добротолубие». Сочинения епископа Игнатия (Брянчанинова) и митрополита Филарета (Дроздова), тогда ещё не прославленных в лике святых, тоже пользовались успехом, прежде всего у послушников.

Не меньше внимания уделялось изданиям по сравнительному богословию, истории религий, апологетике. Но самой популярной книгой в библиотеке был четырёхтомник Ф.В. Ливанова «Раскольники и острожники», в котором сообщалось множество ранее не публиковавшихся сведений о старообрядцах и сектантах, заимствованных автором из документов МВД. Монахи (не менее 12 человек) читали его по очереди, причём достаточно быстро, не более двух недель. Брали они и полемические сочинения, обличавшие учения сектантов: «Секты хлыстов и скопцов» К.В. Кутепова (Казань, 1883), «Люди Божьи и скопцы» (М., 1872)⁸¹. Интерес монахов к расколу и его истории мог объясняться как заметным влиянием старообрядцев в московском обществе, так и позицией настоятеля — владыки Иакова (Кроткова), который и на покое продолжал полемику с сектантами и староверами, начатую в 1870-х гг. во Владимирской епархии. Находясь в Донском монастыре, он составил список книг и статей, наиболее полезных, по его мнению, для споров с раскольниками, делал выписки, набрасывал собственные соображения. Впрочем, решающее значение, по его мнению, имели не дискуссии, а перемены в церковной жизни. «Сторонникам светского образования, кои жаловались на уловки иезуитов, — отмечал владыка в одной из черновых записей, — Генрих IV сказал: создай же лучшую, чем у них, школу, и ученики обратятся к вам. Не то же ли следует сказать нам, жалующимся, что раскольники сманивают православных в свои сети? Если у нас служба церковная будет истовая, предстоящие будут полагать на себя

⁸⁰ Там же, д. 6696, л. 5 об.

⁸¹ Скорее всего, так была записана книга: *Ревутский Н.В.* Люди Божьи и скопцы. Историческое исследование (из достоверных источников и подлинных бумаг). М., 1872.

крестное знамение, как следует, и во время богослужения стоять благоговейно, не позволяя себе говорить и оглядываться по сторонам, раскольники, без особой проповеди, возвратятся в лоно Церкви и составят все единое стадо»⁸².

Часто находили читателей и такие издания, как «История иудеев», «Движение среди евреев», «Талмуд», «Употребляют ли евреи христианскую кровь» А. Алексеева и др. В круг чтения насельников входили также «Письма русского офицера о Польше» Ф.И. Глинки (М., 1830), «Русские на Босфоре в 1833 году» (М., 1864), «Черноморские казаки» И.Д. Попко и П.П. Короленко (СПб., 1858), «Терские казаки с стародавних времён. Исторический очерк» И.Д. Попко (СПб., 1880), «Мелочи архиерейской жизни» Н.С. Лескова (СПб., 1879), «Жизнь протоиерея Иоанна Кронштадского». Послушников особенно привлекали «Картина Французской революции пред вступлением на царство Наполеона Бонапарта» В. Скотта (СПб., 1833) и «История морских разбойников Средиземного моря и океана» К. Вельсберга⁸³. Некоторые из них читали «Житие старца Серафима, Саровской обители иеромонаха» (М., 1877), произведения М.Ю. Лермонтова и И.С. Тургенева. Обитель, видимо, всё же приобретала художественную литературу (на многих книгах стоит пометка «куплено» и указана цена), но интересовались ею в библиотеке редко.

Между тем более половины послушников регулярно обращались к периодическим изданиям («Русская старина», «Живописное обозрение», «Странник»). Иеродиаконья чаще просматривали «Душеполезное чтение», «Русскую старину» и «Русского паломника». Так, иеродиакон Варнава в 1889 г. прочёл семь книг «Русской старины», иеродиакон Антонин в 1897 г. — девять книг «Странника». Среди иеромонахов и архимандритов только четверть уделяла какое-то время на мирскую периодику, остальные не следили за ней вовсе. Зато иеромонахи любили еженедельный журнал Киевской духовной семинарии «Проповеди, приложение к руководству для сельских пастырей»⁸⁴, где печатались поучения для народа, назидательные статьи, исторические и этнографические очерки⁸⁵. Видимо, эти материалы находили применение в священническом служении братии. Так, иеромонах Антоний в 1894—1898 гг. неоднократно штудировал данное издание наряду с «Катехизическими поучениями» и двухтомником «Церковный год пастыря»⁸⁶.

В целом, около половины монахов брали книги в библиотеке всего один или два раза, а её постоянные читатели составляли только четверть братии (в основном — иеромонахи). Так, поступивший в Донской монастырь в 1887 г. иеродиакон, а затем иеромонах Арсений (Бугров), происходивший из крестьян Рязанской губ., с 1888 по 1895 г. прочёл 17 томов (преимущественно творения святителей Иоанна Златоуста и Филарета (Дроздова)). В 1907 г. о. Арсений сооб-

⁸² ЦГА Москвы, ф. 421, оп. 1, д. 6664, л. 57—58.

⁸³ Вероятно, имелась в виду книга И.В. фон Архенгольца «История морских разбойников Средиземного моря и океана» в переводе К. Вельсберга (СПб., 1848).

⁸⁴ В «Книге материальной» указано по 8—12 номеров «Проповедей» за 1895—1898, 1902 гг. (ЦГА Москвы, ф. 421, оп. 1, д. 6792, л. 41 об.).

⁸⁵ Подробнее см.: *Мандзюк-Ильницкий В.Н.* «Труды Киевской Духовной Академии» — Православный богословский журнал (1860—1917 гг.): историко-типологический анализ. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. С. 37.

⁸⁶ *Дьяченко Г.М., прот.* Катехизические поучения, общедоступно изъясняющие учение православной Церкви о христианской вере, надежде и любви с библейскими и церковно-историческими приложениями, приспособленные к живому церковному слову, внебогослужебным собеседованиям с народом и семейному чтению христиан. М., 1898. Церковный год пастыря-проповедника (М., 1896—1898) — приложение к еженедельнику «Пастырский собеседник».

шал в синодальную контору: «Так как я школьного образования не получил, мне много приходилось заниматься самообразованием посредством чтения книг»⁸⁷. Это позволило ему в начале XX в. стать автором листовок и брошюр: «Божественное достоинство лица Иисуса Христа» (М., 1905), «Эволюционная теория и библейское учение о происхождении мира и человека», «Значение имени Иисуса Христа», «Слово на Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня»⁸⁸ и др. У себя на родине в 1894 г. он был утверждён Рязанским епархиальным училищным советом в звании попечителя Михайловско-Надеинской школы грамоты. Отмечая его успехи, Святейший Синод наградил о. Арсения Библией «за ревность о наставлении детей в вере и благочестии»⁸⁹.

Однако, когда в 1906 г. в Донском монастыре возник конфликт между настоятелем и братией, архимандрит Иаков (Заблоцкий) обвинил о. Арсения в разжигании смуты⁹⁰. Насельники, напротив, считали его одним из самых образованных и уважаемых монахов. Симпатизировали ему и окрестные жители. Так, рабочие и служащие завода Бромлея, расположенного рядом с монастырём, подали записку, в которой свидетельствовали: «В 1905 году во время построения баррикад на Донской улице иеромонах Арсений, несмотря на опасность со стороны революционеров, пришёл в толпу народа и своим разумным увещанием подорвал у сей толпы доверие к ораторам против правительства и советовал всем приняться за честный труд, что вскоре и было нами исполнено. Из-за расположения к иеромонаху Арсению за его доброту барьеры монастырские во время построения баррикад не были сломаны, тогда как все барьеры частных домовладельцев и даже церкви Ризоположения были сломаны для построения баррикад революционерами, которые сами не ломали баррикад, а заставляли невольню ломать некоторых из нас»⁹¹. В итоге после проведённого синодальной конторой следствия о. Арсения оправдали и оставили в обители.

Другой представитель крестьянского сословия — иеромонах Евгений (Петров) из Курской губ., умел только читать и писать. Между тем в 1887—1904 гг. им было прочитано 14 книг: Добротолубие (т. 1—2), «Руководство к духовной жизни святых Варсануфия и Иоанна», творения святителей Иоанна Златоуста и Димитрия Ростовского, несколько томов «Истории государства Российского» Карамзина и др.⁹² Выходец из мещан иеромонах Иоанникий (Нечаев), учившийся во Владимирской духовной семинарии, в 1887—1898 гг. прочитал 12 книг, в том числе «Русское государство в половине XVII века» Ю. Крижанича (М., 1859), регулярно брал журналы «Странник», «Сельская беседа», «Холмская Русь»⁹³.

Усердными читателями в конце 1880-х — 1890-х гг. являлись иеромонахи Виктор (Сетунский) и Ефрем (Цветаев) — потомственный дворянин, выпускник медицинского факультета Московского университета, окончивший также первый курс Московской духовной академии. Каждый из них прочёл по 15—16 книг, причём оба брали «Собрание древних литургий» (СПб., 1874), «Описание документов и дел, хранящихся в архиве при Святейшем Синоде» (СПб., 1868) и «Христианскую апологетику» прот. Н.П. Рождественского (СПб.,

⁸⁷ ЦГА Москвы, ф. 421, оп. 1, д. 7562, л. 1.

⁸⁸ Там же, л. 1—1 об.

⁸⁹ Там же, д. 7398.

⁹⁰ Там же, д. 7532, л. 27.

⁹¹ Там же, д. 7574, л. 34 об.

⁹² Там же, д. 6792, л. 16.

⁹³ Там же.

1893)⁹⁴. В 1891—1893 гг. о. Ефрем активно помогал И.Е. Забелину готовить второе издание «Исторического описания московского ставропигиального Донского монастыря» (М., 1893).

Архимандриты обращались в библиотеку значительно реже, чем прочие насельники. Из них больше всего книг прочёл наместник архимандрит Александр (Сухорукий), происходивший из государственных крестьян Харьковской губ. и не имевший образования. Он пользовался Братской библиотекой в среднем раз в три года и прочитал 10 изданий, включая три тома творений свт. Иоанна Златоуста, «Пособие к изучению устава богослужения православной Церкви» прот. К. Никольского (СПб., 1862; 1865), «Месяцеслов Востока» и т.д.⁹⁵

Братский духовник архимандрит Алексей (Кудрявцев)⁹⁶, сын причетника из Новгородской епархии и воспитанник Торопецкого духовного училища, интересовался в библиотеке исключительно исторической тематикой, обратив внимание, в частности, на «Сказания князя Курбского» (СПб., 1863) и «Историю Русской Церкви» Е.Е. Голубинского (М., 1880). Скорее всего, необходимая ему духовная литература имела у него в келье. К помощи библиотеки он прибегал не чаще одного-двух раз в год. Архимандрит Геласий в 1887 г. прочёл в библиотеке только сочинение Ливанова. Наместник архимандрит Ипполит (Волоскевич), сын коллежского регистратора Черниговской губ., окончивший Нежинское народное училище, лишь один раз был отмечен в «Книге записей» среди читателей: в 1887 г. он взял «Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях» И.Я. Порфирьева (Казань, 1872) и «Внебогослужбные беседы пастыря с пасомыми» (СПб., 1886).

Послушники обычно появлялись в библиотеке лишь единожды (возможно, в силу недолговечного пребывания в обители), но держали полученные издания 4—6 месяцев, а то и больше. Одним из самых читающих был послушник Грушин, прочитавший в 1887 г. 7 книг, в том числе творения преподобных Петра Дамаскина и Иоанна Кассиана Римлянина, «Религии древнего мира» преосвященного Хрисанфа (Ретивцева), «Летописные памятники древних народов» Шервуда и т.п. Александру Соколову в 1888 г. выдали 9 книг довольно разнообразного содержания. Среди них «История религии»⁹⁷, «История морских разбойников», «История царствования Петра Великого» Н.Г. Устрялова, популярные брошюры «О загробной жизни», «Как живут наши умершие»⁹⁸,

⁹⁴ Там же, л. 7, 16 об.

⁹⁵ Там же, л. 2 об.

⁹⁶ Архимандрит Алексей (Кудрявцев) в 1862—1872 гг. являлся духовником владыки Феофилакта (Губина), служившего в 1860—1862 гг. епископом Старорусским, а в 1862—1872 гг. — Кавказским и Черноморским (с 1867 г. — Кавказским и Екатеринодарским). По его предложению о. Алексей перебрался на Кавказ, заняв место настоятеля Кизлярского Крестовоздвиженского монастыря. Там он стал также духовником епископа Германа (Осецкого), возглавлявшего в 1872—1886 гг. Кавказскую и Екатеринодарскую епархию, и будущих архиепископа Тихона (Троицкого-Донебина) и епископа Мефодия (Никольского) — ректоров Кавказской духовной семинарии в Ставрополе (в 1871—1882 и 1882—1883 гг. соответственно). Уже в Москве о. Алексей состоял духовником архиепископов Гурия (Охотина) и Григория (Полетаева), управлявших Донским монастырём в 1896—1900 и 1900—1906 гг., а также будущего епископа Трифона (Туркестанова), в 1895—1897 гг. — смотрителя Донского духовного училища.

⁹⁷ Так в книге записей обозначалась книга: *Хрисанф (Ретивцев), еп.* Религии древнего мира и их отношение к христианству. Историческое исследование. Т. 1. СПб., 1872; т. 2. СПб., 1875; т. 3. СПб., 1878.

⁹⁸ По-видимому, так было записано сочинение монаха Митрофана «Как живут наши умершие и как будем жить и мы по смерти по учению естественной религии, по предчувствию человеческого духа и выводам науки» (СПб., 1887).

журнал «Живописное обозрение», литературный сборник «Складчина» (СПб., 1874), сочинения Лермонтова. Маркиан Ковалёв (будущий архимандрит Григорий) в 1897—1898 гг. брал «Писания мужей апостольских», «Учение о Пресвятой Богородице» преп. Петра Дамаскина, «Жизнь святейшего Никона, патриарха всероссийского», «Объяснение литургии», «Отечник» и другие сочинения епископа Игнатия (Брянчанинова), «Слова и речи Синодального члена Леонтия, митрополита Московского, бывшего архиепископа Холмско-Варшавского» (СПб., 1888).

Хотя библиотека называлась «Братской» и предназначалась для насельников Донской обители, известны случаи обращения к ней прихожан, певчих и других работников монастыря. Свечнику М. Иванову в 1888 г. были выданы: «Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского» (СПб., 1885), «История фараонов» и «Библия и наука». В 1895 г. певчий А. Фигуровский брал в библиотеке книгу «История иудеев», художник Афанасьев — «Историческое исследование дела патриарха Никона», а монастырские рабочие — Библию в русском переводе. В 1889 г. помощник смотрителя Донского духовного училища С.И. Доброумов взял в библиотеке журнал «Русская старина». Диакон Николай Несмелов в 1896 г. читал «Отечественные записки» за 1883 г.

На рубеже XIX—XX вв. интерес братии к библиотеке заметно ослаб, или, что более вероятно, «Книга записей» велась всё менее аккуратно. Согласно сохранившимся на её листах сведениям, в 1900 г. была выдана всего одна книга, а в 1901—1904 гг. выдавалось в среднем по 5—7 изданий в год. С 1905 по 1910 г. в ней не зафиксировано ни одного случая предоставления какой-либо литературы. В 1910 г. появилась последняя отметка — о выдаче бывшему настоятелю Донского монастыря епископу Григорию (Полетаеву), проживавшему на покое в Новоспасском монастыре, «Еврейского лексикона» Г.Ф.В. Гезениуса⁹⁹.

После Октябрьской революции 1917 г. библиотека Донского монастыря пополнялась книгами и журналами из московских церквей¹⁰⁰. Вместе с тем на рубеже 1910—1920-х гг. братская библиотека окончательно сливается с собственно монастырской. Обе они были национализированы, как и всё имущество обители. В акте о передаче Донского монастыря от отдела по делам музеев Главнауки Московскому отделу народного образования в 1926 г. помимо про-

⁹⁹ ЦГА Москвы, ф. 421, оп. 1, д. 6792. Владыка Григорий (Полетаев) управлял Донским монастырём в 1900—1906 гг. Но ещё будучи в 1891—1892 гг. епископом Ковенским, викарием Литовской и Виленской епархии, он активно использовал знание древнееврейского языка в миссионерской деятельности среди местного населения: «Святителем при сём евреям указывалось, что само слово Божие, заключающееся в их же Библии, закон их, пророки и сама история их свидетельствуют только о том, что пора, наконец, бросить им свои заблуждения и придти ко Христу. Проповедником при сём приводились необходимые изречения из Библии прямо на еврейском языке, чему особенно способствовало, как мы видели уже, многолетнее специальное изучение им Священного Писания и еврейского языка в бытность его профессором по сим наукам в Казанской академии. И слово истины святителя так было любезно и приятно евреям, что они в признательность за его любовь и поучения к ним поднесли ему, при оставлении им Ковенской кафедры, и свою, на еврейском языке, Библию» (*Быстрицкий В.А.* Преосвященный Григорий, член Московской Святейшего Синода конторы и управляющий Донским ставропигиальным монастырём, бывш[ий] епископ Омский и Семипалатинский. М., 1905. С. 47).

¹⁰⁰ Согласно «Описи книг, привезённых из разных мест в библиотеку Донского монастыря», литература поступала из храмов св. Пимена, Павловской больницы (85 наименований), Спаса Нерукотворного при Барыковской богадельне (361 том), церкви бывшего Мещанского училища на Калужской улице (390 книг и журналов). Всего в данной описи 1 108 номеров разных изданий (ОР РГБ, ф. 881, д. 26).

чего упоминались и три описи монастырской библиотеки: «основная» (1 700 номеров) на 95 листах, «периодическая» (946 номеров, обрывавшаяся на 20 листе) и «фондовая» (1 108 номеров) на 62 листах¹⁰¹. Они соответствуют тем, что в настоящее время находятся в Отделе рукописей РГБ¹⁰². При этом в «Описи газет, журналов и других периодических изданий библиотеки музея бывшего Донского монастыря»¹⁰³ имеются отсутствовавшие в «Книге материальной» 1910 г. «Вестник военного духовенства» (1890—1895), «Домашняя беседа для народного чтения» (1862), «Отклики на жизнь» (1894—1898, 1912—1913), «Славянские известия» (1889—1890), «Сообщения Православного Палестинского общества» (1886—1887, 1892—1895, 1900—1907), «Древняя и новая Россия» (СПб., 1887), «Земледельческая газета» (1903), «Пахарь» (1905—1906), «Судебная газета» (1902—1903). По-видимому, пополнение библиотеки не прекращалось вплоть до закрытия обители. К концу своего существования она насчитывала свыше 6,5 тыс. книг, не считая периодики. К сожалению, дальнейшая их судьба неизвестна.

¹⁰¹ ЦГА МО, ф. 966, оп. 4, д. 1027, л. 120—121 об.; *Постернак О.П.* Музейная деятельность на территории Донского монастыря в 1920—1930-е годы // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. Филология. История.* 2005. № 4. С. 114—132. См. также: *Постернак О.П.* Музейная политика России и судьба религиозного культурного наследия в 1920—1930-х гг. (на материале Донского и Страстного монастырей). Дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. С. 95—99.

¹⁰² ОР РГБ, ф. 881, д. 26, 27, 28. Только в «Описи основной библиотеки музея Донского монастыря» указано не 1 700, а 1 806 наименований (там же, д. 27).

¹⁰³ Там же, д. 28.

Поместный собор 1917—1918 гг. и отношение православной Церкви к советской власти и её религиозной политике

Анатолий Кашеваров

Local Council of 1917—1918 and the attitude of the Orthodox Church to the Soviet government and its religious policy

Anatoliy Kashevarov (Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870004233-7

В постсоветский период в отечественной историографии появился целый ряд книг и статей, посвящённых церковно-государственным отношениям в первые годы советской власти. В них непременно рассматривались и сюжеты, связанные с реакцией Поместного собора Православной Российской Церкви на большевистскую политику и практику в отношении религиозных организаций. Так, В.А. Алексеев отмечал, что многие члены Собора упрекали большевиков в узурпации власти и «глумлении над святынями» (обстрел московского Кремля), а в официальных церковных документах осуждали действия революционных рабочих и солдат¹. Канадский историк Д.В. Поспеловский, анализируя постановления Собора, имевшие политическое звучание, пришёл к выводу, что в них речь шла о духовной борьбе, покаянии и активизации действий мирян, направленных на защиту своих храмов. Поместный собор не молчал о начавшихся гонениях, но в своих определениях «последовательно стремился к миру, к установлению нормальных, взаимно лояльных отношений с новой властью»². По мнению О.Ю. Васильевой, резкая критика большевиков и социалистической революции в посланиях Собора объяснялась тем, что Русская Православная Церковь оказалась «первой провидицей грядущей гражданской войны» и таким способом пыталась её предотвратить, а протесты церковного руководства и волнения среди верующих во многом были спровоцированы плохо продуманными действиями новой власти³. А.Г. Кравецкий и М.И. Одинцов писали, что наиболее резкую реакцию Собора вызвал декрет об отделении Церкви от государства⁴. В монографиях А.Н. Кашеварова указывалось, что оценка, данная этому декрету Поместным собором и патриархом, нашла поддержку не только у духовенства, но и у основной массы прихожан, и в дальнейшем это учитывалось высшим церковным управлением, особенно в

© 2019 г. А.Н. Кашеваров

¹ Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. М., 1991. С. 18—72.

² *Pospielovsky D. A History of Soviet Atheism in Theory, and Practice, and the Believer. Vol. 1. N.Y., 1987; Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX в. М., 1995. С. 49—60.*

³ *Васильева О.Ю. Русская православная церковь и Советская власть в 1917—1927 гг. // Вопросы истории. 1993. № 8. С. 40—54.*

⁴ *Кравецкий А.Г. К истории Декрета об отделении Церкви от государства // Материалы международной научной конференции «1917-й: Церковь и судьбы России. К 90-летию Поместного собора и избрания Паприарха Тихона». М., 2008. С. 139; Одинцов М.И. Всероссийский Поместный Собор 1917—1918 гг.: споры о церковных реформах, основные решения, взаимоотношения с властью // Церковно-исторический вестник. 2001. № 8. С. 137—138.*

призывах к массовому неповиновению советским постановлениям о религии и Церкви⁵. Реакция Собора на захват власти большевиками и действия его членов, пытавшихся остановить бои в Москве в октябре 1917 г., подробно освещены в работах протоиерея Владислава Цыпина⁶. Н.А. Кривошеева показала связь оценки Собором декрета СНК «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» с появлением первых жертв среди православных архиереев, пастырей и мирян, а также с деятельностью соборной «комиссии о гонениях»⁷.

Но, характеризуя отношение Собора к советской власти и её религиозной политике, исследователи в основном опирались на публикации в церковной печати и материалы фонда Поместного собора Православной Российской Церкви 1917—1918 гг. в ГА РФ (ф. Р-3431)⁸, практически не обращаясь к документам, отложившимся в РГИА в фондах Священного собора Православной Российской Церкви (ф. 833) и Канцелярии патриарха Тихона и Священного Синода (ф. 831), которые также нуждаются в изучении.

Важнейшая проблема, которую предстояло решить Поместному собору, заключалась в установлении новых форм церковно-государственных отношений. Так или иначе она обсуждалась на всех трёх его сессиях, вплоть до 20 сентября 1918 г., когда заседания пришлось прекратить. Пожелания и требования их участников нашли отражение в принятом ещё 2 декабря 1917 г. «Определении Священного собора Православной Российской Церкви о правовом положении Православной Российской Церкви»⁹, подготовка и содержание которого обстоятельно проанализированы А.Л. Бегловым, Е.В. Беляковой и К.В. Ковырзиным¹⁰.

⁵ *Кашеваров А.Н.* Церковь и власть: Русская Православная Церковь в первые годы Советской власти. СПб., 1999. С. 180—185; *Кашеваров А.Н.* Православная Российская Церковь и Советское государство (1917—1922). М., 2005. С. 132—136.

⁶ *Цыпин В.А., прот.* История Русской Церкви. 1917—1997. М., 1997; *Цыпин В.А., прот.* Русская Православная Церковь в новейший период. 1917—1999 гг. // Православная энциклопедия: Русская Православная Церковь. М., 2000. С. 134—137.

⁷ «Приспело время подвига...»: Документы Священного собора Православной Российской Церкви 1917—1918 гг. о начале гонений на Церковь / Сост. Н.А. Кривошеева. М., 2012. С. 52—68.

⁸ Значительная часть этих источников воспроизведена в сборниках: «Приспело время подвига...»: Отделение Церкви от государства и школы от Церкви в Советской России (октябрь 1917 — 1918 г.). Сборник документов / Сост. Л.Б. Милякова. М., 2016. Следует также отметить начатое в 2011 г. в Новоспаском монастыре группой церковных историков (протоиереи М. Кокарев и А. Колчерин, священник И. Соловьёв, М.А. Адамов, А.Л. Беглов, Е.В. Белякова, Т.Е. Житенёв, Г.М. Запальский, К.В. Ковырзин, А.Г. Кравецкий, Н.П. Меньшов, А.И. Мраморнов, Н.Ю. Сухова, П.В. Фёдоров, С.Л. Фирсов и др.) новое фундаментальное издание материалов Поместного собора 1917—1918 гг. Всего запланировано выпустить 34 тома с комментариями, примечаниями, именным указателем и цветными вклейками с фотокопиями наиболее характерных документов. В настоящее время публикация текста деяний (стенограмм общих собраний) Собора доведена до начала декабря 1917 г. См.: Документы Священного собора Православной Российской Церкви 1917—1918 годов. Т. 5—6 / Отв. ред. А. Колчерин, А.И. Мраморнов. М., 2015—2016.

⁹ Священный собор Православной Российской Церкви. Собрание определений и постановлений. Вып. 2. М., 1918. С. 6—8.

¹⁰ *Беглов А.Л.* От соборного определения — к Декрету СНК. К вопросу о генезисе государственно-церковных отношений советского периода // Альфа и Омега. 2007. № 1(48). С. 146—170; *Беглов А.Л.* Православная Церковь перед лицом светского государства: Поместный собор 1917—1918 гг. о принципах государственно-церковных отношений // Православная Церковь и государство в исторической судьбе России. Материалы IV всероссийской научно-богословской конференции «Наследие преподобного Серафима Саровского и судьбы России». Н. Новгород, 2008. С. 66—79; *Ковырзин К.В.* Поместный собор 1917—1918 годов и поиски принципов церковно-государственных отношений после Февральской революции // Отечественная история. М., 2008. № 4. С. 88—97; *Ковырзин К.В.* Российская Православная церковь и поиски принципов церковно-госу-

Как справедливо отметил Беглов, идея сотрудничества с государством стала одним из ключевых принципов, сформулированных при обсуждении доклада о правовом положении православной Церкви, с которым 15 ноября перед Собором выступил профессор С.Н. Булгаков¹¹. Признав «второстепенное значение для Церкви вопроса о политических формах государственной жизни», он вместе с тем указал на «недопустимость возврата к тому, чтобы Церковь была огосударствлена». Но столь же решительно, по его мнению, «должно быть осуждено, отвергнуто и признано абсурдным то, что называется отделением Церкви от государства, предоставление государству исключительно мирского господства и уход Церкви куда-то в пространство, вне истории и вне жизни...». Докладчик не сомневался в том, что государство обязано заботиться о нуждах Церкви, а «в смысле внутреннем и религиозном нельзя допустить отделения Церкви от государства: Церковь не может отказаться быть светом миру, не изменив себе»¹². На основании доклада Булгакова Собор постановил, что «Православная Церковь в России должна быть в союзе с государством, но под условием своего свободного внутреннего самоопределения»¹³. В соответствии с этим и разрабатывалось «определение», принятое 2 декабря 1917 г.

По-видимому, соборное большинство не ожидало, что власть надолго окажется в руках у воинствующих атеистов. Так, при обсуждении доклада С.Н. Булгакова профессор Н.Д. Кузнецов заявил: «Россия находится в состоянии полной анархии, и все ещё только кричат о необходимости создания твёрдой государственной власти и пока совершенно неизвестно, в какие формы выльется будущий государственный строй»¹⁴.

Собор явно возлагал большие надежды на Учредительное собрание. Собственно, и принятое 2 декабря определение, по словам члена Собора профессора В.И. Мищенко, представляло собой «не более как законопроект, подготовленный к предстоящему Учредительному собранию»¹⁵. В докладе Булгакова говорилось: «Мы твёрдо должны сказать Учредительному собранию, что Русское государство исторически обязано Церкви своими устоями и крепостью, поэтому и сейчас не должно порывать связи с нею»¹⁶. Неудивительно, что в октябре Собор «ввиду приближающихся выборов в Учредительное собрание» выпустил особое послание, призывая «благословение Божие на сей государственный труд»¹⁷.

С большевиками церковное руководство впервые столкнулось во время боёв в Москве 27 октября — 2 ноября 1917 г. Надеясь положить предел междоусобице и беспокоясь о судьбе кремлёвских святынь, Поместный собор

дарственных отношений после Февральской революции (март 1917 г. — январь 1918 г.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 2011; *Ковырзин К.В.* Определение Поместного собора «О правовом положении Православной Российской Церкви» (2.12.1917): историко-правовой анализ // XXII ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Т. 1. М., 2012. С. 78—80; *Белякова Е.В.* «Симфония властей» или «свободная церковь в правовом государстве»: русские дискуссии начала XX века // История. Электронный научно-образовательный журнал. 2013. Вып. № 7(23). С. 6—18.

¹¹ *Беглов А.Л.* Православная Церковь перед лицом светского государства... С. 77.

¹² Прибавления к Церковным ведомостям. 1918. № 1. С. 34, 36—37, 38. См. также: Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. (далее — Деяния...). Кн. 4. Вып. 1. Пг., 1918.

¹³ Прибавления к Церковным ведомостям. 1918. № 2. С. 71.

¹⁴ Там же. № 3—4. С. 124.

¹⁵ Там же. № 2. С. 71.

¹⁶ Там же. № 1. С. 37.

¹⁷ Церковные ведомости. 1917. № 42. С. 376.

2 ноября направил делегацию во главе с митрополитом Тифлиским Платоном (Рождественским) к руководителям противоборствующих сторон, убеждая их прекратить кровопролитие, «не подвергать Кремль артиллерийскому обстрелу» и проявить милосердие к побеждённым¹⁸. Но несмотря на это обращение, тяжёлые снаряды попали во все кремлёвские соборы. 11 ноября Собор обратился к победителям с просьбой не мстить и призвал народ к покаянию за грех братоубийства. В этот же день Собор распорядился отпевать всех погибших и поручил митрополиту Платону «через сношение с подлежащими организациями выяснить: было ли совершено отпевание над прахом убитых в дни междоусобной брани воинов и рабочих», погребённых 10 ноября¹⁹. Резко осудив обстрел Кремля и захоронение красногвардейцев на Красной площади, Собор впервые выразил своё отношение к новой власти. «Для тех, кто видит единственное основание своей власти в насилии одного сословия над всем народом, не существует Родины и её святыни, — отмечалось в соборном послании 11 ноября. — Они становятся изменниками Родины, которые чинят неслыханное предательство России... К нашему несчастью, не народилось ещё власти воистину народной, достойной получить благословение Церкви православной»²⁰.

Известие о начавшихся переговорах советского правительства с Германией вызвало 17 ноября постановление Собора «по поводу текущих событий». В нём утверждалось, что «лица, вступившие от лица российского государства в международные сношения, не являются свободно избранными представителями населения и выразителями мысли и воли нации, почему и не могут быть признаны правомочными в деле ведения мирных переговоров». Собор характеризовал их как «группу лиц, силой оружия захвативших власть в Петрограде, Москве и некоторых других городах» и решительно осудил любые попытки заключения сепаратного мира, который «был бы изменой нашим союзникам, предательством единоверных нам народов и мог бы ввергнуть Россию в горшие бедствия»²¹.

Вплоть до конца 1917 г. церковное руководство считало, что неустойчивая и слабая советская власть, боясь гнева верующего народа, не станет предпринимать действий, затрагивающих интересы Церкви. Так, объявленный В.И. Ульяновым (Лениным) декрет о земле, требовавший национализации церковно-монастырских земель, соборное большинство воспринимало как демагогическую декларацию и не допускало мысли, что она может быть осуществлена без санкции Учредительного собрания. Поэтому 14 ноября Собор спокойно обсуждал вопрос о переделе причтовых участков и даже установил нормы пользования ими. Между тем 11 декабря 1917 г. вышло постановление Народного комиссариата просвещения о подчинении ему всех учебных заведений духовного ведомства. 17 и 18 декабря были изданы декреты о гражданском браке и гражданской метрикации. Все эти распоряжения совершенно не соответствовали нормам соборного определения 2 декабря, в котором, в частности, принятие государством законов, касающихся православной Церкви, допускалось «не иначе, как по соглашению с церковной властью» (ст. 6).

С 1918 г. новая власть стала вводить служение Церкви в жёсткие рамки разнообразных запретов и ограничений. Первым шагом явилась реквизиция На-

¹⁸ РГИА, ф. 833, оп. 1, д. 61, л. 6.

¹⁹ Прибавления к Церковным ведомостям. 1918. № 5. С. 174.

²⁰ Церковные ведомости. 1917. № 46—47. С. 417.

²¹ Прибавления к Церковным ведомостям. 1918. № 5. С. 175.

родным комиссариатом просвещения синодальной типографии в Петрограде. О том, как она была проведена, Собор узнал 22 января от редактора «Церковных ведомостей» протоиерея П.Н. Лахостского²².

В тот же день на первом после рождественских каникул (длвшихся с 10 декабря 1917 г. по 20 января 1918 г.) соборном заседании слушалось донесение настоятеля Александро-Невской лавры епископа Прокопия (Титова) о предпринятой 13 января в Петрограде попытке матросов и красногвардейцев захватить по приказу комиссара призраения А.М. Коллонтай помещения Александро-Невской лавры, гибели протоиерея Петра Скипетрова и состоявшемся затем грандиозном крестном ходе, совершившем «всенародное моление» за гонимую Церковь. «То, что сообщили нам о лавре, — констатировал при обсуждении этих событий член Собора кн. Е.Н. Трубецкой, — не частное враждебное Церкви выступление, а проведение плана уничтожения самой возможности существования Церкви. Сейчас речь идёт об упразднении одной обители, это только пробный шаг... Тут открытая война с Церковью, начатая не нами». Оценив случившееся в столице как «первое столкновение со слугами сатаны», протоиерей Н.В. Цветков предложил Собору «послать туда посольство с выражением глубокого соболезнования»²³.

24 января Собор, учитывая просьбу специально прибывшей накануне петроградской делегации, уполномоченной собранием духовенства и представителей приходов епархии проинформировать высшую церковную власть о январских гонениях, вынес постановление «о возвращении Александро-Невской лавры петроградскому митрополиту с присвоением ему звания священноархимандрита оной»²⁴. Восстановление владыки Вениамина (Казанского) в звании и правах настоятеля монастыря в тот момент, когда большевики добивались его выселения из обители, свидетельствовало о неприятии действий правительства. После окончания официального заседания Собора перед его участниками выступил глава делегации протоиерей Ф.Н. Орнатский, рассказавший о положении в Петрограде, «особенно о попытке захватить лавру и о величественном крестном ходе»²⁵.

19 января, в самый разгар противостояния на Неве (продолжавшегося до 21 января), патриарх Тихон выпустил известное послание «по поводу переживаемых событий», отлучавшее от Церкви всех, кто терроризировал население. Несмотря на то, что о большевиках в нём не упоминалось, их методы впервые подверглись суровому осуждению. Многие члены Собора восприняли послание 19 января именно как «анафему большевикам, изречённую патриархом Тихоном». Выступая на заседании 22 января, протоиерей Н.В. Цветков, не сомневавшийся в том, «кого же анафемствует святейший патриарх», предлагал «самый большевизм назвать сатанизмом или антихристианством». Его выступление горячо поддержал священник В.И. Востоков²⁶.

Патриарх, по сути, предвосхитил рекомендации работавшей во время каникул комиссии Собора, «которая обдумывала способы ответа на акты современного правительства, в частности относительно Александро-Невской лавры». Входивший в неё кн. Е.Н. Трубецкой признавался: «Мы ждали только официального донесения и имён, которые теперь названы (имелись в виду инициа-

²² Деяния... Кн. VI. Вып. 1. М., 1918. С. 31.

²³ Там же. С. 10—11, 40.

²⁴ Там же. С. 55—56.

²⁵ Там же. С. 56—60.

²⁶ Там же. С. 39—40, 43.

торы нападения — Коллонтай и др. — А.К.), чтобы представить на рассмотрение Собора проект отлучения от Церкви виновных». Таким образом, следовало перейти от «увещаний», которые рассматривались уже как «слишком слабые», к «воздействию мечом духовным» — «анафематствованию лиц, совершающих явно враждебные Церкви действия, и всех их пособников»²⁷.

Патриаршее послание было оглашено и обсуждалось 20 января на частном совещании Собора, поскольку членов, собравшихся в этот день, не хватило для проведения официального заседания (около 100 вместо необходимых по уставу 180 человек)²⁸. Одобрив позицию патриарха, некоторые из выступавших указывали на недостаточность публичных осуждений антицерковных действий большевиков и «насильников вообще». Протоиерей из г. Богодухова Харьковской епархии М. Станиславский говорил: «Мы знаем послания, которые раньше посылали. Их солдаты рвали. Послание... теперь едва ли достигнет вполне цели... Теперь нужно придумать необходимые мероприятия. Нужно устроить всенародные моления с крестными ходами и при этом сказать народу, каким бедам подвергается Церковь от врагов православия». Делегат от Воронежской епархии Д.И. Боголюбов призывал духовенство перейти к «решительным действиям» ненасильственного характера²⁹.

22 января на Соборе продолжалась конкретизация «общей формулы патриаршего послания». Так, профессор И.И. Громогласов, озабоченный тем, «чтобы отлучение было реальным, действительным отчуждением, отделением тех, кто всей душой предан Церкви, от её врагов и гонителей», считал целесообразным «принять меру к тому, чтобы на местах надлежащим образом было выяснено, в чём именно должно выражаться отлучение и как оно должно быть проведено в жизнь»³⁰. В итоге появившееся 22 января постановление одобряло воззвание Тихона и призывало Церковь «объединиться ныне вокруг патриарха, дабы не дать на поругание веры нашей»³¹.

Первые декреты советской власти обрывали любые связи Церкви и государства и не предусматривали создания новых, поскольку в правящей партии считалось, что при социализме религии быть не должно. Оценивая их, участники Собора старались выяснить, насколько намеченные большевиками меры пользуются поддержкой населения. При этом неоднократно наблюдалось, что антиклерикальные и богоборческие настроения в конце 1917 — начале 1918 г. распространялись всё шире, особенно в солдатской среде³². Причины и проявления их были многообразны — от бессмысленной жестокости, хулиганства и желания завладеть церковным имуществом до сознательного надругательства над верой и её служителями. В выступлениях на Соборе неоднократно напоминалось, что насилие над священниками, братоубийство, разбой и взаимная ненависть начались «не со вчерашнего дня, не со времени прихода большевиков»³³. Советская власть лишь официально поддерживала, подогревала и умело использовала их в своей борьбе с Церковью.

²⁷ Там же. С. 11.

²⁸ Там же. С. 1—2.

²⁹ Там же. С. 14, 16.

³⁰ Там же. С. 5.

³¹ Церковные ведомости. 1918. № 5. С. 24. Собор принял также молитву «о спасении Церкви православной» (Там же. С. 23).

³² Деяния... Кн. VI. Вып. 1. С. 15, 16.

³³ См., например: Там же. С. 40.

Наибольшее возмущение у духовенства и верующих вызвал декрет 23 января 1918 г., отделивший Церковь от государства и школы. Сразу же после его публикации Собор образовал «комиссию по проекту постановления о декрете народных комиссаров об отделении Церкви от государства» во главе с протоиереем А.П. Рождественским. Она отредактировала и «единогласно одобрила для внесения на пленарное заседание Священного собора» составленный кн. Трубецким проект постановления³⁴. Уже 25 января Поместный собор принял его, объявив, что «изданный советом народных комиссаров декрет об отделении Церкви от государства представляет собой, под видом закона о совести, злостное покушение на весь строй жизни православной Церкви и акт открытого против неё гонения». Соответственно, провозглашалось, что «всякое участие как в издании сего враждебного Церкви узаконения, так и в попытках провести его в жизнь несовместимо с принадлежностью к православной Церкви и навлекает на виновных кары вплоть до отлучения от Церкви»³⁵.

27 января комиссия протоиерея Рождественского приступила к составлению проекта «инструкции духовенству по исполнению соборного постановления о декрете народных комиссаров касательно православной Церкви»³⁶. Тогда же, учитывая накопленный (главным образом в Петроградской епархии) опыт противодействия гонениям, член Собора Н.Н. Медведков рекомендовал «устраивать внушительные манифестации, называемые на церковном языке крестными ходами»³⁷.

В принятом ещё 22 января определении «о мерах против захватов насильниками церквей, церковных и монастырских имуществ» предписывалось «немедленно организовать православные братства при приходских храмах и монастырях из окрестных жителей, преданных св[ятой] Церкви, для охраны церковного и монастырского имущества», а также «вменить в обязанность приходскому и монастырскому духовенству в проповедях с амвона призывать народ к покаянию и молитве, выясняя смысл текущих событий с христианской точки зрения»³⁸. Собор выпустил также воззвание «к православным христианам», в котором убеждал их не только не следовать декрету 23 января, но и объединяться «около своих храмов и пастырей», составляя «союзы для защиты заветных святынь»³⁹.

Судя по протоколам и постановлениям приходских и епархиальных собраний, направленным в первые месяцы 1918 г. Собору и патриарху, верующие протестовали против декрета 23 января, усматривая в его статьях ограничение «свободного, открытого и повсеместного исповедания веры» и «нарушения тех канонических и имущественных прав, коими Церковь православная до сего времени обладала». При этом Петроградский епархиальный съезд духовенства и мирян, состоявшийся 11—15 марта (26 февраля — 2 марта), заявил о том, что «собрание признало излишним выносить какие-либо резолюции и суждения по вопросу об отношении к декрету об отделении Церкви от государства после того,

³⁴ РГИА, ф. 833, оп. 1, д. 56, л. 2—3.

³⁵ Там же, л. 51.

³⁶ Там же, л. 3—8.

³⁷ Деяния... Кн. VI. Вып. 1. С. 77.

³⁸ Там же. С. 37.

³⁹ РГИА, ф. 833, оп. 1, д. 56, л. 33. Изложенное в популярной форме и отпечатанное в виде листовки, воззвание широко распространялось в приходах и монастырях (Там же, д. 36, л. 118—119 об.).

как по этому вопросу сказано авторитетное слово высшим органом церковной власти, Всероссийским церковным собором»⁴⁰.

Члены Собора получали сообщения с мест, свидетельствовавшие также и о том, что антирелигиозные акции способствовали укреплению морального авторитета духовенства, заметно снизившегося за годы Первой мировой войны. Религиозный подъём, охвативший значительную часть населения, массовые крестные ходы (в Москве и Петрограде в них участвовали сотни тысяч людей), казалось, позволяли надеяться на отмену одиозных правительственных постановлений. «Декрет об отделении Церкви от государства, — писали тогда “Церковные ведомости”, — оказался мерой беспочвенной и явно неосуществлённой в условиях русской действительности»⁴¹. Собрание представителей приходов Москвы, состоявшееся 25(12) февраля в соборной палате епархиального дома под председательством А.Д. Самарина, «решило перейти к преподаванию Закона Божия в церквях и домах лишь тогда, когда законоучители будут из школы изгнаны штыками», и «выразило надежду, что отмена преподавания Закона Божия не последует»⁴². В Кимрах родительские комитеты при женской и мужских гимназиях и других училищах выразили решимость «в случае насилия со стороны большевистской власти (т.е. удаления из школ преподавателей Закона Божия. — А.К.) немедленно взять всех учащихся из учебных заведений»⁴³.

В условиях наметившейся консолидации клира и мирян для сопротивления разворачивавшимся гонениям 28 февраля появилось постановление патриарха и Священного Синода, указывавшее, в частности: «При всех приходских и бесприходных церквях надлежит организовать из прихожан и богомольцев союзы (коллективы), которые и должны защищать святыни и церковное достояние от посягательств... В крайних случаях союзы эти могут заявлять себя собственниками церковного имущества, чтобы спасти от отобрания в руки неправославных или даже иноверцев... В случае покушения на захват священных сосудов, принадлежностей богослужения, церковных метрик и прочего имущества церковного, не следует добровольно отдавать их... В случае нападения грабителей и захватчиков на церковное достояние следует призывать православный народ на защиту церкви, ударяя в набат, рассылая гонцов и т.д. ... Все восстающие на святую Церковь, причиняющие поругание святой православной вере, затрагивающие церковное достояние, подлежат, невзирая на лица, отлучению церковному»⁴⁴.

Но осуществить всё это на практике было весьма непросто. Церковная печать того времени писала о многочисленных расправах над священнослужителями и верующими, а Собор почти ежедневно получал рапорты правящих архиереев и епархиальных советов о реквизициях и захватах движимого и недвижимого имущества храмов, монастырей и духовных школ.

К марту 1918 г. обстановка обострилась настолько, что в Москве могли произойти кровавые столкновения⁴⁵. Для успокоения возникшего возбуждения правительство желало как-то продемонстрировать, что его постановления вовсе не наносят вред Церкви, а лишь отделяют её от государства. Со своей

⁴⁰ Прибавления к Церковным ведомостям. 1918. № 9—10. С. 377—378.

⁴¹ Там же. С. 366.

⁴² Там же. № 7—8. С. 326.

⁴³ Там же. № 11—12. С. 421.

⁴⁴ Церковные ведомости. 1918. № 7—8. С. 32—34.

⁴⁵ Прибавления к Церковным ведомостям. 1918. № 7—8. С. 326.

стороны, высшая церковная власть к весне 1918 г. убедилась в безуспешности своих усилий добиться отмены или хотя бы корректировки советской религиозной политики. Сопротивление верующих конфискациям церковного имущества вызывало лишь новые репрессии. Всё это заставляло идти на переговоры с большевиками.

Первая попытка обсудить статус Церкви с представителями новой власти была предпринята Поместным собором в феврале 1918 г. Тогда в Петроград прибыли его депутаты во главе с Самариным, которым поручалось предложить правительству образовать комиссию с участием клириков и мирян для выработки нового декрета, регулирующего деятельность Церкви в обществе и принципы её взаимоотношений с государством. Однако в Совнаркоме соборную делегацию никто не принял⁴⁶. Вернувшись в Москву, Самарин просил Собор «расширить их полномочия, чтобы они могли коснуться вообще церковного дела при современном положении дел, а не выражать только протест против большевистского декрета об отделении Церкви от государства». Собор, видевший во встрече с руководством СНК «крайнюю необходимость» и вынужденный «просить советскую власть о защите на окраинах ныне беззащитного русского населения», предоставил делегации право делать от его имени «заявления и представления народным комиссарам, какие она найдёт нужным и полезным для св[ятой] Церкви». В тот же день, 25(12) марта, делегатам обещали устроить беседу с председателем Совнаркома Ульяновым (Лениным), но он неожиданно выехал из Москвы⁴⁷.

27(14) марта соборную делегацию от имени правительства приняли народный комиссар юстиции Д.И. Курский, народный комиссар страхования М.Т. Елизаров и управляющий делами СНК В.Д. Бонч-Бруевич. Делегаты настаивали на том, что для «религиозного успокоения ста миллионов православного русского народа, без сомнения необходимого и для государственного блага», следует отменить декреты, посягающие на «жизнь и свободу православной народной веры». Тогда представители Совнаркома попросили письменно изложить, что именно в декрете требует пересмотра или отмены, а также указать все факты насилия, совершённого вследствие неправильного понимания его норм местными властями, и впредь доводить до сведения правительства о подобных случаях. При этом народные комиссары обещали, что в дальнейшем к разработке декретов, касающихся религиозных организаций, непременно будут привлекаться уполномоченные ими лица. 19(6) апреля делегация Собора вновь «просила власть во имя и государственного блага отменить все её распоряжения, посягающие на жизнь и свободу народной веры», но смогла получить лишь «положительное заверение центральной советской власти, что для... выяснения границ и способов осуществления декрета (23 января 1918 г. — А.К.) будет создана в Москве особая комиссия с участием представителей всех вероисповеданий»⁴⁸. К маю 1918 г. переговоры и вовсе заглохли.

По мнению М.В. Шкаровского, уже в апреле соборная делегация начала отступать от первоначальных требований⁴⁹. Однако в тот момент прежние позиции пересматривали только отдельные её члены. Это проявилось, в частности, в том заявлении, с которым обратился в СНК «по поводу декрета 23 января

⁴⁶ Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. С. 47.

⁴⁷ Голубцов Г., прот. Поездка на Всероссийский церковный собор. Дневник // Российская Церковь в годы революции (1917—1918 гг.). М., 1995. С. 230, 237, 249, 254.

⁴⁸ РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 69, л. 4—5.

⁴⁹ Шкаровский М.В. Петербургская епархия в годы гонений и утрат. 1917—1945. СПб., 1995. С. 32.

1918 г.» главный эксперт Собора по взаимоотношениям с новой властью, член соборной делегации «по переговорам с народными комиссарами» профессор Московской духовной академии Н.Д. Кузнецов. Он подготовил собственную редакцию вызывавших возражения статей, которые, по его мнению, следовало изложить так: «9. Школа отделяется от Церкви. Преподавание религиозных вероучений во всех государственных учебных заведениях необязательно и может происходить на средства самих родителей учеников... 13. Имущество, принадлежащее Церкви и другим исповеданиям, вместе со зданиями и предметами для богослужения переходит в собственность тех религиозных обществ, которые должны образоваться на основании закона отделения Церкви от государства. На это должен быть предоставлен известный срок, который, по условиям русской жизни, не может быть менее 3 или 5 лет». В заключение профессор предостерегал: «Проведение закона отделения Церкви от государства вообще, а в России особенно, не может упускать из виду, что разные отношения, сложившиеся на протяжении 1 000 лет, не могут быть ликвидированы немедленно или в какой-либо крайний срок, иначе это может вредно отразиться не только на Церкви, но и на самом государственном порядке»⁵⁰.

Важно отметить, что в принятом 18(5) апреля постановлении «О мероприятиях, вызываемых происходящими гонениями на православную Церковь», Собор уже прямо склонял мирян вступать в контакты с местной и центральной советской властью, чтобы донести до неё голос протеста тысяч православных верующих, возмущённых поруганием святынь. Так, им рекомендовалось «составлять на братских собраниях — приходских, окружных благочиннических, уездных и епархиальных соответствующие письменные, за собственноручными подписями участников собраний приговоры (в нескольких экземплярах) в защиту Церкви и её достояния и представлять эти приговоры высшему церковному управлению, местным и центральным органам светской власти, при чём, в случае необходимости непосредственных сношений с последними, поручить эти сношения, ввиду явного преследования священнослужителей и церковных старост братчикам-мирянам, а где нет братств — членам приходских советов из мирян» (п. 13)⁵¹.

Между тем 9 апреля в связи с возникавшими на местах затруднениями СНК поручил Народному комиссариату юстиции «образовать комиссию для выработки в срочном порядке инструкции по проведению в жизнь декрета об отделении церкви от государства». Вопреки обещаниям, представители религиозных организаций в неё включены не были. Разработанный ею документ, утверждённый 24 августа, появился 30 августа в «Известиях ВЦИК» как «Постановление народного комиссариата юстиции о порядке проведения в жизнь декрета “Об отделении церкви от государства и школы от церкви” (Инструкция)».

7 сентября патриарх Тихон и Священный Синод обратились в Совнарком с заявлением о необходимости отмены данной инструкции. Характеризуя политику, проводившуюся после декрета 23 января, священноначалие констатировало: «В указанный период власть развёртывала свою программу в отношении

⁵⁰ РГИА, ф. 831, оп. 1, д. 56, л. 38, 42. Основные идеи своего письма Кузнецов сформулировал 22(9) февраля, выступая перед членами Собора, которые просили его напечатать этот доклад, «если не в типографии, то хотя бы на гектографе, чтобы разослать его по всем епархиям России для осведомления русского народа». Вскоре он вышел в виде брошюры «Церковь, народ и государство в России» (Там же, л. 43).

⁵¹ Церковные ведомости. 1918. № 23—24. С. 166.

к исповеданиям, совершенно не считаясь с их внутренней жизнью и не желая выполнять собственных обещаний, данных представителям православной Церкви. Наряду с бесчисленными захватами церковных имуществ и зданий учащались преследования церковных проповедников, аресты и заключения в тюрьмы священников и даже епископов»⁵². Церковное руководство считало, что сделало всё для налаживания сотрудничества, однако, «за истекшее полугодие все возможные ожидания в этом направлении рассеяны самой советской властью», поскольку «ряд общих мероприятий правительственных и законодательных самого последнего времени превратил этот, сначала как бы бессистемный поход против православной Церкви, в открытую и решительную борьбу, всё возрастающую в своём напряжении»⁵³. Инструкция же Наркомюста, по мнению патриарха и Синода, «ставит православную Церковь перед лицом неизбежного исповедничества и мученичества, а российскую коммунистическую власть обрисовывает как власть, сознательно стремящуюся к оскорблению народной веры, очевидно, в целях её полного уничтожения»⁵⁴.

Одновременно с предстоятелем направил советскому правительству письмо «о необходимости отмены инструкции 30 августа 1918 г. к декрету 23 января» и Поместный собор⁵⁵, тогда же поручивший «особой комиссии выработать мероприятия по защите церковных святынь». Заседание, на котором обсуждались её предложения, проходило «при закрытых дверях». Наибольшие прения вызвали те статьи инструкции, которые объявляли, что только «двадцатки верующих граждан» могут получать от государства в аренду культовые здания и прочее церковное имущество. Значительная часть духовенства, особенно епископат, опасались, что это может привести к проникновению в церковные общины случайных людей, проходимцев и даже атеистов, которые будут разлагать Церковь изнутри. Об этом говорилось и в патриаршем заявлении 7 сентября.

Тем не менее на заседании Собора авторитетные его члены утверждали, что верующим следует «ради сохранения церковного имущества входить в сношения с советской властью». «Если мы, — говорил Кузнецов, — запретим группам в 20 человек брать на свою ответственность храмы, то тем самым бросим церковное достояние на произвол судьбы, заставим советскую власть взять храмы, а может быть, допустим при нашем участии и кощунство. Моё личное мнение — это нужно твёрдо встать на точку зрения инструкции». Кузнецов также сообщил, что накануне у него «были представители 4—5 приходских общин г. Москвы и они заявили, что они уже решили выбрать таких лиц, которым вполне можно доверить принимать на своё имя храмы»⁵⁶.

Не дожидаясь соборного решения, митрополит Владимирский Сергей (Страгородский) в своей епархии «настоятельно призывал прихожан не медлить подавать заявления и брать храмы на свою ответственность». Эту же позицию он отстаивал и на Соборе, не сомневаясь в том, что в условиях гонений в «двадцатках» останутся только преданные Церкви миряне. При выработке определения Собора «Об охране церковных святынь от кощунственного захвата и поругания» владыка возражал против «таких положений, которыми мы как будто провоцируем исповедничество». «Без достаточных оснований, — рассуждал он, — нельзя же толкать паству под нож. Я мог бы прекрасно сказать

⁵² РГИА, ф. 831, оп.1, д. 6, л. 5.

⁵³ Там же, л. 6.

⁵⁴ Там же, л. 9.

⁵⁵ Там же, д. 56, л. 23—29.

⁵⁶ Там же, ф. 833, оп. 1, д. 60, л. 10, 25.

своей пастве: “Ложитесь вокруг собора и не отдавайте”, но сам вчера же и уехал бы из города. По-моему, надобно... во всяком случае не натягивать»⁵⁷. Члены Собора понимали, что при сношениях с представителями власти требуется проявлять особую осторожность, благоразумие и миролюбие. Так, протоиерей А. Юницкий взывал: «Не оскверняйте храмов и их святынь при защите от ослушников голоса Церкви пролитием крови, драками и др[угим] насилием»⁵⁸.

Таким образом, обсуждение инструкции выявило среди участников Собора тенденцию к поиску компромисса. Это нашло отражение и в принятом 12 сентября соборном определении «Об охране церковных святынь от кощунственного захвата и поругания». В нём, в частности, отмечалось, что «святые храмы и прочие священные предметы, взятые мирской властью в своё обладание, могут быть принимаемы от неё на хранение и соответствующее пользование... православными приходами, братствами и иными церковными организациями с разрешения епархиального архиерея на общих церковно-канонических основаниях» (п. 7), причём «приходы и другие церковные организации, принимающие святыне храмы и священные предметы, могут в письменном по требованию мирской власти заявлении принять на себя ответственность только: а) за целостность и сохранность принимаемого имущества и б) за пользование им лишь соответственно его религиозно-церковному назначению» (п. 8)⁵⁹. Тут же указывалось на недопустимость каких бы то ни было насильственных действий в отношении представителей власти при отобрании храмов.

Всё это свидетельствовало о ещё только начинавшемся повороте в отношении православной Церкви к религиозной политике большевиков. В целом позиция Собора оставалась пока неизменной. Так, в первом же пункте соборного определения 12 сентября заявлялось: «Святыне храмы и часовни со всеми священными предметами, в них находящимися, суть достояние Божие, состоящее в исключительном обладании святой Божией Церкви... Всякое отторжение сего достояния от Церкви есть кощунственный захват и насилие». Исходя из этого, «церковно-приходские собрания и прочие хранители священного церковного достояния, не имея права передавать церковное имущество из обладания церкви», могли представлять «по требованию мирских властей лишь описи храмов и находящихся в них предметов». Упоминалось также о том, что долг каждого православного христианина — «всеми доступными для него и не противными духу учения Христова средствами защищать церковные святыни от кощунственного захвата и поругания»⁶⁰. Данное постановление Собора оказалось одним из последних. 20 сентября его третья сессия, открывшаяся летом 1918 г., была приостановлена.

Признание Собором большевистских декретов и постановлений, направленных против религии и Церкви, стало возможно лишь после осознания церковным руководством бесповоротности произошедших в государстве изменений, но отнюдь не в непредсказуемой обстановке разгоравшейся Гражданской войны. Вместе с тем наметившаяся ещё на Соборе тенденция к соглашению получила развитие в конце 1918 — 1919 г., уже после вынужденного окончания его заседаний. В 1919 г. высшее церковное руководство заявило о нейтралитете в Гражданской войне, фактически признало законодательство и старалось избегать конфликтов с властью.

⁵⁷ Там же, л. 15—16.

⁵⁸ Там же, л. 10.

⁵⁹ Там же, л. 72.

⁶⁰ Там же, л. 70.

Всероссийские и всесоюзные съезды духовных христиан-молокан в 1921—1929 гг.

Виктория Батченко

Congresses of Christians-Molokans, 1921—1929

Viktoriya Batchenko

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870004234-8

В начале 1920-х гг. молодое советское государство нуждалось в поддержке различных социальных групп для закрепления своих политических позиций и восстановления экономики, истощённой войнами и революцией. Введение нэпа, перестройка финансовой системы страны, утверждение однопартийности и начало великих строек сопровождались идеологической борьбой, включавшей, в частности, кампании по вскрытию святых мощей в 1918—1920 гг. и изъятию церковных ценностей в 1922 г. При этом антипатия к религии и Церкви не мешала большевикам ради достижения своих целей искать союзников среди приверженцев сектантских течений¹. Отношение к ним РСДРП сформулировала ещё в июле—августе 1903 г. «Принимая в соображение, что сектантское движение в России является во многих его проявлениях одним из демократических течений, направленных против существующего порядка вещей, — говорилось в резолюции “О работе среди сектантов”, — II съезд обращает внимание всех членов партии на работу среди сектантов в целях привлечения их к социал-демократии»². Сектантские организации с присущими им негативным отношением к царизму, трудовой дисциплиной и бытовым аскетизмом, по мнению большевиков, отлично подходили для распространения коммунистических идей в народе. Их лояльность новому режиму после революции не вызывала сомнений, поскольку официальные представители сект открыто заявляли: «Ныне мы получили свободу вероисповеданий, и декретом Советской власти от 5 февраля 1918 года мы раскрепощены, не только мы, но и все сектанты. Над нами нет более уже господствующей церкви, нет церковных контролёров. Теперь перед властью все религии равны, а потому декрет об отделении церкви от государства мы приветствуем»³.

В начале 1920-х гг. в условиях гонения на православное духовенство деятельность нетрадиционных религиозных групп переживала подъём. 5 октября 1921 г. Народный комиссариат земледелия при участии Комиссии по заселению совхозов, свободных земель и бывших имений сектантами и старообрядцами опубликовал воззвание «К сектантам и старообрядцам, живущим в России и за границей», согласно которому они могли «себя вполне спокойно обнаружить и

© 2019 г. В.С. Батченко

¹ Понятия «сектанты» и «вероисповедное течение» повсеместно использовались в официальных документах 1920—1930-х гг. при обозначении сообществ духовных христиан-молокан.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 2. М., 1953. С. 48.

³ Вестник духовных христиан-молокан. 1925. № 1—2.

твёрдо знать, что за их учение никто, никогда, никого не будет преследовать». Им также предлагалось принять активное участие в деле «устройства общин, артелей, коллективных хозяйств, коммун и поселиться в совхозах по особым договорам в качестве постоянно живущей государственной рабочей силы»⁴. Реэмиграция сектантов представлялась экономически выгодной, поскольку они приезжали со своим инвентарём, техникой, практиковали новые приёмы ведения сельского хозяйства. В отличие от других категорий иммигрантов, им разрешалось самим выбирать — вести ли хозяйство индивидуально, или создавать артели, кооперативы, коммуны⁵.

Вскоре большевики заговорили о блоке партии и религиозных движений, стали подписывать с сектантами декларации о лояльности и сотрудничестве, называя их колхозы образцовыми⁶. В 1922 г. Антирелигиозная комиссия ЦК ВКП(б) отнесла «старые» сектантские толки (включая и молокан, которые позиционировали себя как «наиболее обоснованную рационалистическую секту»⁷), к лояльным советской власти и не представляющим для неё никакой опасности⁸. В мае 1924 г. на XIII съезде РКП(б) председатель СНК СССР А.И. Рыков заявил: «Те сектантские течения, которые под духовным и религиозным соусом проводят революционные задачи и которые иногда близки к отрицанию частной собственности, нужно использовать всячески и целиком»⁹. В резолюции съезда «О работе в деревне» говорилось о приобщении сектантских общин к коллективному хозяйствованию в деревне для восстановления экономики страны¹⁰. Всего в 1920-е гг. было образовано около 300 подобных коллективов¹¹.

Многие возвращались в Россию, надеясь не только на выгоду и признание, но и на духовные перемены в обществе, находившемся в поиске новых нравственных идеалов¹². Но участие в нём требовало консолидации сил. Ещё 12 июня 1922 г. вышел декрет ВЦИК РСФСР «О порядке созыва съездов и всероссийских совещаний различных союзов и объединений. О регистрации этих организаций»¹³, 10 августа того же года появилась инструкция «О выдаче разрешений на созыв съездов и собраний различных организаций, союзов и объединений»¹⁴, а 15 апреля 1923 г. — совместное постановление Наркоматов юстиции и внутренних дел РСФСР «О порядке регистрации религиозных обществ и выдачи разрешений на созыв съездов таковых»¹⁵. Религиозные общества приравнивались этими актами ко всем остальным союзам и объединениям, хотя в некоторых ситуациях их статус был ниже. Соответственно, им предоставлялось и право проводить под контролем органов НКВД губернские и всероссийские

⁴ ГА РФ, ф. 1235, оп. 140, д. 751, л. 152—150 об.

⁵ Данилова Е.Н., Антонова Н.В. Трудовая иммиграция и реэмиграция духовных христиан в Советскую Россию в 1920-е гг. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2009. № 3. С. 21.

⁶ Там же.

⁷ Вестник духовных христиан-молокан. 1928. № 10. С. 25—29.

⁸ РГАСПИ, ф. 5, оп. 2, д. 55, л. 161.

⁹ Вестник духовных христиан-молокан. 1925. № 1—2. С. 8.

¹⁰ КПСС в резолюциях... Ч. 2. С. 858.

¹¹ Данилова Е.Н., Антонова Н.В. Трудовая иммиграция и реэмиграция... С. 18.

¹² Оленич Т.С. Религиозное сектантство в годы революции и советской власти // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2010. № 1. С. 30.

¹³ Собрание узаконений и распоряжений РСФСР. 1922. № 40. Ст. 477.

¹⁴ Там же. № 49. Ст. 624.

¹⁵ Собрание узаконений и распоряжений РСФСР. 1923. № 37. Ст. 384.

съезды. И уже в 1921 г. группа энтузиастов (преимущественно из владикавказских общин¹⁶) образовала Всероссийский союз духовных христиан-молокан¹⁷.

К этому времени в среде молокан болезненно ощущалось социальное и имущественное расслоение, ещё задолго до революции участились случаи пьянства, наблюдались конфликты между представителями разных поколений, между городскими и деревенскими жителями¹⁸. «Истинная вера» в каждой общине понималась по-своему, «старцы» и «прогрессисты» всё чаще расходились в мнениях: одни боялись появления «нового религиозного русла»¹⁹, другие, напротив, не скрывали стремления к переменам. Сказывалось и давнее соперничество с баптистами, которые активно занимались организацией кружков сектантской молодёжи («Бапсомолов») и собственных аналогов советских женотделов, а также направляли разъездные отряды платных миссионеров, перетягивавших к себе верующих.

I всероссийский съезд молокан состоялся в конце 1923 г. в Тамбове²¹. Его организация не встретила препятствий со стороны ОГПУ, он прошёл достаточно скромно, собрав небольшое количество представителей общин. Тем не менее начало было положено, и вскоре в ОГПУ поступило заявление с просьбой разрешить 15 июня 1924 г. созыв теперь уже всесоюзного II съезда в Самаре. На нём предполагалось избрать председателя и президиум Союза молокан СССР, урегулировать порядок поступления доходов и установить контроль за расходами²². С 10 по 17 сентября он заседал на базе совета Самарской общины, преобразовав объединение духовных христиан-молокан из всероссийского во всесоюзное²³. На съезд прибыли 86 делегатов из нескольких губерний (Тамбовской, Самарской, Саратовской, Омской, Оренбургской, Уфимской и др.)²⁴, избравшие председателем центрального совета признанного идеолога молоканства — Николая Фёдоровича Кудинова.

По своим взглядам он принадлежал к прогрессистам и ещё до революции выступал за централизацию общин, устранение разногласий в религиозном учении, повышение уровня образования проповедников и т.п. Отношение к его руководству, видимо, было неоднозначным, во всяком случае, судя по обзорам ОГПУ, и во второй половине 1920-х гг. молоканская среда оставалась расколота на реакционное и «молодое» течения²⁵.

С 1925 г. на средства от пожертвований общин Кудинов начал издавать ежемесячный журнал «Вестник духовных христиан-молокан», где печатались материалы съездов, письма верующих, статьи о духовной жизни. Вплоть до введения запрета на выпуск религиозной литературы в 1929 г. «Вестник» являлся единственным центральным печатным органом молокан. Кроме того, Кудинов и члены президиума центрального совета (А.А. Устинов, В.И. Кругов, Я.Н. Степанов и др.) поддерживали непосредственную связь с общинами,

¹⁶ Буянов Е.В. Духовные христиане молокане в Амурской области во второй половине XIX — первой трети XX вв. Благовещенск, 2013. С. 309.

¹⁷ Вестник духовных христиан-молокан. 1927. № 9. С. 6.

¹⁸ Буянов Е.В. Духовные христиане молокане... С. 299—308.

¹⁹ Вестник духовных христиан-молокан. 1927. № 9. С. 4.

²⁰ О бапсомолах и христомолах подробнее см.: Coleman H.J. Russian Baptists and spiritual revolution, 1905—1929. Bloomington; Indianapolis, 2005. P. 198—208.

²¹ Молокане проводили съезды и раньше, но после революции начали их новый отсчёт.

²² ГА РФ, ф. 393, оп. 43а, д. 61, л. 3—5, 25.

²³ Вестник духовных христиан-молокан. 1927. № 9. С. 6.

²⁴ Там же. 1925. № 1—2.

²⁵ РГАСПИ, ф. 17, оп. 87, д. 183, л. 9.

в частности, лично участвовали в работе районных и губернских съездов, что позволяло устранять возникавшее недоверие.

На II съезде впервые обсуждался вопрос о воинской службе молокан. 4 января 1919 г. большевики, желая привлечь к себе сектантов и учитывая, что многим из них верование не позволяет брать в руки оружие, декретом СНК «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям» разрешили заменять им призыв в армию санитарной или иной общепользуемой работой²⁶. Но к середине 1920-х гг. численность сектантских общин возросла, а рабочие и крестьяне всё чаще присоединялись к ним ради уклонения от исполнения воинского долга²⁷.

Любопытно, что молокане не осуждали вступление в ряды Красной армии. II съезд постановил только: «Каждому члену духовного христианства, который по своим религиозным убеждениям признаёт совместимым с его совестью службу в армии и ношение оружия, не препятствовать к выполнению таковой; те же лица, кои по своим религиозным убеждениям и личной совести не могут носить оружия и служить в армии, могут воспользоваться существующими по сему вопросу законами»²⁸. Бытовавшие среди сектантов в начале 1920-х гг. антимилитаристские взгляды уже к 1925 г., судя по ежемесячным обзорам ОГПУ, заметно ослабели, но вопрос о «службе с оружием в руках» оставался принципиальным и воспринимался подчас крайне остро²⁹. Во всяком случае, и на III всесоюзном съезде молокан, проходившем в Самаре с 10 по 17 февраля 1926 г., 77 делегатов не смогли ответить на вопрос: «Нужно или не нужно защищать Советское государство с оружием в руках?». После жарких споров, подтвердив прежнее постановление, они перенесли дискуссию на IV съезд. При этом отмечалось, что «фактически вопрос этот на местах нашим братством решается в положительном смысле, молодые люди нашего братства призывного возраста, все сто процентов, идут в Красную армию, трусов, маскирующих свой отказ от военной службы ссылкой на Св. Писание, среди наших братьев уже нет». Вместе с тем съезд обратился к сектантам мира «с призывом отказа от службы в армии капиталистов»³⁰.

Оживлённо обсуждалась на III съезде и возникшая ещё в 1924—1925 гг. идея организации «всесоюзного торгово-промышленного, сельско-хозяйственного кооператива»³¹, который охватил бы всё братство. Объединение в него всех молокан характеризовалось в обзоре ОГПУ как стремление «влиться в общую систему советской кооперации»³², тогда как делегаты видели в этом прежде всего шаг к «кооперативному равенству», ожидали возвращения молодёжи из городов в деревню и т.д.³³ Созданный в результате кооператив занимался животноводством, производил молочную и зерновую продукцию. В хозяйствах молокан насчитывалось «около 2 тыс. голов крупного рогатого скота, не менее тысячи лошадей, столько же голов овец», к началу 1930-х гг. в их общинах

²⁶ Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. М., 1943. С. 281—282.

²⁷ Оленич Т.С. Религиозное сектантство... С. 31.

²⁸ Вестник духовных христиан-молокан. 1925. № 1—2. С. 34.

²⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 85, д. 181, л. 42 об., 54 об.; д. 182, л. 10; оп. 87, д. 200а, л. 48 об.—49, 123 об.; д. 201, л. 11 об.—12, 55.

³⁰ Там же, ф. 17, оп. 87, д. 200, л. 42; Вестник духовных христиан-молокан. 1927. № 9. С. 6—7.

³¹ Вестник духовных христиан-молокан. 1925. № 1—2. С. 34.

³² РГАСПИ, ф. 17, оп. 87, д. 200, л. 42.

³³ Вестник духовных христиан-молокан. 1926. № 3—4. С. 24.

действовало 22 сыроваренных завода³⁴. По другим данным, только в Сальском округе «к началу 1929 года работало 19 сыроваренных заводов, дававших в год товарной продукции 24 000 пудов сыра от 10—12 000 пудов сливочного масла», при отсутствии задолженностей и наличии исключительно племенного скота («коровы давали до 400 пудов молока в год»³⁵). Но с окончанием нэпа для сектантов, как и всего населения СССР, наступили нелёгкие времена. Попытки влиться «в русло советской экономики»³⁶ не гарантировали желаемой свободы, а финансовая поддержка из Америки, Великобритании, Прибалтики и иных стран лишь усиливала подозрительность власти³⁷.

Перелом в государственной политике наступил с середины 1926 г., после проведения Всесоюзного совещания по антирелигиозной пропаганде³⁸. Тогда же в прессе начались систематические нападки на отдельные сектантские течения³⁹. 22 августа 1927 г. Президиум ВЦИК издал секретный циркуляр № 260/с об ограничении деятельности сектантов в целях «недопущения особых привилегий для сектантских организаций по сравнению с другими вероисповеданиями»⁴⁰. На них были распространены ограничения, установленные ещё в декрете 1918 г.: лишение религиозных объединений прав юридического лица, запрет на просветительскую и миссионерскую деятельность, организацию различных кружков и т.п. Кроме того, циркуляр предписывал в дальнейшем допускать к регистрации лишь те сектантские группы и общины, в уставах которых «будет указано положительное отношение к выполнению всех государственных повинностей и в частности военной службы»⁴¹.

Директива была спешно разослана без дополнительных разъяснений, после чего из административных отделов областных и краевых исполкомов стали поступать запросы о нюансах её применения, а сектантские общины начали жаловаться на требования немедленно дать подписку о признании воинской службы. Переписка НКВД не носила централизованного характера и не снижала остроты ситуации. Лишь 11 февраля 1928 г. последовал циркуляр ВЦИК № 22/с, говоривший о «постепенном и осторожном приведении деятельности сектантских организаций к тем нормам, в рамках которых действуют все прочие религиозные организации»⁴².

Для союза молокан всё это обернулось неоднократными переносами сроков проведения IV съезда: НКВД упорно отклонял поступавшие от активистов Союза просьбы о разрешении всесоюзного собрания общин сначала во Владивостоке 25 ноября 1927 г.⁴³, затем во Владикавказе 24—28 февраля 1928 г.⁴⁴ В созыве съезда, намеченного на 25 октября 1928 г., молоканам отказали под

³⁴ Данилова Е.Н., Антонова Н.В. Трудовая иммиграция и реэмиграция... С. 24.

³⁵ ГА РФ, ф. 1235, оп. 140, д. 751, л. 203.

³⁶ Вестник духовных христиан-молокан. 1926. № 3—4. С. 27.

³⁷ РГАСПИ, ф. 17, оп. 87, д. 200, л. 42.

³⁸ Потапова Н.В. Эволюция политики советской власти по отношению к «сектантам» (евангельским христианам и баптистам) в начале 1920-х гг. // Теория и практика общественного развития. 2014. № 19. С. 129.

³⁹ Антонова Н.В. Из истории секты «Новый Израиль» (первая треть XX века) // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2011. № 4. С. 140; Данилова Е.Н., Антонова Н.В. Трудовая иммиграция и реэмиграция... С. 25.

⁴⁰ ГА РФ, ф. 393, оп. 43а, д. 1577, л. 26.

⁴¹ Там же, л. 26 об.

⁴² Там же, ф. 1235, оп. 140, д. 734, л. 35.

⁴³ Там же, ф. 393, оп. 43а, д. 61, л. 10.

⁴⁴ Там же, л. 12.

тем предлогом, «что со времени последнего Всесоюзного съезда духовных христиан-молокан не истекло трёх лет»⁴⁵. Только 22 июля 1929 г. Секретный отдел ОГПУ сообщил в административно-организационное управление о том, что «возражений против разрешения молоканам съезда в Самаре в сентябре мес[яце] с[его]/г[ода] не имеется», в том числе и «со стороны директивной партийной инстанции» (т.е. Антирелигиозной комиссии ЦК ВКП(б)). Ограничивалось лишь число делегатов — допускалось присутствие не более 120 представителей от общин⁴⁶.

В молоканской прессе в преддверие съезда выражалось беспокойство об обеспечении «религиозной чистоты» делегатов, отмечался недостаток финансов, продолжалась идейная борьба с баптистами. Руководство общины не сочло нужным возобновлять споры о военной службе. Окончательная повестка заседаний 25—30 сентября, утверждённая НКВД, звучала лаконично: доклады президиума совета, ревизионной комиссии, выступления местных деятелей о поднятии нравственности молокан, об издании журнала, перевыборы совета, текущие дела⁴⁷. Однако съезд разрешили с единственной целью — осуществить принятое постановление о «временной приостановке действий Центрального исполнительного органа (т[ак] н[азываемого] “Центрального Совета”) духовных христиан молокан»⁴⁸. Молоканский центр решено было временно перенести во Владикавказ, куда передавались все документы и дела. Административное управление НКВД в письме начальнику Северо-Кавказского крайадмуправления «О духовных христианах-молоканах» требовало «усилить наблюдение и надзор за этой религиозной организацией» и немедленно сообщать «о всякой деятельности этой общины, выходящей за пределы ея компетенции»⁴⁹. Спустя три месяца, 30 декабря 1929 г., Секретный отдел ОГПУ коротко уведомил НКВД о том, что «меры к недопущению Владикавказской общины молокан играть роль центра этой секты — нами приняты»⁵⁰.

В конце 1920-х гг. при равном усилении борьбы со всеми религиозными течениями именно сектанты признавались наиболее опасными из-за роста численности общин и, соответственно, влияния в народе. Неудивительно, что в этих условиях съезды молокан в СССР перестали созываться, с 1929 г. прервалось систематическое издание «Вестника духовных христиан-молокан» (в дальнейшем его номера появлялись с большими перерывами в 1935, 1954, 1973 гг.), а «центр тяжести» их духовной жизни был перенесён за рубеж, чему способствовало и усиление эмигрантских настроений в сектантской среде⁵¹.

⁴⁵ Там же, л. 16.

⁴⁶ Там же, л. 21, 26.

⁴⁷ Там же, л. 26.

⁴⁸ Там же, л. 30.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же, л. 31.

⁵¹ Там же, ф. 1235, оп. 140, д. 751, л. 202.

Подготовка Московского совещания глав и представителей поместных православных церквей 1948 г.

Андрей Кострюков

The preparation of Moscow Conference of heads and representatives of Local Orthodox Churches in 1948

Andrey Kostryukov (Saint Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870004235-9

Без упоминания о Московском совещании глав и представителей православных церквей, состоявшемся 8—18 июля 1948 г., не обходится ни один учебник по истории Русской Церкви. Однако в церковной историографии это событие освещалось достаточно скупо, поскольку некоторые его решения казались впоследствии неудобными. Как известно, Совещание выступило против участия православных во Всемирном совете церквей (ВСЦ), осудило политическую деятельность Ватикана и отвергло законность англиканской иерархии. Когда же отношения с папской курией улучшились, а Московский патриархат вступил в ВСЦ и начал активно участвовать в экуменическом движении, лишней раз вспоминать о принятых прежде решениях на официальном уровне не любил.

В результате о Совещании писали преимущественно консерваторы, порою намеренно выпячивавшие его «фундаментализм». Так, часто тиражировалось антиэкуменическое выступление архиепископа Серафима (Соболева), однако умалчивалось о его же докладе об англиканской иерархии, в котором одобрялся богословский диалог; воспроизводились аргументы против нового календарного стиля, звучавшие на совещании, но стужёвывалось итоговое решение, признававшее, что неподвижный календарь не может быть поводом для разделений, и предоставлявшее поместным церквам право самостоятельно решать, какого стиля придерживаться¹. Современные исследователи, как правило, отмечают стремление властей СССР с помощью Московской патриархии добиться влияния на процессы, протекавшие в международной церковной жизни². При этом многие существенные подробности Московского совещания (и, в

© 2019 г. А.А. Кострюков

¹ См., в частности: Разорвать экуменическое кольцо. Всеправославное совещание 1948 г. об экуменизме. М., 1996; Современное обновленчество — протестантизм «восточного обряда». М., 1998; и др. Неудивительно, что в публицистике Совещание рассматривалось чуть ли не как проявление заботы коммунистического государства о православии.

² *Чумаченко Т.А.* К истории организации Совещания глав православных автокефальных церквей в июле 1948 г. в Москве // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Сборник докладов и материалов международных, общероссийских и межрегиональных научно-практических семинаров и конференций. 2004—2005 гг. Вып. 2. М., 2005. С. 228—248. См. также: *Болотов С.В.* Русская Православная Церковь и международная политика СССР в 1930-е — 1950-е годы. М., 2011; *Васильева О.Ю.* Русская Православная Церковь в политике советского государства. 1943—1948 гг. М., 1999; *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40—50-х годов XX века: Очерки истории. М., 2008; *Курляндский И.А.* Сталин, власть, религия. М., 2001; *Роккуччи А.* Сталин и Патриарх. Православная Церковь и советская власть 1917—1958. М., 2016; *Чумаченко Т.А.* 197

частности, попытки советского руководства повысить статус Московского патриархата в православном мире и реакция на это иерархов Русской Православной Церкви) детально ещё не анализировались, хотя они неплохо отразились в делопроизводственных документах, аналитических справках, официальной и частной переписке, хранящихся, прежде всего, в фонде Совета по делам РПЦ в ГА РФ. Эти материалы лишь отчасти опубликованы³ и использованы историками, в большинстве своём они ещё ждут научного изучения.

Вовлечение Церкви в политические игры атеистического государства началось примерно за десять лет до Московского совещания. Одной из причин того, что духовенство не было окончательно уничтожено в годы Большого террора 1937—1938 гг., стали надежды И.В. Сталина и его окружения на присоединение в ходе грядущей войны новых территорий, на которых сохранялись свои епархии, приходы и монастыри. Соответственно нужен был орган, способный взять их под контроль. Расчёт оправдался — в 1939—1940 гг. в состав Советского Союза были включены Западная Украина, Западная Белоруссия, Прибалтика и Молдавия, в церковном отношении оказавшиеся в подчинении Московского патриархата. Ослабление гонений и относительная свобода, предоставленная Церкви в 1943 г., также напрямую зависели от внешнеполитической ситуации. Не могла не отразиться на церковной жизни и начавшаяся во второй половине 1940-х гг. холодная война. Московской патриархии в противостоянии с Западом отводилась особая роль. С её помощью Советский Союз мог укреплять свои позиции не только на Балканах и Ближнем Востоке, но и в самых дальних уголках мира.

Однако эти планы встречали серьёзное препятствие в Константинополе. Если Московская патриархия была вынуждена согласовывать свои действия с курсом ВКП(б), то Фанар находился в зависимости от Вашингтона, не желавшего ни политического, ни церковного усиления Кремля. В конце 1940-х гг. США начали оказывать прямое влияние на Константинополь, стараясь отдалить его от Москвы и не допустить её церковного возвышения⁴. Но уже в середине 1940-х гг. действия Вселенского престола помешали СССР подчинить Московской патриархии русскую православную диаспору. Попытка включить в состав Русской Церкви Западноевропейский экзархат приходов русской традиции, который с 1931 г. находился в подчинении Константинополя, закончилась неудачей. Хотя в августе 1945 г. формальное объединение состоялось, вселенский патриарх Максим не спешил предоставлять экзархату отпускную грамоту, а в 1946 г. подтвердил его подчинённость Константинопольской патриархии, воспользовавшись тем, что после смерти экзарха Западной Европы Московского патриархата митрополита Евлогия (Георгиевского) подавляющее большинство приходов отказалось от подчинения Москве.

Возражали в Константинополе и против всеправославного осуждения Русской Православной Церкви за границей (РПЦЗ). В 1945 г. во время поездки на Ближний Восток патриарх Московский и всея Руси Алексей I заручился

Государство, православная церковь, верующие 1941—1961 гг. М., 1999; *Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущёве. М., 2005.

³ *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Власть и Церковь в Восточной Европе. 1944—1953 гг. Документы российских архивов. В 2 т. М., 2009; Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров — Совете министров СССР. 1945—1970 / Под ред. Н.А. Кривовой. Т. 1—2. М., 2009.

⁴ *Ермилов П.В.* Вхождение Константинопольского патриархата в русло внешней политики США в первые годы холодной войны // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 3(36). С. 220. 198

соответствующей поддержкой александрийского, антиохийского и иерусалимского патриархов⁵. Однако подпись вселенского патриарха получить не удалось и осуждение РПЦЗ не состоялось.

Неудивительно, что советские руководители стремились перехватить инициативу у Вселенского престола, преодолеть его влияние на поместные церкви и привлечь их к Московскому патриархату⁶. Скрыть эти замыслы было невозможно, да и сторонников усиления Московской патриархии в мире насчитывалось немало. Импульсивный американский экзарх митрополит Вениамин (Федченков), с радостью принимавший советскую церковную политику, даже обмолвился в одном из интервью, что председатель Совета по делам РПЦ Г.Г. Карпов видит Московского патриарха «православным папой»⁷.

В странах, входивших после войны в сферу влияния СССР, нередко сказывались и давние обиды. Экзарх Болгарской Церкви митрополит Стефан (Шоков) писал патриарху Алексию I: «Меня начинает раздражать частое греческое напоминание, что Константинопольская Церковь — мать наших церквей, что мы “дочерние” церкви, и умолчание о том, что эти “дочерние” церкви на протяжении почти тысячелетия щедро расплачивались за эту греческую услугу, материально ублажая и Константинопольский, и другие греческие патриархаты... Материнство в церковном управлении совсем не обязательно влечёт за собою преимущества чести и тем более преимущества власти. Ближайший пример этому — те же восточные патриархаты: первые три считают своею матерью Иерусалимскую Церковь, однако их патриархи поставлены выше иерусалимского патриарха»⁸.

Апогеем возвышения Московского патриархата должен был стать большой собор. В обстановке широко распространённых симпатий к СССР после победы над нацизмом его проведение казалось вполне возможным. Между тем массовость и торжественность Поместного собора, прошедшего в Москве в 1945 г. при участии александрийского, антиохийского и грузинского патриархов, а также представителей Константинопольской, Иерусалимской, Сербской и Румынской церквей, позволяла церковным и государственным деятелям считать, что они готовы и к мировому лидерству⁹. Говорилось даже, что будущий собор будет вселенским, а его участниками станут все предстоятели поместных церквей. Совет по делам РПЦ и Совет по делам религиозных культов к началу 1947 г. разработали программу, в соответствии с которой Москва должна была возглавить антикатолическое движение и объединить под своим руководством весь православный мир. Ожидалось даже, что собор рассмотрит вопрос о присвоении Московской патриархии именованию вселенской¹⁰.

В 1946—1947 гг. предпринимались попытки подготовить почву для осуществления данного проекта. В конце 1946 г. делегация Русской Церкви во главе с митрополитом Ленинградским и Новгородским Григорием (Чуковым)

⁵ Меморандум патриархов Московского Алексия, Александрийского Христофора, Антиохийского Александра, Иерусалимского Тимофея об отношении к Русской Зарубежной Церкви // *Кострюков А.А.* Русская Зарубежная Церковь в 1939—1964 гг. Административное устройство и отношения с Церковью в Отечестве. М., 2018. С. 373—374.

⁶ *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Москва и Восточная Европа... С. 85—93.

⁷ По поводу «открытого письма» гг. Лосского и Пьянова // *Церковный вестник Западно-Европейской епархии.* 1946. № 3. С. 11.

⁸ ГА РФ, ф. 6991, оп. 1, д. 418, л. 26, 27.

⁹ Письма патриарха Алексия I... Т. 1. С. 223.

¹⁰ *Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф.* Москва и Восточная Европа... С. 96.

посетила Ближний Восток и сумела добиться согласия александрийского, антиохийского и иерусалимского патриархов приехать в Москву и обсудить вопросы, связанные с экуменическим движением. Поэтому предварительно было решено повременить со вступлением во Всемирный совет церквей¹¹.

Собор изначально задумывался как антиэкуменический. «Экуменическое движение, — писал Г.Г. Карпов заместителю министра иностранных дел А.Я. Вышинскому, — ставит своей задачей объединение всех христианских церквей мира в единую вселенскую церковь в целях переустройства общественной и политической жизни на христианских началах. Другими словами — ставится задача создания англо-американского церковного блока, возглавляемого Англиканской церковью для политических целей... Экуменическое движение представляет собой прикрываемое церковным знаменем политическое движение, направленное против коммунизма, против Советского Союза... Русская Православная Церковь не принимала и не намерена принимать участия в экуменическом движении, преследующем политические цели, враждебные политике Советского Союза»¹². К тому же с экуменизмом был тесно связан враждебный Константинополь.

Председатель Отдела внешних церковных сношений (ОВЦС) митрополит Николай (Ярушевич) 15 марта 1946 г. указывал в своей докладной записке, что на Соборе следует обсудить переход на новый календарный стиль и принять заявление о признании римо-католичества ересью с осуждением «профашистской линии» папы. Намечалось также осуждение «раскольничьей деятельности» митрополитов Анастасия (Грибановского) и Феофила (Пашковского) — глав РПЦЗ и Североамериканской митрополии. При этом митрополит Николай понимал, что церковная ситуация складывается не в пользу подобного грандиозного проекта, и многие решения будут заблокированы. Например, некоторые делегации воспротивятся осуждению митрополитов Анастасия и Феофила, ссылаясь на то, что Вселенские соборы осуждали ереси, а не расколы. Глава ОВЦС опасался также, что на соборе будет поднят вопрос о борьбе с атеизмом, и это поставит Русскую Церковь в неудобное положение. Наконец, архипастырь прекрасно осознавал, что и Константинопольская и Александрийская Церкви не станут искренними союзниками Москвы и выступят против её возвышения, как и против резкой критики Ватикана. Поэтому митрополит Николай предлагал не спешить с созывом собора, но основательнее к нему подготовиться. Кроме того, отмечалось в записке, «в целях предотвращения поводов к умалению авторитета вселенского собора со стороны наших зарубежных раскольников, желательна предварительная амнистия архиереев, репрессированных до 1941 года (то есть тех, кому не предъявлялось обвинений в коллаборационизме. — А.К.), и предоставление им архиерейских кафедр в целях их дальнейшего участия в соборе. Это же необходимо и для того, чтобы поднять богословский уровень нынешнего нашего епископата, в большинстве своём не имеющего высшего богословского образования». Митрополит Николай, конечно же, не имел точных сведений о судьбе арестованных священнослужителей и вряд ли знал, что к 1946 г. иерархов, заключённых до 1941 г., в живых почти не осталось. Ещё в 1938 г. был расстрелян и упомянутый им в записке профессор И.В. Попов (ныне причисленный Русской Церковью к лику святых). Так или иначе, попытка спасти уцелевших архипастырей успеха не

¹¹ Чумаченко Т.А. К истории организации Совещания... С. 229.

¹² ГА РФ, ф. 6991, оп. 1, д. 418, л. 22—23.

имела — случаев их досрочного возвращения из неволи в эти годы неизвестно. К примеру, богослов и литургист епископ Афанасий (Сахаров) продолжал скитаться по лагерям вплоть до 1955 г.

Очевидно, митрополит Николай не сомневался в том, что после антицерковных репрессий и в условиях жёсткого атеистического контроля играть на соборе ведущую роль Московская патриархия не сможет. Но поскольку мероприятие было уже запланировано, он рекомендовал провести сначала предсоборное совещание, на которое Русская Церковь должна была явиться с окрепшими силами, способными при необходимости дать отпор греческим, сербским и болгарским богословам¹³. Для этого следовало открыть духовные академии в Ленинграде и Киеве, привлечь к работе «оставшихся в живых» профессоров (Д.И. Введенского, И.В. Попова, И.Г. Айвазова, протоиерея Василия Верюжского), а также некоторых профессоров-изгнанников — В.Н. Лосского из Франции, С.В. Троицкого из Югославии и др.

К началу 1947 г. эта идея получила поддержку в Совете по делам РПЦ, хотя в течение 1946 г. ещё говорили о грядущем Всеправославном соборе. Патриарх Алексей готов был провести его с 1 по 10 октября 1947 г., собираясь уделить основное внимание натиску римо-католичества и проблеме экуменизма¹⁴. Но уже 14 января 1947 г. во время беседы Алексея I с Карповым был очерчен круг тем, которые предполагалось предварительно рассмотреть на совещании (на него патриарх хотел пригласить не только глав православных церквей, но и архиепископа Кентерберийского). Среди них — меры против деятельности Ватикана, отношение к Римо-католической церкви и экуменическому движению, вопросы, нуждающиеся в соборном решении, церковный календарь, диалог с Коптской и Армянской церквями, не признающими IV (Халкидонский) и последующие Вселенские соборы православной Церкви¹⁵. Так, планировались выступления профессора С.В. Троицкого и доцента Н.П. Доктусова об Армяно-Григорианской и Сиро-Яковитской церквях, а также доцента Н.И. Муравьёва об Абиссинской, Сиро-Халдейской и Коптской церквях¹⁶. Отношениям с нехалкидонитами Совет по делам РПЦ уделял большое внимание, надеясь с их помощью укрепить влияние СССР в Африке и на Ближнем Востоке. Незадолго до этого властями была инициирована переписка Московской патриархии с Сиро-Халдейской церковью о возможности установления общения. Не исключалось тогда и примирение со старокатоликами¹⁷.

Спустя две недели повестку расширили, добавив вопросы о принятии «падших» клириков в сущем сане и о «раскольниках». Поскольку к тому времени обновленческий и григорианский расколы были преодолены, речь, разумеется, шла о зарубежных русских юрисдикциях. С докладом о них должен был выступить канонист С.В. Троицкий — поначалу ревностный апологет каноничности РПЦЗ, а затем не менее категоричный её противник. Одновременно, помимо официальной программы, в Москве рассчитывали устроить обмен мнениями о границах юрисдикции Константинополя (с явным прицелом на снижение его статуса), а также об англиканской иерархии¹⁸. В годы Второй мировой войны

¹³ Там же, оп. 2, д. 65, л. 29—30.

¹⁴ Письма патриарха Алексея I... Т. 1. С. 223—225.

¹⁵ ГА РФ, ф. 6991, оп. 2, д. 65, л. 5. См. также: *Чумаченко Т.А.* К истории организации Совещания... С. 230.

¹⁶ ГА РФ, ф. 6991, оп. 2, д. 65, л. 36.

¹⁷ Там же, л. 31, 43.

¹⁸ Там же, л. 6, 8.

контакты с англиканами носили вполне доброжелательный характер, однако к 1947 г. в Кремле их считали инициаторами создания антисоветского религиозного блока. Между тем на Фанаре давно уже шло сближение с ними. Ещё в 1931 г. митрополит Сергей (Страгородский) писал о признании англиканской иерархии: «Я узнал случайно из заметки в афинской “Екклесиа” о том, что блаженнейший патриарх Александрийский (Мелетий (Метаксакис). — А.К.), вместе с рождественским поздравлением и как бы в виде рождественского подарка, послал архиепископу Кентерберийскому постановление своего Синода о признании англиканской иерархии, к чему журнал добавлял, что Константинопольской патриархией эта иерархия признана ещё раньше»¹⁹.

Планы советского руководства могут показаться противоречивыми: с одной стороны — подготовка объединения с инославными, с другой — неприятие экуменизма. Однако этот антиэкуменизм объяснялся исключительно прагматическими мотивами. Не случайно вне рамок Всемирного совета церквей атеистическое государство приветствовало контакты Русской Церкви не только с неправославными, но и с нехристианами. К примеру, в 1952 г. в Троице-Сергиевой лавре состоялось собрание с участием православных, мусульман, буддистов и иудеев, совершивших совместную безмолвную молитву²⁰.

Стремясь к снижению константинопольского влияния, Москва старалась привлечь к себе симпатии православного Востока и балканских церквей. Так, политика «кнута и пряника» сдерживала самостоятельные действия экзарха Болгарской Церкви митрополита Стефана (Шокова): давление на него местных властей (вплоть до беседы с болгарским коммунистическим лидером Г. Димитровым) сочеталось с обещанием патриаршего куколя²¹.

Тогда же был составлен план открытия в СССР подворий поместных церквей. Московская патриархия обещала предоставить таковые Александрийской, Антиохийской, Иерусалимской, Сербской и Болгарской церквам²². Согласно предложению Алексия I московский храм Рождества Богородицы в Путинках становился бы подворьем Сербской Церкви, храм «Всех скорбящих Радость» на Ордынке или св. Феодора Стратилата — Александрийской, Воскресенский в Филипповском переулке — Иерусалимской²³. Поскольку последний из перечисленных храмов действовал, его причт собирались перевести в храм Вознесения Господня у Никитских Ворот (Большое Вознесение). В качестве альтернативных вариантов для размещения подворий рассматривались храмы свт. Григория Чудотворца на Полянке, сщмч. Климента Римского, Марфо-Мариинская обитель, Казанской иконы Божией Матери на Калужской площади, Воскресения в Кадашах, Спаса на Песках, св. Симеона Столпника, Ржевской иконы Божией Матери на Поварской, Преображенский собор Новоспасского монастыря, Крутицкое подворье, Покрова в Филях, свт. Филиппа Московского, Знамения на Варварке, Мартина Исповедника, Петра и Павла на

¹⁹ Ответ заместителя на приглашение к участию в Лондонской догматической комиссии и в предсоборном всеправославном собрании // Журнал Московской Патриархии. 1932. № 7—8. С. 6—7.

²⁰ См.: Определение Собора епископов Русской Православной Церкви за границей // Церковная жизнь. 1956. № 11—12. С. 106; Осквернение святыни // Там же. 1952. № 5—6. С. 108—109.

²¹ ГА РФ, ф. 6991, оп. 1, д. 418, л. 81, 92, 177.

²² Письма патриарха Алексия I... Т. 1. С. 214—215.

²³ ГА РФ, ф. 6991, оп. 2, д. 65, л. 14.

Язуе (под Сербское подворье), а также Михаила Архангела на Девичьем поле²⁴. Александрийское и Антиохийское представительство должны были появиться и в Ленинграде (Андреевский собор на Васильевском острове или церковь святых Симеона и Анны на углу Моховой и Симеоновской улиц²⁵) и Киеве (храм Святого Духа на Подоле). При этом размещение подворий ставилось Московской патриархией в прямую зависимость от участия поместных церквей в совещании²⁶.

Призывая оказывать материальную помощь иерархам Ближнего Востока, Алексей I рассчитывал, что «это обеспечит прочное и соответствующее достоинству Русской Православной Церкви существование там наших храмов, укрепит наше влияние там вообще и свяжет более тесными узами взаимоотношение с нами восточных патриархов»²⁷. Направляемым из Москвы делегациям следовало подносить главам и представителям поместных церквей (в том числе и Константинопольской) драгоценные панагии или кресты, а также денежные суммы в валюте²⁸. Это вызывало вполне естественную реакцию. Так, посетивший Москву митрополит Илия (Карам), обещая поддержку патриарха Антиохийского Александра, постоянно напоминал о материальной помощи, необходимой для бедной Антиохийской Церкви²⁹. При этом, по свидетельству Алексея I и митрополита Питирима (Нечаева), митрополит Илия не забывал и о собственном благополучии³⁰. В Кремле знали, что греки падки на вспомоществование, и, вероятно, располагали информацией о том, как в начале 1920-х гг. Константинополь получил от польского правительства 12 тыс. фунтов стерлингов за предоставление автокефалии Польской Церкви³¹. Правда, для того, чтобы одарить всех и купить согласие греков на увеличение влияния Русской Церкви, суммы нужны были неизмеримо большие, к чему в СССР не были готовы.

Тем не менее священноначалие, безусловно, пользовалось удобным моментом для укрепления Церкви и возвращения хотя бы некоторых поруганных храмов. Алексей I предлагал для упрочения мирового влияния Московской патриархии открыть новые представительства за границей и увеличить финансирование зарубежных приходов³². Помимо церквей для подворий московское духовенство надеялось получить от государства «статусные» храмы: Смоленский собор Новодевичьего монастыря, малый собор Донского монастыря, Троицкий храм в Останкине, Крестовоздвиженскую церковь в с. Воздвиженское. Поводом для их передачи Церкви, по мнению патриархии, служило то, что эти храмы широко известны за границей и иностранцы захотят их посетить. Так, необходимость передачи Крестовоздвиженской церкви обосновывалась тем, что мимо неё делегации будут проезжать из Троице-Сергиевой лавры в Москву. Кроме того, патриархия просила выделить средства на ремонт Бого-

²⁴ Там же, л. 46—48; Письма патриарха Алексея I... Т. 1. С. 235—237, 253.

²⁵ ГА РФ, ф. 6991, оп. 2, д. 65, л. 16

²⁶ Чумаченко Т.А. К истории организации Совещания... С. 239.

²⁷ ГА РФ, ф. 6991, оп. 2, д. 65, л. 15.

²⁸ Там же, л. 39.

²⁹ Письма патриарха Алексея I... Т. 1. С. 318.

³⁰ Русь уходящая. Рассказы митрополита Питирима. СПб., 2007. С. 129—130; Письма патриарха Алексея I... Т. 1. С. 662.

³¹ Чибисова А.А. К вопросу о получении автокефалии Польской Православной Церковью // Церковь. Богословие. История. Материалы III международной научно-богословской конференции (Екатеринбург, 6—7 февраля 2015). Екатеринбург, 2015. С. 637.

³² ГА РФ, ф. 6991, оп. 2, д. 65, л. 15.

явленского кафедрального собора, а также митрополичьего и академического корпусов в Троице-Сергиевой лавре, где планировалось разместить участников совещания. Без содействия власти нельзя было обеспечить публикацию его материалов, снять о нём фильм, устроить колокольный звон в патриаршем соборе, организовать экскурсии для делегатов. Понимая, что рассчитывать на широкие жесты со стороны государства не приходится, патриархия добивалась хотя бы приведения некоторых осквернённых храмов (Покрова в Филях, Климента Римского, Мартина Исповедника, Казанской иконы Божией Матери на Калужской площади) в подобающий внешний вид «или храмового или гражданского здания»³³.

8 апреля 1947 г. приглашение на совещание было разослано всем главам поместных церквей кроме Польской и Чехословацкой — их каноническое положение могло создать ненужные трения с Фанаром и с Сербской Церковью. Однако Москву ждало разочарование. Предстоятели Антиохийской, Сербской, Румынской, Болгарской, Грузинской и Албанской церквей³⁴ одобрили идею предсоборного совещания и выразили согласие прибыть на него, но другие православные первоиерархи данную инициативу отвергли. Т.А. Чумаченко связывает это с началом холодной войны и приводит данные о воздействии на глав восточных и балканских церквей со стороны Ватикана и экуменических кругов, суливших, помимо прочего, им и значительную материальную помощь³⁵. Действительно, давление и шантаж имели место. Митрополит Стефан (Шоков), даже прибыв на совещание, проявлял неуверенность в своих действиях³⁶. Но не менее важным было и то, что Константинополь к тому времени уже несколько десятилетий вёл политику «восточного папизма», заявляя о своих особых правах и юрисдикционном первенстве. От своих претензий на ведущую роль в православном мире он никогда бы не отказался, тем более, чувствуя поддержку США. В других поместных церквях приходилось выбирать между Фанаром и Кремлём, между патриархом-греком и Советским Союзом. Греческая солидарность оказалась сильнее. Характерно, что единственным из восточных патриархатов, согласившимся принять участие в Московском совещании, был Антиохийский патриархат, включающий значительный процент православных арабов. И всё же церкви, поддержавшие инициативу Москвы, не были столь влиятельны и многочисленны, чтобы обеспечить намеченному мероприятию статус «всеpravославного».

Как и ожидалось, вселенский патриарх Максим не пожелал отправиться в СССР. «Москва послала нам приглашение на “всеpravославный собор”, — пояснял он свою позицию, — но такой собор должен иметь место там, где его члены свободны от всяких влияний и давлений посторонних элементов, а таковым в настоящее время Москва быть не может»³⁷. При этом, как докладывал экзарх московского патриарха в Чехословакии архиепископ Елевферий (Воронцов), Константинопольская патриархия безуспешно пыталась воспрепятствовать поездке на совещание румынской делегации³⁸.

Глава Кипрской Церкви архиепископ Леонтий, объясняя свой отказ приехать в Москву, утверждал, что созывать соборы такого уровня имеет право

³³ Там же, л. 38—39.

³⁴ Там же, л. 61, 62, 66, 69; Письма патриарха Алексия I... Т. 1. С. 279.

³⁵ Чумаченко Т.А. К истории организации Совещания... С. 238.

³⁶ ГА РФ, ф. 6991, оп. 1, д. 418, л. 81, 92, 177.

³⁷ Константинополь // Церковная жизнь. 1947. № 2. С. 45.

³⁸ ГА РФ, ф. 6991, оп. 1, д. 418, л. 38.

только Константинополь. Не помогло и разъяснение митрополита Николая (Ярушевича), напомнившего, что речь идёт не о соборе, а о подготовительном совещании. «Благодарим за данные дополнительные разъяснения, — отвечал Леонтий. — Повторяем, не можем принять приглашения по причинам, указанным в предшествующей нашей телеграмме»³⁹. Следует помнить, что Кипр в те годы принадлежал Великобритании.

Под сильным влиянием англичан находился и Египет. Александрийский патриарх Христофор выразил уверенность в том, что совещание можно созывать лишь с согласия трёх первых патриархатов (Константинопольского, Александрийского и Антиохийского), а проводить следовало бы в другом месте, например, в Иерусалиме или на Афоне. К тому же Христофор заподозрил Москву в намерении с помощью греков осудить зарубежные русские юрисдикции и посоветовал Алексию I решить этот «чисто внутренний» вопрос самостоятельно⁴⁰. Лаконично отклонил приглашение иерусалимский патриарх Тимофей, телеграфировавший: «Мы не готовы к участию в предположенном совещании»⁴¹.

В прессе звучали гораздо более резкие заявления. «Ни одна грекоправославная церковь не должна быть представлена на совещании, цели которого исключительно политические, — настаивала египетская газета “Фис”. — Но дело не только в этом. Совето-церковное совещание присвоило себе право, принадлежащее одной лишь Вселенской патриархии, занимающей первое место в православном мире. Только Фанар, первый среди равных, имеет право созвать всеправославное совещание, теперь же на церковный собор налагает свою печать безрелигиозный Кремль... Таким образом, все церкви окольными путями будут приведены в подчинение советскому Алексию. Но западня эта слишком неуклюже устроена, так что греческое православие не попадёт в неё... Совещание Русской Церкви не может иметь никакого всеправославного значения. Прежде всего, на нём не будет представлена Вселенская патриархия, а без неё всеправославное совещание является пародией. Московское совещание будет в сущности славянским собором и притом с подозрительными целями. Решения его будут иметь силу только среди славянских стран и тех стран, которые или по недомыслию, или из просоветских симпатий примут участие в этом большевистском собрании»⁴². В таком же духе высказался и официальный орган Элладской Церкви «Экклесия», где писали, помимо прочего, что славянские церкви так же опасны для греческого православия, как и папизм⁴³. В Стамбуле началась подготовка к альтернативному совещанию, которое должно было оспорить принятые в Москве резолюции⁴⁴.

Уже в 1947 г. стало понятно, что Московское совещание не будет «все-православным». В результате, сославшись на необходимость «детальной разработки вопросов совещания», его перенесли на 1948 г., приурочив к 500-летию автокефалии Русской Церкви⁴⁵. Но, как известно, Церкви, отказавшиеся от участия в совещании в 1947 г., не были на нём представлены и год спустя. А вскоре после его проведения наступил окончательный перелом в церковно-государственных отношениях. В 1948—1953 гг. закрывалось от 100 до 400 хра-

³⁹ Там же, л. 57—58.

⁴⁰ Там же, л. 65, 79.

⁴¹ Там же, оп. 2, д. 65, л. 59.

⁴² Там же, л. 53—54.

⁴³ Там же, л. 84.

⁴⁴ О Всеправославном съезде в Москве // Церковная жизнь. 1947. № 2. С. 45.

⁴⁵ Письма патриарха Алексия I... Т. 1. С. 279, 311.

мов и молитвенных домов в год. Всего до 1954 г. было закрыто 1 055 церквей⁴⁶. В 1952 г. была разрушена и московская церковь Ржевской иконы Божией Матери на Поварской, незадолго до это рассматривавшаяся как одно из будущих зарубежных подворий. Заметно усилился контроль за духовенством. С 1948 г. поднялась новая волна арестов священнослужителей.

Желая добиться преимуществ Москвы перед восточными патриархатами, советское государство было готово на некоторые материальные расходы и определённые уступки патриархии. Однако забота о чистоте православия в планы большевиков не входила, наоборот, из политических соображений перед совещанием готовились широкие жесты, которые выражали бы склонность к соглашению с дохалкидонитами. Впрочем, в 1947—1948 гг. стало очевидно, что преследовать Церковь и при этом расширять её влияние — задача невыполнимая.

Со своей стороны, православные иерархи в 1946—1948 гг. пытались, по возможности, использовать политическую конъюнктуру для укрепления положения Русской Церкви в стране и в мире. Московское совещание 1948 г. получило резонанс и привлекло к ней внимание, пусть и не столь масштабное, как ожидали его организаторы. Принятые на нём решения приобрели авторитет и не теряют значимости до сих пор (например, постановление о том, что разница в календарных стилях не может являться основанием для разделения). Постепенно увеличивалось представительство Московской патриархии за рубежом. Отчасти благодаря подготовке к совещанию удалось возродить Петербургскую духовную академию. А возрождённые в 1947 г. храмы Архангела Гавриила и великомученика Феодора в Москве стали не только представительством Антиохийской Церкви, но и относительно безопасным местом молитвы — на протяжении десятилетий многие антицерковные меры атеистической власти обходили подворье стороной.

⁴⁶ Шкаровский М. Русская Православная Церковь в XX веке. М., 2010. С. 429.

Советские по стилю, религиозные по содержанию. Письма верующих во власть в период позднего социализма

Надежда Белякова

Soviet in style, religious in contents.

Letters from believers to authorities during the late Socialism

Nadezhda Belyakova (Institute of World History, Russian Academy of Science, Moscow; Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University), Russia)

DOI: 10.31857/S086956870004236-0

В последнее десятилетие исследователи неоднократно обращались к источникам, созданным «простыми советскими людьми». Одним из наиболее сохранных оказались, пожалуй, «письма во власть»¹. Их соблазнительно трактовать как «голос» («текст») народа, своего рода наивное письмо, позволяющее реконструировать ценностные установки обывателя. Сохранившиеся благодаря бюрократической процедуре работы с письмами, они дают возможность услышать позицию не только власти, но и её оппонентов, заявлявших о принципиально иной системе ценностей. В настоящем исследовании речь пойдёт о письменном наследии людей, которые не побоялись публично назвать себя верующими в условиях построения атеистического общества. Главный вопрос — как они видели себя в стране победившего социализма, какими понятиями и категориями описывали свои потребности в связи с религиозными взглядами в период «развитого социализма»?

Письма во власть были неотъемлемой частью социального протеста ещё в 1920—1930-е гг. Однако этим их функции не ограничивались. Советские граждане «считали своим долгом» ставить высшую власть в известность о ненормальных явлениях повседневной жизни. Такие действия наиболее удачно обозначаются понятием «сигналы». Уже в 1930-х гг., несмотря на удручающе плохую работу с поступающими письмами, они оказались чуть ли не единственным «социальным клапаном» — каналом коммуникации населения с властью, — и их поток постоянно увеличивался. Ф.-К. Нерар связывает это, среди прочего, с исчезновением других форм легального протеста. Одновременно письма тех лет отражают активное освоение населением языка пропаганды: «массы» при-

© 2019 г. Н.А. Белякова

¹ См., например: Голос народа: Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918—1932 гг. / Под ред. А.К. Соколова. М., 1997; *Сандомирская И., Козлова Н.* «Наивное письмо» и «наивная» Родина // *Сандомирская И.* Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик. Wien, 2001. С. 115—143; *Клинова М.А.* Письма и жалобы в органы власти как источник изучения советской повседневности // *Вестник архивиста.* 2012. № 4. С. 300—305; *Нехамкин В.А.* Донос как социально-психологический феномен (из отечественного опыта 1930-х годов) // *Историческая психология и социология истории.* 2014. № 2. С. 63—69; *Кимерлинг А.С.* Письма во власть в позднюю сталинскую эпоху: интимное и политика // *История в эго-документах: Исследования и источники.* Екатеринбург, 2014. С. 325—338.

нимали и переосмысливали спускаемую сверху идеологию². При этом написание «писем во власть» стало чуть ли не частью народного творчества, формой народной культуры со своими умельцами. Однако письма использовались и самой властью — например, для мобилизации населения, дискредитации идейно чуждых элементов или в рамках кампаний по «отсеиванию». Многие такие кампании начинались с «обращений трудящихся».

Сравнительное усиление социальной направленности политического курса в брежневский период отразилось на отношении к «сигналам снизу». Была разработана процедура работы с ними, регламентировавшаяся нормативно-правовыми актами. В 1968 г. принят новый закон о порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан, в который в 1980 г. внесли дополнения³. Исследователи отмечали, что социалистические диктатуры связывали себя с массами через декларируемую патерналистскую опеку над «маленькими людьми»⁴. «Забота партии и правительства» предусматривала ответную реакцию со стороны населения⁵, которая проявлялась в различных формах демонстрации лояльности: участии в выборах, членстве в общественных организациях, поддержке идеологических кампаний через письма в редакции периодических изданий⁶.

В условиях холодной войны письма граждан («советской общественности») часто использовались и при работе с зарубежьем — в виде обращений к международной общественности против агрессии со стороны враждебного окружения, дискриминации расовых и этнических меньшинств в капиталистических государствах и т.п. Для придания авторитета своим внешнеполитическим инициативам и продвижения их на международной арене советское руководство использовало ресурс и «наименее советских» институтов — например, церкви. В современной историографии достаточно хорошо описаны формы внешнеполитической активности православного духовенства и механизмы взаимодействия в этой сфере с государственными институтами⁷. Например, в 1982 г. в адрес II специальной сессии ООН по разоружению была направлена

² *Нерар Ф.-К.* Пять процентов правды. Разоблачение и доносительство в сталинском СССР (1928—1941). М., 2011.

³ Указ Президиума Верховного совета СССР от 12 апреля 1968 г. № 2534-VII «О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан» // Ведомости Верховного совета СССР. 1968. № 17. Ст. 144; Закон СССР от 26 июня 1968 г. № 2830-VII «Об утверждении Указа Президиума Верховного Совета СССР “О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан”» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1968. № 27. Ст. 237.

⁴ *Merl S.* Politische Kommunikation in der Diktatur: Deutschland und die Sowjetunion im Vergleich. Wallstein Verlag, 2012. S. 82.

⁵ Примечательная «благодарность», составленная в 1980 г. протоиереем Петром Маркеловым и направленная в Совет по делам религий при Совете министров СССР (СДР): «Нашему Советскому, Коммунистическому Правительству во главе с Леонидом Ильичом Брежневым, что мы, священнослужители, освобождаемся от уплаты налога по статье 19 и будем платить по статье 18-ой, в чём предоставляются нам льготы, за что большое сердечное спасибо». Далее в письме подчёркивалось, что «верующие граждане, живущие в развитом обществе СССР, пользуются всеми правами советского гражданина и равны перед законом Советского государства» // ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 6, д. 2207, л. 8—9.

⁶ *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2008.

⁷ *Болотов С.В.* Русская Православная Церковь и международная политика СССР в 1930—1950-е гг. М., 2011; *Васильева О.Ю.* Русская Православная Церковь и Второй Ватиканский Собор. М., 2004; *Beglov A., Belyakova N.* International activity of the Russian Orthodox Church during the Cold War. The results and the future prospects of study // Christian World Community and the Cold War. International Research Conference / Ed. J. Filo. Bratislava, 2012. P. 171—192.

подборка писем духовенства и верующих СССР⁸. Однако церковные структуры подтверждали свою лояльность не только «на экспорт». Через уполномоченных СДР они участвовали в составлении писем, выражавших поддержку курсу во внутренней политике — например, массово направляли приветствия съездам КПСС, поддерживали принятие новой конституции. Власть нуждалась в подтверждении лояльности со стороны всех групп населения.

Первые массовые заявления верующих начались в середине 1940-х гг. в связи с кампанией по регистрации общин. Обычно они носили достаточно формальный характер. Изученные мною архивные фонды показывают, что письма верующих приобрели острый протестный характер в период хрущёвской антирелигиозной кампании и превратились в стабильный поток при Л.И. Брежневе. Это явление вписывается в концепт «эпистолярной революции», начавшейся в СССР в 1960-х гг. Разнообразие формы и содержания сначала заставило предположить невозможность работы с ними как массовым источником, однако постепенно стали просматриваться определённые общие черты.

География поступления писем и их интенсивность крайне неравномерны. Так, в первом полугодии 1972 г. письма по союзным республикам и областям распределялись следующим образом: Грузия — 17; Казахстан — 40; Туркменистан — 5; Гомельская обл. — 20; Гродненская — 24; Минская — 9; Могилевская — 21; Николаевская — 16; Одесская — 77; Ровненская — 118; Ростовская — 51; Сумская — 44; Тернопольская — 62; Харьковская — 95; Хмельницкая — 15; Челябинская обл. — 8⁹. Однако пока установить закономерность географии не удалось. Можно отметить, что налицо поступление значительного количества обращений из западных областей Украины и Белоруссии.

На протяжении 1960—1980-х гг. в количественном отношении преобладали письма православных, что несколько меняет представление об отсутствии в этой среде консолидированного протеста. Большая часть писем содержала просьбы об открытии снятых с регистрации храмов или молитвенных домов, регистрации «служителей культа» и религиозных общин. Эти пожелания сами по себе шли вразрез с атеистической политикой, в которой важным показателем успешности изживания религиозных предрассудков было сокращение количества зарегистрированных церквей, и, по сути, носили характер протеста против идеологической системы. Соглашались ли сами авторы с такой постановкой вопроса? Некоторые письма, как кажется, подтверждают этот тезис. «Настоящим заявлением ставим Вас в известность о том, что несмотря на многочисленные жалобы, заявления и протесты верующих нашей страны против несправедливости, произвола и преследований последних, грубые, зачастую ничем не прикрытые репрессии продолжают», — писали Н.С. Хрущёву евангелисты из Московской обл. в июне 1962 г.¹⁰ На рубеже 1970—1980-х гг. накал категоричности некоторых писем и телеграмм был таков, что карой небесной грозили даже главам КПСС и КПУ: «Вам, тов. Брежнев, тов. Щербицкий, вверена Богом власть в республике. Вы в большой ответственности о бедственном положении народа Божьего в стране... Оттого, что вы отвергаете Бога, бытие Его не прекращается. Остановите же развернувшийся курс уничтожения христиан в стране, не отписывайтесь ничего не говорящими бумажками. Присы-

⁸ ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 6, д. 2296.

⁹ Там же, д. 475. Подсчитано автором на основании переписки СДР с его уполномоченными на местах.

¹⁰ ЦГА Москвы, ф. 3004, оп. 1, д. 74, л. 12.

лаемые нам местными властями, эти отклики будут лишними обвинителями на вечном суде Божиим»¹¹. В письмах такого рода открыто заявлялось о дискриминационном характере нормативно-правовой базы. Их авторы распространяли в самиздате и передавали за рубеж сведения о репрессиях в отношении верующих и требовали пересмотра законодательства.

Авторство этой категории писем достаточно легко локализуется: они шли от той категории верующих, которая публично бросила вызов системе и ограничениям, наложенным ею на отправление религиозных обрядов. Протестные письма исходили также из среды, относящейся к нелегальным ветвям евангельских христиан—баптистов (Совета церковью ЕХБ), адвентистов-реформистов («Церковь верных и свободных адвентистов седьмого дня»), незарегистрированных пятидесятников.

Такая деятельность, однако, маркировалась как «клеветническая», очерняющая советскую действительность, а её участники клеймились как «антисоветчики». Регулярная рассылка такого рода писем могла служить основанием для привлечения к уголовной ответственности. Однако большая часть текстов построена по совсем другим канонам, которые и будут рассмотрены ниже. Авторы их воспринимают себя как полноценных членов советского общества, с вниманием и лояльностью относящихся к власти и чутко реагирующих на политику партии и правительства. «В преддверие двадцать шестого съезда КПСС трудящиеся нашей страны, как партийные, так и беспартийные, обращаются к предстоящему съезду со своими наиболее злободневными и насущными проблемами, предложениями и пожеланиями. Решили и мы, верующие Львовской области, исповедующие католицизм восточного обряда, обратиться к высокому общенародному представительству со своими наболевшими вопросами», — такими словами начиналось письмо греко-католиков к высшему руководству страны¹².

Верующие часто использовали выражение «советские труженики». В значительной части писем встречается апелляция к Великой Отечественной войне, имеющей, как показывает современность, неисчерпаемый потенциал для легитимации режима. Так, верующие из Брянска, заканчивая письмо с просьбой зарегистрировать вторую общину ЕХБ, писали: «Многие из нас пожилого возраста. Мы видели ужасы войны, видели как умирали мирные люди, как горели дома и как задыхались от дыма и газа! Среди нас есть ветераны и инвалиды войны, участники партизанского движения. И нам скорбно сознавать, что теперь мы не имеем возможности свободно, спокойно помолит[ь]ся. Снова обращаемся к Вам с просьбой посодествовать зарегистрировать нас»¹³.

В сознание советских людей настолько вошло представление о категориях граждан, заслуживших право на блага, что несоответствие личного опыта и штампов никого не смущало. «Мы, церковный совет, инвалиды фронтовики, красноармейцы и все православные христиане с. Нижняя Стынова обращаемся к Вам по вопросу вмешательства и помощи о назначении на приход с. Нижняя Стынова священника», — писали в середине 1980-х гг. верующие из Львовской обл.¹⁴ Они пытались вписать себя в «советское общество», игнорируя традиционное недоверие к «западенцам» и неоднозначный опыт Второй мировой

¹¹ ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 6, д. 1998, л. 171—172.

¹² Там же, д. 2036, л. 33.

¹³ Там же, д. 2952, л. 128.

¹⁴ Там же, д. 1891, л. 15.

войны у населения этих областей Украины. В Чечено-Ингушской АССР верующие тоже нуждались в особом внимании: «Это граждане СССР, многие из них участники Октябрьской революции, гражданской и Отечественной войны, труженики и заслуженные пенсионеры, разве где написано, что их можно обманывать и над ними можно творить беззаконие?»¹⁵.

Основными нарушителями законности, согласно обращениям, предстают местные власти. Их действия описываются подробно, они обвиняются в жестокостях и издевательствах над простыми людьми. «В наших руках имеется 18 ответов на наши жалобы, и никто не соизволил открыть на наши вопли и прошения глаза и уши... С 1983 г. по настоящее время мы побывали во многих инстанциях, и тех людей, которые добиваются правосудия, ехали в Москву, постоянно штрафуют... 25 июля 1984 г. председатель райисполкома проводил собрание на поле с нами — колхозниками. Он угрожал исключением с колхоза, а также уголовной ответственностью от 2 до 7 лет тем, которые ехали в Москву добиваться своего права, называя нас сволочами»¹⁶. Из Донецкой обл. жаловались: «Неправда, что церковь была закрыта по причине отсутствия религиозного общества. Церковь была закрыта местными властями тайно, ночью. Автогеном были срезаны кресты и сняты колокола. Теперь вместо креста поставлен металлический петух»¹⁷. Отмечалось самоуправство — так, верующие из с. Южинец Черновицкой обл. жаловались на местного уполномоченного СДР П.Г. Подольского: «Вот что он говорит, когда члены двадцатки были на приёме, так и в обкоме партии, когда его пригласили для разбора 23 июля 1984 г. С криком накинулся на людей и сказал: “Я — Москва и что хочу, то и сделаю, но вам церковь не позволю открыть”»¹⁸.

Из писем порой явствует разнообразие и активность религиозной жизни, даже несмотря на препятствия, чинимые властями на местах. Так, верующие с. Ричка Львовской обл. рассказывали XXVI съезду КПСС: «В 1975 году церковь была снята с учёта, якобы в связи с тем, что находилась в аварийном состоянии и не посещалась верующими. В действительности это не так. Церковь находится в хорошем состоянии и не требует ремонта. Верующими она посещалась и посещается. Об этом свидетельствует 500 подписей, поставленных под заявлением. Снята с учёта в отделе по делам религий была без ведома верующих и вопреки их желанию и нарушению действующему законодательству (так в тексте. — *Н.Б.*) о свободе отправления религиозных культов. До 1963 года к нам в село в Церковь приезжал священник из города Рава-Русская. В конце этого года сменил приход, а на его место дали нового, пожилого возраста, и по состоянию здоровья он не смог удовлетворять потребности двух приходов. Церковь мы посещаем и поём службы сами. В 1978 г. священник в г. Рава-Русская умер, и на его место назначили нового священника. Мы обратились в епархиальное управление, чтобы дали священнику отправлять службы в церкви, как было раньше. Нам ответили, что не возражают, но для этого нужно поставить церковь на учёт, так как она снята с регистрации в 1975 г. ... Из райисполкома прислали нам ответ, что церковь на учёт не поставят, потому что нас соединили с приходом г. Рава-Русской, и чтобы верующие туда ходили в церковь. Нас, верующих, в селе около двух тысяч и не все имеют

¹⁵ Там же, д. 954, л. 57.

¹⁶ Там же, д. 2989, л. 65.

¹⁷ Там же, д. 3496, л. 25.

¹⁸ Там же, д. 2989, л. 64.

возможности доезжать в церковь г. Рава-Русская (расстояние 7 км). И для чего нам ходить в чужую церковь, если у нас есть своя и она находится в отличном состоянии»¹⁹.

Действия местных органов — не просто превышавших свои полномочия, но демонстративно игнорировавших свои обязательства и даже отказывавшихся подчиняться союзному/партийному центру и нормативно-ценностным установкам советского общества — подрывали доверие к режиму в целом. Этот тезис звучит в письмах постоянно. «С чем связано это издевательство над людьми, почему органы власти, гласно объявив им их права, толкнули верующих, чтобы они попросили регистрации общества и открытия мечети, а потом отказывают им?.. Неужели у нас нет ни одного справедливого органа, который может стать на защиту справедливости и закона?.. В семьях этих стариков растет молодое поколение, которое видит эти нарушения, с каким сознанием они могут развиваться?» — задавали вопрос из Чечено-Ингушской АССР. Иногда верующие осмеливались сопоставлять досоветскую жизнь с современными им реалиями, и это сравнение оказывалось не в пользу последних. «Значит, во время оккупации нашего края чехами, венграми, румынами мы не представляли своей церковью никакой угрозы. А теперь... закрыли не только нашу православную церковь, но и разграбили наши святыни. И почему нас заставляют молиться во второй церкви, которую мы считаем униатской? Эта церковь олицетворяет для нас, православных, старые порядки оккупаций. Община этой церкви считается православной, но почему тогда сохранено всё униатское в церкви?!» — писали из Закарпатья²⁰, где поликонфессиональная среда и пограничность территории ощущались очень остро и в 1980-х гг.

Важной составной частью обращений была апелляция к действующим конституционным и законодательным нормам. Верующие стремились показать, что их действия являются исполнением законов. Например, автор коллективного письма братских меннонитов из Киргизии Я. Завадский подвёл серьёзную базу под требование зарегистрировать общину в с. Ново-Павловка: «Пишу к вам, исходя не только из нашей нужды, но и опираясь на Конституцию СССР ст. 12 “свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признаётся за всеми гражданами”, а также в ст. 125 сказано, что “гражданам СССР гарантируется законом... свобода собраний”. В историческом Заключительном Акте совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, принятом в августе 1975 года и подписанном среди других 34 стран генеральным секретарём ЦК КПСС Л.И. Брежневым, седьмая глава первого раздела первой части (1а VII) называется “Уважение прав человека, и основных свобод, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений”. В ней, в частности, говорится, что страны “будут признавать и уважать свободу личности и исповедовать, единолично или совместно с другими, религию или веру, действуя согласно велению собственной совести”. Наше правительство одобрило, как известно, Заключительный Акт, расценивая его как величайший прогрессивный шаг в истории человечества. Аналогичная статья “Советский закон и свобода совести” В.А. Куроедова, председателя Совета по делам религий при Совете министров СССР (газета “Известия” № 25 от 31 января 1976 г.), в которой большое ударение делается на право отправления религиозных потребностей каждой религиозной общиной»²¹.

¹⁹ Там же, д. 2036, л. 2, б. Письмо зарегистрировано в отделе писем ЦК КПСС 5 февраля 1981 г.

²⁰ Там же, д. 3498, л. 20.

²¹ Там же, д. 928, л. 108—110.

Верующие из Чечено-Ингушской АССР, добиваясь регистрации мусульманской общины, писали о своей проблеме в журнал «Религия и закон», используя схожую аргументацию: «Новая Конституция и законы о культурах закрепили за верующими право на вероисповедание и свободу отправления религиозных культов. Брошюры и статьи в газетах тов. Куроедова — председателя Совета по делам религии — разъяснили верующим их права в нашей стране. Кроме того, уполномоченный по делам религии в ЧИАССР объяснил верующим, что они могут подавать заявления в исполкомы с просьбой регистрации их обществ и открыть мечети. В конце августа 1977 г. группа лекторов читали лекции в РДК г. Назрани. Они говорили, что верующие могут объединяться в общества, и где имеется общество не менее 20 человек, исполком должен их зарегистрировать и разрешить им арендовать частное помещение старого храмового помещения для исполнения религиозных потребностей»²².

Ссылки на Конституцию, выступления Куроедова и др. встречаются в письмах из всех республик. Верующие разных конфессий рассматривали просьбы сквозь призму правовых норм, подтверждая правильность и законность своих обращений. Примечательно, что советские граждане, привыкшие отслеживать колебания линии партии, которые отражали ведущие советские издания, восприняли статью Куроедова в «Известиях» как сигнал о перемене курса в отношении религии²³. Ирония ситуации заключалась в том, что заявления о свободе совести имели в первую очередь «экспортный», пропагандистский характер: нацеливались на западную аудиторию для «разоблачения измышлений об ограничении религии в СССР». Однако «контрпропаганда» получила (судя по всему, неожиданно для идеологов) огромный резонанс внутри самого СССР, и люди обращались к власти, требуя исполнения принятых обязательств. Угроза привлечь внимание международных инстанций (или демонстративное направление копий писем в ООН и другие организации) стала частым атрибутом обращений. «В случае неудовлетворения нашего прошения, мы обязаны будем обращаться за помощью до Церковного Всемирного конгресса», — сделана приписка к одному из коллективных писем²⁴. По сути, советское руководство само загнало себя в ловушку. Его положение усугублялось тем, что к концу 1970-х гг. вопрос положения верующих в Советском Союзе постепенно стал одним из самых острых во взаимоотношениях с «западной общественностью», куда стабильно проникали сообщения об их преследованиях. Например, радио «Свобода», начав публикацию материалов самиздата, несколько томов посвятило письмам на религиозные темы. Активисты и правозащитники на Западе выработали форму массовых запросов о судьбах тех верующих, сведения о которых проникали за «железный занавес». СДР ежегодно накапливал несколько томов таких запросов, пересылавшихся ему МИД СССР «по принадлежности»²⁵.

Тексты проанализированных писем и практика их создания отражают слияние традиционной для русской культуры формы «прошения» и нового посыла «советской гражданственности». География и конфессиональная принадлежность не влияли на форму и содержание обращений: верующие использовали устоявшиеся лексические обороты и идеологические клише.

²² Там же, д. 954, л. 55.

²³ Известия. 1966. 30 августа.

²⁴ Там же, д. 1891, л. 52.

²⁵ Только за 1977 г. отложилось три единицы хранения, содержащие почти 500 листов: ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 6, д. 1122—1124.

С одной стороны, это отражает советизацию мышления и языка. С другой — показывает, что, используя легитимный канал связи и демонстрируя поддержку режима, верующие наполняли их протестным содержанием, «разворачивая» ситуацию, представляя себя как лояльных граждан, стремящихся к соблюдению законности²⁶. Право на веру теперь отстаивали через букву закона, говоря о гражданских правах, закреплённых в Конституции и законодательных актах. Таким образом, внутри страны осваивались предназначенные на экспорт пропагандистские концепты.

Зафиксированная исследователями советского общества «приватизация» публичных институтов и смыслов в послесталинский период распространилась и на «письма трудящихся». Они отразили разнообразие частной жизни, а также выявили высокий уровень недоверия к бюрократическим структурам, вынуждавший обращаться напрямую к высшему руководству страны. Авторы часто работали в жанре доноса или просьб/прошений. Он был настолько привычен для обывателя, что когда верующая из Риги села в 1985 г. писать письмо М.С. Горбачёву, предупредила: «Ни о рабочих конфликтах с администрацией, ни о квартирном вопросе я не пишу. Моё письмо — о вопросах нравственных»²⁷. В случае с исследованным источником уже нельзя говорить о патерналистском характере отношений между простым человеком и властью. Налицо уникальный опыт: одобряемая форма коммуникации — принятие системы — оказалась присвоена обычными людьми и инструментализована в условиях холодной войны.

²⁶ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2014.

²⁷ Письмо пятидесятницы из Риги высшему руководству страны о необходимости нормализовать отношения с верующими (ГА РФ, ф. Р-6991, оп. 6, д. 3126, л. 24).

Алексей Морохин

Рец. на: Н.В. Рыбалко, Е.Г. Дмитриева. Соликамский архив: реконструкция и источниковедческий анализ (1605—1608 годы). Волгоград: Издательство ВолГУ, 2017. 319 с.

Aleksey Morokhin

(Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia)

Rec. ad op.: N.V. Rybalko, E.G. Dmitrieva. Solikamskiy arkhiv: rekonstruktsiia i istochnikovedcheskiy analiz (1605—1608 gody). Volgograd, 2017

DOI: 10.31857/S086956870004237-1

Последние годы характеризуются особым вниманием исследователей к источникам, отложившимся в архивах региональных приказных изб XVII столетия, что проявляется в активной публикации делопроизводственных материалов¹. Недавно опубликованная работа волгоградских специалистов, посвящённая архиву Соликамской приказной избы, вызывает особый интерес в первую очередь тем, что в центре внимания авторов оказались документы эпохи Смутного времени. «Дефицит» источников этого периода, прекрасно знакомый большинству специалистов по истории России конца XVI — начала XVII столетия, делает появление нового исследования, включающего публикацию ряда новых и ранее неизвестных текстов, заметным событием в современной исторической науке.

Отдельные документы Соликамской приказной избы уже со времён Г.Ф. Миллера обращали на себя внимание исследователей и публиковались в XIX — начале XX в. на страницах таких хорошо знакомых историкам изданий, как «Собрание государ-

ственных грамот и договоров», «Акты Исторические», «Акты Археографической экспедиции», «Акты времён правления царя Василия Шуйского» и др. Но комплексно этот источниковый комплекс, насчитывающий более двух тысяч единиц хранения, не изучался, что исследователями также отмечено². Поэтому новое обращение представителей волгоградской исторической школы к изучению документальных комплексов, связанных с историей Смуты, можно только приветствовать³.

Уже в предисловии Н.В. Рыбалко и Е.Г. Дмитриева отмечают, что значимость изучаемых ими источников заключается прежде всего в том, что институты местного управления Московского государства, активизировавшиеся в годы гражданской войны и наиболее ярко проявившие себя в рамках деятельности Первого и Второго ополчений, «были отработаны чуть раньше, в период противостояния правительственных войск с отрядами самозванца Лжедмитрия II в 1608—1609 гг.» (с. 6—7). Хотя данный тезис и не является новым для истори-

ческой мысли⁴, следует признать, что коллекция Соликамских актов, хранящаяся в архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН (Коллекция 122) и представляющая собой один из немногих архивных комплексов эпохи Смуты, позволяет в значительной степени реконструировать события и выяснить вопрос о том, какие же государственные конструкции позволили Московскому государству выстоять в условиях длительных внутренних неурядиц и интервенции.

Исследование посвящено первой части обширного документального комплекса и охватывает период с 1605 по 1608 г. Авторы справедливо отмечают, что именно этот период представляет особую ценность в рамках изучения системы управления Пермским краем, делопроизводства и истории русского языка. Обоснование хронологических рамок работы вполне убедительно. Нижняя дата обусловлена наиболее ранним из сохранившихся документов, а верхняя граница объясняется началом вовлечения региона в земскую переписку городов после захвата Лжедмитрием II Замосковья (с. 9).

Первый раздел книги составляют две главы. В начальной главе представлена реконструкция Соликамского архива указанного выше хронологического периода. Авторы выявили несохранившиеся документы по их упоминаниям, дали им названия и датировали. Всего выделены акты трёх уровней: переписка приказной администрации Перми Великой и дьяков приказных учреждений Москвы; переписка с воеводами Перми, Вятки и Верхотурья; земская переписка Перми Великой.

Предложенный принцип классификации материалов, включающий шесть групп документов, представляется удачным, хотя авторы и отмечают, что «иногда довольно сложно классифицировать источники темати-

чески, поскольку в них представлено сразу несколько текущих вопросов» (с. 10—11). Большая часть анализируемых источников — документы административно-хозяйственного содержания, связанные со сбором налогов и пошлин, различного рода службами и т.д. Значительное внимание уделено выяснению вопроса о статусе лиц пермской администрации начала XVII в., которые именуются в документах «приказными людьми» (с. 16—17). Акцентируется внимание и на вопросах топонимики, часто жителей именовали не просто «пермичами», но и указывали на их принадлежность к конкретным уездам (с. 18). Недостатком работы можно назвать отсутствие подробного рассказа о Пермской земле в конце XVI — начале XVII в. В работе этому вопросу уделено всего несколько абзацев в предисловии (с. 7—8). Между тем Пермь Великая имела важное стратегическое положение среди других земель Московского государства, а регион занимал неоднозначную позицию в годы Смуты, в частности, в годы правления Василия Шуйского⁵.

Вторая глава исследования посвящена специфике структурной организации текста и лексическим особенностям изучаемых актов. Именно в XVII в. в русские служебные документы стали активно проникать элементы разговорной речи. Здесь анализируются жанры деловой письменности и их особенности применительно к корпусу документов. Анализ текстов приводит авторов к выводу, что отписки и памяти «представляли собой документы, которые, с одной стороны, отличались свободой языкового выражения, разнообразием целевых установок автора, приближаясь по общим характеристикам к деловому письму, а с другой стороны имели чёткую трёхчастную структуру с обязательным вступлением, содержащим обязательные и факультативные эле-

менты; центральной информативно насыщенной частью, в которой излагаются причины обращения, и заключением» (с. 137).

Во втором разделе работы представлены документы, впервые опубликованные полностью. Издание предваряет археографическое введение, подробно объясняющее принципы публикации (с. 144—147). Авторами проделана огромная предварительная палеографическая работа, во многом осложнённая тем обстоятельством, что Соликамский архив содержит большое количество черновых отпусков документов. Их прочтение затрудняют многочисленных правки текстов. Приходится сожалеть, что авторы отказались от идеи вновь опубликовать в этом разделе документы из Соликамского архива, напечатанные на страницах академических изданий XIX — начала XX в., что сделало бы издание более полным и фундированным.

На мой взгляд, особую ценность представляют материалы, отражающие события Смуты. Авторы отмечают, что в этих источниках «доля политической информации минимальна, хотя она и имеет первостепенное значение». В этой связи большой интерес представляют, например, отписка вятского воеводы кн. М.Ф. Ухтомского о поимке бежавших «изменников», свидетельство о капитуляции болотниковцев в Туле (с. 222, 224—225).

Опубликованные тексты представляют интерес не только как новые источники по истории приказной системы управления, но и как документы, содержащие любопытные сведения о повседневной жизни населения региона. В этой связи важное значение имеют, например, распоряжение о содержании в пермской тюрьме С. Подгородецкого, которому от имени царя Василия Шуйского приказано «корм... давати из наших доходов

по две денги на ден», сведения о конфликте земских старост и целовальников Кайгородка и Чердыни, данные о столкновении вогуличей с пермским жителем С. Негодяевым, память на Орёл о совершении благодарственных молебнов в связи с разгромом болотниковцев, которая предписывает совершать богослужения «по три дня з звоном» (с. 187—188, 197, 242, 224—225). Хочется пожелать авторам продолжить работу по изучению Соликамского архива, уже принесшую первые впечатляющие результаты.

Примечания

¹ Балахнинский уезд в XVII веке. Документы приказного делопроизводства: Сборник документов. Н. Новгород, 2005; Документы по истории феодального землевладения и хозяйства в Среднем Поволжье (XVII в. — первая четверть XVIII в.). Чебоксары, 2006; Нижегородский край в конце XVI — первой половине XVII в. (Акты приказного делопроизводства). Сборник документов. Н. Новгород, 2009; Документы Ядринской приказной избы второй половины XVII — начала XVIII века / Сост. А.А. Чибис. Чебоксары, 2017.

² Тюменцев И.О. Архив Соликамской приказной избы начала XVII в.: перспективы комплексного анализа // Смутное время в России в начале XVII века: поиски выхода. К 400-летию «Совета всяя Земли» в Ярославле. Материалы международной научной конференции (Ярославль, 6—9 июня 2012 г.). М., 2012. С. 113—117.

³ На протяжении длительного времени коллектив волгоградских историков под руководством И.О. Тюменцева занимался изучением архива Я. Сапеги. См.: Тюменцев И.О., Мирский С.В., Рыбалко Н.В., Тушикова Н.А., Тюменцева Н.Е. Русский архив гетмана Яна Сапеги 1608—1611 годов: опыт реконструкции и источниковедческого анализа. Волгоград, 2005; Русский архив Яна Сапеги 1608—1611 годов. Тексты, переводы, комментарии / Под ред. И.О. Тюменцева. Волгоград, 2012; Дневник Яна Петра Сапеги (1608—1611) / Сост. И.О. Тюменцев, М. Яницкий, Н.А. Тупикова, А.Б. Плотников. М.; Варшава, 2012.

⁴ Пудалов Б.М. «Смутное время» и Нижегородское Поволжье в 1608—1612 гг. Историко-географический очерк. Н. Новгород, 2011. С. 11—13, 30, 69; Морохин А.В., Кузнецов А.А. Кузьма Минин. Человек и герой в истории и мифологии. М., 2017. С. 32.

⁵ Подробнее см.: Семёнов О.В. К вопросу о позиции Перми Великой в годы

Смуты // Мининские чтения. Материалы научной конференции. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (29—30 октября 2004 г.). Н. Новгород, 2005. С. 36—45.

Евгений Крестьянников

Рец. на: В.А. Воропанов. Суд и правосудие в провинции Российского государства в XVI — первой половине XVIII в. (на примере областей Поволжья, Урала и Западной Сибири). М.: Проспект, 2017. 192 с.

Evgeniy Krestyannikov
(Tyumen State University, Russia)

Rec. ad op.: V.A. Voropanov. Sud i pravosudie v provintsii Rossiiskogo gosudarstva v XVI — pervoi polovine XVIII v. (na primere oblastei Povolzh'ia, Urala i Zapadnoi Sibiri). Moscow, 2017

DOI: 10.31857/S086956870004238-2

Челябинский историк В.А. Воропанов, известный своими монографиями о судебной системе на Урале и в Западной Сибири во второй половине XVIII — первой половине XIX в.¹, в новом исследовании осветил организацию правосудия в восточных регионах Российского государства в предшествующий период. В то время у юстиции не было стройной структуры и функциональных рамок, судебные полномочия должностных лиц тесно переплетались с административными (особенно в XVI—XVII вв.), распространяясь по мере расширения границ на громадное гетерогенное пространство, включавшее ряд областей бывших государственно-политических образований — Казанского, Астраханского и Сибирского ханств, Вятской земли, Перми Вычегодской и Перми Великой, а также смежные с ними территории Урала и Западной Сибири.

Воссоздавая целостную картину провинциальной юстиции, автор пишет о сложной «полифонии» разнообразных юрисдикций, уникальных местных условиях и неодинаковых в различных частях страны действиях центральной администрации, влиявших на организацию суда. В первой главе (с. 4—79) анализируется судебно-правовая политика XVI—XVII вв., учитывавшая особенности и традиции, которые существовали на недавно подчинённых территориях. Их жители были подсудны Новгородской четверти и Приказу Казанского и Мешёрского дворца. Наместники и, позднее, воеводы в областях, удалённых от столицы или подчинённых силой оружия, пользовались большей властью. В частности, до 1669 г. астраханские, пустозёрские и тобольские воеводы обладали исключительным правом применения смертной казни и разбора крупных имущественных

исков. Однако в Северном Приуралье правосудие оставалось в ведении органов самоуправления местных общин, а в Среднем и Нижнем Поволжье представители населения принимали участие в процедурах «официального» суда. В XVII в. усиление централизации государственного управления выражалось в установлении контроля воевод над деятельностью остальных судебных инстанций.

Во второй главе (с. 80—124) прослеживается реформирование местной юстиции в первой четверти XVIII в. Поскольку оружейные и пороховые предприятия, а также корабельные леса находились тогда в ведении центральных органов военного управления, им же оказались подсудны владельцы и служащие этих заводов и группы населения, отбывавшие на них особые повинности. К примеру, служилые татары подлежали суду Казанской адмиралтейской конторы (за исключением тяжких преступлений) и т.д. В третьей главе (с. 125—180) обстоятельно показано законодательное регулирование организации правосудия в регионе при преемниках Петра I, правовое закрепление судебной автономии коренных народов Сибири и влияние сословного, этнического и конфессионального состава населения на определение юрисдикции воевод и губернаторов. При этом в индивидуальных инструкциях астраханскому и сибирскому губернаторам и уфимскому воеводе традиционно содержались лишь лаконичные рекомендации относительно судопроизводства.

Вместе с тем автор отмечает влияние местной специфики на организацию правосудия, в частности в Башкирии, Калмыкии и Астраханской губ. Если туземное население Сибири зависело от воеводских судов исключительно в делах о тяжких преступлениях, то на Южном Урале самоуправление башкир, оказавших воору-

жённое сопротивление Оренбургской экспедиции, было существенно ограничено. Развитию торгово-экономических отношений и хозяйственной колонизации края способствовало учреждение в Оренбурге магистрата, которому надлежало в своей судебной практике придерживаться принципа нормативно-правового плюрализма. В Нижнем Поволжье схожие функции выполнял подчинявшийся губернской канцелярии «ратсгауз», учреждённый в качестве суда первой инстанции для членов диаспор — как российских подданных, так и торговых гостей. Государство готово было даже гарантировать исполнение решений шариатских судов, официально дополнявших местную судебную систему. И если в Оренбургском крае этому мешали мятежи, то в Астрахани продолжалась соответствующая работа Конторы татарских и калмыцких дел. В Калмыкии правительство планомерно наращивало присутствие своих представителей, систематически вмешивавшихся в осуществление правосудия.

Автор уделил особое внимание изменениям в системе органов административной юстиции, а также устройству церковных и военных судов в восточных провинциях России. В Поволжье, на Урале и в Сибири судебной властью обладали Казанская адмиралтейская контора, Канцелярия главного правления Сибирских, Казанских и Оренбургских заводов, Канцелярия Кольвано-Воскресенского горного начальства. Соответствующие органы имелись в составе казачьих формирований — Астраханского полка, Волжского, Калмыцкого, Оренбургского, Яицкого войск. В результате искусственной трансформации кочевых правовых традиций возник «Калмыцкий суд», учреждённый в Ставрополе-на-Волге для общины крещёных калмыков.

Возможно, по разнообразию охваченных проблем монография В.А. Воропанова уступает фундаментальному труду Н.Ш. Коллманн², заслужившему высокую оценку отечественных специалистов и признанному ими в качестве «бесспорно выдающегося, не имеющего на сегодня аналогов исследования по истории уголовного права и уголовного процесса в России конца XV — первой четверти XVIII веков»³. Однако историки решали разные задачи: американскую исследовательницу больше интересовала правоприменительная практика и уголовно-правовые санкции, тогда как структуры местных судов остались в её работе на втором плане. Между тем именно им посвящена книга Воропанова, явно не предназначенная «для широкого круга читателей», написанная даже чрезмерно академично и рассчитанная на специалистов. В ней нет захватывающих рассказов про топоры и кровоточащие раны, вырезанные языки и смертоубийственные костры, какие можно найти у Коллманн⁴, но, разумеется, это отнюдь не умаляет её существенного вклада в историографию.

Примечания

¹ *Воропанов В.А.* Судебная система Российской империи на Урале и в Западной Сибири. 1780—1869 гг. Челябинск, 2005; *Воропанов В.А.* Суд и правосудие в Российской империи во второй половине XVIII — первой половине XIX в. Региональный аспект: Урал и Западная Сибирь (опыт сравнительно-сопоставительного анализа). Челябинск, 2008; *Воропанов В.А.* Региональный фактор становления судебной системы Российской империи на Урале и в Западной Сибири (последняя треть XVIII — первая половина XIX в.): историко-юридическое исследование. Челябинск, 2011; *Воропанов В.А.* Суд и правосудие в провинции Российской империи во второй половине XVIII в. (на примере областей Поволжья, Урала, Западной Сибири и Казахстана). М., 2016.

² *Kollmann N.Sh.* Crime and Punishment in Early Modern Russia. Cambridge, 2012. См. также русский перевод: *Коллманн Н.Ш.* Преступление и наказание в России Раннего Нового времени. М., 2016.

³ *Большакова О.В.* Закон и порядок в дореволюционной России: новые интерпретации американских историков // Российская история. 2016. № 6. С. 151; *Серов Д.О.* Nancy Kollmann, Crime and Punishment in Early Modern Russia // Cahiers du monde russe. Vol. 55. 2014. № 3—4. P. 345, 348.

⁴ *Коллманн Н.Ш.* Преступление и наказание...; *Kollmann N.Sh.* Representing Legitimacy in Early Modern Russia // The Russian Review. Vol. 76. 2017. № 1. P. 21.

Юлия Боровик

Сибирские староверы: вне государственной поддержки и опеки*

Yulia Borovik

(Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia)

Siberian Old Believers: outside state support and custody

DOI: 10.31857/S086956870004239-3

Белокриницкое согласие (современная Русская православная старообрядческая церковь, РПСЦ) появилось достаточно поздно — в конце 1840-х гг., но быстро распространилось на территории Российской империи и заняло ведущие позиции в поповском течении старообрядчества. После ужесточения репрессивной политики правительства Николая I и разгрома крупнейшего поповского центра в Поволжье на р. Иргиз, откуда прежде старообрядческие общества получали «исправленных» беглых священников, часть старообрядцев перешла к беспоповской практике (как это сделали на Тюменском соборе 1840 г. староверы Зауралья, признававшие, однако, необходимость священства), а другие, следуя решению собора на Рогожском кладбище в 1823 г., продолжали искать епископа за пределами Российской империи. Их усилия увенчались успехом 28 октября 1846 г., когда в с. Белая Криница (на территории австрийской Буковины) к старообрядцам присоединился удалённый константинопольским патриархом со своей кафедры из-за конфликта с турецкой администрацией и бедствовавший в Константинополе на покое митрополит Босно-Сараевский

Амвросий (Папа-Георгополи), вскоре рукоположивший двух епископов и восемь иереев. За ними последовали прежде всего общества бывших беглопоповцев, «по нужде» окормляемые наставниками. К стремительно развивавшемуся согласию «австрийцев» исследователи проявляли устойчивый интерес с последней четверти XIX в.¹, активно изучается оно и в настоящее время². Однако процесс возникновения белокриницких общин в провинции, их региональная специфика, особенности мировоззрения и полемическое творчество местных лидеров остаются ещё малоизученными. Труд сотрудника сектора археографии Сибирского отделения Института истории РАН Н.А. Старухина, подготовленный под научным руководством академика Н.Н. Покровского (1930—2013), заполняет многие лакуны и существенно расширяет круг источников, позволяющих лучше понять как обстоятельства становления согласия в целом, так и эволюцию урало-сибирских общин в имперский период.

Работа состоит из введения с обзором исследований и источников, шести глав и заключения. Первую главу открывает подробный экскурс в историю становления Белокриницкой

* Старухин Н.А. Сибирские общества белокриницких староверов во второй половине XIX — начале XX в. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2015. 206 с.

Рецензия подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, проект № 33.2182.2017/4.6 «Формирование русской культурно-религиозной идентичности: памятники традиционной письменности как символические коды культурной памяти».

иерархии в России. Автор освещает создание и развитие структуры управления и административно-территориального деления Московской архиепископии, а также основные дискуссии в среде староверов второй половины XIX — начале XX в. (прежде всего вокруг «Окружного послания»). В книге подробно показана организация Духовного совета — совещательного органа при московском архиепископе, в 1863—1898 гг. игравшего ведущую роль в руководстве общинами по всей России. Анализируя проект образования Духовного совета и текст его устава, исследователь приходит к выводу, что инициатива создания этого органа принадлежала группе, связанной с московским купечеством. Более того, в Уставе изначально содержались положения, предоставлявшие исключительно широкие полномочия столичным попечителям и старейшинам, что впоследствии привело к противостоянию между руководством согласия и провинциальными общинами (в том числе сибирскими), которые стали поддерживать оппозиционную Духовному совету общественную организацию старообрядческих полемистов — Братство Честного и Животворящего Креста. Как отмечается в книге, другие противоречия были вызваны неоднородностью общин как в центре, так и в провинции. В них не всегда совпадали взгляды даже внутри отдельных групп (духовных лидеров, священников, попечителей, рядовых членов).

Вторая глава посвящена изменениям в законодательстве и государственной политике в отношении старообрядчества во второй половине XIX в. С 1864 г. количество запретов постепенно сокращалось, права старообрядцев расширялись. В 1874 г. они получили возможность легализовать свои семьи, внося записи в метрические книги при волостных и поли-

цейских управлениях. Тем не менее в Святейшем Синоде были чрезвычайно обеспокоены распространением влияния «австрийцев», которое считалось опасным и «вредным». Для его уменьшения заштатным священникам в 1895 г. даже разрешили переход к беглопоповцам. Попытки пресечения «раскола» вызывали у старообрядцев противодействие. Так, в Томской губ. они выходили из православных приходов, отказывались от уплаты руги, угрожали клиру, распространяли подложные «государевы указы». В начале XX в. белокриницкие начётчики вели активную полемику с миссионерами.

Главы 3—6 раскрывают историю белокриницкого согласия в Томской епархии, выделенной из Тобольской в 1886—1887 гг.: процесс закрепления старообрядческого епископата в Сибири и возникавшие при этом трудности. Рассматриваются специфические варианты организационного оформления местных мирских и иноческих общин, положение и роль состоятельного слоя прихожан, деятельность епископов Савватия (Левшина), Мефодия (Екимова) и Антония (Паромова), а также руководителя крупнейшего западносибирского скитского центра игумена Феофилакta (Савкина), их взаимоотношения с московской архиепископией. По словам автора, «нередко установление властной вертикали, особенно на первых этапах становления согласия, приводило к столкновению иерархии со сложившейся стихийной практикой общин, традициями независимого прихода; зачастую сложно вписывались в выстраиваемую иерархическую систему и взаимоотношения мирских и духовных лидеров» (с. 71). Чаще всего причиной разногласий и претензий со стороны общин становились поставления, перемещения или запрещения священников без согласования с местными попечителями

и прихожанами (с. 88, 100—101, 103, 112—113). Впрочем, в этом видится, скорее, процесс определения границ полномочий общин с хорошо развитыми традициями самоуправления, нежели собственно оппозиция руководству согласия.

Старухин обстоятельно показывает, как происходило распространение белокриницкого священства среди беглопоповцев Томской губ. с начала 1860-х гг. и как складывались взаимоотношения этих направлений старообрядчества. Судя по обнаруженным среди рукописей РГБ письмам епископа Савватия, он считал недействительными крещения и бракосочетания, совершаемые наставниками часовенного согласия. Однако у него не вызвали нареканий аналогичные действия белокриницких уставщиков и наставников (с. 93, 107), которым в Сибири, где духовенства не хватало, разрешалось тогда крестить и венчать — так же, как это делалось у часовенных. Повенчанные ими браки должны были впоследствии лишь довершаться священником.

Анализируя количественные и сословные характеристики белокриницких обществ, исследователь с подобающей осторожностью использует как сводные данные церковной и гражданской статистики, так и сведения самих «австрийских» иерархов. Например, епископ Мефодий, постоянно проживавший у себя на родине в д. Выдриха Бийского округа и не желавший переноса своей резиденции в Барнаул, явно завывшал численность своей паствы в районе Семипалатинска, доводя её до 4 тыс. и, напротив, насчитывая всего 1,5 тыс. барнаульских старообрядцев, тогда как его предшественник в 1879 г. сообщал о 2 тыс. (с. 83, 99). В Томске Мефодий «знал» о четырёх семьях, а спустя два месяца игумен Феофилакт писал о двенадцати (с. 99). Сопоставляя дан-

ные разных источников, наиболее надёжными Старухин считает сведения середины 1880-х гг., когда Томская епархия Белокриницкого согласия насчитывала 51 мирскую общину, 40 из которых располагались в сельской местности (в основном — в южном районе).

В четвёртой главе говорится о формировании иноческих и мирских (сельских и городских) белокриницких общин в Алтайском горном округе, где были сосредоточены главным образом сельские общества, принявшие священников «австрийской» иерархии в начале 1860-х гг., и вокруг Томска, где они появились под влиянием скиотов в 1880-х гг. Сибирские городские общины имели священника (как правило, поставленного из крестьян) и состояли преимущественно из мещан и нескольких представителей купечества, в большинстве своём являвшихся горожанами в первом поколении. Священники выбирались (или, по крайней мере, согласовывались) и содержались общиной, которая также выделяла средства на культовые здания и походные церкви. Неудивительно, что миряне, особенно те, кто брал на себя крупные расходы, оказывали заметное влияние на организацию приходской жизни. Порою попечители выражали недовольство передачей местности в ведение редко бывавшего в ней епископа или отстаивали право влиять на перемещение епископской кафедры в регионе (с. 82, 110). В Барнауле, где основу прихода составляли переселенцы из подмосковных сёл, заметную роль играло купеческое семейство Афониных из крестьян Богородского уезда Московской губ. Кстати, члены этой фамилии находились в числе первых «австрийских» попечителей и на Урале³. О тесной связи старообрядцев Урало-Сибирского региона свидетельствовала поддержка екатеринбургскими купцами, прожи-

вавшими в Томске, белокриницкого скита на р. Юксе (с. 138).

Чрезвычайный интерес вызывают страницы монографии, посвящённые иноческим организациям Томской епархии, которые являлись «локомотивами» укрепления иерархии. Обращаясь к неизвестным ранее источникам старообрядческого происхождения, автор детально восстанавливает историю Казанского скита, характеризует его состав и внутреннюю организацию. Особое внимание уделено биографии устроителя этой обители о. Феофилакта (Савкина). При исследовании скитского движения (возникновение и деятельность пустынь, их перемещение внутри региона, влияние на мирские общины) историк опирается на максимально возможный круг источников, включающий переписку, документы и сочинения о. Феофилакта из Отдела рукописей РГБ и архива митрополии РПСЦ, описания скитов «синодальными» наблюдателями из фондов Государственного архива Томской области. Обнаруженные Старухиным взаимосвязи между динамикой иноческого движения и полемическими выступлениями авторитетных белокриницких скитников свидетельствуют о преобладании в начале 1880-х гг. дебатов со старообрядцами других согласий (в основном с часовенным согласием, меньше — с поморцами и странниками), тогда как позднее, по мере распространения влияния томских скитов на большую часть обществ севера губернии, споры всё чаще велись уже между самими «австрийцами» и были нередко связаны с обличением «сильных и богатых». Изучение творчества энергичного томского игумена о. Феофилакта позволило автору существенно уточнить хронологию и содержание дискуссий на эсхатологические темы, происходивших как

между представителями часовенного и белокриницкого согласий, так и внутри каждого из них. Кроме того, проповедь «сибирского Златоуста», обличавшего «враждебные власти» и «рачителей богатства» — как местное, так и столичное купечество, а также часть духовенства, сыграла заметную роль в идейном противостоянии Духовному совету в 1880-х гг. (с. 190—195).

Представленные в монографии возможности влияния мирян, попечителей и лидеров иноческих обществ на принятие решений в согласии открывают новые перспективы для понимания особенностей жизни духовенства и прихода вне государственного контроля и опеки.

Примечания

¹ См., в частности: *Субботин Н.И.* Происхождение ныне существующей у старообрядцев так называемой австрийской и белокриницкой иерархии. М., 1874; *Субботин Н.И.* Материалы для истории так называемой австрийской, или белокриницкой, иерархии. М., 1897; *Субботин Н.И.* История так называемого австрийского, или белокриницкого, священства. М., 1899; *Смирнов П.С.* Исторический очерк поповщины // Миссионерский сборник. 1893. № 1—3, 5; *Беликов Д.Н.* Старообрядческий раскол в Томской губернии по судебным данным. Томск, 1894; *Беликов Д.Н.* Томский раскол: исторический очерк от 1834 по 1880-е годы. Томск, 1901.

² *Крахмальников А.П.* Сочинения староверов белокриницкого согласия (1846—1862 гг.). М., 2012; *Юхimenко Е.М.* Старообрядческий центр за Рогожской заставой. Изд. 2. М., 2012.

³ *Белобородов С.А.* «Австрийцы» на Урале и в Западной Сибири (из истории Русской православной старообрядческой церкви — белокриницкого согласия) // Очерки истории старообрядчества Урала и сопредельных территорий. Екатеринбург, 2000. С. 157—158.

Андрей Ганин

Фундаментальный труд о Гражданской войне на Севере*

Andrey Ganin

(Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Fundamental work on the Russian Civil War in the North

DOI: 10.31857/S086956870004240-5

Столетие начала Гражданской войны пока ещё не привело к появлению фундаментальных исследований общероссийского характера. Однако на региональном уровне уже вышли глубокие обобщающие научные труды. Так, в Архангельске, в издательстве Северного (Арктического) федерального университета (С(А)ФУ), увидело свет новое исследование известного специалиста, доктора исторических наук, профессора С(А)ФУ, заслуженного деятеля науки России В.И. Голдина. Первый том задуманной автором трилогии «Русский Север в эпоху великих потрясений. 1900—1920» носит название «Север России на пути к Гражданской войне». В нём раскрываются сложные процессы развития региона с начала XX в. до осени 1918 г., предыстория и начало конфликта на его территории. Особое внимание уделяется международным отношениям, в особенности иностранному военному вмешательству в события 1918 г.

История Севера чрезвычайно интересна. Любопытны и поучительны те её драматические страницы, которые до сих пор исследованы недостаточно. К таковым относится период 1914—1922 гг. Однако, чтобы понять причины конфликтов и противоречий, необходимо рассмотреть предпосылки Первой мировой и Гражданской войн.

Работа разделена на семь глав, каждая из которых посвящена крупной научной проблеме. Здесь и историография, и источниковедение Русского Севера, и модернизация России в ходе реформ и революций, влияние на местную жизнь событий Первой мировой войны, революционных процессов, развернувшихся весной 1917 г. и усилившихся после октябрьского переворота, наконец, истоки широкомасштабного гражданского противостояния в регионе в первой половине 1918 г.

Исследование предваряет обстоятельный историографический и источниковедческий обзор, содержащий размышления о направлениях изучения темы, которые формировались на протяжении столетия, и оценку результатов работы авторов разных лет. Особый интерес представляет взгляд на современные исследовательские тенденции. В частности, автор критически оценивает изучение революционных процессов как хаоса и смуты, поскольку это создаёт одностороннюю картину событий. Кроме того, он выступает против попыток мифологизации истории революций.

Обширна источниковая база работы. Учёный использовал фонды федеральных и региональных архивов, прежде всего, ГА РФ, РГВА, РГАСПИ, РГА ВМФ, АВПРИ, АВП РФ, государственных архивов Архангельской,

* *Голдин В.И.* Север России на пути к Гражданской войне: Попытки реформ. Революции. Международная интервенция. 1900 — лето 1918. Архангельск: Издательский дом С(А)ФУ им. В.Н. Булагова, 2018. 623 с.

Вологодской и Мурманской областей, Вологодского архива новейшей политической истории, Карельского государственного архива новейшей истории, Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб), архивов региональных управлений ФСБ России по Архангельской области и Республике Карелия. Наиболее активно привлекались документы ГА РФ и архивов Архангельска. Информация также бралась из периодической печати и опубликованных источников личного происхождения (дневники, воспоминания, переписка). Опирался автор и на исследования коллег, в том числе зарубежные. Солидная источниковая база, свободное владение историографией вопроса и отчётливое понимание того, что уже изучено, а что требует дальнейшей разработки, сделали исследование крайне интересным.

Основную часть исследования Голдин начинает с анализа опыта реформ, революций и модернизации на Севере. Регион имел особенности, отличавшие его от других частей России. Например, здесь не было крепостного права, а для выживания местному населению приходилось преодолевать немалые сложности. Здесь долгое время сохранялись крепкие общинные связи, практически отсутствовали антиправительственные выступления. Автор анализирует политическое, социально-экономическое и культурное развитие, рассматривает состав населения, роль национального вопроса, уровень образования жителей. Не ускользнули от его внимания и различные пограничные проблемы. Рассмотрены сложные вопросы освоения Севера, проекты действий в этом направлении, в том числе столыпинская аграрная реформа и её региональная специфика.

Справедливо отмечается, что лишь Первая мировая война дала им-

пульс освоению и развитию этой ранее окраинной территории страны. Голдин показывает заметную роль здесь союзников России по Антанте. Знаковым событием стали строительство Мурманской железной дороги и обустройство Романова-на-Мурмане (будущего Мурманска). В то же время в регионе нарастали социальные противоречия. Сложились предпосылки для революционного взрыва, в условиях роста напряженности и нестабильности недовольство неизбежно должно было выплеснуться наружу.

Подробно анализируются процессы, развернувшиеся в 1917 г. Уже к осени новая центральная власть оказалась предельно ослаблена, а регионы предприняли попытку перераспределения властных полномочий в свою пользу. Не стал исключением и Север.

В книге рассматриваются планы держав Антанты в отношении северных территорий. Думается, это полностью оправдано, поскольку они оказались среди первых регионов нашей страны, столкнувшихся с интервенцией, а значение иностранных воинских контингентов здесь в годы Гражданской войны было определяющим. Возрастанию роли Севера в международных отношениях способствовал и переезд дипломатов стран Антанты в Вологду в связи с германским наступлением на Петроград.

Весной 1918 г. произошли события, считающиеся своего рода прологом Гражданской войны в России. В марте на Мурмане в связи с угрозой вторжения немцев и финнов высадились войска Антанты. Этим событиям посвящена специальная глава монографии. Непосредственно же боевые действия на Севере начались в августе. Детально изложены их предпосылки. Автор подчёркивает крайне сложную обстановку, которая сложилась к тому времени в регионе, детально излагает ход антибольшевистского переворота

в Архангельске. Интересно, что большинство лидеров белых не являлись коренными северянами. Особо отмечаются факты координации действий интервентов и белогвардейцев. При этом с первых дней после захвата власти в лагере противников большевиков выявились противоречия, что стало одной из главных причин их конечной неудачи.

Рассмотрев развитие Русского Севера за первые десятилетия XX в., Голдин пришёл к выводу, что регион был пасынком у руководства страны, а стратегия его развития отсутствовала. Применительно к периоду Гражданской войны справедливо отмечено определяющее влияние иностранного вмешательства на эскалацию внутрироссийского конфликта (хотя интервенция была в первую очередь связана с незавершенностью мировой войны). При этом, по оценке автора, северяне не желали воевать ни за красных, ни за белых, ни, тем более, за интервентов, реализовывавших собственные планы. Присутствие иностранцев позволило большевикам апеллировать к патриотическим чувствам населения, а белые оказались в зависимом, подчинённом положении по отношению к союзникам, что не добавляло им популярности.

Многие вопросы, затронутые в книге, сохраняют актуальность и в наши дни. В частности, Голдин справедливо отмечает, что раскол в стране, ослабление государства создают почву для внешнего вмешательства, в том числе военного.

Разумеется, столь объёмный труд не лишён недостатков и спорных моментов. На мой взгляд, дискуссионной представляется характеристика северного регионализма (с. 4). Вызывает сомнения допустимость обращения в научных трудах к материалам «Википедии», а также к Интернет-сайтам (с. 573, 577, 579). Кроме того, в работе, к сожалению, встречаются опечатки и мелкие неточности (например, аббревиатура «ЦГАИПД СПб» расшифрована как архив историко-партийных документов, а не историко-политических — с. 602; 1900-е гг. несколько раз названы 2000-ми — с. 83, 135).

Однако всё это не снижает значимости исследования, обоснованности его содержания и выводов и, надеемся, будет устранено в последующих томах. На сегодняшний день намеченная трилогия является, пожалуй, наиболее полным исследованием событий и процессов 1917—1922 гг. на Севере Европейской России.

Владимир Пластун

Рец. на: Советская Россия в борьбе за «Афганский коридор» (1919—1925). Сборник документов / Сост. Ю.Н. Тихонов. М.: Квадрига, 2017. 532 с., ил.

Vladimir Plastun

(Institute for the Humanities, Novosibirsk State University, Russia)

Rec. ad op.: Sovetskaya Rossia v bor'be za «Afganskiy koridor» (1919—1925). Sbornik dokumentov. Moscow, 2017

DOI: 10.31857/S086956870004241-6

Рецензируемое издание, посвящённое «индийскому направлению» первых лет советско-афганских отношений, представляет собой сборник документов российских архивов, свидетельствующих о попытках Советской России/СССР и Коминтерна разжечь «пожар мировой революции» на Востоке и одновременно вытеснить из региона британских колонизаторов. Составитель сборника — липецкий востоковед Ю.Н. Тихонов, опубликовавший более 60 исследований по малоизвестным проблемам политики России и западных государств в Афганистане и странах Центральной Азии в первой половине XX в. (попытки великих держав использовать пуштунские (афганские) приграничные племена против Британской Индии; «пуштунская проблема» в международных отношениях в Центральной Азии). В виде документальных приложений к своим книгам Тихонов уже ввёл в научный оборот ряд ценных документов, касающихся истории «Большой игры» и противостояния спецслужб великих держав в Афганистане и Индии накануне и в годы Второй мировой войны¹.

Представленные источники позволяют выявить многие ценные детали, которые предпочитали не освещать в исследованиях советского периода, а в постсоветское время —

долго не могли (и не рисковали) публиковать в должном объёме, особенно по такой специфической тематике, как экспорт революции в восточные страны.

Примечательно, что ранее многие авторы, заявленные в книгах липецкого историка, проблемы рассматривали по-разному, в зависимости от своих политических взглядов до и после перестройки². На этом фоне труд Тихонова выгодно отличается от многих конъюнктурных публикаций: осуществлена действительно титаническая работа по сбору уникальных материалов и читателю предоставлена широкая возможность самому сделать соответствующие выводы.

В предисловии составитель не скрывает личного отношения к «авантюрному курсу советского правительства», но, избегая догматического подхода к его оценке, указывает на внешне- и внутривосточные обстоятельства. Документы свидетельствуют о чрезвычайно сложной ситуации, в которой оказались все «актёры», выступившие в качестве действующих лиц. При этом Советская Россия, Афганистан и Британская Индия преследовали собственные, совсем не совпадавшие цели. Подписание англо-русского соглашения 1907 г. было не концом длительной «Большой игры» в Центральной Азии,

а лишь кратким перемирием между её крупными и мелкими «игроками». После Октябрьского переворота 1917 г. «Большая игра» обострилась и стала ещё сложнее, так как в размеренный и довольно предсказуемый мир тайной дипломатии и хитроумных интриг европейских держав на Востоке прорвалась новая могучая сила, безжалостно ломавшая старый мир и вместе с ним прежние «правила игры», — Советская Россия. Установка большевиков на мировую революцию привела к тому, что глобальная угроза для Британской империи лишь многократно возросла, и над её «жемчужиной» Индией нависла вполне реальная «красная угроза». Стране Советов требовался «коридор» к индийской территории. Разумеется, «афганский плацдарм» являлся наиболее выгодным для подготовки «индийской революции», поэтому главные усилия советского правительства до 1921 г. были направлены на укрепление отношений с Афганистаном, рискнувшим в 1919 г. в одиночку начать и выиграть (!) у Англии третью войну за свою независимость.

Как показывают материалы сборника, «революционные планы» советского руководства на Востоке обсуждались на самом высоком уровне. Личное участие В.И. Ленина и И.В. Сталина в разработке «индо-афганских» комбинаций доказывает, что у британской стороны были весомые основания для беспокойства за свою колониальную империю, особенно Индию (карта Афганистана и района расселения крупнейших пуштунских племён висела в кабинете Ленина не случайно) (с. 131).

Афганское правительство и лично эмир (король) Аманулла-хан, находясь в полной дипломатической изоляции, шли на осознанный риск и использовали все средства для укрепления независимости своей страны. Общий могущественный враг в лице

Англии заставил объединить усилия восточной монархии и Советской республики.

Представленные в сборнике донесения первых советских полпредов в Кабуле Н.З. Бравина и Я.З. Сурица свидетельствуют, что Аманулла пытался превратить Афганистан в региональную державу. У эмира имелись большие планы в отношении не только «пуштунских земель» в составе Британской Индии, но и среднеазиатских ханств и Пенденского оазиса с крепостью Кушка. По этой причине Кабул поддерживал, хотя крайне осторожно и непоследовательно, антисоветское басмаческое движение и антибританские вооружённые восстания пуштунов. Такая политика Аманулла, а не британские интриги, оказалась одним из главных препятствий на пути укрепления советско-афганских связей в первые годы существования дипломатических отношений между Москвой и Кабулом. С одной стороны, Советская Россия не рисковала снабжать афганцев оружием, с другой — не считала возможным выделять значительные материальные ценности без реализации конкретной антибританской программы действий в зоне пуштунских племён.

Сборник содержит ценную информацию о заключении и ратификации первого советско-афганского договора о дружбе 1921 г. Хотя о нём отечественными историками написано немало, но только представленные Тихоновым документы продемонстрировали, что востоковедам и исследователям-международникам ещё предстоит большая кропотливая работа (и не одно открытие) при изучении архивных материалов НКВД РСФСР/СССР.

Трудный процесс выработки условий данного договора составитель показал без идеологической ретуши, которая долгие годы мешала признать очевидный факт: два слабых и бедных

государства, подписавших этот документ, не могли себе позволить такую роскошь, как заключение «военно-политического», «наступательного» союза. Внешне договор 1921 г. стал, прежде всего, большим дипломатическим успехом Амануллы. Он добился от большевиков крупной субсидии, поддержки вооружением, признания территориальной проблемы в двусторонних отношениях. Однако реальная советская помощь Афганистану явно не оправдала надежд эмира-реформатора. Кабулу пришлось ждать поставок вооружения годы, а выплата субсидии в полном объёме советской стороной не производилась. Интересно, что об этом факте читатель узнаёт не из вводной статьи, а из последнего документа сборника, где дана ретроспектива выполнения СССР взятых на себя обязательств (с. 457—458). Одним словом, многострадальный договор 1921 г. по ряду объективных причин был обречён на несоблюдение и Афганистаном, и Советской Россией.

Опубликованные в сборнике донесения сотрудников ташкентского представительства НКВД — убедительная иллюстрация эволюции внешнеполитической концепции советского правительства сразу же после победы Красной армии в Гражданской войне. Дипломатические отношения с Афганистаном предстают в виде общей политики РСФСР по созданию «коридорной системы» на Среднем Востоке и в Центральной Азии (с. 132—166). Надо отдать должное советским лидерам, которые очень быстро отреклись от этой «системы» в отношениях с Ираном и Китаем, но долго не могли отказаться от обустройства «афганского коридора» к Индии.

Советский посол Суриц, выполнявший директивы Москвы, считал своей главной задачей организацию «индийской революции». Её началом должно было стать мощное вооружён-

ное восстание афганских (пуштунских) приграничных племён. Антибританская направленность подобной политики не требует специальных пояснений. Более важным, на мой взгляд, является то, что, разыгрывая «пуштунскую карту», советской дипломатии удалось отвлечь Амануллу от среднеазиатских дел. Мечту эмира о «Великом Афганистане» (с выходом к морю) перевесило его желание поддержать джихад среднеазиатских народов против советской власти.

В сборнике имеется также множество документов, касающихся контактов большевиков с турецкими националистами в Центральной Азии. Факт их кратковременного союза против Британской империи был освещён в постсоветское время³, однако подлинный масштаб использования советским правительством панисламистов в странах Востока начал «прорисовываться» лишь в последние годы. Отправленные в Москву донесения А. Джемаль-паши — военного советника эмира — свидетельствуют, что лидеры младотурок хотели реализовать свои антибританские планы в Азии с помощью Советской России и Афганистана. Фактически речь шла о воплощении «индийского похода», задуманного в Первую мировую войну военным министром Османской империи И. Энвер-пашой. Но тогда «спонсировать» данную авантюру должна была кайзеровская Германия, а в 1920—1921 гг. — РСФСР. Тема использования советским правительством панисламистов в различных регионах Востока является крайне интересной и потенциально продуктивной для исследования международных отношений в Центральной Азии. Публикация Тихоновым новых ценных первоисточников о сотрудничестве Джемаль-паши с большевиками — весомый вклад в разработку указанной проблемы⁴.

Некоторые документы сборника содержат важную информацию о политике Германии в Афганистане. Согласно докладу советского полпреда в Кабуле Л.Н. Старка, немецкие позиции в Азии довольно быстро восстановились после поражения Германской империи в Первой мировой войне (с. 440—453). Лавируя между такими «большими игроками», как Россия/СССР и Великобритания, германские дипломаты задолго до Второй мировой войны (в 1920-х гг.) шаг за шагом усиливали позиции своей страны в Афганистане. Поскольку данная проблема почти не освещена в отечественной историографии, то крайне важным является введение в научный оборот материалов, позволяющих приступить к изучению появления «третьей силы» в Центральной Азии.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о хронологических рамках сборника. Выбор 1925 г. в качестве верхней временной границы можно было бы объяснить чисто техническими причинами — отсутствием в распоряжении составителя документов, относящихся к последним годам правления Амануллы-хана, свержение которого окончательно закрыло для СССР «афганский коридор» к Британской Индии. Однако именно тогда (за несколько лет до свержения эмира) завершился период «кавалерийской атаки» советской политики в Центральной Азии. В новых условиях (включая пуштунский мятеж в Хосте) Сталин и его окружение взяли курс на усиление позиций Советского Союза в Афганистане, перейдя от «коридорной политики» к обустройству «афганского плацдарма»: перевооружению афганской армии, заключению торгового договора, созданию банка с советским участием, строительству

стратегических дорог и т.д. (с. 454—456). Так начался очередной этап политики СССР в «Большой игре» вокруг Афганистана и Индии.

В целом издание освещает широкий круг вопросов, касающихся новейшей истории международных отношений в Центральной Азии и на Среднем Востоке, советской политики в Туркестане и политической ситуации в Афганистане, а также других проблем. Труд Ю.Н. Тихонова значительно расширил источниковую базу для исследования «советской составляющей» «Большой игры» в 1919—1925 гг. Надеюсь, что вслед за этой долгожданной публикацией будут изданы новые сборники первоисточников по рассматриваемой теме.

Примечания

¹ Тихонов Ю. «Афганская война» Абвера. М., 2003; Тихонов Ю. Афганская война Сталина. М., 2008.

² См., например: Персиц М.А. О зарождении индийского коммунистического движения и восточной политике Коминтерна (1918—1921) // Коминтерн и Восток. Критика критики. Против фальсификаций ленинской стратегии и тактики в национально-освободительном движении. М., 1978. С. 95—151; Персиц М.А. Застенчивая интервенция. О советском вторжении в Иран и Бухару в 1920—1921 гг. Изд. 2. М., 1999; и др.

³ Казанджян Р. Большевики и младотурки. Новые документы о российско-турецких отношениях (1920—1922). М., 1996; Гиленсен В.М. Энвер-паша и Джемаль-паша в Советской России // Восток. 1996. № 3. С. 45—63; Панин С.Б. Советская Россия и Афганистан. 1919—1929. М.; Иркутск, 1998.

⁴ В центральных и региональных архивах России хранится массив ещё не исследованных документов, связанных с деятельностью турецких националистов в Русском Туркестане и Афганистане.

Уважаемые читатели журнала «Российская история»!

Как вы уже успели заметить, журнал изменился. И не только внешне. Поменялись некоторые рубрики, его структура. Неизменным остаётся профессиональный, академический характер издания. Сейчас мы создали свой сайт, где можно найти сведения об истории журнала, архив публикаций, выходявших в нём, как бы он ни назывался за свою более чем полувековую историю — и «История СССР», и «Отечественная история», и «Российская история».

Я хочу привлечь ваше внимание к новой рубрике сайта: «*Форум учёных-историков*».

При засилии околоисторической публицистики, псевдопрофессиональных публикаций о далёком и не столь далёком прошлом вынужден констатировать, что для серьёзного обсуждения многих актуальных вопросов собственно исторической науки у нашего ремесла (а историческая наука — это не только знания о прошлом, но и ремесло, способность проделать *всю* совокупность действий — от выявления источников, их критики и анализа до включения полученных новых знаний в понимание истории прошлого) отсутствует площадка — оперативная и доступная для тех, кому важны проблемы современного исторического знания.

Я не умаляю значения публикаций в профессиональных изданиях. Более того, на страницах нашего журнала появилась специальная рубрика «Мнение историка», в которой исследователи, уже завоевавшие себе многолетним трудом уважение в профессиональной среде, высказывают *свою, личную* точку зрения по важнейшим вопросам прошлого, где сталкиваются различные мнения. Мы стараемся выдерживать *оценочный* подход при рецензировании книг, отказываясь от отзывов в форме пересказа содержания прочитанной книги.

Вместе с тем в журнальном деле в его традиционном варианте есть несколько неизбежных ограничителей. Во-первых, шесть номеров фиксированного объёма в год всегда ставят редакцию перед сложным выбором при отборе статей для публикации. Во-вторых, сам цикл подготовки журнала занимает несколько месяцев. В-третьих, ориентация на *проблемный характер* каждого номера, полезная сама по себе, отсекает обсуждения, порождённые дискуссионными статьями в прежних выпусках.

Для того чтобы спорить, обсуждать, сталкивать различные подходы к анализу нашей истории, мы и создали на сайте настоящую рубрику. Здесь мы будем публиковать все оценки, мнения, замечания и предложения наших коллег. Вместе с тем редакция берёт на себя ответственность игнорировать околоисторический мусор, хамство, недостойное и неприличное для академического издания. Направляйте ваши тексты по адресу редакции — otech_ist@mail.ru

Думаю, появление «*Форума учёных-историков*» станет полезным для отечественной исторической науки

Главный редактор
Р.Г. Пихоя

Наши авторы

Артюшенко Мария Вячеславовна, учитель истории школы № 1799

Батченко Виктория Сергеевна, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института российской истории РАН

Башнин Никита Викторович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, доцент Санкт-Петербургского государственного академического института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина

Беляков Андрей Васильевич, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

Белякова Надежда Алексеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, доцент кафедры гуманитарных наук Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовского университета)

Боровик Юлия Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории археографических исследований исторического факультета Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

Вандалковская Маргарита Георгиевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Всеволодов Антон Владимирович, кандидат исторических наук, научный сотрудник кафедры связей с общественностью, журналистики и рекламы Череповецкого государственного университета

Гагкуев Руслан Григорьевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Ганин Андрей Владиславович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

Голиков Андрей Георгиевич, доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Кашеваров Анатолий Николаевич, доктор исторических наук, профессор высшей школы общественных наук Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого и кафедры истории журналистики Санкт-Петербургского государственного университета

Колоницкий Борис Иванович, доктор исторических наук, профессор факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН

Кострюков Андрей Александрович, доктор исторических наук, кандидат богословия, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского отдела новейшей истории РПЦ Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета

Крестьянников Евгений Адольфович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и заведующий Лабораторией исторической и экологической антропологии Тюменского государственного университета

Круглова Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Леонов Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор Московского педагогического государственного университета

Морохин Алексей Владимирович, кандидат исторических наук, доцент Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, научный сотрудник Института российской истории РАН

Пластун Владимир Никитович, доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения Гуманитарного института Новосибирского государственного университета

Поткина Ирина Викторовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Пшеницын Дмитрий Александрович, историк-архивист, руководитель отдела генеалогических исследований Культурно-исторического центра «Свѣточъ» (Вологда)

Сахаров Андрей Николаевич, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, советник РАН

Сергеев Евгений Юрьевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор Российского государственного гуманитарного университета

Сидорова Любовь Алексеевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Черкасова Марина Сергеевна, доктор исторических наук, профессор кафедры теории, истории культуры и этнологии Вологодского государственного университета

Чжан Юйсинь, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института мировой экономики и политики Китайской Академии общественных наук (Пекин)

Швейковская Елена Николаевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

Шелобаев Валентин Валентинович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

СОДЕРЖАНИЕ

Мнение историка

Б.И. Колоницкий. От мировой войны к гражданским войнам (1917? — 1922?)	3
<i>С.В. Леонов: Гражданская война в России: сущность, периодизация, особенности</i>	24
<i>Р.Г. Гагжув: Гражданская война. Конфликт без хронологии?</i>	37

Гражданская война и интервенция на окраинах России

<i>Е.Ю. Сергеев</i> Британия и начало интервенции в России в первой половине 1918 г.	43
<i>Р.Г. Гагжув, Ю. Чжан</i> Китайские добровольцы в Гражданской войне в России: между красными и белыми	60

Народы и пространства

<i>А.В. Беляков</i> Историческая география Мещеры XIV—XVII вв.	72
---	----

Историк и источник

<i>Д.А. Пиеницын, М.С. Черкасова</i> О предыстории метрического учёта в России (XVII — первая половина XVIII в.)	86
---	----

Профессия и сообщество

И.Д. Ковальченко — учёный и организатор исторической науки	103
<i>А.Г. Голиков: Университетский учёный</i>	103
<i>Т.А. Круглова: Архив академика</i>	108
<i>А.Н. Сахаров: Человек старой системы взглядов и новые горизонты исторической науки</i>	109
<i>М.Г. Вандалковская: Во главе научного совета</i>	112
<i>В.В. Шелохаев: Встречи с И.Д. Ковальченко</i>	114
<i>Л.А. Сидорова: В русле мировых тенденций</i>	116
<i>И.В. Поткина: Школа мастерства</i>	117
<i>Е.Н. Швейковская</i> Некоторые размышления по поводу шестидесятилетия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы	119

Институты и общности

<i>Н.В. Башнин</i> «Сшел в Сибирь»: миграция населения яренской вотчины Вологодского архиерейского дома в XVII в.	127
<i>А.В. Всеволодов</i> Земля в представлениях и жизнеустройстве сельского приходского духовенства Вологодской епархии в 1860—1870-х гг.	146

235

<i>М.В. Артюшенко</i> Братская библиотека Донского монастыря в конце XIX — начале XX в.	161
<i>А.Н. Кашиеваров</i> Поместный собор 1917—1918 гг. и отношение православной Церкви к советской власти и её религиозной политике	179
<i>В.С. Батченко</i> Всероссийские и всесоюзные съезды духовных христиан-молокан в 1921—1929 гг.	191
<i>А.А. Кострюков</i> Подготовка Московского совещания глав и представителей поместных православных церквей 1948 г.	197
<i>Н.А. Белякова</i> Советские по стилю, религиозные по содержанию. Письма верующих во власть в период позднего социализма	207

Обзоры и рецензии

<i>А.В. Морохин</i> — Н.В. Рыбалко, Е.Г. Дмитриева. Соликамский архив: реконструкция и источниковедческий анализ (1605—1608 годы)	215
<i>Е.А. Крестьянников</i> — В.А. Воропанов. Суд и правосудие в провинции Российского государства в XVI — первой половине XVIII в. (на примере областей Поволжья, Урала и Западной Сибири)	218
<i>Ю.В. Боровик</i> — Сибирские староверы: вне государственной поддержки и опеки	221
<i>А.В. Ганин</i> — Фундаментальный труд о Гражданской войне на Севере	225
<i>В.Н. Пластун</i> — Советская Россия в борьбе за «Афганский коридор» (1919—1925). Сборник документов	228
Обращение главного редактора	232
Наши авторы	233

CONTENTS

The historian's opinion

B.I. Kolonitskii (European University at Saint Petersburg; Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences). From the First World War to Civil Wars (1917? — 1922?)	3
<i>S.V. Leonov (Moscow Pedagogical State University, Russia): Civil war in Russia: essence, periodization, eatures</i>	24
<i>R.G. Gagkuev (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): Civil war. Conflict without chronology?</i>	37

Civil war and intervention on the outskirts of Russia

<i>E.Yu. Sergeev (Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> Britain and the Opening of Intervention in Russia in the First Half of 1918	43
<i>R.G. Gagkuev (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow), Yu. Chzhan (Institute of World Economy and Politics, Chinese Academy of Social Sciences, Beijing),</i> Chinese Volunteers in the Russian Civil War: between the Reds and the Whites	60

Peoples and spaces

<i>A.V. Belyakov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> Historical geography of Meshchera of the 14 th —17 th centuries	72
---	----

Source studies

<i>D.A. Pshenizin (Vologda genealogical society, Russia), M.S. Cherkasova (Vologda State University, Russia)</i> The background metric accounting in Russia (XVII — the first half of the 18 th century)	86
--	----

Professional community

I.D. Kovalchenko — scientist and organizer of historical science	103
<i>A.G. Golikov (Lomonosov Moscow State University, Russia): University scientist</i>	103
<i>T.A. Kruglova (Lomonosov Moscow State University, Russia): Academician's archive</i>	108
<i>A.N. Sakharov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow):</i> <i>The man of the old system of views and new horizons of historical science</i>	109
<i>M.G. Vandalkovskaya (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow):</i> <i>At the head of the scientific council</i>	112
<i>V.V. Shelokhaev (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow):</i> <i>Meetings with I.D. Kovalchenko</i>	114
<i>L.A. Sidorova (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): In line with global trends</i>	116
<i>I.V. Potkina (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): School of Excellence</i>	117
<i>E.N. Shveikovskaya (Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i> Some reflections on the sixtieth anniversary of the Symposium on the agricultural history of Eastern Europe	119

Institutes and communities

- N.V. Bashnin (Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences; I.E. Repin Saint Petersburg State Academic Institute of Painting, Sculpture and Architecture)*
«Came down in Siberia»: the migration of the population of Yarensky patrimony of the Vologda Archbishop's house in the 17th century 127
- A.V. Vsevolodov (Cherepovets State University, Russia)*
Land in the views and life arrangement of the rural parish clergy of the Vologda diocese in the 1860—1870s 146
- M.V. Artiushenko (Moscow, Russia)*
The fraternal library of the Donskoy Monastery in the late XIX — early XX centuries . . . 161
- A.N. Kashevarov (Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Russia)*
Local Council of 1917—1918 and the attitude of the Orthodox Church to the Soviet government and its religious policy 179
- V.S. Batchenko (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)*
Congresses of Christians-Molokans, 1921—1929 191
- A.A. Kostryukov (Saint Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia)*
The preparation of Moscow Conference of heads and representatives of Local Orthodox Churches in 1948 197
- N.A. Beliakova (Institute of World History, Russian Academy of Science, Moscow; Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University), Russia)*
Soviet in style, religious in contents. Letters from believers to authorities during the late Socialism 207

Reviews

- A.V. Morokhin (Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia)*
Rec. ad op.: N.V. Rybalko, E.G. Dmitrieva. Solikamskiy arkhiv: rekonstruktsiia i istochnikovedcheskiy analiz (1605—1608 gody) 215
- E.A. Krestyannikov (Tyumen State University, Russia)*
Rec. ad op.: V.A. Voropanov. Sud i pravosudie v provintsii Rossiiskogo gosudarstva v XVI — pervoi polovine XVIII v. (na primere oblastei Povolzh'ia, Urala i Zapadnoi Sibiri) 218
- Yu.V. Borovik (Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia)*
Siberian Old Believers: outside state support and custody 221
- A.V. Ganin (Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow)*
Fundamental work on the Russian Civil War in the North 225
- V.N. Plastun (Institute for the Humanities, Novosibirsk State University, Russia)*
Rec. ad op.: Sovetskaya Rossiya v bor'be za «Afganskiy koridor» (1919—1925). Sbornik dokumentov 228
- From the Editor 232
- Contributors to this issue 233

РЕДАКЦИЯ

Добычина Е.В., к.и.н.

Круглов В.Н., к.и.н. — Отдел Новейшей истории

Мамонов А.В., к.и.н. — Отдел Новой истории

Лисейцев Д.В., д.и.н. — Отдел Древней и Средневековой истории

Мамонова Е.В. — Заведующая редакцией

Шамина И.Н., к.и.н. — Литературный редактор

Мац А.Г. — Младший редактор

ООО «НИПИИ ЭТ «ЭНЕРГОТРАНСПРОЕКТ» работает на рынке России и СНГ уже более 10 лет. Компания зародилась во время активного развития в стране строительной сферы и сопутствующих ей отраслей. Основное направление деятельности — это инженеринговые услуги для организаций, работающих в энергетической, нефтегазовой, транспортной отраслях и социальной инфраструктуре. Отдельным направлением являются археологические исследования, которые в последние годы заняли важное место среди видов деятельности компании.

Помимо основной деятельности компания реализует культурные проекты, а также спонсирует археологические исследования и изучение памятников, имеющих большое историческое и культурное значение.

Редакция принимает к рассмотрению рукописи объемом не более 1.5 авторских листов в электронном виде (шрифт «Таймс», кегль 14, интервал 1.5). Обязательно указываются фамилия, имя, отчество, место работы (учёбы) и должность, учёная степень, учёное звание, почтовый и электронный (обязательно) адреса, номера контактных телефонов.

Редакцией не рассматриваются статьи, ранее опубликованные или размещённые в Интернете.

Плата за публикацию не взимается. Все материалы, поступающие в редакцию, проходят обязательную научную экспертизу. Рецензии членов редакционной коллегии автору не высылаются, рукописи не возвращаются.

Редакция оставляет за собой право осуществлять научное и литературное редактирование поступающих материалов.

Мнения, выраженные в статьях, отражают личные взгляды авторов и не обязательно совпадают с точкой зрения редколлегии и редакции журнала.

Верстка: А. В. Тутынина, Б. В. Яблоков

Подписано в печать 11.02.2019 г. Формат 70x100 1/16 Усл. печ. л. 25.2

Тираж 700 экз., включая 5 экз. бесплатно Заказ 17/1а Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт российской истории РАН

Издатель: Российская академия наук

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-199-18

ООО «Интеграция: Образование и Наука»

117418, Нахимовский просп., 47

Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»